

ГАННИБАЛ

Серж
Лансель

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серж Лансель

ГАННИБАЛ

ХЗЛ

Annotation

Книга Сержа Лансея посвящена Ганнибалу (247–183 гг. до н. э.), величайшему полководцу и незаурядной личности. Автор считает своего героя «фигурой даже более значительной, чем Александр Македонский», человеком «всемирного масштаба». Книга содержит все возможные, добытые историками, археологами, литераторами, биографические факты. События ее разворачиваются в ойкумене всего цивилизованного мира третьего века до Рождества Христова. Судьба бросала Ганнибала от Северной Африки в Испанию, через Пиренеи в Галлию, через Альпы — в Италию, через Средиземноморье, по волнам и островам — в Финикию, Малую Азию, Армению и на берега Босфора. Во множестве реалий автором описан ход прославленных битв и течение редких моментов мирной жизни героя. Помимо Ганнибала, военачальника, флотоводца и градостроителя, на страницах книги сквозь гущу событий пробиваются такие герои античного мира, как Гамилькар, Гасдрубал, Сципион Африканский, Архимед, Антиох, Филипп Македонский и другие.

Научно-панорамный взгляд автора подкреплен достоверными сведениями, снимающими мифологически-фольклорный налет с образа Ганнибала, и тщательно подобранным иллюстративным материалом.

-
- [Оглавление](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава I. Гамилькар Барка](#)

-
- [Утрата Сицилии и возвышение Гамилькара Барки](#)
- [Гамилькар Барка и род Баркидов](#)
- [Война с наемниками](#)
- [«Беспощадная» война и восстание африканцев](#)
- [Победа Гамилькара при Макаре](#)
- [Отстранение Ганнона](#)
- [Ущелье Пилы](#)
- [Развязка](#)
- [Утрата Сардинии](#)
- [Глава II. Испанский период](#)
 -
 - [Карфаген в 237 году. Отъезд Гамилькара в Испанию](#)
 - [Иберийский мир в эллинистическую эпоху](#)
 - [Гамилькар в Испании](#)
 - [От Кадиса до Аликанте](#)
 - [Гасдрубал Красивый](#)
 - [Ганнибал](#)
 - [Испанская кампания Ганнибала](#)
 - [Сагунт](#)
 - [Объявление войны](#)
 - [Последние распоряжения Ганнибала в Испании](#)
- [Глава III. От Нового Карфагена до долины По](#)
 -
 - [План Ганнибала и расстановка сил](#)
 - [Пунийская армия покидает Новый Карфаген](#)
 - [Слоны Ганнибала](#)
 - [По ту сторону Эбро](#)
 - [Переправа через Рону](#)
 - [Переход через Альпы](#)
 - [Долиной Роны — к предгорьям Альп](#)
 - [Штурм больших Альп](#)

- Глава IV. Молниеносная война: от Требии до Канн
 -
 - Первое столкновение близ Тицина (ноябрь 218 года).
 - Битва при Требии (конец декабря 218 года).
 - Зимовка в Цизальпинской Галлии (январь-апрель 217 года). Начало определения италийской политики
 - Между Эмилией и Тосканой (весна 217 года).
 - Тразименское озеро (21 июня 217 года).
 - Лето на Адриатике
 - Кв. Фабий Максим, «Медлитель»
 - За пределами Италии
 - Канны (2 августа 216 года).
- Глава V. Топтание на месте
 -
 - В карфагенском сенате
 - Капуя
 - Великие надежды 215 года
 - Между Капуей и Тарентом (осень 215 года-осень 214 года).
 - Начало политических и экономических преобразований в Риме
 - Осада Сиракуз: Архимед против Марцелла (214-212 годы).
 - От взятия Тарента до сдачи Капуи (212-211 годы).
 - Под стенами Рима
- Глава VI. Поражение
 -
 - Военные действия в Испании до гибели П. и Гн. Сципионов (216-211 годы).
 - Назначение молодого Сципиона на должность командующего испанской армией
 - Взятие нового Карфагена (210 год)_[95]

- От победы Сципиона при Бекуле до прибытия Гасдрубала Барки в Италию (209 год — начало 207 года).
- Смерть Марцелла (лето 208 года).
- Битва при Метавре (лето 207 года), или конец иллюзиям
- Окончание испанской войны
- Мыс Лациний
- Глава VII. Зама
 -
 - Под пристальным взором нумидийских царей
 - Консулат Сципиона (205 год).
 - Высадка в Африке
 - Битва на великих равнинах
 - Софонисба
 - Возвращение Ганнибала в Африку.
 - Битва при Заме
 - Мирный договор 201 года. Смех Ганнибала
 - Ганнибал на посту суффета
 - Исторический парадокс. Почему в экономике Карфагена после поражения в войне наступил расцвет?
- Глава VIII. Изгнание
 -
 - Рим вступает в войну против Филиппа
 - Фламинин и «Свобода Греции»
 - Политика Антиоха и отъезд Ганнибала в ссылку.
 - Ганнибал при дворе Антиоха в годы «холодной войны» с Римом (195-192 годы).
 - Горькое поражение Антиоха (192-189 годы).
 - Война в Эгейском море и в Азии. Ганнибал руководит морским сражением
 - Между историей и легендой. Последние годы жизни Ганнибала
 - Don ec bithynio libeat vigilare tyranno [136]

- [Глава IX. Наследие, легенда и образ](#)
 -
 - [«Наследие» Ганнибала](#)
 - [Легенда и образ](#)
 - [Ганнибал и современность](#)
- [Основные даты жизни Ганнибала](#)
- [Краткая библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)

- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)

- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

Оглавление

Лансель Серж Ганнибал

***Жизнь замечательных людей: Серия биографий.
Вып. 1021(821)***

***Основана в 1890 году Ф. Павленковым и
продолжена в 1933 году М. Горьким***

Предисловие

Рубеж III–II веков до н. э. был одним из переломных моментов в истории Европы. На тропе, по которой движется человечество, встречаются обрывы, резкие повороты и развилки. Эти-то поворотные точки и определяют дальнейшую историю на много веков вперед. Таким поворотным моментом были греко-персидские войны V века до н. э. — великое столкновение Востока и Запада, когда гигантская Персидская деспотия едва не задавила юную Элладу, где рождались совершенно новый, невиданный строй, совершенно новая блистательная культура и совершенно новый взгляд на человека. Такой поворотной точкой был тот момент, когда Константин решил принять новую веру — христианство. Такой поворотной точкой было время Пунических войн, то есть страшной, не на жизнь, а на смерть, борьбы между Римом и Карфагеном, продолжавшейся более ста лет. Борьба эта, по выражению современников, должна была решить, Рим или Карфаген будут диктовать законы вселенной. Между тем взгляды римлян и карфагенян на законы, государство, человеческую жизнь, божество, на добро и зло были не просто разными, а зачастую прямо противоположными. Вот почему победа той или другой стороны должна была определить судьбы европейского человечества на много столетий вперед.

Карфаген, город на севере Африки, был основан в конце IX века до н. э. финикийцами. К III веку до н. э. Карфаген стал мощной и грозной державой. Он владел северо-восточной Африкой — по словам Страбона, пунийцы подчинили себе 300 городов (XVII, 7, 15), — Сардинией, почти всей Сицилией, а Гамилькар Барка завоевал золотоносную Испанию, это Эльдorado

Древнего мира. Карфаген был исполинским по тем временам городом. Он насчитывал 700 тысяч жителей (Strab., *ibid.*). Для сравнения скажу, что в Риме накануне войны с Ганнибалом жило около 270 тысяч человек. Богатства Карфагена были поистине сказочными, знать буквально купалась в золоте. Главным источником этого богатства была торговля, в основном транзитная. На своих быстрых кораблях карфагеняне развозили в далекие земли греческие, египетские и этрусские товары. Еще они занимались пиратством и работорговлей, за что и имели в древности недобрую славу. Третьим источником дохода была огромная дань, которой Карфаген обложил подвластные народы. По свидетельству Полибия, ливийцы отдавали им половину своего урожая.

Пунийцы, по словам Аристотеля, принадлежали к тем немногим варварам, у которых не было царской власти. Карфаген был республикой, но республикой купеческой, наподобие Венеции. Там была плутократия, то есть власть богатства. Всем правил Совет, состоявший из богатейших людей. Во времена Полибия места в Совете открыто продавались (Polyb., VI, 56, 2-3). «Для карфагенян нет постыдной прибыли... У карфагенян для получения должности открыто дают взятки, у римлян это самое наказуется смертью» (*ibid.*). Кроме того, было народное собрание. В чем заключались его полномочия, из дошедших до нас источников не совсем ясно. Но известно, что к III веку оно приобрело большую власть. Собрания проходили бурно — часто они кончались тем, что неугодного политика разрывали на куски. Совет также раздираем был взаимными распрями — знатные семьи ненавидели друг друга, и ненависть эта передавалась по наследству.

Очень интересной и необычной была армия в Карфагене. Граждане не сражались в войске, как было

в Греции и Риме. Солдаты покупались. В Карфагене сражались одни только наемники. Жизнь на Востоке ценилась дешево — и вот в короткий срок, потратив буквально гроши, пунийцы снаряжали огромные армии из негров, ливийцев, балеров, галлов. Часто бывало, что противник их буквально истекал кровью. А карфагеняне не несли никаких потерь. Они считали, что в этом великая сила их государства. Но в этом же была и его великая слабость. По словам Полибия, римляне все свои надежды возлагали всегда на самих себя, карфагеняне же — на наемников. Но, защищая свою родину, честь и семью, римляне никогда не могут охладеть к борьбе, наемники же будут сражаться только пока это выгодно (Polyb., VI, 52, 2-7). Военные кампании карфагенян порой напоминали торговые операции: они воевали, пока члены Совета не находили, что средств на войну затрачено чересчур много. Тогда они временно прекращали военные действия.

Внутренняя жизнь этого великого города окутана непроницаемой тьмой. Пунийцы не занимались науками и искусствами, греков же, которые описали жизнь всего Средиземноморья, они не любили и старались не допускать в свой город. Недоверие их к эллинам дошло до того, что в IV веке официально было запрещено учить греческий язык (Just., XX, 5, 12-13). Но нам, к счастью, известна одна, пожалуй, самая яркая часть их культуры — их религия. Она поразила соседние народы и они оставили подробные ее описания. Боги финикийцев отличались большой свирепостью и требовали человеческих жертв. Ежегодно в жертву Баалу-Хаммону сжигали человека, ему отдавали самых красивых пленных (Plin. N. H., XXXVI, 39; Diod., XX, 65, 1). Но всего этого было мало — божество требовало самой страшной жертвы. Каждая семья (реально каждая знатная семья) должна была отдать богу первенца, младенца мужского пола. Детей сжигали заживо в

медной статуе Баала. «Карфагеняне приносили в жертву сто детей, публично выбранных из числа первой знати... У них есть медная статуя Кронаса (так греки звали Баала-Хаммона. — *Т. Б*); она протягивает свои полые руки, наклоненные к земле таким образом, что помещенный на них ребенок скатывается и летит в чрево, полное огня» (Diod., XX, 14, 4; ср. Schol. Plat. R.P., I, 337; Suid. Sardanius gelos; Sil. It., IV, 768).

Этот кровавый обычай уже исчез в Тире, карфагенской метрополии. Но пунийцы фанатически за него держались. Когда они сделались подданными Рима, римляне строжайше запретили им человеческие жертвы, которые они называли чудовищными злодеяниями (Just., XVIII, 6-7). Но даже тогда карфагеняне тайно продолжали сжигать детей.

С давних пор пунийцы мечтали о мировом господстве. «Карфагену пришлось взять на себя руководство в вековой борьбе семитического элемента с арийским, — пишет великий русский востоковед Б. А. Тураев. — История его есть история этой борьбы, распадающейся на два периода: греческий (до III в. до н. э.), из которого Карфаген вышел победителем, и римский, окончившийся его гибелью»^[1]. Ареной греческого этапа борьбы была Сицилия, плодородный и богатый остров, где издавна столкнулись финикийские и греческие колонисты. В то самое время как персы напали на материковую Грецию, с другой стороны, с запада, на греческий мир обрушились карфагеняне. Предание говорит, что и там, и здесь решительное сражение разыгралось одновременно, даже в один и тот же день, и окончилось одинаково: и при Саламине, и при Гимере Сицилийской варвары потерпели страшное поражение. Геродот считал, что финикийцы разбиты окончательно. Но он ошибся. Через 70 лет борьбу возобновили карфагеняне. В 409 году они

высадились в Сицилии и осадили Селинунт. После непродолжительного сопротивления город пал. Карфагеняне ворвались и перерезали поголовно всех жителей, около 16 000 человек, не щадя ни возраста, ни пола. Со страшной быстротой они двинулись дальше. Пунийцы были уже у Гимеры, когда на выручку подоспел маленький отряд из Сиракуз. Было ясно, что горстка смельчаков не сможет противостоять огромным полчищам варваров. Они попытались лишь перевести население в безопасное место. Но и это не удалось: часть жителей не успела эвакуироваться. Они были убиты или захвачены в плен. Пленников, числом 3000, принесли в жертву духу полководца Гамилькара. Город был сравнен с землей, место, где он стоял, превращено в пустыню.

Так началась эта борьба, продолжившаяся 160 лет. Сицилийские тираны Дионисий и Агафокл всю жизнь отдали борьбе с Карфагеном. Агафокл даже высадился в Африке. Но все было напрасно. Пунийцы захватывали у них земли, кусок за куском. К 70-м годам III века до н. э. Карфаген безраздельно господствовал на Западе. Иноземные корабли, вступившие без его ведома в сицилийские воды, карфагеняне топили, опасаясь торговой конкуренции. По словам Полибия, весь остров уже был в их власти, оставались одни Сиракузы. И в 264 году до н. э. карфагеняне решили наконец овладеть столицей. Но тут в дело вмешался новый народ, римляне.

Когда союзники римлян в Сицилии попросили их помощи в борьбе с пунийцами, сенаторы долго колебались. Они, разумеется, очень хорошо сознавали, как могуч и страшен Карфаген. Но они, по свидетельству Полибия, ясно поняли и другое: Карфаген стал владыкой всего Запада, он постепенно окружает Италию кольцом; еще немного, и Рим ждет судьба Сицилии (I, 10, 6–9). Однако Рим в то время еще

не был великой империей. Он был первой среди италийских общин. Казалось, что ему не под силу тягаться с грозным Карфагеном. И сенат не решился на войну с пунийцами.

Но народ оказался смелее: он заявил, что хочет воевать с карфагенянами. Жребий был брошен. Двадцать четыре года без отдыха и без перерыва боролись римляне и карфагеняне на суше и на море. Наконец пунийцы были разбиты. Их вождь Гамилькар Барка попросил мира. Но прошло всего двадцать три года, и Ганнибал, сын Гамилькара, вторгся с армией в Италию. Теперь речь шла уже о самом существовании Рима.

Итак, тогда решались судьбы Европы на века. Если же мы вспомним, что это великое время породило и поистине великих людей, чьи образы стоят перед нами словно исполинские статуи и до сих пор вызывают восхищение или ненависть; что события развивались с такой драматической стремительностью, которой мог бы позавидовать автор самых увлекательных исторических романов, мы поймем, почему человечество все вновь и вновь обращается к этой эпохе. Прибавлю, что описал ее один из самых замечательных историков, Полибий. Причем писал он по свежим следам, расспрашивая очевидцев — карфагенян, римлян, греков и испанцев, — так что, читая его, чувствуешь дыхание того времени.

Особое внимание всегда привлекал пунийский полководец Ганнибал, которого Полибий называет «единственным виновником, душой всего, что претерпели и испытали обе стороны, римляне и карфагеняне» (IX, 22, 1-6). Все в нем вызывало восхищение потомков. Прежде всего он был несомненно один из величайших полководцев, а великими полководцами всегда восторгаются. Далее. Он обладал железной волей и необычайной целеустремленностью.

Ничто не могло остановить его или изменить его планы. Он шел напролом через горы трупов и горящие города. А такие натуры всегда вызывают интерес. Затем особый романтический ореол придает ему само его поражение. Ведь недаром поэты любили воспевать Наполеона на Св. Елене, а вовсе не в зените славы. Наконец, действует какая-то историческая аберрация. Многие думают, что знаменитый полководец восстал против колоссальной Римской империи и долгие годы один на один боролся с этим Левиафаном, пока не пал в неравной борьбе. А между тем Рим тогда во многом уступал богатой и могущественной карфагенской державе.

Вот почему в глазах потомков Ганнибал затмил своего великого победителя Сципиона Африканского, человека гораздо более сложного, тонкого, загадочного, которого современники считали собеседником богов и сравнивали с упавшей с неба звездой. Это отношение между Ганнибалом и Сципионом с тонким юмором описал Лукиан, греческий писатель II века н. э. Он рисует такую фантастическую картину. Дух Александра Македонского собирается воссесть в Подземном царстве на трон, предназначенный для лучшего полководца. Внезапно путь ему преграждает чья-то тень. Это дух Ганнибала Африканца. Он дерзко утверждает, что много выше Александра. Все в смущении. Судья мертвых не знает, что предпринять. И тут к ним приближается кто-то третий. «Кто ты, любезный?» — удивленно спрашивает судья. «Италиец Сципион, покоривший карфагенян и победивший ливийцев в великих битвах, — следует спокойный ответ. — Я ниже Александра, но выше Ганнибала, которого победил, преследовал и заставил позорно бежать». И тогда убежденный судья дает первое место Александру, второе — Сципиону, третье — Ганнибалу («Разговоры в царстве мертвых»), Будучи

прекрасным художником, Лукиан уловил и общественное настроение, и даже характер своих героев. Ганнибал громогласно требует себе первенства, а Сципион стоит в стороне и вмешивается лишь для того, чтобы защитить Александра. Такими они и остались в памяти потомков.

Апофеоз Ганнибала начался уже в античности. Причем, как ни странно, в Риме. Греки и римляне не имели обыкновения чернить своих врагов и клеветать на них на страницах истории. Гомер нарисовал троянцев не менее привлекательными, чем ахейцев. Эсхил глубоко сострадал павшим персам. Римляне не жалели красок, чтобы превознести своего врага Пирра. Они рисуют этого авантюриста настоящим рыцарем — великодушным, гуманным, благородным. Так случилось и с Ганнибалом. Цицерон с гордостью пишет: «Сограждане изгнали его, а у нас, мы видим, он, враг наш, прославлен в писаниях и памяти» (*Cic. Sest.*, 142). Правда, о гуманности, благородстве и великодушии его не говорили. Зато превозносили его необычайный ум, силу духа, энергию, таланты.

В новое время слава Ганнибала еще возросла. Наполеон советует всем полководцам взять за образец Ганнибала^[2]. Немецкий теоретик военного искусства Фон Шлиффен не находит ему равного в истории. Вот этому-то легендарному герою и посвящена предлагаемая читателям книга. Автор ее, Серж Лансель, член Французской школы в Риме, профессор Гренобльского университета, специалист по истории Северной Африки. Много лет он руководил раскопками в Алжире и Тунисе. Он участвовал также в раскопках самого Карфагена. Надо сказать, что у нас почти нет литературы, посвященной этому яркому времени. На русском языке существует всего три книги — Н. Н. Трухиной^[3]; И. Ш. Шифмана^[4] и моя^[5]. Поэтому выход в

свет работы С. Лансея представляет собой очень радостное событие.

Итак, у нас есть сейчас две книги, посвященные Ганнибалу. При этом книги совершенно разные, и читателю будет очень любопытно сравнить их. Шифман — историк и специалист по семитическим языкам. Стиль его академичен и зачастую несколько труден для широкой публики. Лансель же — археолог, и это придает его книге особое своеобразие. Он всегда больше доверяет не письменным источникам, а тому, что выкопано из земли. Каждый, кто пишет о Ганнибале, начинает свой рассказ с описания Иберии, ибо детство карфагенского героя прошло в этой суровой и дикой стране. Обычно историки поступают следующим образом. Они приводят так называемые этнографические экскурсы, то есть описания быта и нравов иберов, принадлежащие перу античных путешественников. А Лансель вместо этого подробно рассказывает об археологических находках, сделанных в испанских городах. И это иногда совершенно меняет наше представление о тогдашней Иберии. Точно так же, желая определить границы пунийских владений в Испании, он привлекает не свидетельства древних историков, а данные раскопок. Оказывается, например, что во второй половине III века до н. э. испанские рудники были реорганизованы. Лансель делает вывод, что эта реконструкция связана с тем, что рудники попали в другие руки, именно в руки пунийцев. Это блестящий пример использования археологических данных в истории! Очень убедительны и очень интересны также соображения автора о том, что после битвы при Заме Карфаген благоденствовал и жил много лучше, чем его беспокойный победитель.

Особый интерес проявляет Лансель к топографии. Он прослеживает все передвижения своего героя буквально шаг за шагом. Выясняет, где находятся все

места и местечки, через которые проходил пуниец, где он форсировал Рону, где спустился с Альп, где происходили все его знаменитые битвы с римлянами. Все это выяснено с точностью до метра.

И стиль Лансея также резко отличается от того, к которому мы привыкли. Он пишет просто, легко и, я бы сказала, бойко. Он всячески стремится приблизить к нам события того далекого времени и сделать их более понятными современному человеку. Поэтому на страницах его книги читатель найдет и античный милитаризм, и национализм, и даже «холодную войну»! Часто рассказ буквально захватывает нас. Когда автор описывает битву при Требии, мы прямо видим и эту ледяную реку, и заросли, где скрывались пунийцы, и солдат Ганнибала, греющихся у костра. Или, например, все мы знаем, что тело консула Фламиния не могли найти после боя. А Лансель пишет, что, вероятно, это произошло потому, что его убийца, родом галл, отрубил ему голову и как победный трофей доставил домой. Какая яркая подробность!

Но самой главной особенностью книги Лансея является глубокая восторженная любовь к своему герою. Эта черта мне лично особенно импонирует. Эта любовь заставляет его смело вступить в бой со всей античной традицией. Дело в том, что античные историки столь же восхищались умом и талантами пунийца, сколь ужасались его жестокости, коварству и алчности. Эти обвинения, как лейтмотив, проходят по всей литературе древности. Вот против этой-то традиции и выступает автор. Не всегда при этом он строго объективен. Напротив. Он горяч и пристрастен. Представляя впервые своего героя читателю, Лансель приводит знаменитую характеристику Ливия, который рисует Ганнибала существом, в котором гений сочетался со злодейством (*Liv., XXI, 4*). Автор отвергает его сообщения. Действительно, Ливий здесь выступает

скорее как ритор, чем как историк. Ливию нельзя верить, говорит Лансель. И он противопоставляет римскому автору Полибий. Полибий, по его словам, дает совершенно объективную и достоверную характеристику Ганнибала, притом характеристику не только благоприятную, но прямо восторженную. Мы, разумеется, ожидаем, что автор сейчас эту характеристику приведет. Но напрасно. Ее нет [6].

Между тем Полибий пишет, что «очень трудно заключить о характере Ганнибала из поведения его в Италии». Он действительно совершил много ужасных поступков, но на него часто действовали внешние обстоятельства и советы друзей. Так, один из них, славившийся особой жестокостью, посоветовал ему самому и воинам привыкнуть питаться человеческим мясом. Ганнибалу это предложение очень понравилось, но как он ни старался, все-таки не смог привыкнуть к человечине. «Говорят, по мысли этого человека совершены все те жестокости в Италии, в которых обвиняют Ганнибала». Далее. «Говорят также, что Ганнибал был чрезмерно корыстолюбив и был в дружбе с корыстолюбивым Магоном... Сведения эти я получил от самих карфагенян... С большими еще подробностями я слышал это от Масиниссы, который много рассказывал мне о карфагенянах вообще, наиболее о корыстолюбии Ганнибала и Магона... Между прочим Масинисса говорил о необычайной нежности, которой отличались их взаимные отношения с ранней юности, о том, сколько городов в Италии и Иберии завоевал каждый из них... Но при этом они ни разу не участвовали вместе в одном и том же деле и всегда старались перехитрить друг друга больше даже, чем неприятеля, чтобы только не встречаться при взятии города и избежать ссоры из-за дележа добычи, ибо каждый из них желал получить больше другого». Наконец, жители италийских городов

постоянно обвиняли его в вероломстве. «Поэтому, — заключает историк, — нелегко судить о характере Ганнибала, так как на него действовали и советы друзей, и обстоятельства; достаточно того, что у карфагенян он прослыл за корыстолюбца, у римлян за жестокосердого» (IX, 24-26). Как видим, характеристика Полибия вовсе не столь восторженна, как мог бы решить читатель Лансея.

Наиболее жестокие поступки Ганнибала французский ученый от читателя вообще скрывает. Особенно любопытно видеть, какой строгой цензуре подвергает он рассказ Полибия о картинном поединке, устроенном Ганнибалом перед битвой у Тицина (об этом мы подробно говорим в примечаниях). Автор, несомненно, боялся, что этот эпизод ужаснет современного читателя.

Я уже говорила, что эта черта у Лансея мне как раз нравится: когда автор любит своего героя, это невольно передается читателю. Но, с другой стороны, как ни парадоксально, именно эта горячая любовь обедняет образ Ганнибала. Дело в том, что мы ровно ничего не знаем о личной жизни великого полководца. У него не было семьи. Как пишет автор, он был равнодушен к женщинам. Ни семьи, ни детей, ни возлюбленной! Да еще Лансель, боясь уронить своего героя, старается убрать все живые черточки, сохраненные нам древними писателями, эти драгоценные свидетельства, пощаженные временем! В результате Ганнибалу грозит опасность стать каким-то туманным, безликим, идеальным или превратиться в настоящую машину для решения сложнейших стратегических задач.

Так же поступает Лансель по отношению к друзьям и врагам своего кумира. Человек, враждебный Ганнибалу, не может рассчитывать на особую снисходительность с его стороны. И наоборот. Лансель, как мы помним, постоянно восхищается научной

добросовестностью Полибия, постоянно твердит, что одно его слово перевешивает на чаше весов все другие свидетельства. Но вот его любимец Полибий сообщает, что в 218 году до н. э. консула спас его юный сын Сципион, будущий победитель Ганнибала. Этого невинного факта достаточно, чтобы Полибий потерял в глазах автора весь свой авторитет. Он отвергает это сообщение, хотя для этого нет никаких мало-мальски разумных оснований. Но разве можно допустить, чтобы тот, кто разбил Ганнибала при Заме, совершил подобный подвиг?! Впрочем — и я с радостью отмечаю эту черту, — Лансель отнюдь не принадлежит к числу тех фанатичных поклонников Ганнибала, которые из чрезмерной почтительности к пунийскому полководцу считают своим долгом облить грязью его победителя. Вначале, правда, кажется, что Лансель отдал дань этой традиции. Он, как мы видели, горячо доказывает, что Сципион не спасал своего отца, вообще он представляет нам римского героя тщеславным человеком, искусно симулирующим божественное вдохновение. Но постепенно автор освобождается от этой тенденции. Сципион в его изображении становится все привлекательнее и привлекательнее. Прямо кажется, что, все ближе присматриваясь к римлянину, ученый покоряется его душевным благородством, великодушием и «рыцарственным поведением» (выражение Ланселя). Заканчивает он рассказ о Сципионе такими словами: «Он не удостоился ни культа, ни памятников, если не считать тех, что соотечественники воздвигли в его честь в своих сердцах; зато прекраснее таких монументов нет ничего на свете». Впрочем, это наблюдение отнюдь не противоречит отмеченной нами черте Ланселя. Ведь вначале Сципион выступает как сила, сокрушившая Ганнибала, а потому, разумеется, не может вызвать особых симпатий автора. Но по иронии судьбы тот же

Сципион во второй части книги становится ангелом-хранителем Ганнибала, ибо он великодушно защищал своего поверженного противника. И, естественно, это благородство не могло не тронуть Лансея. Но вернемся к Ганнибалу.

Говоря о пунийском вожде, нельзя не упомянуть об одной загадке, которая вот уже столько веков волнует человечество. Этот великий полководец вторгся в Италию, одно за другим разбил три римских войска и, наконец, при Каннах полностью уничтожил колоссальную римскую армию. До сей поры все ясно и понятно. Но дальше происходят странные вещи. Почему-то после Канн не следует решительной победы. Ганнибал воюет еще 14 лет в Италии, причем все более и более там «завязает» (термин Лансея). Что же произошло? В чем причина столь страшной неудачи Ганнибала? Лансель вслед за К. Нейманом, Э. Т. Сальмоном и Г. Босси полагает, что цель пунийца заключалась не в том, чтобы уничтожить Рим — он хотел разрушить италийский союз и вытеснить римлян на север. Этот план он и начал осуществлять после Канн. Мне представляется такая реконструкция ошибочной. В самом деле. Война продолжалась уже 14 лет. Римляне медленно, но верно теснили Ганнибала на юг. Такой великий стратег должен был понять свою ошибку уже года через три, а после падения Капуи надежд не оставалось вовсе. Но он провел на юге еще 10 лет. Чем это объяснить?

Мне кажется, что более правы античные авторы. Они единодушно утверждают, что Ганнибал рассчитывал на «молниеносную» войну. Согласно Ливию, глядя на Италию с высоты Альп, он говорил, что одна, много две битвы положат к его ногам Рим. По Полибию, в первый же год войны (218) Ганнибал был очень взволнован, узнав, что консул хочет отложить битву. Ибо он понимал, что время работает не на него, а

на римлян. Если бы он знал тогда, когда так волновался из-за нескольких месяцев, что ему предстоит воевать в Италии еще 16 лет! Поэтому первые два года Ганнибал страстно стремился к генеральной битве. После Канн он решил, что генеральное сражение уже выиграл и, по-видимому, совершенно успокоился. Он ждал посольства из Рима. Когда же оно не прибыло, он сам отправил в Рим посла, уверенный, что ни о какой борьбе теперь не может идти речи. Но, к его изумлению, посла даже не приняли. «Невзирая на понесенные в битвах тяжкие поражения... на то, что с минуты на минуту опасность угрожала самому существованию города, невзирая на это, сенаторы... не забыли веления долга... И Ганнибал не столько радовался победе, сколько изумлялся и унывал при виде несокрушимого мужества, какое эти люди проявили в принятом решении», — пишет Полибий (VI, 58, 7-13).

К этому Ганнибал не был готов. Шифман отмечает, что карфагенский полководец «не принял во внимание римский народ, его упорную решимость сражаться до последнего и победить, не принял именно потому, что по воспитанию, образу жизни, по всему был типичным предводителем ландскнехтов и вполне хорошо понимал именно своего наемного солдата. Он, по-видимому, просто не мог представить, как можно продолжать войну после гибели армии, и именно этим объясняется его поведение после Канн и после Замы» [7]. Действительно, после Замы карфагеняне попали в точно такое же положение, как римляне после Канн. Но, когда кто-то заговорил было о дальнейшем сопротивлении, сам Ганнибал в ярости стащил его с ораторского возвышения.

И вот после Канн Ганнибалу пришлось начинать все заново, причем принять тот способ войны, который навязали ему римляне. Перед ним была тяжелая

изнурительная борьба. Он, по словам Ланселя, не решившись штурмовать Рим, чтобы не завязнуть, вынужден был осаждать мелкие латинские городки. Каждый задерживал его на месяцы. А если жители не могли обороняться, они уходили, оставив ему одни стены. Жить под пунийцами они не хотели. Римляне же из последних сил с упорством отчаяния снаряжали все новые легионы. И это было, несомненно, первой причиной поражения Ганнибала.

Между тем появилась и вторая причина. За время войны вырос и возмужал в Риме новый полководец Публий Корнелий Сципион. Это был гениальный стратег: его победы блеском замысла и великолепием исполнения не уступали Ганнибаловым. В то же время он всегда держал в уме и план войны в целом, то, на что Ганнибал, видимо, уже был не способен после Капуи. Он провел военную реформу — об этом Лансель не упоминает — и реконструировал некогда такой неуклюжий и неповоротливый легион, превратив его в быстрое, маневренное войско. Наконец, это был необыкновенный дипломат, без труда привлекавший к себе симпатии местного населения. Он задумал отнять у Карфагена его провинции, армию, боевой флот и превратить в обычный мирный торговый город. В 210 году до н. э. он высадился в Испании с небольшим войском и за четыре года покорил эту страну, которую Баркиды завоевывали 27 лет (237–209 годы до н. э.). Затем он высадился в самой Африке. Через год он уничтожил союзное Карфагену царство Сифакса, разбил пунийцев в генеральном сражении и захватил важнейшие города. А в следующем году он разбил самого Ганнибала в решительной битве. Это был конец войны. Видимо, Лансель одному Сципиону приписывает столь неожиданный конец Второй Пунической войны. Он говорит, что взятие Сципионом Нового Карфагена, столицы пунийской Испании, решило судьбу Ганнибала.

Страницы, посвященные Ганнибаловой войне, особенно до битвы при Каннах включительно, несомненно, принадлежат к самым ярким в книге. Несколько менее удачной следует признать главу «Изгнание». Дело в том, что тут речь идет в основном о римской внешней политике. Автор здесь не специалист, и это явно его не очень интересует. Поэтому его мнения страдают некоторой поверхностностью. Например, знаменитое *Освобождение Эллады* было, согласно Ланселю, демагогией, причем демагогией самой дешевой, где все шито белыми нитками. Но если это так, как можно объяснить тот безумный восторг, который охватил эллинов? Ведь Тита Фламинина даже обожествили! Более того. Полибий писал свою историю лет через тридцать, когда страсти поутихли и заблуждения прошлого стали яснее. Так вот, Полибий говорит: «Как ни чрезмерен кажется этот прилив благодарности, все-таки смело можно сказать, что он далеко не соответствовал громадности дела. Было нечто поразительное в том, что римляне... приняли решение вынести издержки и военные опасности ради освобождения эллинов» (XVIII, 46, 14). А как неоднократно повторяет сам Лансель, Полибий не такой автор, мнением которого можно пренебречь.

Трактовка автором роли Ганнибала во всех этих событиях сильно отличается от той, которую отводит ему античная традиция. Наши источники более всего поражаются железной воле этого человека и его поистине чудесной целеустремленности. Всю жизнь свою он посвятил борьбе с римлянами, которых клялся ненавидеть еще ребенком. И вот разбитый в италийской войне, он срочно начал готовиться к новой. Бежав к Антиоху, он уговаривал царя дать ему армию с тем, чтобы снова начать борьбу в Италии. Лансель же считает, что его герой скорее плыл по течению и был игрушкой в руках обстоятельств. Его хотели выдать

римлянам. Ему ничего не оставалось, как бежать к Антиоху. Но Антиох сам готовился начать войну с римлянами. Изгнанному полководцу ничего не оставалось, как предложить царю свои услуги, но о новой войне в Италии он и не помышлял.

Однако я лично не могу согласиться с такой трактовкой. Дело в том, что не только все историки, но и все политики, современники Ганнибала, думали, что он хочет воевать в Италии. Как только Ганнибал сделался советчиком Антиоха, Сципиона Африканского немедленно выбрали консулом.

Конечно, для того, чтобы защищать Италию. И этот энергичнейший человек целый год провел в Риме в полном бездействии, несомненно, полагая, что долг велит ему охранять родину. Тогда же он укрепляет юг Италии поясом колоний, которые должны были стать оплотом против нового вторжения. Затем он лично, невзирая на опасность, едет к Антиоху. Естественно предположить, что именно его дипломатия сыграла роль в решении царя перенести войну в Грецию. Недаром Антиох высадился в Элладе в следующем же году после визита Сципиона. Далее. Автор рассказывает об этолянине Фоанте, который убеждал царя высадиться в Греции, уверяя его, что едва он появится в Греции, вся страна встанет под его знамена. «Надо было не знать греков, чтобы так утверждать», — пишет Лансель. В результате царь совершил страшную ошибку, высадившись с маленьким войском. Однако трудно предположить, чтобы Фоант, сам грек, не знал своих соотечественников. И ему самому было страшно невыгодно, что Антиох взял так мало воинов. Видимо, он всеми силами стремился отвлечь царя от Италии, для того лгал и представлял войну в Элладе легче, чем она была на деле. В дальнейшем Ганнибал ведет себя с царем как-то странно. Он издевается над ним, дерзит ему и как будто всячески подчеркивает, что отныне ему

все равно — он умыл руки. Так мог поступить человек, которого не послушались и планы которого не приняли.

Последняя глава называется «Наследие. Легенда. Образ». Здесь исследуется два вопроса: во-первых, каким запечатлелся Ганнибал в памяти тех многочисленных народов, с которыми он сталкивался, во-вторых, какое влияние он оказал на историю человечества.

Начнем с первого. Это очень интересная тема. Каких только нет преданий об Александре, Двурогом Искандере Востока! Его заставляют беседовать с самыми удивительными мудрецами и волшебниками, встречаться с царицей амазонок и даже взлететь на небо на крылатых грифонах. Каково же предание о Ганнибале? Какие еще блистательные подвиги приписывает ему народная фантазия?

Однако здесь мы сталкиваемся с историями совсем другого рода. Ганнибал питался человеческим мясом. Ганнибал засмеялся от радости, увидав яму, наполненную человеческой кровью. Ганнибал приказал завалить рвы пленными. Ганнибал кинул их под ноги слонам. Ганнибал хитро спрятал накопленные сокровища... И все рассказы говорят об одном и том же — о его жестокости, коварстве и алчности. Автор возмущен этими преданиями. «Это карикатура!» — восклицает он. Он прав. Это действительно карикатура. Дело в том, что легенда обыкновенно утрирует образ человека, подчеркивая до предела все его характерные черты. Например, у Александра его ненасытное любопытство и жажду приключений. Можно попытаться опровергнуть отдельные эпизоды, но меня поражает одно обстоятельство. Почему в рассказах о Ганнибале нет ни одной живой человеческой черты? Почему ни разу мы не слышим, что он влюбился, заинтересовался каким-нибудь философом, восхитился зрелищем в театре? Сколько таких рассказов существует об

Александр и Сципионе, которые предстают перед нами живыми, очень увлекающимися людьми! Наконец, почему ни разу мы не видим Ганнибала увлеченным прекрасным чувством сострадания, которое так часто овладевало его благородным врагом Сципионом Африканским? Сколько раз мы видим Сципиона охваченным жалостью! Он плачет вместе с испанскими заложницами над их обидами, он спасает попавшую к нему в плен иберийскую красавицу. А когда к нему приводят связанного Сифакса, Сифакса, который обманул его, обрушил на его голову тысячи неприятностей, едва не погубил, он ощущает одно — глубокую жалость к этому человеку, прежде такому счастливому и богатому, велит его развязать и обращается с ним как с гостем, а не как с пленником.

Почему же ни одного подобного рассказа нет о Ганнибале? Почему нам с редким постоянством твердят лишь о жестокости, алчности и вероломстве? Это потому, объясняет Лансель, что все личные и приятные черты пунийца описал Силен, спутник Ганнибала, а его записки погибли. Но нас никак не может удовлетворить подобное объяснение. Ведь и записки непосредственных участников похода Александра погибли, а сохранились же в памяти тысячи живых черточек македонского царя. Далее. И Полибий, и Ливий знакомы были с сочинениями Силен и пользовались ими. Да к тому же не один Силен был на свете. Ливий пользовался анналистами, а Фабий Пиктор и Цинций были современниками событий. Полибий же беседовал со множеством людей, помнящих Ганнибала — с карфагенянами, римлянами, италийцами, греками, африканцами. И все-таки у них мы не находим ничего. Не странно ли?

Второй вопрос — это влияние Ганнибала на человечество. Тут автор приходит к поистине парадоксальному выводу. «Ганнибал, — пишет он, —

исторически даже более значительная фигура, чем Александр Македонский, поскольку именно ему удалось первому вырваться за рамки одного государства, одной национальной культуры. Больше, чем военные успехи... нас поражает небывалая многогранность его личности».

Какие странные слова! Александр с маленьким войском завоевал почти весь известный тогда мир. Но не это главное. Он принадлежал к тем редким в истории людям, с именем которых связана целая эпоха. (У нас в России таким был Петр.) Причем этот завоеватель не разрушил многочисленные царства, как Чингисхан. Нет. Он перенес эллинскую культуру на почву Востока, и этот прекрасный цветок, «эта осенняя роза», как называет его сам Лансель, расцвел на новой почве. Выросли великолепные города, возродилась с новым блеском наука, и поднялись новые сильные государства. А что можно противопоставить этому в жизни Ганнибала? Да, он воевал 16 лет с римлянами, да, он одерживал поразительные победы, но войну в целом он проиграл. Мы ничего не можем сказать о его политическом гении, ибо не знаем, как он управлял бы Италией, если бы победил. В Испании, во всяком случае, его правление не ознаменовалось ничем примечательным. А едва он задумал какие-то реформы в Карфагене, его изгнали. Все плоды его деятельности, которые и исследует автор, это разорение Италии. Оно, конечно, оказало влияние на дальнейшую историю Рима, но никак не говорит о величии натуры.

Далее. В III веке довольно поздно было вырваться за рамки отдельного государства. К тому времени единая культура царствовала на огромном пространстве от Египта до Вавилона. Аркадцы жили в Александрии, а вавилоняне учились в Афинах. Поэтому то, что изгнанный пунийский полководец

путешествовал по свету и всем предлагал свои услуги, уже никого не могло особенно удивить.

Наконец, где же многогранность его личности? Александр, с которым Лансель сравнивает Ганнибала, действительно многогранен. Мы видим его то прилежным учеником Аристотеля, то восторженным поклонником Гомера, то мудрым полководцем, то неистовым воином, то собеседником индийских гимнософистов, то почитателем Аммона, то высокомерным восточным владыкой, то покровителем семьи своего врага Дария. А Ганнибала мы встречаем только на поле боя, только вождем наемников.

И последнее. Македонский царь бывал резок, вспыльчив, несправедлив и даже жесток. И все-таки он показал всему миру достойный пример благородного уважения к чужим обычаям и великодушия к врагам. Вот почему в античности очень любили сравнивать Александра со Сципионом Африканским, который впервые провозгласил «милость к падшим» принципом своей политики. Поэтому-то Ясперс именно от Сципиона ведет начало европейской гуманности. Что же до Ганнибала, то созерцая всю его яркую жизнь, так увлекательно изложенную в книге Ланселя, остается повторить вслед за Полибием: «Нелегко судить о характере Ганнибала... достаточно того, что у карфагенян он прослыл за корыстолюбца, у римлян — за жестокосердого».

Татьяна Бобровникова

Памяти Жана Байе, которому я обязан своим первым приобщением к классической филологии

Вступление

Expende Hannibalem: quot libros in duce summo Invenies? [8]

(Ювенал, X, 147-148)

...Ювенал не любил вождей, включая Траяна, под властью которого ему выпало жить. Описывая жалкую горстку пепла, в которую превратился великий Ганнибал, поэт не пожалел иронии. Зато на весах Истории эта горстка весит немало! В Древнем Риме о ней сказали бы — *momentum*, что значило «решающий фактор», нечто, способное перетянуть чашу весов на свою сторону. Впрочем, нам хорошо известна судьба этой удивительной «гирьки». Последнее поражение Ганнибала стало предвестником падения и краха его Отчизны, пережившей великого полководца всего на полвека.

Как будто гибнущий Карфаген увлек за собой в пучину и Ганнибала и для нас навеки потерял образ самого славного из его сынов. В античные времена с побежденными не церемонились. Проклятие забвения, обрушившееся на бывшего соперника Рима, уже стертого с лица земли, задело своей тенью и величественную фигуру Ганнибала, лишив его и достойной посмертной жизни — жизни в истории. Если не считать нескольких маловыразительных страниц, принадлежащих перу Корнелия Непота, мы нигде не найдем «жизнеописания Ганнибала», которое не стыдно было бы поместить в галерею портретов великих полководцев античности рядом с Александром и Цезарем. Не нашлось ни мрамора, ни бронзы, чтобы запечатлеть для потомков черты его лица. От великой судьбы до нас дошли лишь

рассеянные блики, похожие на неверное отражение в осколках разбитого зеркала.

Пробелы в истории — лучшая пища для легенд. Как знать, быть может, как раз этому фактологическому туману и обязан образ Ганнибала своим обаянием, начавшим проявляться очень рано и, что самое любопытное, в самом же Риме. Древнеримский сатирик, упомянутый выше, посвятил незаурядной личности и жизненному пути Ганнибала всего двадцать коротких строк, которые вскоре стали любимым отрывком римских подростков, учившихся искусству декламации в школах риторики. Если верить тому же Ювеналу («Сатиры», VII, 160–164), к концу I века н. э. эти стихи достигли такой популярности, что у наставников от них уже «вяли уши». Правда, в новые времена поэты и драматурги уже не смотрели на подвиги Ганнибала как на источник вдохновения — впрочем, какой полководец, не имевший именитых друзей и не замешанный в шумные любовные скандалы, может похвастать тем, что им заинтересовалась большая литература? — зато на него обратили жадные взоры художники и граверы, скульпторы и литейщики, миниатюристы и мастера майолики, к наступлению эпохи классицизма успевшие создать целую сокровищницу вымышленной иконографии, к которой нам и остается обращаться за наименованием реалистической портретистики.

Историки тем временем продолжали взвешивать прах Ганнибала. Это занятие оказалось не из легких, — по тем причинам, о которых мы уже упоминали. Но и избежать его никак нельзя, во всяком случае, если хочешь понять, в чем заключался смысл зародившегося в те давние времена и начавшего бурно развиваться процесса, который всего за одно столетие — с середины III до середины II века до н. э. — определил и надолго зафиксировал, причем во всех сферах сразу — и в политике, и в экономике, и в культуре, — контуры

нынешнего пространства, именуемого Западным Средиземноморьем. В великом представлении, разыгравшемся тогда на сцене истории, Ганнибал поначалу играл одну из главных ролей, а потом, после вынужденного изгнания на Восток, стал больше зрителем, чем исполнителем.

В 247 году ^[9], когда родился старший сын Гамилькара Барки, Рим после долгой войны смог наконец вытеснить карфагенян из Сицилии — той самой Сицилии, что вскоре превратится в первую римскую «провинцию», первое римское владение, расположенное за пределами Италии, и главный стержень всех будущих римских предприятий на западе Средиземноморья. Еще через шестьдесят с небольшим лет Ганнибалу, павшему жертвой предательства приютившего его царя Вифинии Прусия, придется выпить яд, который он на всякий случай всегда имел при себе. Возможно, в тот скорбный день 183 года он предчувствовал, что теперь, после поражения Филиппа Македонского, после вытеснения из Малой Азии Антиоха Сирийского, которому, по правде говоря, он не столько помогал, сколько использовал его в собственных целях, последние барьеры, сдерживавшие натиск римского империализма в Греции и на греческом Востоке, с неизбежностью падут. И тогда ничто уже не помешает Риму добить Карфаген, чье могущество и власть во всем западном бассейне Средиземного моря он мечтал полностью восстановить каких-нибудь 30 лет назад.

Глава I. Гамилькар Барка

Первое вступление Ганнибала в великую игру, которая продлилась около 20 лет и в которой он чаще всего вынуждал соперников играть по его правилам, состоялось весной 219 года, в Испании, под стенами Сагунта. Именно здесь и именно в этот момент разыгралось событие, определившее личную судьбу нашего героя и ознаменовавшее начало Второй Пунической войны, которую римляне, никогда не заблуждавшиеся относительно того, кто ее затеял, частенько называли просто «Ганнибаловой войной». Как мы не раз и не два постараемся показать в нашем дальнейшем повествовании, если Ганнибал в самом деле предпочитал держать инициативу в своих руках, если он проводил свою политику и разработал свою оригинальную стратегию, то делал все это исключительно во имя родного города, даже если истинные его цели порой ускользали от понимания современников. И чтобы увидеть за захватывающей историей его походов нечто большее, чем обыкновенная военная авантюра, нужно вернуться еще дальше назад и вспомнить, с чего пошло непримиримое противостояние римлян и карфагенян. Первый и весьма продолжительный акт этой драмы начался в 264 году, когда римляне высадились в Сицилии, спеша на выручку наемникам-мамертинам, а завершился в 241 году подписанием договора, согласно которому Карфаген лишался всех своих сицилийских владений. Затем наступила передышка, нечто вроде перемирия без разоружения, продлившаяся 20 лет. Сегодня, глядя из перспективы, мы отлично видим, что этот «мир» на самом деле был всего лишь интермедией между двумя войнами. Среди современных историков широкой

популярностью пользуется точка зрения Арнольда Тойнби, который предложил называть противоборство Карфагена и Рима, начавшееся в 264-м, а закончившееся в 201 году после поражения карфагенян при Заме подписанием невыгодного для них мира, «единой Пунической войной, разделенной на два периода». В Карфагене после 247 года основное, а вскоре и все целиком бремя ответственности за ведение этой войны возложили на себя представители одного из родов — рода Баркидов.

Утрата Сицилии и возвышение Гамилькара Барки

В Сицилии, первом театре войны, которую, возвращаясь к римской «системе отсчета», мы привычно называем Первой Пунической [\[10\]](#), сухопутные и морские сражения между карфагенянами и римлянами длились уже полтора года, когда командующим одного из главных соединений стал военачальник по имени Гамилькар Барка. Незадолго до этого у Гамилькара, уже имевшего трех дочерей, родился первый отпрыск мужского пола — сын Ганнибал.

Постоянно отступая, карфагеняне за несколько лет утратили почти все свои позиции на западе Сицилии. К 254 году, после сдачи города Панорма (ныне Палермо), они укрылись в двух крепостях, расположенных на западной оконечности острова, — в Лилибее (ныне Марсала), которым владели с 397 года, после разрушения Мотия, и в Дрепане (Трапани), служившем им морской базой благодаря превосходному рейду, который и сегодня с успехом используется для стоянки судов итальянского флота.

Вытесненные к самому побережью, ставшему для них крайней линией обороны, карфагеняне собирали силы для нанесения ответного удара. В 249 году гарнизон Лилибея под командованием умелого военачальника Гимилькона прорвал блокаду крепости, окруженной войсками римского консула П. Клавдия Пульхра (Полибий, I, 48). Такая же неудача ждала консула и в Дрепане, где плохое знание рейда и недостаточная маневренность флота стоили ему потери 93 кораблей, потопленных начальником пунийского флота Адгербалом. Одновременно второй консул Л.

Юний Пулл проиграл сражение другому карфагенскому наварху — Карфалону, а в довершение всех бед его эскадра, застигнутая жестоким штормом, затонула на широте Камерины (Полибий, I, 51-54). В Риме двойное поражение обоих консулов 249 года произвело тягостное впечатление. Против них выдвинули обвинение в вольнодумстве: якобы флот Юния Пулла сгинул у мыса Пахин из-за того, что консул с презрением отмахнулся от предсказаний авгуров (Валерий Максим, I, 54). Что касается П. Клавдия Пульхра, то даже Цицерон, которого трудно заподозрить в чрезмерном ханжестве, в своем трактате «О природе богов» (II, 7) заклеил его как нечестивца, усугубившего свою вину беспримерно дерзкой выходкой [11]. Накануне разгрома у Дрепана он, разъяренный тем, что священные куры отказались выйти из своей клетки и склевать предложенное зерно, велел утопить их в море, сказав: «Пусть пьют, если не хотят есть (ut biberent, quoniam esse nollent!)» В тогдашнем Риме подобная шутка ни у кого не могла вызвать даже тени улыбки, а легкомыслием консула немедленно воспользовалась соперничавшая в сенате с Клавдиями группировка Фабиев. В результате исполнительная власть в Риме с 247 по 245 год перешла в руки последних. В пунической кампании наступил спад, и историков до сих пор не перестает удивлять, почему Карфаген не ухватился за возможность расквитаться с ослабевшим противником и вернуть себе утраченные позиции. Складывается впечатление, что карфагенский сенат уже оплакал в душе потерю Сицилии.

Но Гамилькар Барка не собирался оставлять в покое римские войска. Он без конца досаждал им, курсируя со своим флотом вдоль побережья Южной Италии, особенно в районе Бруттия. Затем, вернувшись на север Сицилии, он подступил к Панорму и вскоре захватил

крепость «На Герктах», что в переводе с греческого значит «темница», «тюрьма». Полибий (I, 56) оставил подробное описание этой горы, крутым уступом нависающей над берегом и увенчанной своеобразной естественной башенкой-донжоном. К сожалению, он не счел нужным с такой же точностью указать, где именно между Панормом и Эриком располагалась крепость. Скорее всего речь идет не о Монте Пеллегрино, чьи голые скалы подступают вплотную к Палермо с северной стороны, а о Монте Кастелаччо — 900-метровом утесе, находящемся километров на десять северо-западнее. На этой высоте Гамилькар устроил себе базу и отсюда напал на римлян, обосновавшихся в Панорме. Пригодилась ему и гавань, защищавшая крепость «На Герктах» со стороны моря. На своих судах он совершал вылазки к итальянским берегам, добираясь до города Кумы.

Гамилькар удерживал крепость в течение трех лет. В 244 году в результате смело проведенной операции он завладел городом Эриком, вклинившись таким образом между римским гарнизоном, стоявшим у подножья горы, и отрядом, занимавшим захваченный в 248 году консулом Юнием Пуллом храм Венеры Эрицинской, сооруженный на ее вершине. На северо-востоке с горы Эрик (Монте Сан-Джулиано) открывался подход к Дрепану, так что Гамилькар со своим небольшим войском мог отныне контролировать передвижения римских солдат и не давал им усиливать давление на все еще осажденную карфагенскую морскую базу. В осаде оставался и Лилибей, расположенный дальше к югу.

Между тем в Риме, в течение пяти лет после пережитого разгрома воздерживавшемся от морских сражений, в поисках выхода из тупика задумали перевооружение флота. За неимением средств в государственной казне сенат обратился за помощью к

частным лицам, в особенности к тем из них, кто был лично заинтересован в победе и дальнейшем завоевании Сицилии. Представители правящего класса, как сообщает Полибий (I, 59), то есть аристократия Кампании, сама и развязавшая эту войну, за собственный счет — одни лично от себя, другие объединившись в группы — оснастили новый флот, потребовав взамен возмещения издержек в случае успеха (Cl. Nicolet, 1978, p. 708) [12]. В начале лета 242 года флот в составе двухсот квинкверем под командованием консула Г. Лутация Катула встал на рейд в виду Дрепана и Лилибея. Весной 241 года этот флот возле Эгатских островов, на широте Лилибея, перехватил караван тяжелогруженных карфагенских судов с продовольствием и подкреплениями. Римские корабли, не имевшие на борту никакого груза и потому более маневренные, без труда взяли верх над противником: пятьдесят пунийских судов были затоплены, а еще семьдесят взяты в плен вместе с экипажем [13].

Гарнизоны Лилибея, Дрепана и Эрика по-прежнему твердо удерживали занятые позиции, однако теперь, когда на море вновь хозяйничал Рим, им было не от кого ждать помощи. Гамилькар получил из Карфагена приказ вступить с римским консулом в мирные переговоры. Первоначальные условия договора, представленные на обсуждение в Рим, претерпели существенные изменения в сторону ужесточения, очевидно, после их обсуждения народным собранием — так называемыми центуриатными комициями. Карфаген обязался полностью освободить от своего присутствия не только Сицилию, но и Эолийские острова, лежащие между Сицилией и Италией и традиционно служившие одним из мест стоянки пунийских эскадр, и не предпринимать в будущем никаких попыток нападения

на Сиракузы и их союзников. Подверглась пересмотру и финансовая сторона договора: срок уплаты военной контрибуции, установленный Гамилькаром и Лутацием в размере 2200 евбейских талантов, с двадцати лет сокращался до десяти, а кроме того, Карфагену пришлось срочно выплатить еще тысячу талантов (Полибий, I, 63). Но, какими бы значительными ни были эти суммы, они, конечно, не компенсировали военных затрат Рима, буквально утопившего в море целые состояния: если верить Полибию, римляне потеряли семьсот кораблей — против четырехсот карфагенских. Часть контрибуции наверняка пошла на оплату расходов частных лиц, призванных на помощь сенатом в 243 году (Cl. Nicolet, 1978, p. 609).

Так завершился первый, 20-летний, период этой войны, вспыхнувшей едва ли не случайно в результате стечения обстоятельств, которым Рим отдался на волю, не имея никакой долгосрочной внешнеполитической программы (S. Lancel, 1992, p. 380). В самом деле, решение о вступлении в войну исходило вовсе не от сената. Когда в 264 году римский народ на собраниях, проводимых по центуриям по инициативе консулов, в частности Аппия Клавдия Кавдекса, умело манипулировавшего общественным мнением, согласился прийти на помощь бандам кампанских наемников-мамертинцев, которые воевали в Мессане и прежде обратились с аналогичной просьбой к Карфагену, — это казалось скорее случайностью, чем сознательным политическим выбором. Однако политическая стратегия порой умеет маскироваться под такие вот необязательные, нелогичные решения, и то, что разыгралось в Мессане под видом малозначительной «карательной операции», преследовало далеко идущие и давно вынашиваемые цели. Во внешних проявлениях римского империализма той поры наблюдался признак некоего автоматизма, и

верно сказано, что «самый механизм его завоеваний увлекал его все дальше и дальше вперед» (J. Neurgon, 1969, p. 338). Одним из принципов действия и источником энергии этого механизма была, как справедливо отмечено П. Вейном, внутренняя потребность Рима «вытеснить Карфаген из Италии, лишив его опоры в виде Сицилии» (P. Veune, 1975, p. 827). Римляне, всерьез обеспокоенные близостью к своим границам пунийцев, отделенных от италийского побережья всего несколькими милями Мессанского пролива, конечно, были бы не прочь обеспечить собственную безопасность ценой вооруженного столкновения, ставкой в котором стала бы одна Сицилия. Одним словом, Римом замышлялось нечто вроде «превентивной войны», которая нейтрализовала бы сицилийский буфер (действительно, Сицилия вскоре превратилась в римскую провинцию) и укрепила бы статус неприступности италийских земель. Напомним, что в годы, непосредственно предшествовавшие сицилийскому периоду Пунической войны, в Риме произошло возвышение родов кампанского происхождения, гораздо острее остальных сознававших опасность подобного соседства, усугубленную наличием морских баз карфагенян на Эолийских островах (J. Neurgon, 1969, p. 344). В период между 267 и 245 годами консулами семь раз становились представители рода Атилиев, уроженцев Кампании; и Первая Пуническая война стала их войной, как в начале III века война с этрусками была войной Фабиев. Последовавшая вскоре аннексия Сардинии, ставшая возможной благодаря войне с собственными наемниками, в которую, как мы покажем, дал втянуть себя Карфаген, окончательно ликвидировала пунийское присутствие в Италии. И если бы не злополучная идея Ганнибала захватить Сагунт, сложившееся геополитическое равновесие, возможно, продержалось

бы достаточно долгое время. Примерно так рассуждал и Ганнон — лидер пацифистской или, вернее, «африканской» партии карфагенского сената. Впрочем, точных исторических свидетельств у нас нет и никогда уже не будет...

Вместе с тем непростительной ошибкой было бы недооценить влияние других факторов, в частности, экономических, поскольку эти факторы диктовали поведение определенным римским кругам, а такие свидетельства у нас как раз имеются. Так, в недавних работах ряда исследователей совершенно справедливо отмечено начавшееся в первой половине III века усиление Кампании, уроженцы которой практически задавали тон в сенате. Именно в эти годы Кампания, богатейший сельскохозяйственный район, начала с успехом экспортировать свои вина и развивать производство керамической посуды, которая постепенно вытесняла с рынка аналогичную продукцию Апулии и Тарента (G. et C. Picard, 1970, pp. 183-184). Изучение керамики, найденной в североафриканских поселениях, в частности в Карфагене, проводившееся в последние два десятилетия, позволяет сделать вывод, что экспорт изделий горшечников Центральной Италии, во всяком случае, латинских мастеров так называемой «мелкой штамповки», доходил и досюда (J.-P. Morel, 1969, pp. 101-103; 1983, p. 739). Захват Сицилии, которая служила перевалочной базой торговым каботажным судам, сыграл чрезвычайно благотворную роль в расцвете этого «бизнеса», и не случайно к концу III века «кампанская керамика с клеймом А» хлынула в Карфаген настоящим потоком.

Но если стратегические цели Рима, смутные в начале войны, затем все-таки определились достаточно ясно, то готовность, с какой Карфаген смирился с потерей Сицилии, с трудом отвоеванной у греков несколькими веками раньше, способна кого угодно

повергнуть в изумление. «*Nimis celeris desperatio rerum*» [14], по выражению Тита Ливия (XXI, 1, 5), помешавшее карфагенянам продолжить схватку, наверное, причинило немало страданий Гамилькару, который на своем участке «фронта» одерживал победу за победой и оставил поле боя только под давлением сената, заставившего его вступить с римлянами в переговоры. Тем не менее попробуем взглянуть на ситуацию глазами карфагенских сенаторов. Учитывая незначительность территории, занятой в Сицилии, продолжение карфагенского присутствия на западном плацдарме острова имело смысл только в том случае, если бы морские базы пунийцев (Лилибей и особенно Дрепан) оставались бы действующими, а западная оконечность Сицилии продолжала бы служить перевалочным пунктом для торговых судов Карфагена. Но к исходу сицилийской кампании стало ясно, что возросшая мощь римского морского флота больше не даст им спокойной жизни. Трезвомыслящие карфагенские политики проанализировали сложившуюся ситуацию и сделали из нее выводы.

Как и следовало ожидать, классические источники, во всяком случае Диодор и Полибий, обходят гробовым молчанием вопрос о спорах, наверняка бушевавших тогда в Карфагене. Но невозможно объяснить простым совпадением тот факт, что как только пунийцы осознали неизбежность потери Сицилии, они тут же принялись расширять свои приграничные африканские владения. В промежутке между 247 (год отправки Гамилькара в Сицилию) и 243 годами Ганнон завоевал город Тевесту (ныне Тебесса), существенно сдвинув юго-восточные границы государства и вплотную приблизив их к южным пределам древних нумидийских царств (S. Lancel, 1992, p. 279). Стремление Карфагена укрепить «тылы» в какой-то мере явилось реакцией на

поход Регула, предпринятый в 256–255 годах. И хотя Регул не добился успеха, переполоху в карфагенской метрополии он наделал немало, заставив ее жителей припомнить вторжение Агафокла, случившееся 50 годами раньше (S. Lancel, 1992, pp. 385–387). Вполне вероятно, что «клану» консерваторов именно политика расширения и укрепления африканских рубежей представлялась наилучшим ответом на новый «расклад» взаимоотношений с Римом. В течение следующих 50 лет группировка карфагенского сената, возглавляемая Ганноном, неизменно придерживалась этой точки зрения, которая в конце концов и привела страну к разгрому при Заме.

Так обстояло дело к 241 году, когда Гамилькара возвратился из Сицилии. Он покидал остров с воинскими почестями, предварительно отведя свое войско из Эрика в Лилибей (Полибий, I, 66, 1) и добившись того, что его солдаты, как и воины Гискона — командующего лилибейским плацдармом, — сохранили не только свободу, но и оружие. На долю Гискона выпала тяжкая обязанность обеспечить переправку в Африку 20 тысяч человек. Завершая рассказ о четвертьвековой истории этой войны и перечисляя имена участвовавших в ней вождей, Полибий (I, 64, 6) не смог удержаться, чтобы не заявить, что из всех полководцев «лучшим по уму и доблести следует признать Гамилькара Барку».

Гамилькар Барка и род Баркидов

Как и большинство пунийских имен, имя Гамилькар принадлежит к числу «теофорных»^[15], то есть указывает на связь его носителя с божеством семитического пантеона, от которого зависит и чьим покровительством пользуется получивший имя человек. Собственно «Гамилькар» (иногда у латинских авторов встречается более правильная транскрипция «Адмикар») восходит к финикийскому «bdmlqrt», что значит «служитель Мелькарта», великого тирского бога и небесного покровителя финикийской экспансии на Западе. Поэтому неудивительно, что имя Гамилькар встречается в источниках очень часто, свидетельствуя о его широкой распространенности. Самым древним и самым известным нам носителем этого имени, не считая героя настоящего повествования, является Гамилькар, погибший в 480 году до н. э. в битве с греками близ города Гимеры, в Сицилии (S. Lancel, 1992, p. 107).

Из-за обилия одинаковых имен в официальных документах той эпохи было принято указывать имена предков — дабы избежать путаницы. Поэтому на памятных стелах рядом с именем того, кому стела посвящалась, как минимум фигурировало имя его отца, часто — еще и имя деда, а порой, правда, редко, воспроизводилось настоящее генеалогическое древо рода. Но в обыденной жизни люди предпочитали различать носителей одного и того же имени при помощи фамильных имен или прозвищ, напоминающих римские *cognomina* и *agnomina*^[16]. Так, судя по классическим источникам, у Гамилькара появилось прозвище Барка, восходящее к одному из двух возможных семитических корней. Первый из них означает «благословение» (от него же происходит

арабское «Багака»), а в нашем случае свидетельствует о том, что Гамилькар, несомненно, обладал редкой харизмой. Вторая, более вероятная, версия связана с семитическим корнем «Ьгк», означающим «вспышка молнии», что тоже прекрасно согласуется с образом этого человека, прославившегося в сицилийской кампании своими стремительными наступательными действиями. Греческий эквивалент того же слова, звучавший как «κεραυνος» и тоже обозначавший «молнию», стал весьма распространенным добавлением к родовому имени среди представителей военной касты эпигонов^[17] Александра Македонского. Но даже если мы примем за справедливую именно вторую версию значения имени Барка, это не даст нам ответа на вопрос, получил ли его наш Гамилькар первым, как *согномен ex virtute*^[18], а уж затем передал сыновьям, в том числе Ганнибалу, или сам унаследовал его от предков.

С этим вопросом неразрывно связан и еще один, очевидно, не поддающийся решению и касающийся происхождения рода. Наверное, мы не ошибемся, если предположим, что положение, которое занимали Баркиды в Карфагене середины III века, основывалось на достаточно древних корнях. Однако дальше предположений мы заходить не рискнем, хотя такие попытки и предпринимались. Речь идет о весьма смелом толковании нескольких стихов из Силия Италика, видного римского сенатора, занимавшего пост консула в 68 году н. э., то есть в год смерти Нерона, и известностью своей больше обязанного почтительным уважением к памяти Цицерона и Вергилия, чьи бывшие поместья — в Тускуле и близ Неаполя — он выкупил за собственный счет, чем своей громоздкой эпопеей в 17 песнях, озаглавленной «Punica», то есть «Пунические войны». Это сочинение, в вычурно-поэтической форме

повторяющее то, что Тит Ливий изложил в прозе в третьей декаде своей «Истории», целиком посвящено истории Второй Пунической войны. В первых строфах эпоса автор рисует молодого Ганнибала — как мы увидим позже, в полном соответствии с классической традицией, — орудием мести предков. По версии Силия Италика, Ганнибал через «старого Барку» ведет свой род от легендарного Бела. В ту пору, утверждает Силий, когда Дидона, убежав из Тира, бродила по миру в поисках пристанища, пока не основала Карфаген, с ней вместе странствовал и юный сын Бела (Punica, I, 71–73). Очевидно, о существовании Бела автор «Пуники» узнал у своего литературного учителя Вергилия, поскольку именно в «Энеиде» (I, 621) он представлен как отец Дидоны. Таким образом, далекий предок Ганнибала, если верить автору, оказывается братом Дидоны. Искушение Силия Италика связать родственными узами величайшего деятеля истории Карфагена с легендарной основательницей этого государства понять легко. На самом деле во второй четверти VII века до н. э. в Тире действительно правил царь по имени Баал, и нет ничего невозможного в том, что усиливающееся давление ассирийских царей (Ассаргаддона и Ашшурбанипала) на финикийские города привело к массовому изгнанию беженцев с Востока, которые начали селиться в этой африканской колонии, основанной в конце IX века, то есть за полтора столетия до Баала (G. Picard, 1967, p. 18). Так, во всяком случае, свидетельствуют письменные источники. Мало того, ряд открытий, сделанных во время недавних раскопок на территории Карфагена, позволяет еще более сократить временной разрыв между 814 годом как датой, полученной из письменных источников, и первыми материальными свидетельствами существовавшей тогда культуры (S. Lancel, 1992, pp. 44–46). Поэтому весьма популярная в прошлом

романтическая конструкция Э. Форрера, в соответствии с которой Карфаген был основан в 666 году двумя дочерьми Баала — Дидоной и Анной, бежавшими из Тира в страхе перед Ашшурбанипалом, должна быть отринута как совершенно не заслуживающая доверия.

Но вернемся к Белу Вергилия (и Силия). Предположение, что древнеримский поэт мог прослышать про тирского царя Баала, фигурирующего исключительно в восточных источниках, выглядит просто несерьезно. Зато значение слова «баал» как формы звательного падежа уважительного обращения к мужчине («господин», «муж»), входившего первой частью в состав имен божеств семитского пантеона, он знал наверняка. Думаем, этого ему вполне хватило, чтобы назвать так легендарного отца Дидоны, тем более что латинская транскрипция пунического термина — *Velus* — позволяла использовать его и в размере спондея, и в размере трохея, превращая в своего рода «служебное слово» при построении гекзаметров. Так, автор «Энеиды» даже позволил себе роскошь дважды употребить это слово в одном и том же стихе (I, 621). «Язык эпоса — сын гекзаметра», — утверждал Антуан Мейе, и мы должны признать, что это справедливо в том числе и относительно употребления имен собственных. Итак, Силию оставалось лишь «замкнуть» Ганнибалом ветвь почтенного и древнего рода.

С другой стороны, как мы уже попытались мельком отметить выше, нет никаких причин сомневаться, что Гамилькара и его семья принадлежали к пунийской аристократии. Косвенных указаний на это хватает с избытком. Во-первых, факт назначения Гамилькара командующим сицилийским войском говорит сам за себя: немисливо допустить, что карфагенский Совет старейшин мог поручить столь ответственное дело человеку, не принадлежащему к правящему классу.

Судя по всему, рекрутов в Карфагене не знали, и кроме наемников в армии служили только ливийские подданные, которыми командовали молодые карфагеняне благородного происхождения (G. Picard, 1967, p. 20). И хотя в дальнейшем, как мы увидим, Гамилькар и его старший сын, продолживший дело отца, проводили политику, направленную на изменение общественной жизни в «демократическом», условно говоря, духе, ничего действительно «революционного» эта политика не предполагала, и ни о какой истинной «солидарности» с низшими общественными классами никто из ее проводников не помышлял. Мало того, опора Баркидов на армию и простой народ всегда служила им лишь инструментом удовлетворения личных амбиций или средством нейтрализации влияния того клана в сенате, который противодействовал проводимой ими внешней политике.

Но самым верным признаком принадлежности Баркидов к карфагенской аристократии служит их земельное богатство. И хотя данных по этому вопросу у нас не так уж много, зато они вполне надежны. Так, вернувшись из Италии осенью 203 года, Ганнибал высадился на африканском берегу, но не в Карфагене и не возле расположенного поблизости мыса Бон, а в местечке Малый Лептис (ныне Лемта, район Сахеля в Тунисе), где и провел несколько месяцев, предшествующих битве со Сципионом при Заме. Объяснить этот его шаг только желанием, чтобы между ним и римскими силами, которые уже вступили в область Утики и бассейн Нижней Меджерды не произошло сражения, невозможно. Зато одна из легенд, которая, как читатель убедится позже, заслуживает определенного доверия, утверждает, что он приказал своим солдатам заложить здесь обширные плантации оливковых деревьев. Он действительно вполне мог заниматься подобными трудами до конца 202 года,

когда состоялась битва со Сципионом, но с еще большим успехом — в промежуток между 201 годом, когда Карфагену был навязан мир, и 196 годом, когда он занимал пост суффета [19]. Все это говорит о том, что к латифундиям Бизация его привязывал горячий личный интерес. Наконец, летом 195 года, когда ему пришлось срочно бежать из Карфагена, он, прежде чем покинуть Африку навсегда, укрылся в таком месте, которое считал самым надежным приютом, — одной из укрепленных башен, расположенных между Тапсом и Ахоллой (Тит Ливий, XXXIII, 47), то есть именно в этом районе. Это могло быть только родовое имение, поскольку, покинув африканскую землю еще ребенком на долгих 35 лет, вряд он нашел бы время и возможность заниматься покупкой и благоустройством собственного поместья. Следовательно, оно досталось ему от отца — Гамилькара, который, в свою очередь, то воюя в Сицилии, то безвылазно сидя в Испании, где после войны с наемниками занял должность «проконсула», очевидно, располагал ничуть не более широкой возможностью развернуть плодотворную деятельность земельного собственника согласно агрономическим предписаниям Магона [20]. Таким образом, богатство Баркидов, возможно, и не достигавшее умопомрачительной пышности, описанной Флобером на первых же страницах «Саламбо», носило, скорее всего, наследственный характер.

Если о предках Гамилькара нам не известно практически ничего, то судьба первого поколения его потомков, напротив, прослеживается достаточно четко. Предположительно, Гамилькар родился около 275 года до н. э., значит, командование сицилийским войском в 247 году получил будучи молодым (Корнелий Непот говорит о нем «admodum adulescentulus» [21], что все-таки кажется перехлестом). Имени его жены мы не

знаем, как не знаем и имен трех его дочерей, родившихся прежде сыновей. Старшая вышла замуж за Бомилькара, которому впоследствии довелось сыграть не последнюю роль в событиях 215–212 годов в качестве командующего карфагенским флотом; их сын Ганнон, едва перешагнув юношеский возраст, избрал военную карьеру и служил под началом своего дяди Ганнибала; как мы увидим позже, он внес немалый вклад в победу при Каннах. Вторая дочь Гамилькара вышла замуж за Гасдрубала, именуемого также Гасдрубалом Красивым. Очевидно, это случилось между 241 и 237 годами, пока тесть вместе с зятем не отправились в Испанию. Должно быть, она умерла молодой, потому что Гасдрубал затем женился вторым браком на иберийской принцессе. Третьей дочери Гамилькара досталась слава, пережившая века — благодаря гению Флобера, изобразившего, а вернее сказать, целиком выдумавшего ее под именем Саламбо, ибо на самом деле о ней известно лишь, что ее прочили в жены нумидийскому вождю Нараве (Полибий, I, 78).

Первый сын родился у Гамилькара в 247 году, то есть в год его отъезда в Сицилию. Мальчика в честь деда назвали Ганнибалом, что по-финикийски означает «пользующийся милостью Баала» (Hnbcl). Вскоре на свет появились еще два сына: Гасдрубал (по-финикийски «мне помогает Баал» — Zrbcl), — во время италийского похода Ганнибала он возглавил командование войсками в Испании и был убит в 207 году на берегах Метавра, спеша на выручку брату, — и Магон (Mgn, по-финикийски «дар»), сражавшийся в Лигурии на завершающем этапе италийской кампании и, если верить Титу Ливию (XXX, 19, 5), погибший в море в 203 году, на пути домой. Всех трех братьев разделяла очень небольшая разница в возрасте. Нет никаких сомнений, что Гамилькар возлагал на сыновей большие надежды, и вполне правдоподобным выглядит анекдот,

пересказанный римским историком Валерием Максимом (IX, 3, 2). Глядя на увлеченно игравших мальчишек, Гамилькара якобы воскликнул: «Вот львята, которых яращу на погибель Риму!»

Война с наемниками

Мы не знаем, какие мысли тревожили Гамилькара, когда он обсуждал с Лутацием условия мирного договора, положившего конец Первой Пунической войне, как не знаем, предвидел ли он, что последствия этого договора скажутся на судьбе его родины немедленно. Он сложил с себя полномочия полководца еще в Сицилии, препоручив заботы об армии командующему лилибейским плацдармом Гискону, а сам вернулся в Карфаген. О том, что он предпринял дальше, мы можем только догадываться. Весьма вероятно, что он попытался завязать нужные связи в кругах, враждебно настроенных к клану, возглавляемому Ганноном, однако точных сведений об этом у нас нет, а потому следует отвергнуть как недостоверную версию о якобы имевшем место тайном сговоре с неким «царем» Бомилькаром II, о котором не упоминает ни один из источников. На самом деле Бомилькаром звали командующего карфагенским флотом, женатого на старшей дочери Барки (G. Picard, 1967, p. 68). Известно лишь, что некоторое время спустя восставшие солдаты-наемники, служившие под его началом в Эрике, вменили Гамилькару в вину его отставку, посчитав, что он принял ее по собственной воле (Полибий, I, 68, 12). Легко представить себе, что должен был чувствовать так и не побежденный врагом полководец, которому эту отставку навязали свыше. Очевидно, он как никто сознавал всю опасность возвращения в Африку войска, требовавшего платы за свой ратный труд, в то время как государственная казна совершенно опустела. Дальнейший ход событий показал, что его опасения имели под собой все основания.

Разумеется, особой статьей подписанного с Римом мирного договора предусматривалась немедленная эвакуация тысяч солдат, скопившихся в окрестностях Лилибея, — наемников, найденных с бору по сосенке, а также ливийцев, являвшихся подданными Карфагена. Их отправкой в метрополию занялся Гискон. Он действовал достаточно мудро, понимая, что массовое прибытие в Карфаген тысяч вооруженных людей чревато нежелательными последствиями, а потому разделил войско на небольшие отряды, отбывавшие из Сицилии поочередно. Тем самым он давал правительству возможность собраться с силами и постепенно выплатить солдатам причитавшееся им жалованье, после чего те могли спокойно убраться каждый к себе на родину. Однако серьезные денежные затруднения, испытываемые Карфагеном, заставили сенаторов совершить крупную ошибку. Они решили, что если собрать в городе всех наемников сразу, то с ними легче будет договориться об уменьшении обговоренных сумм (Полибий, I, 66, 5). В результате случилось то, что и должно было случиться: мающиеся бездельем и нетерпением люди очень скоро превратились в озлобленную толпу, готовую на любые бесчинства, — те самые бесчинства, на которые туманно намекает Полибий и которые вдохновили Флобера на создание красочной картины пиршества в «садах Гамилькара».

Положение становилось угрожающим. Совет старейшин согласился выдать каждому солдату по золотому статеру «на пропитание» с тем условием, что нежеланные гости покинут город, прихватив имущество и семьи (последнее требование, по мнению Полибия, вызвало особенное раздражение наемников), и под руководством командиров соберутся в Сикке — городе, известном своей 800-метровой скалой (по-арабски «эль-Кеф»), нависающей над западной оконечностью тунисского хребта. Почему именно в Сикке? Очевидно,

решающую роль сыграли соображения типа «чем дальше — тем лучше». Действительно, наиболее короткий путь, вначале пролежавший параллельно внутреннему течению Меджерды, а затем пересекавший Туггу (ныне Дугга) и Мусту (ныне Эль-Криб), насчитывал около 200 километров, отделивших Карфаген от его бывших верных солдат. К тому же Сикка, притулившаяся на самом юго-западе африканской территории Карфагена, вклиниваясь углом в нумидийскую страну, населенную массаидами, больше походила на военный лагерь, чем на город, во всяком случае с тех пор, когда Ганнон завладел Тевестой. Полибий описывает, как проводили эти люди свои дни в полнейшей праздности, не зная, куда себя девать, от нечего делать предаваясь пустым мечтам и в сотый раз подсчитывая, сколько именно задолжал им Карфаген. Флобер «от себя» добавил к этой картине присутствие «жриц Таниты» (скорее уж Астарты) и живописно изобразил храм Венеры, впоследствии действительно прославивший город (в римскую эпоху его так и именовали — Венера Сикка). Впрочем, точных сведений о том, что здесь практиковали священную проституцию [\[22\]](#), с которой солдаты Гамилькара уже столкнулись в Эрике с его храмом Венеры Эрицинской, у нас нет, хотя, если правда, что эту традицию принесли в Сикку элимы из Сицилии, то она должна была иметь очень древнее происхождение.

Вести с наемниками переговоры прибыл в Сикку Ганнон — недавний покоритель Тевесты и верховный главнокомандующий карфагенской армии. Он нажимал главным образом на плачевное состояние карфагенских финансов и уговаривал солдат согласиться на получение меньшего по сравнению с уговором жалованья. Восторга в слушателях его речи не вызвали. Ситуация осложнялась тем, что солдатская масса

представляла собой настоящую мешанину наций и языков. Помимо уроженцев Африки ливийцев, составлявших большинство (к ним мы еще вернемся), Полибий (I, 67, 7) упоминает иберов, галлов, лигуров, жителей Балеарских островов и тех, кого греческий историк именовал «полугреками», употребляя крайне редкий термин «*míxhellenes*» и уточняя, что почти все они были дезертирами или беглыми рабами. Обратиться ко всем сразу не представлялось никакой возможности, и Ганнону пришлось вести переговоры с каждым отрядом по отдельности, а в качестве переводчиков использовать командиров. Последние или хитрили, или действительно плохо понимали, что им предлагают, во всяком случае солдаты слушали Ганнона настороженно и не собирались с ним соглашаться. Они вообще не доверяли ему и не понимали, почему должны договариваться с этим подозрительным типом, которого они не знали и под чьим началом не служили. Кончилось все тем, что солдаты взбунтовались против собственных командиров и двинулись на Карфаген. Не дойдя 20 километров до пунийской столицы, они разбили лагерь на берегу озера, неподалеку от Тунета (ныне Тунис).

Теперь в Карфагене поняли, какую глупость совершили, позволив наемникам собраться вместе в столь угрожающем количестве. Их даже нечем было припугнуть — ведь им разрешили забрать с собой все имущество и увезти с собой в Сикку семьи! А солдаты уже почуяли свою силу. Чем стремительнее рос страх обитателей города перед вооруженной солдатней, тем жарче разгорались их аппетиты (Полибий, I, 68, 6). Они уже вытребовали себе положенное жалованье, но теперь этого им казалось мало. Они хотели, чтобы им оплатили стоимость оружия, павших коней и хлебного пайка сразу за несколько лет, и притом в кратчайшие

сроки. Вести переговоры с Гамилькар Баркой они наотрез отказались, считая, что он их если и не предал, так бросил, но согласились встретиться с Гисконом, который командовал ими в Лилибее, а затем так умело организовал их отправку с Сицилии.

Гискон начал с выплаты жалованья, однако с компенсацией за хлеб и коней просил подождать. Этой отсрочкой как предлогом немедленно воспользовались двое вождей наемных отрядов, представлявших интересы той части войска, которую совершенно не устраивало мирное разрешение конфликта. Они и взяли на вооружение политику «чем хуже, тем лучше». Наибольшую опасность таил в себе некто Спендий — «полугрек» родом из Кампании, беглый раб и римский дезертир, то есть человек без будущего и без надежд. Полибий (I, 69, 4) описывает Спендия как сильного и смелого воина — в отличие от Флобера, запечатлевшего под этим именем труса и подлеца, резко противопоставленного мужественному Матосу. Помимо этого Спендий обладал незаурядным тактическим чутьем и талантом к иностранным языкам, которыми среди окружавших его дикарей мало кто мог похвастать. Ему не составило труда убедить вожака ливийцев Матоса действовать с ним заодно. Правда, у Матоса имелись собственные причины опасаться мирного исхода переговоров. Уроженец Африки, он понимал, что в случае чего ему бежать от гнева карфагенского сената некуда, и потому с жаром принялся убеждать своих соотечественников, что возвращаться на родину им никак нельзя, потому что мстительная рука Карфагена достанет их и там. Когда стало известно, что Гискон отказался выполнить все требования наемников сразу, в их стане поднялась большая суматоха. Солдаты собирались кучками и кричали до хрипоты. Но Спендий и Матос сумели очень скоро направить всеобщее недовольство в нужное им

русло. Если взять слово пытался кто-либо из несогласных с ними, они так умело заводили толпу, что несчастному не давали говорить, а со всех сторон неслись яростные крики: «Бей его!» Полибий (I, 69, 12), описывая эти сцены, использует греческий глагол «balle», но что именно орала возбужденная солдатня, мы, конечно, можем только догадываться. Гискон все еще не оставлял надежды договориться по-хорошему с мятежным войском, однако и его терпению настал предел. Когда за своей долей добычи к нему явились африканцы, он посоветовал им обратиться к «своему начальнику», то есть к Матосу. В ответ разъяренные солдаты, подстрекаемые Спендием и Матосом, кинулись громить сундуки карфагенских воинов, а самих их вместе с Гисконом захватили в плен.

«Беспощадная» война и восстание африканцев

Итак, непоправимое свершилось. Наемники объявили Карфагену беспощадную войну — «*rolemos aspondos*», как пишет Полибий (I, 65, 6), то есть буквально войну без пощады к побежденному, войну на уничтожение. Греческий историк, которому и на сей раз не изменила его обычная пронциательность, совершенно справедливо указал, за счет какого «топлива» пылал костер этой войны. Почти повсеместно на территориях, подвластных Карфагену, царило такое ожесточение, что взбунтовавшиеся наемники, особенно ливийцы, чувствовали себя словно рыба в воде. Во время сицилийской кампании, потребовавшей колоссальных расходов, карфагенский сенат и так выжимал все соки из жителей африканских территорий. Полибий (I, 72, 2) утверждает, что в эти годы налоги с горожан выросли вдвое, а у крестьян отбирали половину урожая. Чтобы правильно оценить размах этой конфискационной политики, необходимо вспомнить, в каком положении находились ливийские крестьяне под владычеством Карфагена.

Как бы велико ни было искушение распространить на эту область наши знания о крестьянском земледелии на африканских территориях во времена Римской империи, поддаваться ему не следует. Вопрос этот достаточно сложен, хотя изучен неплохо, в частности, относительно периода II–III веков н. э. Основной источник сведений — каменные таблички, найденные при раскопках в среднем течении Меджерды, на которых сохранились выбитые законы и правила, регламентирующие порядок организации фермерских хозяйств в подчиненных империи областях. «Римский

юридический гений изобрел „четырёхслойную“ систему права собственности на одну и ту же землю: первым, основным и вечным собственником являлся римский народ; затем шел „хозяин“ — император или крупный землевладелец; затем — арендатор-откупщик; наконец, колон, распорядившийся двумя третями производимой продукции» (G. Picard, 1990, p. 64). Таким образом, колоны, отдавая треть урожая и отработывая определенное количество дней на «барщине» в пользу арендатора, получали право владения своим участком земли вместе с прилегающим к нему домом, включая право его продажи и передачи по наследству. Шла ли речь об имперских землях или латифундиях, принадлежавших крупным землевладельцам, в Риме предпочитали именно такую систему косвенного налогообложения. От системы прямых налогов ее выгодно отличало отсутствие необходимости привлекать к работе тысячи рабов и сельскохозяйственных рабочих, представлявших собой наиболее нестабильную часть общества. Крупные восстания рабов, потрясавшие Республику на протяжении двух последних веков ее существования, достаточно напугали Рим и послужили ему хорошим уроком. Шестидесят с лишним лет назад выдающийся исследователь истории античной Африки Стефан Гзель опубликовал статью под названием «Сельские рабы в римской Африке» (S. Gsell, 1932), в которой доказал, что никаких сельских рабов на самом деле там не было.

Что касается пунической Африки, то здесь, насколько мы можем судить с учетом многочисленных «белых пятен» в наших познаниях, дело обстояло совершенно иначе. Полибий (I, 71, 1) указывает на существование хоры — территории, управляемой непосредственно Карфагеном и охватывавшей главным образом земли у мыса Бон, в районах, близких к Северному Тунису и в бассейне среднего течения

Меджерды. Именно эти земли служили городу главным источником сельскохозяйственной продукции, притом в количествах, достаточных для его обеспечения. Благодаря обилию рабской рабочей силы хозяйство на этих землях велось способом, принятым в эллинистическую эпоху. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники подтверждают, что в сельском хозяйстве Карфагена широко использовался труд рабов, источником пополнения которых служило, во-первых, пиратство, а во-вторых, войны. В 310 году, когда тиран Сиракуз Агафокл одержал победу над карфагенянами при Тунете, он обнаружил в оставленном ими лагере тысячи штук наручников, предназначавшихся для будущих пленников, которыми надеялась разжиться армия пунийцев. И действительно, уже на следующий год, когда военная удача отвернулась от Агафокла, сицилийским грекам, попавшим в рабство, пришлось заняться возделыванием целинных или разоренных войной земель (Диодор Сицилийский, XX, 13, 2; 69, 5). Еще полвека спустя римские солдаты, занявшие под предводительством Регула мыс Бон, увезли на своих судах более 20 тысяч рабов (Полибий, I, 29, 7).

Но поддержали мятежников вовсе не те сельские рабы, которые трудились на богатых и плодородных землях хоры, непосредственно соседствующей с Карфагеном. Тысячи людей, присоединившихся к наемникам, — 70 тысяч, если верить Полибию (I, 73, 3), — состояли в основном из «ливийцев», то есть африканцев, в частности, жителей внутренних сельских районов, сохранивших свою свободу, но вынужденных выплачивать Карфагену дань «натурой». Вместе с поборами, взимаемыми с горожан, этот натуральный оброк, опять-таки по свидетельству Полибия (I, 71, 1), и служил источником финансирования общественных, в том числе и военных, расходов Карфагенского государства. В последние годы сицилийской войны эти

расходы так выросли, что крестьянам приходилось отдавать половину своего урожая. Одним из инициаторов конфискационных мер выступил как раз покоритель Тевесты Ганнон, следовательно, нечего удивляться, что наемники категорически не желали иметь с ним дело в качестве посредника.

Порой в научной литературе предпринимались попытки квалифицировать широкие народные волнения, которыми умело воспользовались мятежные наемники, как «революцию» (G. Picard, 1967, p. 70). Нам это понятие представляется слишком политически насыщенным, чтобы применить его к рассматриваемому случаю. Революций не бывает без политических целей, не важно, провозглашаются эти цели до или после переворота. Но никакой политической стратегии у мятежников не видно. Мало того, известные нам факты свидетельствуют, что классических проявлений социальной смены ролей, характерной для любой «жакерии», в том числе и вспыхнувшего в самой Африке несколькими веками позже движения «цирконцеллионов», здесь не наблюдалось. Так что на революцию бунт, поднятый мятежниками, явно не тянул. Тем не менее волна всеобщего недовольства, захватившая ограбленных Карфагеном африканских крестьян, вылилась в действенную и почти автоматическую солидарность с вооруженными людьми, посмевшими восстать против их обидчика. В эллинистической историографии особенно подчеркивается проявляющаяся в подобных обстоятельствах коллективная солидарность женщин, превратившаяся в своего рода клише. И у нас нет оснований не доверять Полибию, когда он утверждает (I, 72, 5–6), что в африканских городах женщины массовым порядком продавали свое личное имущество и украшения и несли деньги в казну мятежников. За счет этих средств Спендий и Матос уплатили солдатам

все, что тем причиталось, и у них еще осталось достаточно ресурсов на ведение собственной кампании. Если согласиться с приводимой Полибием цифрой, проверить которую все равно невозможно, и допустить, что к восставшим присоединилось 70 тысяч ливийцев, то получается, что армия наемников насчитывала около ста тысяч бойцов. Матос разделил их на несколько отрядов: одним предстояло отправиться к северо-западу от Карфагена на помощь войскам, осадившим Утику и Бизерту; других он отправил к Тунету, где уже сосредоточились крупные силы, угрожавшие пунической метрополии с юго-запада. Таким образом перешеек, на котором стоял город, оказался в тисках, а сам он был отрезан от остальной территории страны.

В Карфагене наконец-то спохватились. Срочным порядком принялись собирать войско из заморских наемников и собственных горожан, способных носить оружие. Последние образовали несколько кавалерийских отрядов. Нашлась и сотня боевых слонов. Одновременно из кораблей, уцелевших после сицилийской войны — трирем и квинкверем, — сформировали эскадры. Очевидно, именно с их помощью Ганнону и удалось переправиться к Утике. Слонов, скорее всего, переправили на плотках. Наемники, конечно, позаботились о том, чтобы сделать невозможным всякое сообщение между обоими городами, однако не будем забывать, что в ту эпоху — эпоху, уже подходившую к концу, — Утика еще имела открытый доступ к морю, а мятежники контролировали только сухопутные подходы. Недавние исследования, проводившиеся совместно археологами и специалистами по геоморфологии, позволили с точностью установить, как выглядел ландшафт в дельте Меджерды в ту эпоху, то есть к концу III века до н. э. (R. Paskoff, H. Slim et P. Troussset, pp. 522–524).

Итак, Ганнон добрался до осажденных жителей Утики и получил от них орудия тогдашней артиллерии — катапульты и баллисты. Обрушившись с тыла на укрепления противника, он нанес им первое поражение, успех которого не в последнюю очередь обеспечили слоны, обратившие наемников в беспорядочное бегство. Уцелевшие после побоища солдаты укрылись на расположенном неподалеку лесистом холме, возможно, это была нынешняя невысокая гора Мензель-Гхуль. Ганнон, привыкший сражаться с нумидийскими бандами, которые, получив первый чувствительный удар, разбежались без оглядки кто куда, решил, что дело сделано, и, оставив свое войско, отбыл в Утику, дабы, как скупно сообщает Полибий, «уделить внимание своему телу» (*peri ten tou somatos therapeian*) (I, 74, 9). Этой туманно-лаконичной фразы Флоберу оказалось достаточно, чтобы изобразить картину, которая наверняка понравилась бы Тома Кутюру, автору полотна «Римляне времен упадка», ставшую гвоздем Салона 1847 года. У Флобера глазам зрителя предстает тучный «суффет» в окружении экзотического вида юношей-«банщиков», который оmyвает свои раны в коричневом масле, одновременно лакомясь самыми изысканными блюдами. Наемники не упустили своего шанса. Напав на лагерь, оставшийся без командира, они перебили большое число солдат, а остальных заставили бежать за крепостные стены Утики, но главное — захватили осадные орудия, в панике брошенные войском Ганнона. Некоторое время спустя пунийский военачальник еще раз повторил ту же ошибку, когда пренебрег реальными шансами на победу и не решился дать бой наемникам возле местечка, которое Полибий называет Горза и которое мы бы не спешили идентифицировать с Гурзой (ныне Калаа-Кебира), отмеченной в более поздних источниках, относящихся уже к римскому периоду, поскольку Гурза

располагалась всего в двенадцати километрах от Гадрумета (ныне Сус), то есть далеко от Утики.

С этим моментом связано и новое появление на исторической сцене Гамилькара Барки, который после своего возвращения из Сицилии в 241 году оставался в тени и, судя по всему, в опале. Карфагенский сенат вынес справедливую оценку бездарным действиям Ганнона и передал командование небольшой армии (около 10 тысяч воинов и 70 слонов) несчастному герою Эрика. Первая же проведенная Гамилькаром операция, которую подробно описывает Полибий, доказала, что он в полной мере владел и талантом стратега, и тактическим чутьем, позволявшими ему верно оценивать ситуацию, принимать нужные решения и немедленно претворять их в жизнь. Эти качества он передал по наследству и своему сыну Ганнибалу.

Победа Гамилькара при Макаре

Мы знаем, что наемники держали под контролем перешеек, связывающий Карфаген с континентом, перекрыв все тропы в предгорьях вершин Аммара и Нахли, подступавших к городу с запада. Полибий (I, 75, 5) добавляет, что восставшие прочно удерживали единственный мост через Меджерду (У греческого историка называемую Макаром), открывавший путь на Утику. Сегодня довольно трудно определить, в каком именно месте древнего русла реки располагался этот мост: то ли он был переброшен через ее правый приток, тогда впадавший в море с севера от горы Аммар (в этом случае береговая линия намного отстает от теперешней), близ нынешнего местечка Аль-Шебала; то ли, что менее вероятно, пересекал ее чуть выше по течению, возле Джибейды, в той точке, где русло реки за прошедшие столетия совсем не изменилось. Так или иначе, но Гамилькар заметил, что при определенном направлении ветра — по всей вероятности, восточном — в устье реки, вдоль морского побережья, наметало такое количество песка, что переход водного потока вброд становился вполне реальным делом. Рассказ Полибия тем более заслуживает доверия, что в дальнейшем тот же природный феномен привел к появлению на другом берегу реки песчаной гряды, отделившей от моря соленое озерцо Эр-Риана, и превращению в болотистые отмели бывшего залива Утики.

Гамилькар воспользовался первой же подвернувшейся возможностью и ночью форсировал устье реки по этой импровизированной гати, чтобы врасплох напасть на охранявших мост мятежников. Оказавшись зажатым в тиски между небольшим

отрядом, охраняющим мост, и основными силами восставших, спешивших на помощь своим со стороны Утики, он сделал вид, что отступает, развернул свое войско так, что ударная его часть, сосредоточившаяся в арьергарде, оказалась лицом к лицу с противником, и вынудил того начать беспорядочную атаку (Полибий, I, 76, 5; о деталях операции см. W. E. Thompson, 1986, pp. 110-117). Сражение завершилось жестоким поражением наемников, потерявших в этом бою восемь тысяч солдат, в том числе две тысячи пленными. Остатки их войска разбежались кто в сторону Утики, кто к Тунету. Гамилькар занял мост и произвел «расчистку» окружающей территории.

Это был первый осязаемый успех, который несколько поднял моральный дух карфагенян, хотя все понимали, что положение оставалось угрожающим. Матос по-прежнему держал в осаде Бизерту; когда же армии Спендия удалось соединиться с многочисленными отрядами галлов, выступавшими под командованием некоего Автарита, Гамилькар, запертый на крохотном пятачке, со всех сторон окруженном горами (некоторые полагают, что этому пятачку соответствует цирк Хангет-эль-Хаджхадж, расположенный к юго-востоку от Туниса, неподалеку от древнего Нефериса; см. S. Gsell, 1921, III, p. 112, прим. 3), оказался в большой опасности. Положение усугублялось еще и тем, что в тылу у карфагенян держался отряд нумидийских всадников. К счастью, с ними удалось договориться. Гамилькар пообещал командиру нумидийцев Нараве, связанному с Карфагеном старинными родственными связями, в жены свою дочь, если тот вместе со своим двухтысячным отрядом согласится перейти на их сторону. Об обещанной невесте в истории не сохранилось никаких сведений, кроме того, что она была третьей дочерью карфагенского полководца; зато

Флобер наделил ее иератическими чертами и почти колдовским очарованием самой «загадочной» героини исторических романов, заодно придумав ей и имя — Саламбо. С помощью Нараваса и его всадников Гамилькар сумел выпутаться из ловушки. Одержав победу в трудном бою, пунийский военачальник повел себя с большой мудростью. Взятым в плен вражеским солдатам, которых, если верить Полибию (I, 78, 13), насчитывалось четыре тысячи, он предложил перейти на свою службу и даже выдал им вооружение из трофейной добычи; тех же, кто это приглашение не принял, просто отпустил на все четыре стороны.

Хитроумная дипломатия Гамилькара поставила под угрозу успех политики «чем хуже, тем лучше», проводимой главарями наемников. Мягкость обращения карфагенян с побежденными служила слишком серьезным искусом и вполне могла вызвать массовое дезертирство из их рядов. Чтобы не допустить этого, следовало совершить нечто такое, что уничтожило бы всякую надежду договориться по-хорошему. В руках наемников все еще находились бывший управитель Лилибея Гискон и сотня-другая воинов, вместе с ним прибывших в Сикку для ведения переговоров с мятежниками. Галльский предводитель Автарит, свободно говоривший по-пунийски, принялся обрабатывать солдат, подговаривая их казнить Гискона и весь его отряд мучительной казнью. Несколько здравомыслящих голосов, призывавших к милосердию, без следа потонули в общих трусливых воплях. Гискона и его товарищей казнили.

Весть об их гибели привела Карфаген в страшное волнение. Как водится, несчастья посыпались на город одно за другим. В Сардинии взбунтовалась тамошняя наемная армия, захватившая власть над островом. Как мы вскоре увидим, удерживали они ее недолго, однако именно их восстание стало первым звеном в цепочке,

завершившейся утратой Карфагеном Сардинии. Утика и Бизерта, до сих пор хранившие верность метрополии, вдруг перевернулись к врагу. В довершение всех бед погиб застигнутый бурей в море крупный караван с продовольствием и оружием, шедший из Эмпорий, то есть из мелких факторий, подвластных Карфагену и расположенных на побережье Малого Сирта.

Карфаген действительно оказался в очень трудном положении, и внешние его враги вполне могли использовать это обстоятельство к своей выгоде. Однако ничего подобного не произошло. Сиракузский тиран Гиерон охотно откликнулся на просьбу карфагенян и помог с продовольствием. Конечно, с 263 года, когда началась сицилийская война, он обещал лояльность Риму, однако, как отмечает Полибий (I, 83, 3), перспектива остаться один на один со слишком могучим покровителем его явно не прельщала. Помогая Карфагену устоять, Гиерон прежде всего заботился о защите собственного царства. Что же касается римлян, то они не предприняли ровным счетом ничего, чтобы добить ослабленного врага, и предпочли ограничиться ролью стороннего наблюдателя, строго соблюдающего условия «договора Лутация». Так, они отвергли предложение жителей Утики, готовых распахнуть перед ними ворота своего города, потому что это означало бы нарушение договора. Точно так же — во всяком случае, в тот момент — они не ответили на призыв мятежников Сардинии, пытавшихся залучить их к себе на остров. Но и по отношению к африканским мятежникам Рим демонстрировал удивительную сдержанность. Правда, был один эпизод, когда Рим слегка «повздорил» с карфагенским правительством. Дело в том, что пунийцы арестовали и бросили в темницу итальянских торговцев, доставлявших продукты питания мятежникам. Рим прислал своих эмиссаров, которые и потребовали вернуть пленникам — общим числом около пятисот

человек — свободу. Карфаген уступил, но лишь в обмен на собственных военнопленных, захваченных Римом в ходе сицилийской кампании (Полибий, I, 83, 5-8). Впоследствии Рим спокойно закрыл глаза на то, как Карфаген вербовал себе наемников в Италии, хотя это явно противоречило условиям договора Лутация (Аппиан, «Libуса», 5). Мы уже видели, что именно это наспех набранное войско позволило Ганнону дать первый отпор мятежникам. Мало того, римский сенат не чинил никаких препятствий купцам, снабжавшим Карфаген всем необходимым, в то же время категорически запрещая им предлагать свои товары бунтовщикам. Приходится констатировать, что римских патрициев и карфагенскую аристократию, заседавшую в Совете старейшин, связывало чувство настоящей, искренней солидарности, как это уже отмечалось историками (G. Picard, 1967, p. 72). Несмотря на соперничество между обоими городами, и тут и там прекрасно понимали: угроза, которую несли Карфагену мятежники, касалась не только его, но имела международный характер. Бунт — штука заразная, и в Риме успели в этом убедиться в 265 году, когда на завершающем этапе покорения Южной Этрурии пришлось подавлять восстание рабов города Вольсинии (ныне Больсена).

Отстранение Ганнона

Стремясь как можно скорее покончить с мятежными наемниками, Гамилькар решил удвоить свои силы и предложил Ганнону объединить обе армии в одну. Однако взаимная антипатия обоих полководцев достигла к этому времени такой остроты, что в дело вмешалось общественное мнение. Карфагеняне постановили, что один из военачальников должен будет уйти, а право выбора единственного командующего армией предоставили самим солдатам. Формулировка, используемая Полибием (I, 82, 5), позволяет предположить, что такое решение, важнейшие последствия которого не замедлили сказаться, было принято народным собранием. Этот эпизод подтверждает усиление политической роли народного собрания в описываемую эпоху. Мимо него не прошел и Полибий, увидевший в этом явлении пагубное отклонение от конституции в том виде, какой известен нам благодаря Аристотелю (M. Sznycer, 1978, pp. 581–583; S. Lancel, 1992, pp. 134–136). Как бы там ни было, Ганнона из армии убрали, а в помощники Гамилькару назначили Ганнибала еще одного полководца, которого не следует путать с сыном Гамилькара, в ту пору еще ребенка. Этот Ганнибал приходился сыном другому Гамилькару — снова перед нами обилие тезок, способное заморочить голову современному историку, — которого иногда называли Гамилькаром Паропосским по имени сицилийского города, под которым он отличился в годы Первой Пунической войны (261–255). Впрочем, кажется установленным, что решение о назначении заместителем Гамилькара этого самого Ганнибала принимала не армия, а опять-таки народное собрание, состоящее из граждан (*politai*), во

всяком случае, именно это утверждает Полибий (I, 82, 12).

Видя, в каком трудном положении оказался Карфаген, Матос и Спендий настолько осмелели, что вознамерились осадить сам город. Именно об осаде пишет Полибий (*poliorkein auten ten Karchedona*) (I, 82, 11), прекрасно разбиравшийся в тонкостях военного искусства, и у нас нет оснований ему не доверять. Гораздо больше нас занимает другой вопрос. Мы, к сожалению, не знаем, существовала ли уже к тому времени мощная тройная линия обороны, описанная Аппианом, которая защищала перешеек, на котором стоял город (S. Lancel, 1992, pp. 434-438). А Полибий имел возможность лично убедиться в ее эффективности, когда в 147-146 годах прибыл сюда вместе с войсками Сципиона Эмилиана и непосредственно наблюдал за штурмом осажденного города. Карфаген долго оборонялся, хотя нападавшие римляне имели в своем распоряжении не только огромные военные силы, но и мощные осадные орудия. Можно вслед за Стефаном Гзелем предположить, что эта линия укреплений как раз и появилась во время войны с наемниками, когда городу грозила серьезная опасность. Но и до этого Карфаген имел защиту в виде крепостного вала (*teichos*). В самом начале восстания, когда Матос захватил Тунет и осадил Утику, его солдаты время от времени подбирались к самым городским стенам, наводя ужас на его обитателей (Полибий, I, 73, 7). Впрочем, ни тогда, ни позже наемники так и не решились на штурм Карфагена. Перетянув на свою сторону Утику и отрезав таким образом перешеек от континента на северо-западе, мятежники предпочли перерубить все связи города с остальной территорией страны и надеялись вынудить его к капитуляции.

Ущелье Пилы

Но план удушения Карфагена так и не осуществился, во-первых, потому что город сумел наладить снабжение с моря, а во-вторых, потому что в командовании его армией наконец-то воцарилось согласие. После того как Гамилькару удалось вклиниться между передовыми отрядами мятежников, сосредоточенными возле городских стен, и их обозами, обрекая первых на голод, ситуация стала диаметрально противоположной. Из осаждающих наемники превратились в осажденных и думали теперь только о том, как бы поскорее убраться подальше от Карфагена. Война вступила в свою завершающую стадию, стремительно приближающуюся к развязке. Матос и Спендий привлекли на свою сторону ливийского вождя Зарзаса и с его помощью сколотили весьма значительную армию. Полибий (I, 84, 3) оценивает ее численность в 50 тысяч человек, но, скорее всего, он завысил эту цифру, желая преувеличить заслуги Гамилькара, которым он искренне восхищался и сравнивал карфагенского полководца с умелым игроком в триктрак — мы сегодня сравнили бы его с блестящим шахматистом. Мятежники использовали привычную для себя тактику, ранее доказавшую свою эффективность: они двигались параллельно войскам Гамилькара, вступая с ними в мелкие стычки, но старательно избегая широких равнин, где они оказались бы беззащитными перед слонами и конницей Нараваса. Из рассказа Полибия мы узнаем, что обе армии постепенно перемещались к югу, время от времени схватываясь в небольших сражениях, победа в которых чаще всего доставалась опытному и умелому Гамилькару, пока не достигли гористого района, где берут начало отроги

мыса Бон. И здесь Гамилькару удалось заманить основные силы противника — около 40 тысяч человек — в ущелье или теснину, которую, согласно Полибию (I, 85, 7), «из-за сходства с известным инструментом именовали Пилой». Флобер предпочел воспользоваться названием если не более благородного, то уж наверняка более опасного орудия и обозначил в своем романе это место как «ущелье Топора». Разумеется, ученые попытались отыскать этот зубчатый гребень и, опираясь на скудные топографические приметы, сообщаемые греческим историком, назвать точные координаты «арены», на которой разыгрался последний акт этой драмы. С одной стороны, окружающие горы должны быть достаточно высокими, чтобы послужить ловушкой, с другой — внутри «чаши» должна располагаться плоская площадка, достаточно просторная для того, чтобы там могли развернуться несколько десятков тысяч воинов, а главное, слоны, которые и решили исход боя. Один из крупнейших немецких историков, специализирующийся на географической идентификации мест античных сражений, считает, что разыскал ущелье Пилы неподалеку от залива Хаммаммет, где кружевные гребни горы Эль-Джедиди и горы Менцель (Atlas Arch. Tun., f. XXXVI) действительно образуют нечто вроде воронки, в которой вполне могли быть заперты отряды наемников (G. Veith, 1912, p. 550). Но, к сожалению, в этом древнем североафриканском гористом краю остроконечные гребни встречаются едва ли не на каждом шагу, а предлагаемая немецким специалистом точка расположена слишком близко к морю, чтобы полностью удовлетворить всем известным требованиям.

Так или иначе, но ловушка за мятежниками захлопнулась. Вскоре у них кончились съестные припасы, и им пришлось пустить в пищу вначале пленных, а потом и своих рабов. Предводители бунта

Спендий, галл Автарит и ливиец Зарзас поняли, что выхода у них нет, и вступили с Гамилькаром в переговоры. В карфагенский лагерь отправились эта троица и еще семь воинов, всего десять человек. Гамилькар продиктовал условия: он берет в плен ровно десять человек, а остальных, разоружив, отпускает на все четыре стороны. Мятежники эти условия приняли, и тогда Гамилькар уточнил, что под пленными он разумел именно десятерых «парламентариев». О, пунийская верность! [\[23\]](#) Разумеется, карфагенский полководец заранее предвидел, что произойдет, и не ошибся. При вести о том, что их главари в руках врага, африканские солдаты, которым, как утверждает Полибий (I, 85, 6), никто не потрудился разъяснить условий договора, решили, что их предали, и схватились за оружие. Гамилькар затоптал их своими слонами.

Развязка

Между тем Матос все еще удерживал Тунет. Вместе со своим помощником Ганнибалом карфагенский полководец обложил город с двух сторон, причем Ганнибал занял подходы к Тунету, ведущие из Карфагена (возможно, расположившись на холмах, которые в сегодняшнем Тунисе превратились в квартал Бельведер), а сам Гамилькара подошел к нему с юга. На открытом пространстве, хорошо видном с городских стен, устроили показательную казнь: Спендия и остальных пленников, захваченных в ущелье Пилы, прогнали по дороге и распяли на виду у всех. Полибий, склонный за любыми событиями видеть «руку» Тюхе [\[24\]](#), писал в этой связи, что «Фортуна словно нарочно давала каждому из соперников возможность подвергнуть друг друга самым жестоким мучениям» (I, 86, 7). В самом деле, Матос, улучив удобный момент, неожиданно напал на потерявшего бдительность Ганнибала, а затем, сняв с креста тело Спендия, распял на нем же незадачливого пунийского командира.

Мы помним, что Ганнибал стал заместителем Гамилькара по решению народного собрания после того, как солдаты потребовали убрать от них Ганнона. Не исключено, что к этому времени в Карфагене, как предполагает Г. Пикар (G. Picard, 1967, pp. 73–74), произошло новое усиление олигархической группировки, временно утратившей влияние, и комиссия из 30 человек, созданная при Совете старейшин (карфагенском сенате), воспользовалась этим обстоятельством, чтобы помирить Гамилькара с Ганноном и заставить их действовать сообща. Полибий (I, 87, 3) считал эту комиссию временным органом, тем не менее в 203 году, незадолго до битвы при Заме,

Совет Тридцати снова заявил о себе (Тит Ливий, XXX, 16, 3), так что можно предположить, что он действовал более или менее постоянно. Итак, прикрываясь лозунгом «национального единства», карфагенскому сенату удалось вернуть вечного Ганнона из политического небытия. На протяжении следующих 35 лет, как мы убедимся, он неизменно будет возглавлять «антибаркидскую» фракцию в сенате.

После примирения обоих карфагенских полководцев, успевших изрядно потрепать силы Матосу в многочисленных мелких стычках, последний решился дать решающее сражение. Где именно оно разыгралось, мы не знаем, возможно, неподалеку от города Малый Лептис (ныне Лемта, на побережье тунисского Сахеля); зато знаем наверняка, что Матос его проиграл и попал в плен. Флобер ничуть не погрешил против исторической правды, когда описал кровавый «парад», состоявшийся на улицах Карфагена и знаменовавший собой финал этого своеобразного соревнования, в котором каждый из участников стремился переплюнуть другого в жестокости [25]. Правда, от автора «Саламбо» ускользнул тот факт (впрочем, он об этом и не думал), что главные действующие лица триумфального шествия — «крестного пути» для Матоса — были *neoi* [26] города, предки тех *juvenes* [27], которые до самого конца Римской империи продолжали приносить человеческие жертвы [28] (Cl. Lepelley, 1980).

Казнь Матоса и его сподвижников своими картинными мучениями символизировала реванш, который одержал карфагенский полководец над своими на минуту освободившимися африканскими подданными. После этого, сообщает Полибий, вся Африка покорила Карфагену. Последними волю к сопротивлению демонстрировали Гиппон-Акра (ныне Бизерта) и Утика, не слишком рассчитывавшие, что

победитель проявит к ним милость, но и они в конце концов сдались, первый — Ганнону, вторая — Гамилькару. Сведения, которыми мы располагаем о дальнейшей судьбе этих двух городов и их взаимоотношениях с метрополией во время войны Ганнибала, позволяют думать, что условия их капитуляции отнюдь не носили характера драконовских. Жизнь, таким образом, постепенно возвращалась в привычное русло, хотя и не сразу. Наравас со своей конницей, как мы помним, оказал Гамилькару неоценимую услугу, однако прочие нумидийские племена, напротив, приняли сторону восставших наемников. Именно так поступили микатаны — плохо изученная народность, иногда отождествляемая с мукситанами, тесно связанными с историей Карфагена (S. Lancel, 1992, p. 280), — о которых нам известно лишь со слов Диодора (XXVI, 33), утверждающего, что по окончании «ливийской войны» они понесли заслуженное наказание. В это же время и другие нумидийские племена испытали на себе последствия совместного удара, нанесенного Ганноном и Гамилькаром (Аппиан, «Иберика», 4). По некоторым источникам, Гамилькар успешно использовал создавшееся положение, чтобы не только восстановить мир на всей африканской территории, но и расширить карфагенские владения (Аппиан, «История Ганнибала», 2; Корнелий Непот, «Гамилькар», II, 5). До каких пределов простиралась эта экспансия, нам неизвестно, однако не подлежит сомнению, что это была всего лишь территориальная компенсация. Дело в том, что восстание наемников — напомним, что шел 237 год до н. э. — привело к потере Карфагеном земли, больше трех столетий находившейся под его влиянием и даже под его властью.

Утрата Сардинии

Угроза нависла над пунийской Сардинией, очевидно, начиная с 239 года, когда Гамилькару, загнанному в угол Спендием и Автаритом, пришлось обратиться за помощью к Нараве. Наемная армия, стоявшая в Сардинии, прослышав о первых успехах в Африке своих братьев по оружию, взбунтовалась против карфагенян, находившихся на острове. Солдаты загнали в цитадель своего собственного командира — беотарха по имени Бостар, а затем убили его и всех его соотечественников. Сообщая об этом, Полибий (I, 79, 2), к сожалению, не указывает, о каком именно акрополе шла речь. Из Карфагена для подавления бунта выступил с войском полководец — еще один из бесчисленных пунийских Ганнонов, — которого постигла не менее печальная участь, поскольку по прибытии в Сардинию его воины в свою очередь взбунтовались. Если верить Полибию, который излагает этот эпизод почти скороговоркой, наемники довольно скоро захватили в свои руки весь остров и хозяйничали на нем, пока враждебно настроенное коренное население не вынудило их бежать в Италию. Что касается Рима, если первый призыв мятежников он пропустил мимо ушей, то на сей раз его реакция была иной.

Чем объяснить резкий поворот в политике римского сената? Почему от строгого соблюдения условий подписанного в 241 году «мира Лутация», в котором Сардиния даже не упоминалась, он совершил скачок к применению грубой силы? Разумеется, сыграло свою роль важное стратегическое значение острова. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы понять: Риму вряд ли нравился вытянутый в длину вражеский «корабль», бросивший свой якорь близ его западного

побережья. Но тогда почему пункт, касающийся Сардинии, не включили в условия договора 241 года? Скорее всего, в Риме считали, что Сардиния, после аннексии сицилийских владений оказавшаяся отрезанной от пунической метрополии, вскоре сама упадет им в руки, словно созревший плод. Действительно, в 238 году, когда наемники покинули остров, римские сенаторы решили, что он стал «бесхозным». Это объяснение несомненно лучше, чем то, о котором упоминает Полибий, правда, сам он его отвергает (III, 28, 3); в данном случае он только излагает точку зрения, бытовавшую в римской историографии, согласно которой захват Сардинии явился ответом Карфагену, захватившему в разгар войны с наемниками италийских торговцев в плен. Есть и еще одно соображение, принадлежащее Г. Пикару (1967, 74–76). Вполне возможно, что Рим испытывал весьма серьезное беспокойство в связи с резким возвышением Гамилькара Барки в ущерб Ганнону и возглавляемой им партии олигархов, а потому не мог отказать себе в удовольствии нанести болезненный удар по престижу героя Сицилии.

По всей видимости, к концу зимы 238/37 года (относительно хронологических разноголосий источников см. F. W. Walbank, 1957, pp. 149–150; W. Huss, 1985, p. 267) римский сенат уже снарядил экспедицию для высадки в Сардинии. Карфаген отреагировал немедленно, прислав в Рим посольство с поручением заявить о своих правах на остров. В ответ на свои претензии послы услышали, что любая попытка карфагенян проникнуть в Сардинию будет расценена как враждебные действия против Рима, за которыми последует объявление войны (Полибий, I, 88, 10–11; III, 10, 1–2). И Карфаген, ослабленный более чем трехлетней войной с наемниками, смирился с утратой Сардинии; туда прибыл консул Тиберий Семпроний

Гракх, заодно прихвативший и Корсику. Мало того, Карфаген согласился выплатить дополнительную контрибуцию в размере 1200 талантов, для чего к договору 241 года добавили несколько новых статей (Полибий, III, 27, 7). Греческий историк, обычно вполне сочувственно расценивающий все решения римского сената, подверг резкой критике этот «аншлюс», назвав его «второй и самой главной причиной» Второй Пунической войны (III, 10, 4). Первой, как мы помним, он считал личную неприязнь Гамилькара к римлянам. И в самом деле, бесцеремонная аннексия Сардинии заложила новый виток застарелой вражды между Римом и Карфагеном, вдребезги разбив лелеемую Ганноном и его единомышленниками, а может быть, кое-кем и в Риме, мечту о мирном сосуществовании обеих республик, разделенных Сицилийским проливом.

Глава II. Испанский период

Читатель, немного утомленный первой частью нашего повествования, насыщенной таким количеством событий, по большей мере кровавых, возможно, согласится чуть замедлить бег, дабы перевести дух, прежде чем мы последуем за Гамилькаром в Испанию, откуда нам, уже вместе с Ганнибалом, предстоит двинуться еще дальше — в Галлию и Италию. Мы воспользуемся этой краткой остановкой и попробуем уточнить, как складывалась обстановка на внутривосточной арене Карфагена к тому моменту, когда глава клана Баркидов отправился в Испанию в качестве — беспрецедентный случай в истории государства! — «проконсула». Заодно окинем беглым взглядом и источники, главным образом письменные, которые и послужили базой к созданию настоящей «эпопеи».

Полибий, Тит Ливий, Фабий Пиктор и другие

Всякий, кто соберется писать историю этой эпохи, должен помнить, что все свои «карты» ему придется выложить на стол сразу и немедленно. «Козырным тузом» будет, бесспорно, Полибий, которого мы уже неоднократно цитировали. Историк, отвергающий его свидетельства под тем предлогом, что их зачастую нечем проверить, может сразу же «закрывать лавочку». Латинская поговорка «*testis unus, testis nullus*» ^[29] в данном случае совершенно не годится, тем более что мы не в суде. К тому же, на наше счастье, наш «единственный очевидец» — отличный попутчик,

способный сделать совместное путешествие захватывающе интересным.

Полибий родился в самом конце III века в Мегалополе, на Пелопоннесе, в богатой аркадской семье, связанной родственными узами с Филопеменом [30] — последним героем угасающей Греции. Греки, зажатые со всех сторон, словно тисками, македонским милитаризмом и римским империализмом, переживали тогда трудные времена. Особенно нелегко приходилось людям, облеченным той или иной должностью, таким, как Полибий и подобные ему, кто всеми силами стремился сохранить хотя бы политическую независимость своей родины от Рима. Так, в 170 году Ахейский союз облек историка обязанностью гиппарха — начальника конницы. Поражение Персея при Пидне в 168 году [31] и окончательный крах македонской державы сопровождались устрашающей «чисткой» Ахейского союза. Тысяча ахейских граждан в качестве заложников была отправлена в Италию. В их числе оказался и Полибий. Но ему повезло. Как позже рассказал он сам (XXXI, 23, 4), ему удалось привлечь к себе внимание молодого Сципиона Эмилиана и стать в свои 35 лет советником, наставником и другом последнего. Тесное знакомство с правящей элитой римского общества, поездки в Испанию, Галлию и Африку (J.-M. Andre, M.-F. Baslez, 1993, pp. 46-47), где в 151 году он встречался с Масиниссой, наконец, личное присутствие в 147-146 годах под Карфагеном, на завершающей стадии осады города, наполнили эти два десятилетия его жизни бесценным опытом. Исследователи не раз справедливо отмечали его «этнографическую любознательность» (A. Momigliano, 1979, p. 40), но не менее страстно влекла его и география. Он даже предпринял своего рода «кругосветное путешествие» по следам Ганнона и

летом 146 года объехал все побережье нынешнего Марокко и Мавритании (J. Desanges, 1978, pp. 121-147). Он осмотрел все места боев, разговаривал с оставшимися в живых их участниками и очевидцами (в частности, в Альпах: III, 48, 12), держал в руках важнейшие документы, например, бронзовую табличку с мыса Лациний (ныне Капо делле Колонне) в Южной Италии, и, приводя данные о численности войск Ганнибала, предпочитал пользоваться именно этими сведениями, а не повторять сказанное другими историками (III, 33, 18). Имея доступ к римским архивам, в том числе к текстам целой серии римско-карфагенских договоров (III, 22-27), Полибий вместе с тем не пренебрегал и сочинениями предшественников, писавших историю своего времени. Так, повествуя о Первой Пунической войне, он пользовался трудами Филина Агригентского, по всей видимости, непосредственно наблюдавшего за развитием событий и державшего сторону карфагенян, а также Фабия Пиктора, который писал по-гречески, но, конечно, смотрел на вещи глазами римлянина. К Фабию Пиктору Полибий обращался также и при освещении Второй Пунической войны, сопоставляя его точку зрения с рассказом лакедемонянина Сосила, находившегося в лагере Ганнибала (и учившего полководца греческому языку и литературе), и еще одного грека, Силена, уроженца сицилийского города Кале Акте, также входившего в окружение карфагенского главнокомандующего (Корнелий Непот, «Ганнибал», 13, 3).

Полибий, который имел чрезвычайно высокое мнение о предназначении историка, в первую очередь стремился к установлению «этиологии» событий. Как мы вскоре убедимся, он упорно доискивался глубинных причин Второй Пунической войны, проводя четкое различие между истинной каузальностью (*aitia*),

предлогами (prophaseis) и внешним поводом (archai). Попав в Рим в качестве политического узника, он неожиданно получил здесь широчайшие возможности для расцвета своей личности, практически начал вторую жизнь и не мог не поддаться римскому обаянию, считая ключом к римским победам и завоеваниям римскую государственную систему и римскую форму правления (P. Pedech, 1964, pp. 303-330; J.-L. Ferrary, 1988, pp. 265-272).

Примечательно, что второй «великий свидетель» для нашей истории — Тит Ливий, современник Августа, само имя которого на заре нашей эры символизировало римское могущество. Как и Полибий, Тит Ливий оставил нам подробный рассказ о Второй Пунической войне, вошедший в его знаменитую третью «декаду». Благодаря исключительному интересу, который проявляли потомки к Ганнибалу, эта часть сочинения Тита Ливия дошла до нас в своем полном и неискаженном виде. Школяры эпохи классицизма поколение за поколением склонялись над пожелтевшим от времени пергаментом, больше похожим от долгого употребления на старую слоновую кость. Европейская гуманистическая традиция сделала из «Истории» Тита Ливия любимое детище переводчиков и комментаторов, постепенно приучив читателя чувствовать себя в пространстве его текстов удобно и комфортно, почти как у себя дома. Но подобная фамильярность не просто обманчива, она еще и опасна, потому что подспудно заставляет относиться к выводам автора чуть ли не как к откровениям Священного Писания. Блестящий стиль, умелое использование драматических эффектов и красота ораторских приемов серьезно заставляют забыть, что текст Тита Ливия следует воспринимать с осторожностью и он нуждается в своего рода дешифровке с учетом явной проримской ориентации падуанского историка. Как и к Саллюстию, к Титу

Ливию вполне применима отрезвляющая формулировка, предложенная сэром Рональдом Саймом: «Historians are selective, dramatic, impressionistic» [\[32\]](#). К тому же Тит Ливий не обладал поразительной любознательностью своего греческого предшественника и никакого «расследования на месте» не предпринимал. Справедливости ради отметим, что спустя 200 лет после событий изучение реальной обстановки, конечно, выглядело проблематичным. Вот почему сопоставление обеих историй почти на всем протяжении повествования (рассказ Полибия о войне с Ганнибалом дошел полностью до самой битвы при Каннах, в 216 году) и их сравнительный анализ крайне редко оборачиваются в пользу латинского автора. Курс, которым следуют оба автора, часто сливается в единую линию, а очевидных совпадений так много, что на ум порой приходит мысль о прямой «кальке». Один из примеров — описание перехода армии Ганнибала через Альпы (Полибий, III, 54, 4-55; Тит Ливий, XXI, 35, 10-37). Оба текста перекликаются столь явно, даже в деталях (правда, только Тит Ливий туманно намекает на использование солдатами уксуса), что многие весьма авторитетные ученые пришли к выводу о прямых заимствованиях, чтоб не сказать «списывании» отдельных кусков римлянином у грека (P. Jal, 1988, pp. XVI-XVII). Между тем не исключено, что Полибий и Тит Ливий просто пользовались общим источником, которым мог быть, например, Фабий Пиктор. Дело в том, что при всем обилии у обоих историков общих мест не меньше у них и расхождений. Раз уж мы заговорили о переходе через Альпы, сошлемся снова на тот же пример и напомним, что маршрут, каким двигалось войско Ганнибала, указан у историков совершенно по-разному.

Естественно, Тит Ливий пользовался и другими источниками, часть из которых он назвал сам. Это Г.

Ацилий, Клавдий Квадригарий, Валерий Антиат, но главным образом Целий Антипатр, который написал в конце II века до н. э. историю Второй Пунической войны в семи книгах, к несчастью, утраченных. От его труда остались лишь разрозненные фрагменты (*membra desiecta*), известные из цитат, особенно у Цицерона. Гибель «Истории» Целия Антипатра тем более достойна сожаления, что ее автор, судя по всему, широко использовал сочинения историографа Ганнибала Силена, к которому обращался также и Полибий.

Читателю уже встречались и будут встречаться в дальнейшем ссылки и на других античных авторов, которые по сравнению с двумя главными нашими источниками носят, конечно, второстепенный характер. Особого упоминания заслуживает, может быть, Корнелий Непот, во-первых, потому что он жил на целое поколение раньше Тита Ливия, а во-вторых, потому что, хотя и не считал себя историком, завершил свой «труд о великих полководцах чужеземных народов» кратким жизнеописанием Гамилькара и чуть более подробной биографией Ганнибала. К тому же времени — второй половине I века до н. э. — относятся немногие сохранившиеся фрагменты XXV, XXVI и XXVII книг Диодора, особенно интересны сведения о событиях в Сицилии. Пусть читателя не удивляет, что иногда мы будем привлекать к рассказу выдержки из сочинений поэта Силия Италика, о котором уже упоминали. По словам Плиния Младшего («Письма», III, 7), близко знакомого с автором «Пунических войн», этим последним римским консулом, назначенным Нероном в 68 году н. э., Силий не только слыл «трудоголиком», но и владел богатейшей библиотекой, наряду с трудами Тита Ливия включавшей и сочинения Валерия Антиата (G. Devallet, P. Miniconi, 1979, pp. XLVII-L). К сожалению, от Диона Кассия и его византийского толкователя Зонары нам мало толку, зато у еще одного грека —

Аппиана, — жившего в середине II века н. э., мы черпаем массу полезных сведений о Третьей Пунической войне и трагической гибели Карфагена (S. Lancel, 1992, pp. 429-446). Можно также использовать, правда, с известной осторожностью, принадлежащие ему же страницы, посвященные «испанской войне» и «войне с Ганнибалом».

Карфаген в 237 году. Отъезд Гамилькара в Испанию

Дорого дал бы современный историк за возможность узнать, что творилось в Карфагене, когда до его жителей дошла весть о потере Сардинии! Увы, целостной картиной происходивших тогда событий мы не располагаем и вынуждены довольствоваться разноголосыми отзывами, почерпнутыми из перечисленных выше книг. Ясно одно: город пришел в большое волнение, в эпицентре которого оказалась фигура Гамилькара Барки. Мир и спокойствие, вернувшиеся на карфагенскую землю, сильно омрачила горечь утраты заморского владения, и все понимали, что пробил час подвести итоги. По мнению Аппиана («Ибер.», 4), Гамилькара обвинили в том, что во время сицилийской кампании он надавал безответственных обещаний своим солдатам, в частности, сражавшимся под его началом кельтам, послужив тем самым косвенной причиной бунта. Ему грозил суд — вероятно, речь идет о Трибунале Ста или Ста Четырех; Аппиан, к сожалению, не дает точных данных. Однако Гамилькар сумел использовать свои связи с влиятельными карфагенскими кругами, популярными и в народе, и отвел от себя вздорные обвинения. Первым среди представителей этих кругов заслуживает упоминания Гасдрубал, с которым нам вскоре предстоит познакомиться поближе. В описываемое время он, судя по всему, только что успел жениться на второй дочери Гамилькара. Корнелий Непот утверждает («Гамилькар», III, 2), что по поводу этого брака в Карфагене распространился слух о необычайно тесной привязанности Гамилькара к красавцу Гасдрубалу; отзвук этого рассказа мы находим и у Тита Ливия (XXI,

2, 4). Мы повторяем этот слух исключительно ради того, чтобы подчеркнуть явно недоброжелательное отношение римского историка к карфагенскому полководцу. Гамилькара, заявляет Корнелий Непот, отдал Гасдрубалу руку своей дочери только потому, что хотел постоянно видеть его перед собой (по карфагенскому обычаю зять должен был жить в семье тестя). Римский историк пытается, правда, провести грань между собой и источником сплетен, повторяя, что злые языки никогда не отказывают себе в удовольствии очернить великого человека (*maledici tanto viro deese non poterant*), и все-таки он сам раздувал эту сплетню. Поскольку у Полибия мы не находим ни упоминания о суде над Гамилькаром, ни намек на его гомосексуальные склонности, современные исследователи приходят к мнению, что эта запоздалая клевета на человека, удостоившегося высочайшей оценки Катона Старшего (Плутарх, «Катон Старший», 8, 14), возникла под влиянием позднейшей римской историографии (W. Huss, 1985, p. 286), представленной в том числе Целием Антипатром (L. M. Hans-Gunther, 1991, p. 116). Очевидно, в русле все той же антибаркидской традиции следует рассматривать и утверждения Диодора Сицилийского (XXV, 8) о том, что после войны с наемниками, то есть как раз в то время, которое нас интересует — конец 238 — начало 237 года, — Гамилькара, используя бесчестно нажитое богатство, в том числе и военную добычу, собрал вокруг себя всякий карфагенский сброд, надеясь таким образом добиться дешевой популярности и надолго закрепить за собой пост главнокомандующего всей Ливией.

Диодор говорит о демагогии Гамилькара (в его тексте употреблено слово «*demokoria*»), однако полемический тон заставляет отнестись к этому сообщению с осторожностью. В то же время можно

считать установленным, что в Карфагене тех лет наметилась определенная эволюция государственной власти в сторону демократизации. Полибий (VI, 51) относит к «эпохе начала войны с Ганнибалом», то есть к периоду, наступившему через 20 лет, процесс разложения карфагенской конституции, к которой он, грек по рождению, относился не менее почтительно, чем Аристотель (S. Lancel, 1992 pp. 132-134). «У карфагенян, — отмечает он, — наибольшую силу во всех начинаниях имел тогда народ, а у римлян высшая мера значения принадлежала сенату. Тогда как у карфагенян совет держала толпа, у римлян — лучшие граждане» (VI, 51, 6-7). В этой связи представляется уместным напомнить о том, с каким вниманием греческий историк исследовал причины событий, не раз и не два приходя к выводу, что своим историческим успехом Рим прежде всего обязан разумно сбалансированной власти аристократии^[33]. Разлад в общественной жизни Карфагена, заслуживший неодобрение Полибия, мог начаться несколько раньше, чем полагал историк, на волне потрясений, вызванных войной с наемниками, то есть еще до того, как потеря Сардинии стала реальностью. Мы уже показали, что в переломный момент борьбы с мятежниками, возглавляемыми Спендием и Матосом, именно народное собрание настояло на отстранении от командования Ганнона и назначении заместителем Гамилькара другого военачальника. Спустя два-три года вполне мог повториться тот же сценарий развития событий, который не только обеспечил Гамилькару юридическую неприкосновенность, но и подтвердил его превосходство над Ганноном. Последний опять оказался отодвинут в сторону, хотя и сумел сохранить в сенате свое положение лидера группировки, противоборствующей Баркидам. Называть кризис 238-

237 годов «демократической революцией», наверное, все-таки не стоит, как не стоит и связывать с этим событием возникновение в Карфагене института ежегодно сменяемой коллегии суффетов (см. C. et G. Picard, 1970, p. 307).

Той же паутиной сомнений, сотканной из разногласия источников, опутан и вопрос о политической обстановке, сложившейся в Карфагене к моменту отъезда Гамилькара в Испанию. Согласно традиционной точке зрения, восходящей еще к Фабию Пиктору и поддержанной Аппианом («Ганнибал», 2; «Ибер.», 5; см. также Zonaras, VIII, 17), полководец отправился в Испанию по собственной инициативе, без санкции сената. Полибий ограничивается лаконичным сообщением (II, 1, 5) о том, что карфагеняне, восстановив порядок в Африке, отправили Гамилькара в Испанию во главе экспедиционного корпуса. Подробностей этого события мы, скорее всего, уже никогда не узнаем, но попробуем хотя бы в качестве гипотезы предположить, что Гамилькару не составило большого труда взять верх над сенатской оппозицией, вдохновляемой Ганноном и, как показывают все предпринимаемые ею в прошлом и в будущем шаги, стремившейся в первую очередь к укреплению и расширению африканских территорий. Можно ли думать, что в головах Гамилькара и его сторонников уже тогда бродили честолюбивые замыслы отбросить Рим со своих западных границ или хотя бы не дать ему и дальше распространять свою экспансию в этом направлении? Не эти ли замыслы и заставили Гамилькара ехать в Испанию? Вопрос сложный, и мы еще к нему вернемся, пока же просто отметим, что рудники Андалусии и сами по себе выглядели достаточно привлекательно, особенно, если вспомнить, что Карфагену, разоренному войной с наемниками и

лишившемуся Сардинии, приходилось выплачивать Риму нешуточную военную контрибуцию.

По всей видимости, Гамилькар отправился в дорогу весной или летом 237 года. Ни о составе, ни о численности его войска нам неизвестно ровным счетом ничего. Он покинул землю Африки, ступить на которую вновь ему было уже не суждено, возле Геркулесовых Столбов, иными словами, путь до Гибралтарского пролива он проделал по суше. Именно это утверждает Полибий (II, 1, 6), и мы поверим ему, а не Диодору (XXV, 10, 1), предположившему, что войско двигалось вплавь по северным рекам Магриба. Вместе с Гамилькаром уезжали его зять Гасдрубал и сын Ганнибал, которому исполнилось тогда девять лет.

С отъездом отца и сына связано зарождение первой из многочисленных легенд, которым отныне предстоит сопровождать всех представителей рода Баркидов, тесно сплетаясь с их реальной историей. Эпизод под условным названием «клятва Ганнибала», послуживший толчком к созданию легенды, пересказал опять-таки Полибий, и хотя он не единственный, кто осветил этот сюжет, именно ему удалось придать своему рассказу наиболее глубокий символический смысл. Накануне отъезда из Карфагена Гамилькар, как положено, принес жертвы богам, ожидая благих предзнаменований. Свершив обряд, он призвал к себе маленького Ганнибала и спросил, хочет ли мальчик вместе с ним отправиться в поход. Разумеется, ребенок с восторгом согласился, и тогда Гамилькар подвел сына к жертвеннику и велел поклясться, что никогда тот не будет другом римлян. По словам Полибия (III, 11), Ганнибал на закате своих дней, в 193 году, сам рассказал про эту детскую клятву укрывшему его Антиоху III, стремясь рассеять подозрительность по отношению к себе недоверчивого царя из династии Селевкидов. И хотя эта история с небольшими

вариациями фигурирует и в других римских хрониках (например, см. Тит Ливий, XXI, 1, 4; XXXV, 19, 3-4), новейшие исследователи не раз подвергали сомнению ее достоверность. Некоторые ученые (J.-P. Brisson, 1973, p. 132) отказываются в нее верить под тем предлогом, что, дескать, она возникла лишь во второй половине II века, когда перед Римом встала задача поиска моральных оправданий своей агрессии против Карфагена. Но как, скажите на милость, могла эта история просочиться раньше, если Ганнибал только в 193 году поведал ее Антиоху?!

Спор о подлинности описанного эпизода, разумеется, выходит за рамки исторического анекдота. Образ юного Ганнибала, приносящего на глазах отца клятву о вечной ненависти к Риму, имеет, конечно, прежде всего символическое значение. В качестве символа использовал его в уже упомянутом тексте и Полибий (III, 11), стремившийся добыть «моральное доказательство» справедливости собственного тезиса о причине Второй Пунической войны, которая, по его мнению, заключалась в непримиримой ненависти Гамилькара к Риму. Словно понимая, что всей его жизни не хватит на утоление этого всепоглощающего чувства, Гамилькар спешил завещать исполнение своей миссии потомкам. Легко заметить, что вся эта история перекликается со сценой, описанной Валерием Максимом, той самой, где Гамилькар сравнивал своих малолетних сыновей со львятами, подрастающими на погибель Риму.

Люди античности свято верили в исключительную силу великой личности и, возможно, не так уж и ошибались. По существу, Тит Ливий своей знаменитой и без конца цитируемой фразой: «*Angebant ingentis spiritus virum Sicilia Sardiniaque amissae*» [\[34\]](#) (XXI, 1, 5) лишь повторил сказанное Полибием. Чуть ниже он же

«додумал» за Гамилькара программу его возможных действий: «Проживи он дольше, карфагеняне под его началом затеяли бы в Италии войну, которую они развязали под командованием Ганнибала» (XXI, 2, 2). Или, как удачно выразился один из лучших специалистов по творчеству Полибия, греческий историк «видел в личности Гамилькара мост, переброшенный между Первой и Второй Пуническими войнами» (P. Pedech, 1964, p. 182). Того же мнения впоследствии придерживался и Тит Ливий.

Отметим, что оба наших главных источника — и римлянин, и грек — искренне верили, что Гамилькаром двигала жажда реванша. Но даже при той поправке на «коэффициент личного действия», которую мы обязаны сделать с учетом всех имеющихся сведений, не будем забывать, что в 237 году пунийский полководец являлся прежде всего проводником политики Карфагена, точнее, того ее направления, которое возобладало на этом историческом отрезке. В надежде поправить свои пошатнувшиеся дела и поскорее избавиться от тяжелого бремени военной контрибуции пуническая метрополия обратила свои взоры на запад, где с конца второго тысячелетия либо, самое позднее, с начала первого финикийские мореплаватели основали первые удаленные плацдармы и заложили фундамент разработки богатств сказочного эльдорадо.

Иберийский мир в эллинистическую эпоху

В пространстве ойкумены, описанной отцом античной географии Эратосфеном Киренским, во всяком случае, как мы себе это представляем (см. Cl. Nicolet, 1988, pp. 74–77 и ил. 24), Иберийский полуостров занимал положение «субконтинента», располагаясь на крайней западной оконечности известного мира — подобно тому, как Индия находилась на восточной его границе. Благодаря огромным пространствам, гористому рельефу, суровому климату и не менее суровому нраву его обитателей к середине III века до н. э. эти земли практически не имели контактов с внешним миром. Путешественника, попавшего, подобно Полибию, в эти края (мы знаем, что он побывал здесь, когда объезжал «восточные» страны, но отчет об этой поездке, к сожалению, утрачен, а до нас дошли лишь немногие его обрывки в пересказе Плиния Старшего и Посидония Апамейского), не могла не поразить его этническая пестрота, равно как и мирное сосуществование самых разных по форме и уровню развития культур.

Докельтское и кельтское население, обитавшее на северо-западе (Кантабрийские горы, Астурия, Галисия, север современной Португалии) и в центральной части полуострова, на плоскогорье Мезета и в северном течении Тахо, осталось в стороне от исторических процессов, протекавших с начала первого тысячелетия до нашей эры на границах средиземноморского бассейна. В южной и восточной зонах этого «варварского» мира, от Алентехо на юге до Арагона на северо-востоке, включая Новую Кастилию и Ламанчу, жили племена так называемых кельтиберов, вскоре

доставившие немало хлопот Баркидам в их стремлении к расширению испанских владений. Общее наименование «иберы» принято употреблять по отношению к разноплеменным народностям, населявшим юг Португалии и нижнюю долину Гвадалквивира, тянущуюся до Лангедока через Андалусию, Восток и морское побережье Каталонии, поскольку все они принадлежали к примерно одной цивилизации.

Но внутри иберийского мира существовало разнообразие, поражающее любое воображение. Наиболее древней историей могло похвастать население Тартесса — нижней долины Бетиса (ныне Гвадалквивир), чьи богатые сельскохозяйственные угодья и особенно рудники по добыче меди и сереброносного свинца, устроенные на южных склонах Морены и преждевременно истощенные финикийцами Гадеса (Кадиса), заложили материальную основу блестящей «ориенталистской» культуры (M. E. Aubet, 1982, pp. 309–332). В то же самое время, то есть с начала VIII века до н. э., по другую сторону Гибралтарского пролива финикийцы, воспользовавшись малочисленностью и культурной отсталостью местных племен (бастулов), основали на средиземноморском побережье Андалусии целый ряд факторий, в древности процветавших благодаря в том числе и богатым рудным месторождениям горных цепей Бетики. Археологические раскопки, активно проводившиеся в последнюю четверть века на этом побережье, между Гвадарранхой и Альмерией (S. Lancel, 1992, pp. 21–27), доказали не только присутствие здесь финикийцев в древнейшую эпоху, но и то, что в отличие от поселений в Тартессе (нижнее течение Гвадалквивира) здешняя культурная традиция дальнейшего развития не получила.

Зато, поднявшись к северу, в район испанского Востока, мы обнаружим многочисленные следы прекрасной «иберийской» культуры, очевидно, носившей смешанный характер, но уже в силу этого отличавшейся чрезвычайно оригинальными чертами. Самым характерным и, бесспорно, самым знаменитым образцом этого искусства является женский бюст из известняка, найденный в конце прошлого века в провинции Аликанте близ Эльче, на месте античного города Иллиция — возможно, той самой Гелики, которую осадил Гамилькар незадолго до своей гибели. «Даму из Эльче» обычно датируют IV веком до н. э., не отрицая, однако, что время ее создания может относиться и ко второй половине V века (G. Nicolini, 1973, p. 86). В этом выдающемся произведении скульптурного искусства поразительным и, пожалуй, дерзким образом — из-за чего отдельные специалисты даже высказывали сомнения в его подлинности — зримо воплотился финал длительного процесса приспособления к чужой культуре, в ходе которого финикийская экспрессивность переплелась с греческой строгостью, одухотворив творческий потенциал иберийского народа. Иберийский «гений барокко» особенно ярко проявился именно в жанре трехмерного изображения действительности. Вместе с тем этот шедевр «истинно иберийской» культуры, как иногда называют период ее расцвета, приходящийся на промежуток между 450 и 200 годами, не должен затмить в наших глазах других достижений этого народа. Одной коллекции бронзы из иберийских святилищ (G. Nicolini, 1969) хватило бы, чтобы подтвердить мощную самобытность этого искусства, впервые заявившего о себе в VI веке до н. э., когда греко-восточные, но особенно ионийские влияния начали проникать от факторий Востока в глубь страны, вызвав к жизни появление мастерских по обработке

бронзы, в которых трудились скульпторы, сумевшие виртуозно овладеть утраченной ныне техникой воскового и сплошного литья. Мастерам для работы требовался металл, но ведь медные и свинцовые рудники находились совсем рядом, поэтому неудивительно, что этот район с древнейших времен стал первым, а возможно, и главным перегоном на «оловянном пути», протянувшемся из Бретани и «Касситеридовых островов» (M. Gras, 1989, p. 102), под именем которых могли скрываться небольшие острова, расположенные у входа в длинные и глубокие бухты юга Галисии. В местах, связанных с отправлением религиозных культов, например в Деспеньяперросе (близ Санта Елены, провинция Хаэн) в VI веке и в Серроде-лос-Сантос близ Альбасете в IV и III веках, найдены вотивные скульптуры, которые можно смело считать шедеврами культуры, созданными на «периферии» классического мира. По своей значимости иберийская каменная скульптура ничуть не уступает бронзовой. Мы уже познакомили читателя с «дамой из Эльче». В ряду прочих царственных «дам», величественно застывших под грудой тяжелых украшений и пышных нарядов, которых мы, разумеется, не видим, безусловного упоминания заслуживает бюст «дамы из База», найденный всего 20 лет назад неподалеку от Гренады и производящий не менее сильное впечатление, чем бюст из Эльче. От этих скульптур и в самом деле исходит некая божественная сила...

Как мы только что убедились, эта мавританская Карфаген юго-восточная «четвертушка» Испании, с начала первого тысячелетия до нашей эры, когда финикийцы основали свои фактории на побережье Андалусии, открытая в основном влиянию семитского мира, наложившего на культуру Тартесса заметный восточный отпечаток, теперь была готова воспринять и другие влияния. Тексты, повествующие о вторжении в

Андалусию греческого авантюриста, самосца Колея, происшедшем в первой половине VII века до н. э., как и мифы о правлении царя Тартесса, эллинофила Арганфония, относящиеся к чуть более позднему времени (Геродот, I, 163; Плиний Старший, VII, 154-156), кажутся нам достаточно красноречивыми свидетельствами. В опубликованной недавно обобщающей работе, подытожившей результаты раскопок испанских археологов в последние 30 лет, убедительно доказывается, что греки вели с полуостровом активную торговлю, особенно оживившуюся после появления здесь фокейцев (P. Rouillard, 1991). Ключевой датой в этом отношении является 600 год, когда фокейцы основали на берегу моря греческий город Массилию (ныне Марсель), а вслед за тем, в 590-580 годах, на северном побережье Каталонии появился город Эмпории (ныне Ампоста). Даже если более ранняя греческая колонизация Андалусии в Майнаке, в самой гуще древнейших финикийских поселений, является спорной (как, впрочем, и основание греками города Акра Левка, в действительности заложенного позже Гамилькаром), тем не менее нельзя отрицать, что греки сумели обозначить свое присутствие на восточном побережье, обосновав Эмпории (дословно — рынки), которые не ставили перед собой высоких политических целей, но экономически были чрезвычайно выгодным предприятием (P. Rouillard, 1991, pp. 281-311). Карты археологических находок, обнаруженных по всему полуострову вплоть до отдаленных португальских территорий к северу от реки Дору, среди которых фигурируют тысячи греческих ваз, в том числе аттическая керамика IV века, выглядят весьма впечатляюще (P. Rouillard, 1991, карты 5 и 6, pp. 120-121. 124-125).

Читатель, которому наверняка известна вошедшая в поговорку торговая жилка финикийцев и пунийцев, возможно, удивится, узнав о том, сколь успешно конкурировали с ними в Испании греки, в частности, в V и IV веках до н. э. Но здесь необходимо иметь в виду чрезвычайно высокое качество поставляемых товаров, особенно покрытой чернолаковой аттической керамики, с которой не могла соперничать аналогичная продукция, производимая финикийцами и пунийцами, во всяком случае до тех пор, пока в Карфагене не наладили производство керамической посуды из особо твердых материалов, не уступающей греческой в прочности, но более легкой (S. Lancel, 1992, p. 427). Ловкие коммерсанты, финико-пунийцы не брезговали перепродажей товаров, купленных у иноземных ремесленников. Тот факт, что на их родине не производили той или иной конкурентоспособной продукции, вовсе не значит, что они отказались от прекрасного рынка, каким была тогда Испания. Добавим также, что финикийский гений отметил своим присутствием Испанию, как прежде отметил греческий мир, в виде письменных памятников. Карта распределения древнейших надписей по Иберийскому полуострову (главным образом в пределах между VII и IV веками) представлена четырьмя основными видами письменности, соответствующими различным диалектам, не входящим в индоевропейскую языковую группу и получившим распространение на обширных территориях.

Вместе с тем все эти разновидности восходят к единому языку, возникшему не позже VII века в Тартессе, и основой их письменности является, с некоторыми вариациями, финикийский алфавит. Правда, собственно финикийские надписи встречаются на побережье Андалусии нечасто, однако греческие надписи попадают археологам еще реже и не

выходят за пределы узкого кольца, окружавшего фокейскую колонию Эмпории в Каталонии (J. De Hoz, 1991, pp. 669-678). Что касается надписей, представляющих собой греческую транскрипцию иберийских диалектов, то таковые обнаружены лишь на небольшом участке испанского Востока, в районе Аликанте и Мурсии (P. Rouillard, 1991, pp. 334-335). Что и неудивительно: именно здесь расположен город Эльче, родина знаменитого бюста, являющего собой самый яркий образец подражания иберийских мастеров классическому греческому искусству.

Гамилькар в Испании

Берущее начало в глубокой древности культурное влияние, равно как и не менее твердо устоявшиеся торговые связи, ни в коем случае не могут подменить собой политическую и административную структуру и то, что на современном языке мы называем военной организацией — систему материально-технического снабжения армии и организацию тыла. Поэтому мы не можем судить о том, в каком состоянии застал Гамилькар общественные дела по приезде в Гадес (ныне Кадис) в 237 году, — у нас просто нет таких данных.

Старинный финикийский город, расположенный на самой оконечности острого мыса, вдающегося в Атлантический океан, а со стороны материка защищенный широким устьем Гвадалета, встретил вновь прибывших с гостеприимством. Конечно, здесь они чувствовали себя в полной безопасности, но что творилось за пределами города? Многих факторий, которые в прошлом тесно усеивали побережье Андалусии вдоль Геркулесовых Столбов, больше не существовало. Обитатели прежних Хоррера и Тоскана переместились в основанные поблизости Морро-де-Мескитилья и Серродель-Мар. Кроме того, бывшее финикийское присутствие еще чувствовалось в Малаге. Побывавший здесь во времена Августа Страбон (III, 4, 2) поражался сохранившимся следам типично финикийской городской планировки. Финико-пунийцы находились и в Альмуньекаре, основанной на месте древнего города Секси, и в Адре, где в течение всего доримского периода существовала Абдера. Таким образом, можно считать более или менее установленным, что все население прибрежной полосы

нижней Андалусии относилось к Гамилькару и его войскам вполне дружелюбно, а сам этот край мог рассматриваться им как надежный тыл. При этом лишь один из коренных народов, обитавших в этой области, в частности, в окрестностях Малаги — греки называли их блато-финикийцами, а римляне — бастуло-пунийцами, — говорил на одном из семитских наречий.

За пределами прибрежной части испанского Востока Карфаген издавна утвердился на Ивисе, откуда контролировал и остальные острова Балеарского архипелага. Вскоре у нас будет возможность убедиться, насколько ценной окажется для карфагенян эта средиземноморская база. Что же касается самого полуострова, то непохоже, чтобы культурное и торговое присутствие пунийцев сопровождалось политическим влиянием. Именно в экономическом аспекте следует рассматривать и второй договор, заключенный между Римом и Карфагеном в середине IV века (348 год) и известный нам в переводе Полибия (III, 24), точнее, географический раздел этого договора, согласно которому крайняя западная граница римского пиратства, торговой и возможной колониационной деятельности устанавливалась по границе города Мастия Тарсейская. То, что этот город находился на восточном побережье Испании, не подлежит никакому сомнению, а некоторые исследователи даже предполагают, что именно на его месте в дальнейшем возникла Картахена. Указанная статья договора, бесспорно, свидетельствует о прозорливости карфагенского сената, предугадавшего, какую опасность может таить в себе стремительно набирающий силу италийский город. Вынужденный конкурировать на Иберийском полуострове с греками в области торговли и культуры, Карфаген отнюдь не стремился включать в начатую партию третьего игрока. Рассматривая дипломатическую активность Карфагена

в качестве признака его присутствия на юго-востоке Испании вплоть до мыса Нао, которое, вероятно, поддерживалось военными рейдами, некоторые исследователи (например, G. и C. Picard, 1970, p. 334) связывают с последними следы разрушений местных поселений, датируемых археологами IV веком до н. э. Однако сегодня историки уже пришли к общему мнению, что это обстоятельство не может служить веским доказательством военного присутствия Карфагена на Иберийском полуострове в эту эпоху (P. A. Barcelo, 1988, p. 132). Пожалуй, стоит согласиться с одним из лучших знатоков истории Карфагена, что трудности, с которыми столкнулся Гамилькар в ходе осуществления своей испанской миссии, достаточно явно свидетельствуют: до начала реконкисты, проводимой под руководством Баркидов, Карфаген оставался для населения затронутых областей всего лишь партнером по торговле и культурному сотрудничеству, пусть даже и привилегированным (P. Rouillard, 1991, p. 235).

От Кадиса до Аликанте

Мы сказали: реконкиста. В самом деле, разве не это имел в виду Полибий, когда определил задачу Гамилькара следующим образом: «Поправить в Иберии дела Карфагена» (II, 1, 6)? К сожалению, рассказу об исполнении этой миссии греческий историк уделяет всего несколько строк, вынуждая нас в поисках верного пути обращаться к менее надежным провожатым.

Разумеется, Гамилькар прежде всего обратил взор к золотым и серебряным рудникам сьерры Морена, установление контроля за которыми, желательно непосредственного, входило в его первостепенную задачу. Наверное, договориться с народами, считавшими себя «тартессийцами» (например, с бастетанами), издавна поддерживавшими тесные связи с Карфагеном, не составило труда, — вопреки Диодору, называющему последних в числе племен, с которыми Гамилькару пришлось сражаться. Но вот турдетаны (или турдулы), обитавшие к северу от Севильи и Кордубы, на отрогах горного хребта, оказали пунийцам яростное сопротивление, поддержанное кельтиберами, выступившими под предводительством двух братьев, одного из которых, согласно Диодору, звали Истолатием. Гамилькар с легкостью расправился с ними, а оставшихся в живых после схватки врагов в количестве трех тысяч человек включил в свое войско. Некоторое время спустя карфагенскому военачальнику пришлось давать отпор целой армии, возглавляемой еще одним кельтиберским вождем — неким Индортесом, — которому якобы удалось объединить вокруг себя 50 тысяч воинов. Цифра вызывает у нас сильнейшие сомнения и кажется явно завышенной, но, как бы там ни было, всю эту рать Гамилькар обратил в

бегство, даже не вступая в открытый бой. Если верить Диодору (XXV, 10, 2), карфагенский полководец умело проводил политику устрашения. Захватив в плен Индортеса, он приказал выколоть ему глаза, подверг его жестоким пыткам и в конце концов распял на кресте. Зато с пленными солдатами он повел себя более чем великодушно, отпустив десять тысяч человек на волю. Как утверждает сицилийский историк, это был пример разумного сочетания дипломатии с силовыми методами!

По всей видимости, с первой частью своей миссии Гамилькар справился быстро. Возобновление чеканки серебряной монеты, отмеченное в Гадесе в эти годы, свидетельствует о реорганизации рудников съерры Морена (С. Alfaro-Asins, 1988, pp. 75, 126). И хотя мы не располагаем никакими материальными свидетельствами того, что глава клана Баркидов наладил отправку в Карфаген караванов с драгоценным металлом, нехватка которого так осложнила жизнь республики в годы войны с наемниками, подобное предположение кажется нам вполне логичным. Но и после войны нужда метрополии в серебре не уменьшилась, ведь Карфаген ежегодно выплачивал Риму военную контрибуцию. В некоторых источниках встречается упоминание о римском посольстве, явившемся к Гамилькару в 231 году с целью выведать, чем занимался полководец в Испании. На этот вопрос Гамилькар якобы ответил, что он трудится не покладая рук, обеспечивая возврат долга Риму (Дион Кассий, фрагмент 46). При всей своей апокрифичности этот «анекдот» дает ясное представление о задачах, стоявших перед Гамилькаром, а следовательно, и перед карфагенским сенатом.

Быстро разобравшись в обстановке, он, очевидно, понял, что не сможет успешно продолжать начатое дело, ограничив контроль над побережьем нижней

Андалусии и бассейнами рек Гвадалквивира и Гвадалета. Следовало расширить зону своего влияния на восток, хотя бы до мыса Нао, глядящего через морской простор прямо на Ивису. Действительно, в ясные дни с оконечности мыса взору открывались очертания этого острова, на протяжении нескольких веков находившегося под политическим и военным контролем Карфагена. В следующие четыре года — с 235-го по 231-й — Гамилькара провел множество кампаний, направленных на покорение народов, обитавших в окрестностях Мурсии (бастетаны или мастиане) и Эльче (контестане), которые, как мы уже успели убедиться, благодаря своим контактам с греками достигли высокого уровня не только художественной, но и материально-технической культуры. Так, в античные времена высоко ценилось оружие, изготавливаемое в этих областях, особенно знаменитые кривые сабли — фалькаты, отличный образец которых хранится ныне в Мадридском музее.

Именно забота о создании надежного тыла, необходимого для дальнейшего усиления карфагенского влияния на полуострове, побудила Гамилькара, согласно Диодору (XXV, 10, 3; отметим, что сицилийский историк остается единственным, кто сообщает подобные сведения), основать новый крупный город под названием Акра Левка, по-гречески «Белый Мыс». Существует версия, согласно которой этот город являлся одной из колоний, основанных, как указывает Страбон (III, 4, 6), греками из Массилии к югу от реки Сукрон (ныне Хукар). Однако термин, употребляемый Диодором — *ktizein*, не оставляет никаких сомнений, что автор имел в виду именно основание нового города. Что же касается имени Акра Левка, то, вполне возможно, историк просто перевел на греческий одно из бесчисленных названий с корнем *Rus-*, которыми изобилует пуническая топонимия средиземноморского

побережья, особенно в Северной Африке. Нам же остается только сожалеть, что до сих пор археологам не удалось обнаружить никаких следов этого поселения, предположительно располагавшегося в районе Аликанте или чуть поодаль от Аликанте. Мы не располагаем даже и точной датой основания города: то ли это случилось в 231, то ли в 235 году, когда в этих краях шла активная кампания усмирения местного населения. Более ранняя дата все-таки представляется предпочтительной.

Как бы там ни было, градостроительная инициатива Гамилькара практически знаменовала венец карьеры этого полководца и политика, ибо земной его путь подходил к концу. Он пресекался, по-видимому, зимой 229/28 года: через восемь лет после прибытия в Испанию, если верить Корнелию Непоту («Гамилькар», 4, 2); через девять, если верить Полибию (II, 1, 7), и за десять лет до начала Второй Пунической войны, по мнению того же Полибия (III, 10, 7). Оставив на зимних квартирах в Акра Левке основной контингент своих войск и всех слонов, отправив зятя Гасдрубала на очередную военную операцию, Гамилькар попытался взять осадой город под названием Гелика, который часто и скорее всего ошибочно отождествляют с римским Иллицием и, соответственно, современным Эльче, откуда родом та самая знаменитая «Дама». Но Эльче расположен слишком близко к прибрежному Аликанте, в котором устроили себе базу пунийские солдаты, и если согласиться, что Гелика — это Эльче, тогда непонятно, откуда взялась река, в которой якобы утонул Гамилькар при отступлении, как утверждает Диодор. Дело в том, что на помощь осажденному городу подошел царь ориссов — оретанского племени, обитавшего на плоскогорьях Ламанчи. Гамилькар оказался в трудном положении и, обманутый оретанским царем, согласился отвести свои войска и

снять осаду с города. Но когда он развернул свои отряды для отступления, враги неожиданно ударили ему в тыл. Вместе с ним тогда находились два его сына — Ганнибал и Гасдрубал-младший, и главнокомандующий, спасая их жизни, постарался отвлечь главные силы преследователей на себя. От собственной армии его отделяла река — возможно, это был Хукар, — в водах которой он и погиб, пытаясь переплыть ее на коне. Во всяком случае, именно такова версия, сообщаемая Диодором (XXV, 10, 3-4). В действительности обстоятельства гибели Гамилькара окутаны туманом легенд. Полибий, не располагавший достаточной информацией или просто торопившийся перейти к описанию событий, потрясавших в те же годы Иллирию (II, 1, 8), воздал карфагенскому полководцу честь буквально в трех строках, заставив его пасть на поле неизвестной битвы с оружием в руках. Со своей стороны, Корнелий Непот («Гамилькар», 4, 2) уточняет, что его герой погиб в схватке с веттонами — довольно-таки отдаленным племенем, обитавшим к западу от Толедо, в верхней долине Тахо. Опереточную версию, предложенную Аппианом («Ибер.», 5) и подхваченную византийцем Зонарой (VIII, 19), согласно которой Гамилькар пал жертвой военной хитрости своих врагов, разумеется, всерьез принимать нельзя. Якобы испанцы, доверху нагрузив повозки хворостом, впрягли в них быков и окружили карфагенских солдат. Те поначалу было развеселились, однако, когда хитроумные испанцы запалили хворост, им стало совсем не до смеха. Поднялась страшная паника, во время которой якобы и расстался с жизнью карфагенский полководец.

Гасдрубал Красивый

Ганнибалу в это время не исполнилось еще и двадцати лет. Он, конечно, уже имел некоторый военный опыт, однако был слишком молод, чтобы наследовать отцовский пост. Преемником Гамилькара солдаты избрали его зятя Гасдрубала, и хотя у нас нет точных свидетельств, не приходится сомневаться, что карфагенский народ этот выбор одобрил. Действительно, Гасдрубал в течение долгих лет был правой рукой погибшего военачальника. Армия его знала: в качестве наварха он руководил всем карфагенским флотом, но нередко принимал участие и в сухопутных сражениях. Но и в пунической метрополии, где в свое время он играл не последнюю роль, у него наверняка остались полезные связи и влиятельные друзья. Если верить одному из наших источников, Корнелию Непоту («Гамилькар», 3, 3), эти «друзья» поддерживали его отнюдь не бескорыстно; по мнению историка, Гасдрубал несет ответственность за нравственное разложение карфагенского общества, потому что он первым приучил его к коррупции [\[35\]](#). Однако, как мы убедимся вскоре, подводя итоги политической деятельности Гасдрубала в Испании, римская историография в рассказе о нем, как позже о Ганнибале, сама испытывала сильное влияние аристократической оппозиции Баркидам, засевшей в карфагенском сенате. Это влияние заметно и у Тита Ливия (XXI, 2, 4), когда падуанский историк пытается доказать, что назначение Гасдрубала на пост главнокомандующего испанской армией состоялось волеизъявлением карфагенского народа, но вопреки желанию правящей верхушки.

Возглавив армию, Гасдрубал первым делом объединил все свои силы, включая подоспевшее из метрополии подкрепление (Аппиан, «Ибер.», 6). Теперь его войско насчитывало 50 тысяч пеших воинов, 6 тысяч конных и две сотни слонов. Затем он напал на царя ориссов и разбил его, отомстив предателям за гибель Гамилькара беспощадной резней. Он овладел «двенадцатью оретанскими» и «всеми иберийскими городами», как пишет Диодор (XXV, 12). Нам чрезвычайно трудно с точностью установить географические границы завоеваний Гасдрубала, а значит, и максимальные пределы, до которых он распространил карфагенскую власть в Испании. Однако ясно, что не меньше доброй четверти полуострова теперь контролировалось пунийцами. Прочность завоеваний обеспечивалась в том числе и умелой дипломатией по отношению к иберийским царькам, заслужившей похвалу Тита Ливия (XXI, 2, 5, 7). Либо Гасдрубал овдовел после смерти первой жены — второй дочери Гамилькара, либо в его глазах государственные интересы оправдывали двоеженство, но он женился на одной из местных принцесс. Этот шаг позволил ему считаться среди них «своим» и принес звание верховного вождя иберов: стратега автократора, как отмечает Диодор, употребляя тот же титул, какой Коринфская лига в 335 году дала юному Александру.

Имя Александра Македонского мы вспомнили здесь не случайно. Разумеется, между Гасдрубалом Красивым и полубогом, воспитанным Аристотелем, существовала известная дистанция, однако это была именно дистанция, а не бездна. Иными словами, чуть меньше века спустя после Александра его подвиги стали будничной действительностью. Утрата значения полиса и переход к государственным, в современном смысле слова, масштабам; присоединение новых земель с богатой культурной традицией и создание новых

полюсов культурного влияния, воплотившееся в основании новых метрополий; проведение в жизнь политики слияния с коренными народами покоренных земель, их ассимиляции — одним словом, все то, что изобрел гений Александра для обновления античного мира, отныне принималось к исполнению каждым крупным государственным деятелем. Как Александр женился на иранской царевне Роксане, так и Гасдрубал взял в жены иберийскую принцессу. Позже, как мы увидим, этому примеру последовал и Ганнибал. Город Акра Левка, основанный тестем, не сумел обрести значения символа, и тогда зять основал на том же побережье, только южнее, на стыке Андалусии и Леванта, на месте, как будто нарочно созданном для крупного порта, новую столицу, которую римляне называли Новым Карфагеном (теперешняя Картахена). Сам же основатель дал ей имя Qart Hadasht — новый город, подчеркивая преемственность со «старым» Карфагеном. Удивительная судьба ожидала этот семитский топоним! Последователи Христофора Колумба в начале XVI века н. э. присвоили его крупному порту на побережье Карибского моря, в стране, которой только предстояло стать Колумбией, словно протянули сквозь века и океаны образ древнего Карфагена. Слабое, но все же утешение романтикам от истории, которые до сих пор не желают расстаться с химерической мечтой доказать, что Америку открыли еще современники Ганнибала.

Возможно, в результате раскопок, которые сегодня полным ходом идут в Картахене (S. Ramallo, 1992), удастся обнаружить под римскими слоями хоть какие-нибудь следы дворца, возведенного Гасдрубалом. Этим дворцом в 133 году, спустя столетие после его постройки, еще восхищался Полибий [\[36\]](#). Греческий историк отмечал пышность сооружения, которая,

добавляет он, возможно, указывала на монархические замашки его владельца (X, 10, 9). Подробное описание города, которым открывается рассказ о его осаде Сципионом в 210 году [\[37\]](#), позволяет нам довольно точно представить себе главные сооружения новой столицы, основанной Гасдрубалом. На востоке на высоком холме, господствующем над заливом, поднимался храм Эшмуна-Асклепия, а на западе, согласно законам симметрии, высился «царский» дворец, расположенный на противоположном берегу искусственного канала, соединявшего неглубокие воды лагуны с хорошо охраняемым заливом. Но вот где располагались верфь и арсенал, необходимые в этом городе, игравшем роль «сейфа», в котором копилась богатства, добываемые Баркидами в Испании, главным образом серебро с ближайших рудников, мы не знаем. Полибий (XXXIV, 9, 8-11) утверждает, что еще век спустя на этом руднике трудилось 40 тысяч рабочих — вернее сказать, рабов, — добывавших римскому народу по 25 тысяч драхм ежедневно.

После предпринятой еще Гамилькаром реорганизации работы на рудниках съерры Морена в Гадесе стали чеканить монету из серебра более высокой пробы. Очевидно, эти рудники функционировали еще до появления в Испании Баркидов и снабжали металлом монетный двор Карфагена, о существовании которого мы можем лишь строить предположения, поскольку самих монет не сохранилось. Зато обнаружено множество монет, отчеканенных в Гадесе, Секси (Альмуньекаре) и на Ивисе. Изучение монет эпохи Баркидов неразрывно связано с важной проблемой, далеко выходящей за рамки чисто нумизматического интереса. Самостоятельная чеканка монеты является одним из критериев оценки характера власти, установленной

Гамилькаром и его последователями в Испании. Иными словами, можно ли считать, что Баркиды создали в Испании монархию эллинистического типа по образцу государств, основанных эпигонами Александра? На аверсе одной из монет — двойном сикле со слоном на реверсе — мы видим изображение мужчины с булавой в образе великого божества Геракла-Мелькарта, которому поклонялись в Гадесе, но нет никаких оснований утверждать вслед за некоторыми историками (G. et C. Picard, 1970, p. 213; см. также E. Asquaro, 1983-1984, pp. 83-86), что перед нами портрет Гамилькара. Еще интересней другая монета, датируемая теми же годами. Опять-таки мы не можем с уверенностью говорить, что на ней запечатлен облик Гасдрубала, ни одного портрета которого не сохранилось, однако по способу изображения ее аверс очень близко напоминает монеты, чеканившиеся при Птолемею Сотсрс — царе из династии Лагидов. Правда, у Лагида более резкие черты и более энергичное выражение лица, однако и тут и там мы видим совершенно одинаковый профиль, украшенный диадемой, и равно «царскую» посадку головы. И хотя споры об идентификации этих персонажей все еще ведутся, а лучший испанский специалист по исторической нумизматике считает, что они изображают безбородый вариант Геракла-Мелькарта (L. Villaronga, 1973, pp. 143-145; 1979, p. 105), самый тип этих монет может рассматриваться как лишнее доказательство в далеко не закрытом «досье по делу царства Баркидов».

Действительно, определение политического статуса пунической Испании и природы ее взаимоотношений с карфагенской метрополией остается одной из труднейших проблем. Внешние признаки «монархии», такие, как роскошный дворец или самостоятельная чеканка монеты, как уже убедился читатель, слишком

туманны и противоречивы. Ничем не может нам помочь и археология. Остается последнее — обратиться к письменным источникам, главным образом к Полибию и Диодору, которые сами в большей или меньшей мере испытали на себе воздействие римской анналистики, создаваемой «по горячим следам». У таких авторов, как Фабий Пиктор, тенденциозность видна даже в изложении фактов. Римский сенатор выражал точку зрения тех членов курии, которые считали необходимым поддержание «status quo» в отношениях с Карфагеном. По их мнению, следовало любой ценой провести размежевание между пунической метрополией и Гамилькаром и особенно его последователями Гасдрубалом и Ганнибалом, доказав, что Карфаген не несет никакой ответственности за предприятие этих «авантюристов», которые якобы действуют на свой страх и риск и преследуют исключительно личные цели. Особенно знаменательно выглядит в этой связи передаваемый Полибием (III, 8) рассказ Фабия Пиктора о том, как Гасдрубал захватил власть в Испании. По мнению римского историка, после смерти Гамилькара, когда армия выбрала своим командующим его зятя, последний отправился в Карфаген и попытался совершить там нечто вроде переворота, отменив действующую конституцию и навязав монархическую форму правления. Однако олигархи, держащие в своих руках Совет старейшин, провалили эту попытку, и Гасдрубалу пришлось вернуться в Испанию, где он отныне правил как самодержец, абсолютно не связанный с карфагенским сенатом. Полибий, правда, от себя добавляет, что лично он в эту версию не верит и упрекает Фабия Пиктора в непоследовательности. Однако его недоверие касается в основном предположения о том, что все Баркиды — от Гамилькара до Ганнибала — действовали по собственной инициативе и втянули Карфаген во Вторую

Пуническую войну против воли метрополии. Анализируя поведение Гасдрубала, Полибий опять-таки подвергает сомнению тот факт, что зять Гамилькара порвал всякие отношения с родиной-матерью, но в то же время, глядя на его дворец, допускал, что Гасдрубал мог питать определенные надежды на царскую власть.

В целом римский сенат, очевидно, воспринимал Гасдрубала как эллинистического басилевса. Во всяком случае, именно к нему, а отнюдь не к карфагенскому сенату обратились *patres Romani* [38] с посольством, имевшим весьма серьезные последствия. Договор, явившийся на свет в результате этого дипломатического шага, закрепил ограничения в деятельности пунийцев на территории Иберийского полуострова. В дальнейшем нарушение этих ограничений и послужило началом Второй Пунической войны.

Мы помним, что еще Гамилькар принимал в 231 году римское посольство, тогда озабоченное лишь сбором информации. Помним мы также, что римлян вполне удовлетворил ответ, данный главой дома Баркидов: он-де трудится, дабы Карфаген мог расплатиться с Римом. Летом или осенью 226 года Рим направил в Испанию, на сей раз уже для встречи с Гасдрубалом, еще одну миссию, облаченную уже совсем другими полномочиями. По всей вероятности, встреча состоялась в Новом Карфагене. Наш единственный источник — Полибий (II, 13, 7) — в нескольких словах сообщает, что стороны приняли соглашение, по которому карфагенянам запрещалось «с оружием в руках переправляться через реку Ибер». Мы думаем, было бы ошибкой воспринимать эту статью договора как существовавшую в таком вот одностороннем виде, без противовеса, поскольку это означало бы, что Рим просто явился диктовать свою волю Гасдрубалу. Наверняка в

договоре фигурировала и еще одна статья, ограничивавшая и римскую инициативу. Как бы там ни было, Гасдрубал, скорее всего, чувствовал себя довольным, ведь договор провозглашал официальное признание всего, чего достиг за 10 лет в Испании Карфаген, и открывал богатые возможности для усиления его гегемонии в областях, лежащих к югу от Эбро. Разумеется, в случае, если Полибий называл Ибером именно ту реку, которую мы сегодня зовем Эбро.

Конечно, мы не можем обойти вниманием вопрос о причинах, толкнувших Рим к этому дипломатическому демаршу, тем более что у нас имеется суждение Полибия на этот счет. По мнению греческого историка, римских сенаторов подвигла к переговорам с Гамилькаром усиливавшаяся галльская угроза. Они стремились обеспечить безопасность со стороны карфагенской Испании прежде, чем займутся кельтами в долине По (Полибий, II, 22, 9-11). Отмеченный рядом историков (G. Picard, 1967, p. 94) факт, что масштабные операции против галлов начались лишь через год после подписания договора от 226 года, ничего в этой аргументации не меняет. Кельтское давление на цизальпийские области и север Этрурии ощущалось весьма сильно. Но если в год подписания договора с Гасдрубалом это давление носило латентный характер, то уже весной 225 года оно резко перешло в активную фазу. Со склонов Апеннин лавиной скатились галлы из долины По, бойи из окрестностей Болоньи, медиоланские инсубры, пьемонтские таврины, к которым присоединились отряды заальпийских кельтов (гезатов) (Полибий, II, 23). Армия в 50 тысяч пеших и 20 тысяч конных воинов, оснащенная колесницами, обрушилась на Этрурию. Она уже подошла к Клузию (ныне Кьюджа), от которого до Рима оставалось всего три дневных перехода, когда их встретили римские

войска. Сражение шло с переменным успехом, однако в конце концов римляне под командованием консулов Л. Эмилия Папа и Г. Атилия Регула разбили галльские орды на этрусском побережье, на высоте мыса Теламон, чуть севернее Коссы. Г. Атилий Регул заплатил за эту победу своей жизнью (Полибий, II, 28–31). Но Рим не удовлетворился тем, что галлов удалось остановить, и уже через два года, в 223 году, римская армия переправилась через По и заняла страну инсубров. Еще некоторое время спустя консул М. Клавдий Марцелл — с ним нам еще предстоит познакомиться ближе при описании Второй Пунической войны — после решительной победы при Кластидии (ныне Кастеджо) взял Милан. Сразу после этого в Цизальпинской области появились первые римские колонии — Плаценция и Кремона. Наконец, в 220 году, уже перед самым началом Второй Пунической войны, завершилось сооружение Фламиниевой дороги, названной в честь своего создателя цензора Гая Фламиния и открывавшей кратчайший путь от Рима до долины По и Римини. Полибий, подробно описавший «галльскую войну», ничуть не заблуждался относительно ее важного значения. Он понимал, что поддержка кельтов представлялась Ганнибалу одним из обязательных условий, обеспечивших стратегический успех его предприятия.

Любопытно, что о другом побудительном мотиве, который наряду с галльской опасностью мог, по мнению новейших исследователей, заставить римлян явиться в 226 году с дипломатической миссией к Гасдрубалу, греческий историк даже не упоминает. Выше мы уже дали краткий обзор активного вмешательства греков в жизнь племен Иберийского полуострова начиная с VII века. После основания в начале VI века фокейской колонии проникновение греков на полуостров активизировалось, около 600 года до н. э. они заложили

город Массилию, а вслед за тем Эмпории. И если римлянам в Испании защищать было особенно нечего — кроме, может быть, Сагунта, однако, как мы скоро увидим, в связи с Сагунтом возникает весьма щекотливый вопрос датировки, — то этого никак нельзя сказать о массилийцах, весьма дороживших своими торговыми позициями на испанском Востоке, простиравшимися вплоть до Андалусии. «Кругосветное» плавание Пифея, предпринятое около 300 года, служит лишним подтверждением того, что обитатели Массилии не обходили своим вниманием иберийское побережье. Впрочем, зоной их главных интересов оставалась Каталония, где располагались старательно опекаемые своими древними основателями Эмпории и Рода. Поэтому можно предположить, что предел карфагенской экспансии в Испании, зафиксированный договором по течению Эбро, на севере полуострова, на самом деле устанавливался с учетом требований массилийцев. Возникает вопрос: имели ли греки свои интересы в Сагунте, расположенном на севере Валенсии, то есть гораздо южнее устья Эбро? Кажется вполне допустимым, что этот иберийский порт, стоявший в устье реки Палансии, служил одной из главных перевалочных баз для фокейских купцов. Увы, немногословие, а порой и просто глухое молчание наших источников нередко рассматриваются современными историками как стимул к выдвижению чересчур смелых гипотез. В самом деле, нет никаких доказательств того, что Сагунт отказался признать гегемонию пунийцев во главе с Гасдрубалом (G. Picard, 1967, p. 95), а предположение (Тит Ливий, XXI, 7, 2; Страбон, III, 159), что в древности Сагунт был греческой колонией ионийского Закинфа (ныне Занте), вообще может оказаться мифом, порожденным сходной топонимией обоих населенных пунктов. Все, что нам известно, — это то, что в те годы Сагунт находился под

протекторатом Рима. Полибий (III, 30, 1) утверждает, что этот альянс образовался за много лет до того, как Ганнибал возглавил карфагенскую армию, то есть до 221 года. По поводу точной датировки этого события мнения историков разделились. Одни считают, что его следует отнести к 231 году, когда Гамилькара принимал первую римскую дипломатическую миссию, другие полагают, что Сагунт попал под опеку римлян после 226 года, когда Гасдрубал подписал с ними свой договор. Но как в одном, так и в другом случае, а в последнем даже больше, возникает противоречие с условиями договора, согласно которому в зону карфагенского влияния включались все земли южнее Эбро. Опять-таки, если Ибер, о котором пишет Полибий, это и в самом деле Эбро, а не Хукар, как остроумно предположил Жером Каркопино. К этой с виду привлекательной гипотезе мы еще вернемся.

Между тем ход событий, которые неизбежно вели к новому великому противостоянию Карфагена с Римом, все убыстрялся. В последние годы своего испанского «проконсульства» Гасдрубалу, с успехом продолжавшему проводить политику ассимиляции коренного населения, похоже, удалось присоединить обитавшие поблизости от Сагунта иберийские племена, в частности турболетов. Но вскоре, вероятно, в начале 221 года, он погиб. Как и в случае смерти Гамилькара, источники расходятся в подробностях этого события. Полибий (II, 36, 1), которого личность Гасдрубала совсем не интересовала, «разделался» с явно не любимым им персонажем в двух строках, сказав, что он заплатил жизнью за нанесенные кому-то личные обиды. Согласно другой традиции, основоположником которой стал Тит Ливий (XXI, 2, 6), Гасдрубала прикончил в его картагенском дворце слуга, отомстивший карфагенянину за смерть своего бывшего хозяина, иберийского князька, убитого по его приказу. Ну и,

наконец, в «Пунике» Силия Италика (1, 169-181) мы найдем красочное описание гибели бесстрашного героя под самыми изощренными пытками — отличный образчик причудливого нагромождения деталей, которым в поисках патетики так увлекалась латинская поэзия века Флавиев [\[39\]](#).

Ганнибал

После смерти Гасдрубала солдаты единодушно выбрали главнокомандующим испанской армией Ганнибала. Карфагенское народное собрание утвердило этот выбор. Старшему сыну Гамилькара исполнилось тогда 26 лет.

В знаменитом отрывке, который мы позволим себе процитировать без сокращений, Тит Ливий (XXI, 4) попытался взглянуть на Ганнибала глазами ветеранов испанской армии: «Старым воинам показалось, что к ним вернулся Гамилькар, каким он был в лучшие годы своей жизни: то же мощное слово, тот же повелительный взгляд, то же выражение, те же черты лица! Но Ганнибал вскоре достиг того, что его сходство с отцом сделалось наименее значительным из качеств, которые располагали к нему воинов. Никогда еще душа одного и того же человека не была столь равномерно приспособлена к обеим, столь разнородным обязанностям — повелению и повиновению; и потому трудно было решить, кто им больше дорожил — полководец или войско. Никого Гасдрубал не назначал охотнее начальником отряда, которому поручалось дело, требующее отваги и стойкости; но и воины ни под чьим другим начальством не были более уверены в себе и храбры. Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же был осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. И зной, и мороз он сносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь — покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов, при том он не

пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди часовых и караульных. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников, только по оружию и коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собой прочих; первым устремлялся в бой, последним покидал поле сражения. Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святынь. Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение своей трехлетней службы под началом Гасдрубала с величайшим рвением исполнял все, присматривался ко всему, что могло развить в нем свойства великого полководца».

Мы не могли удержаться, чтобы не привести целиком эту пространную цитату, замечательную во многих отношениях. Прежде всего она замечательна своими литературными достоинствами, которых не в состоянии полностью затмить даже перевод. Но особенно интересен этот отрывок тем, что приоткрывает перед нами некоторые тайные пружины римской историографии, приходившие в действие всякий раз, когда речь в ней заходила о Ганнибале. Сам же Тит Ливий недаром считается одним из самых авторитетных римских историков. Итак, он набросал перед читателем, если можно так выразиться, типовой портрет молодого воинского начальника. Впрочем, целым рядом черт этот портрет выходит за рамки стереотипа, очевидно, благодаря авторским заимствованиям у прямых очевидцев описываемых событий — таких, как Сосил или Силен (на последнего

Тит Ливий порой ссылается), или посредников, таких, как Целий Антипатр. Но субъективность историка с головой выдает попытка очернить «моральный облик» юного Ганнибала, хотя бы потому, что он «награждает» своего героя пороками, которых тот еще просто не успел проявить. Знаменитая фраза *cum hoc indole virtutum atque vitiorum triennio sub Hasdrubale meruit* [40] (XXI, 4, 10) звучит заключительным аккордом этого «программного» опуса, и автора, похоже, ничуть не смущает тот факт, что он в своих оценках забегают далеко вперед. Объясняется все это достаточно просто. Открывая свою третью «декаду», почти целиком посвященную войне с Ганнибалом, описанием облика карфагенского полководца, автор как бы заранее предупреждает читателя, что человек, против которого пришлось воевать Риму, был, конечно, гениальным военачальником, но в то же время личностью без всяких моральных устоев. И «*inhumana crudelitas*» [41], и «*perfidia plus quam Punica*» [42] — на самом деле ярлыки, основательность которых мы постараемся проверить, хотя бы путем сравнения с оценками Полибия [43].

Не менее символично и применение Титом Ливием такого театрального приема, как настойчивое подчеркивание совершенного сходства сына с отцом. Здесь на физическом уровне выражена та же преемственность, которая на уровне духа легла в основу пресловутой «клятвы» в ненависти к Риму. Впрочем, вполне возможно, что сходство действительно существовало, тем более что мы понятия не имеем, как выглядел Гамилькар, ни одного из портретов которого до нас не дошло. И, раз уж мы заговорили о таких вещах, как внешний облик, коснемся заодно и проблемы изображений молодого Ганнибала. В самом начале этой книги мы уже выразили сожаление в связи с тем, что,

располагая богатейшей коллекцией вымышленной иконографии, мы не имеем под руками ни одного портрета реального Ганнибала. Да поверит нам читатель: это признание дается автору нелегко.

В музеях мира и их запасниках скопилась тьма-тьмущая анонимных мраморных и бронзовых скульптур, и специалисты проявляют чудеса изобретательности, стараясь установить, кто есть кто. Порой случается, что удачная атрибуция заставляет пересмотреть результаты нескольких предыдущих. Именно это произошло с изумительной красоты бюстом, найденным около полувека назад в марокканском городе Волюбилисе и ныне хранящемся в Рабатском музее. Портрет последовательно считали изображением Гиерона II Сиракузского, Клеомена III и Аттала, пока ученые не сравнили бюст с двумя мраморными изваяниями, одним из Копенгагенского, другим из Мадридского музеев, и не пришли к выводу, что все они изображают одного и того же человека, а именно мелкого мавританского царька Юбу II, эллинофила и эрудита, которому покровительствовал Август, устроивший его брак с еще одной «марионеточной» принцессой — дочерью Антония и Клеопатры. Действительно, одна из резиденций Юбы как раз находилась в Волюбилисе. Однако при дальнейшем сравнении этих скульптур с другими точно атрибутированными изображениями мавританского царя — мраморными бюстами из алжирского Шершеля, античной Кесарии, где располагалась еще одна резиденция Юбы, и мраморным же бюстом из музея Лувра — специалистов охватили сильнейшие сомнения. Из этих-то сомнений и родилась еще одна гипотеза, поддержанная рядом блестящих ученых, что бюст из Волюбилиса, как и очень с ним схожие бюсты из Копенгагена и Мадрида, на самом деле являются скульптурными изображениями молодого Ганнибала (G.

Picard, 1965, pp. 31-34; 1967, pp. 104-108). Весьма заманчивая идея! И как хочется с ней согласиться, признав в прекрасном юноше чисто александрийского типа молодого командира пунийцев! Увы, у этой гипотезы есть и свои слабые места. Во-первых, идентификация производилась на основе предположения, выдвинутого британским нумизматом Э. С. Г. Робинсоном, «узнавшим» Ганнибала на аверсе хорошо сохранившегося серебряного сикла баркидской чеканки. К сожалению, сегодня специалисты склоняются к мнению, что на монетах этого типа, как мы уже имели случай сообщить читателю в связи с проблемой портретистики Гасдрубала, изображались не люди, а божества. Ну а во-вторых, признаемся честно: украшенный диадемой профиль, выбитый на монете, если и напоминает красивого юношу из Волюбилиса, то *juхту* отдаленно. Будем утешаться тем, что в этой неопределенности есть и своя хорошая сторона: она открывает простор нашему воображению.

Испанская кампания Ганнибала

Мы не знаем, о чем думал Ганнибал в тот день, когда армия провозгласила его своим главнокомандующим, тем более не знаем, роились ли в его голове планы войны с Римом на италийской земле. Тит Ливий уверен, что роились (XXI, 5), и если он не напал на Сагунт немедленно, то лишь потому, что не хотел нести ответственность за развязывание войны, а предпочитал повернуть дело таким образом, чтобы со стороны казалось: в эту войну его втянули непрекращавшиеся стычки с кельтиберами (XXI, 5, 3). В сущности, это означало бы одно из первых применений на практике «теории домино». Полибий, настроенный более позитивно (III, 14, 10), считает, что молодой военачальник не стал затевать конфликта с Сагунтом, способным обратиться за помощью к Риму, не из тактических, а из стратегических соображений, надеясь прежде укрепить и расширить свою власть над остальной частью Испании. Именно это, уверяет греческий историк, завещал ему отец — Гамилькар. Что ж, если Ганнибал действительно уже тогда понимал, что широкомасштабной конфронтации с Римом не избежать, особенно после того, как римские легионы устранили галльскую угрозу в долине По, ему, конечно, пришлось задуматься над созданием надежного тыла в Испании. Позже мы убедимся, что трагический для Карфагена исход войны решился вовсе не на италийской земле, после битвы при Метавре, а в Испании, когда в 210 году Сципион сумел захватить Новый Карфаген.

На протяжении почти двух лет (221-220) Ганнибал в основном занимался тем, что расширял карфагенские владения в северо-западной части полуострова. Первую

свою военную операцию он провел против племени, которое оба наших историка называют олькадами, взял приступом их столицу — Альталию у Полибия, Карталу у Тита Ливия и в результате покорил целую область, которую мы можем определить только предположительно. Очевидно, речь идет о территории нынешней Ламанчи, точнее, ее части, заключенной между верхним течением Гвадалквивира и средним течением Хукара. Захватив богатую добычу, он отвел свое войско на зимние квартиры в Новый Карфаген. Весной следующего 220 года он продвинулся еще дальше, покорил племя ваккеев, овладел городом Германдикой, который обычно отождествляют с кастильской Саламанкой. Оставив далеко позади свои тылы, он оказался в краю, населенном воинственными кельтиберами. Когда он с войском двигался назад, пересекая территорию карпетан (скорее всего, высокогорья Новой Кастилии в районе Толедо), на него напали остатки разбитой им армии ваккеев, к которым присоединились и местные жители, и перебравшиеся сюда не смирившиеся с завоевателями олькады. Карфагеняне оказались в крайне невыгодном положении, и их командиру хватило мудрости уйти от столкновения, перебравшись вброд на левый берег Тага (ныне Тахо). Там Ганнибал и стал лагерем, позаботившись, чтобы между ним и речным берегом оставалось достаточно пространства. Как он и рассчитал, преследователи стали форсировать реку, но едва они достигли суши, как на них напали конные карфагенские отряды, отбрасывая их назад, в воду. Тех, кому все-таки удалось выбраться на берег невредимыми, потоптали четыре десятка слонов, выпущенных в нужный момент. Довершая разгром противника, Ганнибал вторично переправился через реку, отогнав далеко от ее берегов оставшихся в живых врагов. После этой битвы, ознаменовавшей покорение

Новой Кастилии, к югу от Эбро уже не оставалось народов, способных оказать сопротивление карфагенянам, заявляют в один голос и Полибий (III, 14, 9), и Тит Ливий (XXI, 5, 17). Это утверждение грешит некоторой географической неточностью, поскольку вне пределов карфагенского влияния оставалась еще область Арагона, не говоря уже о приграничных северо-западных районах полуострова.

Сагунт

Но по-прежнему вне досягаемости карфагенян был город, находившийся на северо-западе от реки, которую мы называем Эбро, — проримский анклав Сагунт, настоящая заноза в теле пунийской Испании. Такой же занозой стала для современных историков и сама проблема Сагунта. Возможно, читатель удивится, если мы скажем, что за последние полвека на свет появились десятки книг и статей самых авторитетных ученых, посвященные причинам Второй Пунической войны и особенно той роли, которую здесь сыграла осада Сагунта (К. Christ, 1974, pp. 77-191). «Виновниками» такого обилия мнений следует считать Полибия, изложившего ход событий в слишком сжатом виде, и недобросовестность (включая ошибки в хронологии) римской анналистической традиции, дошедшей до нас в первую очередь благодаря Титу Ливию. Анналистов более всего заботила необходимость представить дипломатическую деятельность римского сената в самом выгодном свете.

Для начала попробуем разобраться с Полибием. Ошибка, допущенная греческим историком (если только речь идет действительно об ошибке), заключается в смешении двух разных моментов. Говоря о нападении на Сагунт, он утверждает, что карфагеняне «одновременно нарушили и договор, заключенный с Лутацием, согласно которому каждая из сторон обязалась воздерживаться от причинения ущерба союзникам другой стороны, и соглашение, подписанное Гасдрубалом, по которому они обязались не пересекать Ибера с оружием в руках» (III, 30, 3). При беглом чтении этого отрывка, который, очевидно, и писался второпях, складывается впечатление, что Полибий допускает

топографическую ошибку, поразительную для человека, отлично знавшего страну и вдобавок страстно увлеченного географией, помещая Сагунт севернее Эбро. Справедливости ради, отметим, что и последующие источники, в частности Аппиан («Исп.», 7, 1) тоже ошибались, указывая местонахождение Сагунта между Эбро и Пиренеями. В 50-х годах нынешнего века один из исследователей попытался разрешить это противоречие, предположив, что упомянутый в договоре 226 года Ибер — это вовсе не Эбро, а Хукар, действительно впадающий в Средиземное море несколько южнее Сагунта (J. Carcopino, 1961, pp. 19-67). На самом же деле нужно только внимательно перечитать, что пишет Полибий в другом месте (III, 6, 1-2), и недоразумение разрешится само собой. Приводя мнения современников о непосредственных причинах войны, он уточняет, что «первой причиной они считали осаду карфагенянами Сагунта, а второй — переход этими же самыми карфагенянами реки, именуемой местными племенами Ибером». Сам он резко разделял по значимости «причины» (aitiai) и «фактическое начало» (archai) событий, и предложенную современниками точку зрения относил не к первой, а ко второй, потому что для него истинной причиной войны оставалась необоримая ненависть Баркидов к римлянам: тем не менее ясно, что греческий историк четко разделял два этапа в развязывании войны — первым «casus belli» [44] послужило взятие Сагунта, связанного с Римом союзническими отношениями и, следовательно, пользующегося защитой от нападения карфагенян, что было оговорено в соответствующей статье успевшего устареть договора Лутация от 241 года; к этому Ганнибал вскоре добавил и второй повод, уже менее необходимый, — переход Ибера (Эбро).

Что касается Тита Ливия, то у него никаких географических ошибок мы не обнаружим. Он совершенно недвусмысленно помещает Сагунт «по ту сторону Ибера», то есть, с римской точки зрения, к югу от реки (XXI, 5, 17). Вместе с тем рассказ римского историка выглядит несколько непоследовательно, так что кое-кто из новейших исследователей рискнул назвать его «настолько хаотичным, что никакой пользы для историков он не представляет» (R. M. Errington, 1970, p. 51). Пожалуй, сказано слишком сильно, да и пессимизм нашего современника кажется не вполне оправданным. Слава богу, античные историки умели работать с источниками, умели исправлять их ошибки, восстанавливать пробелы и додумывать умолчания. Мало того, они большей частью только этим и занимались. Но тем не менее признаем, что в данном вопросе Тит Ливий далеко не лучший из руководителей. Так, например, он пишет, что Ганнибал осадил Сагунт из-за того, что жители города затеяли войну со своими соседями, «а именно турдетанами» (XXI, 6, 1). Между тем от Сагунта до «Турдетании» — сотни километров, так как это древнее тартесское царство располагалось в средней и нижней долинах Гвадалквивира. Упоминание о турдетанах понадобилось Титу Ливию по одной-единственной причине: римляне эпохи Августа твердо знали, что турдетаны жили на карфагенской части Испании (A. Pelletier, 1986). Если уж с кем жители Сагунта и враждовали, так это скорее были турболеты, как о том и пишет Аппиан («Ибер.», 10).

Но еще более серьезного упрека заслуживает Тит Ливий, когда датирует начало конфликта годом консульства П. Корнелия Сципиона (отца Публия Африканского^[45]) и Тиберия Семпрония Лонга, то есть самое раннее 15 марта 218 года, поскольку именно в этот день вновь избранные консулы приступали к

исполнению своих обязанностей. Тем самым Тит Ливий сжимает до нескольких недель (до начала апреля 218 года, предположительной даты, когда колонны карфагенян двинулись к Каталонии) полуторагодовой временной промежуток, вместивший целый ряд событий. Причем историк отдавал себе отчет в шаткости своих построений и, завершая рассказ о них, обещал вернуться к вопросам хронологии, тем самым признавая, что датировки, например, Полибия (III, 17, 9), отводившего осаде Сагунта восемь месяцев, более близки к истине (XXI, 15, 3-5). Однако этого обещания он так и не выполнил и, разумеется, не без причины. Тит Ливий оставался «заложником» своих источников — Фабия Пиктора или Целия Антипатра, неважно, во всяком случае той римской анналистики, которая и «потрудилась» над сокращением сроков военных операций Ганнибала в Испании. Логично предположить, что это принудительное сокращение входило составной частью в целую «пропагандистскую кампанию по дезинформации», цель которой прослеживается достаточно отчетливо: «убедить общественное мнение, что из-за стремительности развития событий Рим просто не успел прийти на помощь своему союзнику и оправдать таким образом явное бездействие сената» (P. Jal, 1988, p. XLIV). У авторов, писавших после Тита Ливия, этот срок сократился еще значительно, служа доказательством, что сенат реагировал на события оперативно, ну а у Силия Италика (II, 39) и вовсе римское посольство явилось с объявлением войны в Карфаген еще до падения Сагунта.

Критическое сопоставление различных источников позволило новейшим исследователям восстановить хронологически достоверную последовательность событий. Очевидно, еще при жизни Гасдрубала в Сагунте вспыхнули волнения, и, чтобы установить мир, местные власти обратились к Риму (Полибий, III, 30, 2).

Римские войска навели в городе порядок, скорее всего, изгнав сторонников Карфагена. Принято считать, что это случилось летом или осенью 223 года (G. V. Sumner, 1972, p. 476). Два года спустя, уже после смерти Гасдрубала, новый главнокомандующий Ганнибал проводил внутри полуострова одну успешную кампанию за другой, по меньшей мере до начала зимы 220/19 года. Обеспокоенные территориальной экспансией пунийцев и, возможно, обозленные бесконечными нападками своих задиристых соседей, подспудно направляемых все тем же Ганнибалом, жители Сагунта отправили в Рим посольство (Тит Ливий, XXI, 6, 2), и даже не одно (Полибий, III, 15, 1). Зимой 220/19 года посланцы римского сената явились в Новый Карфаген для встречи с Ганнибалом.

Они решительно потребовали от пунийского руководителя воздержаться от любых враждебных акций в отношении Сагунта, который находился под их протекторатом. Ганнибал разговаривал с послами надменно и не преминул напомнить им, что совсем недавно Рим и сам позволил себе грубое вмешательство во внутренние дела этого города, предав смерти многих знатных жителей, а других отправив в изгнание. Молодой карфагенский вождь продемонстрировал завидное чувство юмора, когда в качестве аргумента своей правоты привел римлянам один из их же излюбленных лозунгов, используемых для прикрытия истинных целей внешней политики. «Карфагеняне, — заявил он, — искони блюдут правило защищать всех угнетенных» (Полибий, III, 15, 7). Поскольку греческий историк остается нашим единственным «информатором» в этом эпизоде и только благодаря ему нам известно о том, в какой атмосфере протекал «обмен мнениями», наверное, стоит задержаться чуть подробнее на несколько странном авторском комментарии к поведению Ганнибала. В дальнейшем

нам еще не раз представится случай убедиться, что Полибий в целом относился к командиру пунийцев очень благожелательно, нередко снимая с того выдвинутые римскими историками обвинения, например, в жестокости или варварстве, а уж о военных его талантах рассказывал, захлебываясь от восторга. Но в данном случае приговор Полибия звучит весьма сурово. По его мнению, Ганнибал повел себя с римскими послами как воинственный порывистый юнец, которому вскружили голову его недавние ратные подвиги и который дал волю своему чувству застарелой (несмотря на молодость) ненависти к Риму: «Вообще Ганнибал преисполнен был в то время безумного, порывистого гнева. Поэтому о действительных причинах он молчал и подыскивал нелепые предлоги» (III, 15, 9). Не разумнее ли было, добавляет Полибий, потребовать от римлян возвращения Сардинии и денежной суммы, которую, воспользовавшись ситуацией, те вытянули из карфагенян? Нашему современнику, близко наблюдавшему слишком большое число вооруженных конфликтов и хорошо знающему, что агрессоры редко признаются в своих истинных целях, трудно решить, чего в суждении греческого историка больше — рационализма или наивности. Ученые, конечно, попытались подыскать подходящее объяснение позиции Полибия. Так, последний французский издатель трудов древнего грека услышал в его оценках отзвук римской пропаганды (J. A. de Foucault, 1971, p. 48), что, учитывая явную независимость Полибия от официальной римской историографии, выглядит маловероятным. Крупнейший британский исследователь предположил, что греческий историк «обиделся» на своего героя, чьи поступки никак не укладывались в придуманную им схему истинных причин (aitiai) войны (F. W. Walbank, 1983, p. 63)^[46].

Иными словами, используя здесь изобретенный им же способ «кодировки» текста, который впоследствии он применит еще раз, повествуя о македонском царе Филиппе V, согласившемся по наущению Деметрия ввязаться в войну с Римом, завершившуюся для него весьма печально, Полибий словно между строк внушает своему читателю: война, начатая под влиянием страсти, кого угодно, даже гения стратегии, неизбежно приведет к поражению (А. М. Eckstein, 1989, pp. 1-15). Гроздя гнева, убежден Полибий, никогда не приносят съедобных плодов. Правда, когда он писал эти строки, конец истории был ему уже известен.

Получив от Ганнибала «от ворот поворот», римские дипломаты, согласно Полибию, двинулись в Карфаген (III, 15, 12). Чем завершилось это предприятие, греческий историк нам не сообщает, что же касается Тита Ливия (XXI, 6, 4), то он признает, что сенат действительно принял решение об этой поездке, однако осуществить его не успел, поскольку Ганнибал в это время уже осадил Сагунт. Заканчивалась зима 220/19 года. Ганнибал отлично знал, что Рим, не без труда ликвидировавший кельтскую угрозу в Италии, теперь все свои силы намеревался бросить в Иллирию, на Адриатическое побережье, где активизировался его бывший вассал Деметрий Фаросский, заключивший союз сначала с правителем Македонии Антигоном Досоном, а затем со сменившим его в 221 году молодым царем Филиппом V. Таким образом, к весне 219 года Риму приходилось прежде всего заботиться о положении на Балканах, и Ганнибал понимал, что тому будет не до Сагунта.

Осада города длилась несколько месяцев. Полибий (III, 17, 10) уточняет, что восемь, и хотя он прекрасно разбирался в осадном искусстве, почему-то никаких подробностей о ходе операции не сообщил, если не считать упоминания о том, что Ганнибал принимал в

ней личное участие. Тит Ливий, возможно, почерпнувший информацию у Целия Антипатра, указывает, что в самом начале осады Ганнибал, неосторожно приблизившийся к крепостной стене, получил ранение в бедро (XXI, 7, 10). Отлично укрепленный город, Сагунт доблестно оборонялся. Цитадель занимала западный угол и располагалась на вершине холма, там, где сегодня находится «Bataria dos de Mayo», напоминающая о взятии города наполеоновской армией в 1811 году. Обитатели Сагунта яростно защищались, используя страшное по тем временам оружие — фаларику, своего рода метательное копье, зачастую крупных размеров, с древком, обернутым льняной тканью, пропитанной смолой и серой. Перед тем как метнуть копье, его древко поджигали, так что в полете оно превращалось в настоящую «баллистическую ракету», убивавшую не только огнем, но и трехфутовым железным наконечником (Тит Ливий, XXI, 8, 11). В своей «Пунике» (I, 350–364) Силий Италик с присущей ему патетикой описал разрушительное воздействие фаларики, которую метали из катапульты крупного калибра.

Между тем дипломатия тоже не бездействовала. Как сообщает Тит Ливий (XXI, 6, 8), летом 219 года неподалеку от осажденного Сагунта высадилось римское посольство. Полибий об этой миссии не упоминает, поскольку его рассказ о переговорах касается лишь той встречи, что произошла на зимних квартирах Ганнибала в Новом Карфагене несколькими месяцами раньше. В научной литературе до сих пор дискутируется вопрос, следует ли считать это второе посольство, упомянутое у Тита Ливия — для самого римского историка первое, ибо первое, по его словам, так и не успело выехать до нападения на Сагунт, — тем самым, о котором писал Полибий, негодуя на высокомерие и гневливость Ганнибала. Как бы там ни

было, именно Титу Ливию мы обязаны тем, что нам известно содержание состоявшихся переговоров, а также о личности человека, возглавившего миссию с римской стороны. Речь идет о патриции П. Валерии Флакке, бывшем консулом в 227 году и в этом своем качестве занимавшемся подготовкой соглашения с Гасдрубалом, следовательно, хорошо знавшем обстановку в Испании. Ганнибал от встречи с послами уклонился, сославшись на занятость военным руководством. В то же время понимая, что они после этого скорее всего направятся напрямиком в Карфаген, он позаботился выслать в метрополию своего курьера с донесением, адресованным группировке, которую Тит Ливий именуется «баркидской фракцией» — клану, входившему в состав Совета старейшин и в течение 20 лет неизменно защищавшему интересы семейства Барка.

В Карфагене Валерий Флакк и его коллеги по миссии добились аудиенции у рупора пунийской аристократии и нашего старого знакомого Ганнона, соперника Гамилькара, который в дальнейшем будет преследовать своей враждой Ганнибала на всем протяжении Второй Пунической войны. Речь Ганнона, приводимая Титом Ливием (XXI, 10, 2-13), открывает целую серию выступлений, которые падуанский историк вложил в уста карфагенского сенатора. Раздражительность Ганнона будет нарастать в них крещендо, пока не достигнет кульминации в гневной тираде, произнесенной в 216 году в связи с победой при Каннах, которую старый сенатор назовет пирровой. Ганнибал, вещал он, опасный поджигатель войны, которого надо остановить, пока не поздно, потому что запаленный им в Сагунте пожар в конце концов перекинется на стены Карфагена. И потому, предлагал Ганнон, надо немедленно прекратить всякие военные действия против Сагунта, а Ганнибала выдать

римлянам. Совет старейшин состоял главным образом из людей, настроенных к сыну Барки благожелательно, и пылкие речи Ганнона не имели среди них никакого успеха. Совет принял решение ответственность за конфликт возложить на жителей Сагунта. Между тем осада города все продолжалась. Ганнибалу пришлось на несколько недель отлучиться от крепостных стен, потому что в Ламанче и Новой Кастилии вспыхнули волнения среди оретанов и карпетанов, которые, возмущившись слишком активной вербовкой солдат в войска Ганнибала, напали на самих вербовщиков. Осажденным в отсутствие главнокомандующего легче не стало. Руководство операцией Ганнибал на время своего отсутствия возложил на Магарбала, сына Гимилькона, которому предстоит, во всяком случае по версии Тита Ливия, возглавить карфагенскую конницу в битве при Каннах и произнести ставшую исторической фразу. Из своего молниеносного рейда на полуостров Ганнибал, согласно легенде, воспетой Силием Италиком («Пуника», II, 395–456), привез удивительный щит, честь создания которого поэт отдает галисийским бронзовых дел мастерам. Поверхность щита украшали рисунки, изображающие всю историю Карфагена, причем даже с некоторым забеганием вперед: так, один из рисунков посвящался переходу Ганнибала через Эбро, а еще один показывал падение Сагунта. Действительно, осенью 219 года город пал. Последние дни его защитников были ужасны. Доведенные до отчаяния голодом, люди начали поедать тела умерших близких, а потом оставшиеся в живых воины запалили гигантский костер и бросились в него вместе с женами и детьми (Августин, «Град Божий», III, 20). Победителям досталась богатая добыча, которую они поделили на три части: солдаты получили пленных, драгоценности были отправлены в Карфаген, а золото и серебро Ганнибал оставил себе. Он копил средства для будущих походов.

Объявление войны

Весть о падении Сагунта вызвала в Риме сильнейшее волнение, тем большее, чем яснее все кругом понимали: римляне не сделали почти ничего, чтобы прийти на помощь городу, признавшему римский протекторат. Вопреки утверждению Полибия, который с большой живостью называет это сообщение «подлыми сплетнями, словно подслушанными в лавке брадобрёя» (наш современник сказал бы в этом случае: в очередях болтают), выдуманными Сосилом Лакедемонянином и каким-то Хереем, о котором нам неизвестно ничего, в сенате все-таки состоялось бурное обсуждение вопроса, поскольку, несмотря на испытанное унижение, в сенате не было единства по вопросу об объявлении Карфагену войны (Полибий, III, 20, 5).

Близился к концу 219 год, а в это время партия Фабиев, традиционно настроенная против активной политики в Средиземноморье вообще и в Испании в частности, все еще удерживала в сенате сильные позиции. Однако в последние несколько лет с Фабиями все острее соперничала группировка Эмилиев, сумевших захватить управление первостепенными магистратурами. После победы над галлами на мысу Теламон, одержанной в 225 году, Эмилиев стала поддерживать и демократическая партия в лице Г. Фламиния, консула 223 года. Их устремления сводились к ослаблению роли консервативной аристократии, составлявшей в сенате большинство. Начиная с 222 года влияние Эмилиев в сенате и в органах исполнительной власти Рима непрерывно росло, как, впрочем, и влияние еще одной выдающейся патрицианской фамилии — Корнелиев Сципионов. В 219 году консулами были выбраны Л. Эмилий Павел и от

плебеев — М. Ливий Салинатор, но, как мы уже видели, их внимание поглотила война в Иллирии против Деметрия Фаросского. В следующем, 218 году консулами стали П. Корнелий Сципион — отец Публия Африканского, и Семпроний Лонг, как и его коллега, ярый противник Карфагена.

Относительно даты заседания сената мнения источников расходятся. Силий (Г, 675–694) и Тит Ливий (XXI, 6, 5–6) считают, что оно состоялось сразу после получения известия об осаде Сагунта, а Зонара (8, 22), кратко пересказывающий Диона Кассия, сообщает, что сенаторы собрались после сдачи города и отправки второго посольства, что представляется нам более вероятным. Зато все источники, кроме Полибия, единодушны в указании главных действующих лиц разыгравшихся дебатов. Представитель Корнелиев, и далеко не самый последний, Л. Корнелий Лентул Кавдин, «принцепс сената»^[47] 220-го и верховный понтифик с 221 года, выступил с предложением о немедленном объявлении войны. Ему противостоял Кв. Фабий Максим Веррукос, дважды консул и цензор 230 года, который вскоре прославит себя в войне с Ганнибалом применением тактики «затягивания», но и до того личность достаточно известная. Он настаивал на отправке еще одного посольства в Карфаген. Именно это предложение получило поддержку сенаторов, и, поскольку возглавить посольство поручили одному из членов клана Фабиев, по всей вероятности, старику М. Фабию Бутеону, могло показаться, что возобладала линия на дипломатическое урегулирование конфликта. Однако в состав посольской миссии, насчитывавшей пять человек, вошли также оба консула 219 года — Л. Эмилий Павел и М. Ливий Салинатор, что сводило шансы договориться практически к нулю ^[48].

Полномочия и задачи делегации определялись просто. Римляне собирались задать в Карфагене единственный вопрос: действовал ли Ганнибал, подвергнув нападению Сагунт, по собственной инициативе или исполнял волю Совета старейшин. В первом случае они намеревались потребовать выдачи Ганнибала, как, впрочем, уже попытался сделать Валерий Флакк, не добившийся, как мы помним, успеха. Если же карфагенский сенат станет покрывать своего полководца, это будет означать, что он одобряет все его действия. Тогда — война.

На сей раз Ганнону слова не дали. С речью перед римлянами выступил сенатор, оставшийся в истории безымянным, но которого Полибий (III, 20, 10) охарактеризовал как самого знающего из своих коллег. Отвечая на заданный вопрос, он выстроил целую систему хитроумной аргументации. Прежде всего, заявил сенатор, иноземной державе не пристало требовать отчета от карфагенского военачальника, который несет ответственность за свои действия только перед своим правительством. Поэтому вопрос сводится, в сущности, к следующему: нарушил или нет упомянутый военачальник, когда атаковал Сагунт, какой-либо договор, заключенный Карфагеном. Единственным относящимся к делу договором следует считать договор Лутация, подписанный с Римом в 241 году по окончании Первой Пунической войны. Однако на Сагунт этот договор не распространяется, поскольку в то время город еще не объявил себя союзником римского народа. Что касается соглашения с Гасдрубалом, подписанного в 226 году, даже если допустить, что положение Сагунта оговаривалось в нем отдельной статьей, то Карфаген не может считать себя ответственным за пакт, заключенный помимо его воли одним из его представителей в Испании и не одобренный карфагенским сенатом. В конечном итоге

Карфаген повел себя в том же духе, что и сам Рим, не удовлетворившись договором между Лутацием и Гамилькаром от 241 года и после народного обсуждения потребовавший ужесточения его условий для карфагенской стороны. Карфагенский оратор закончил свою речь на высокой ноте, практически загнав римских послов в угол. «Дайте наконец вашей душе разрешиться от бремени, с которым она так давно уже ходит!» — воскликнул он, впрочем, может быть, что это образное выражение на самом деле принадлежит Титу Ливию (XXI, 18, 12). Ловкость, с какой карфагенянин поставил их перед необходимостью принять решение немедленно, привела римлян в замешательство. Глава делегации вместо ответа зажал пальцами ткань своей тоги и лишь потом проговорил: «Мы принесли вам на выбор мир и войну. Берите то, что вам больше нравится». Верные себе, карфагенские сенаторы сейчас же «отбили мяч»: мы, дескать, оставляем выбор за вами. Тогда Фабий, выпустив из пальцев складку тоги, произнес: «Мы объявляем войну».

Великие исторические минуты иногда нуждаются в особой режиссуре, в образах, посредством которых подчеркивалась бы исключительность момента. Нам кажется совершенно несущественным, имел ли место на самом деле театральный жест Фабия или это позднейшая выдумка. Важно другое: этот жест идеально символизирует двойственность описанной ситуации. Решение о начале войны, которой предстояло перевернуть судьбы тогдашнего мира, было принято Карфагеном без особого на то желания, исключая единственный клан, правда, уж этот-то клан прямо-таки пылал воинственным духом. Но даже если в Совете старейшин существовала прослойка, считавшая, что в 219 году сложился не самый удачный расклад для борьбы с таким сильным противником, как Рим, поскольку завоевание Испании и полное ее покорение

еще далеко не завершились, а сам Рим, успевший после войны в Иллирии навести порядок на своих восточных рубежах и усмирить кельтов, существенно окреп, тем не менее все карфагенские сенаторы, за исключением, быть может, одного Ганнона, прекрасно понимали: если не ответить на вызов Рима в связи с Сагунтом, можно проститься не только с уважением в глазах испанцев, но и разом перечеркнуть все результаты кропотливого двадцатилетнего труда на Иберийском полуострове. А ведь эти достижения после утраты Сицилии и Сардинии были Карфагену насущно необходимы! Поэтому и пришлось им брать на себя формальную ответственность за конфликт. Что касается Рима, то после решения македонской проблемы сторонникам вооруженного столкновения с Карфагеном ничего не стоило порвать узду, удерживаемую осторожными Фабиями. Для Эмилиев, Корнелиев Сципионов и близких к ним кругов речь уже шла не только о том, чтобы отомстить за маленький испанский город, вставший под римскую защиту и раздавленный Карфагеном у Рима на глазах. Речь шла о том, чтобы нанести удар по жизненным интересам Карфагена, все равно, в Испании или в Африке. Подтверждением этому служит тот факт, что весной 218 года оба вновь избранных консула получили каждый по «своей» провинции. П. Корнелий Сципион собирал войско для похода в Испанию, а Тиберий Семпроний Лонг отбыл на запад Сицилии, в Лилибей, где формировал армию для вторжения в Африку. В ответ на этот стратегический план гений Ганнибала готовил свою стратегию, но в Риме, конечно, о ней еще не подозревали.

Последние распоряжения Ганнибала в Испании

Надо думать, что меньше всех тому обороту, который приняли события, удивился сам Ганнибал. Шансов на то, что Рим никак не отреагирует на осаду и взятие Сагунта, хотя бы и с опозданием, почти не было, с другой же стороны, он отлично знал, что в Карфагене его надежно прикрывает баркидский клан. Поэтому готовиться к осуществлению плана, наверняка задуманного давно, он начал загодя. И хотя у нас нет никаких тому материальных свидетельств, кажется более чем вероятным, что не позже 219 года, а возможно, и еще раньше он уже прощупывал почву в областях, населенных вольками (Русильон), а также салиями и аллоброгами. Через переводчиков он вел переговоры с обитателями земель, через которые пролегал задуманный им маршрут. И мы знаем совершенно точно, что накануне осуществления своих планов он принимал в Новом Карфагене депутацию галльских племен. Не будем забывать, что в те времена расстояния казались куда длиннее, чем теперь, поэтому, принимая то или иное решение, требовалось проявить недюжинные способности к предвидению. Согласно отчету, составленному неким флорентийцем в XV веке, путешествие от Барселоны до Монпелье занимало в среднем 10 дней. Очевидно, в эпоху Ганнибала, когда дороги были хуже, а путь опаснее, да и подходящего места для ночевки могло не оказаться, этот срок мог быть еще длиннее, пусть и ненамного. Медлительность тогдашнего сообщения имела и свои преимущества, примером чему может служить знаменитый в античности анекдот про милетского военачальника Гистиея, написавшего секретное

донесение на выбритой голове гонца: за время пути волосы успели вырасти, скрыв текст письма.

После взятия Сагунта Ганнибал отвел войско на зимние квартиры в Новый Карфаген. Здесь он и получил сообщение о результатах римского посольства в Карфаген. Начинаясь зима 219/18 года. План будущей кампании у него уже созрел, и судить об этом мы можем по тому, что он на всю зиму распустил по домам солдат-иберов — отдыхать и набираться сил. Сам же он посвятил это время осуществлению целого ряда мер, как наступательного, так и оборонительного характера. Для укрепления африканских гарнизонов он направил в метрополию несколько отрядов иберов: 13 850 пеших воинов, в чье вооружение входила кетра — небольшой круглый щит; 1200 всадников и 870 пращников-балеарцев. Эти цифры приводят и Тит Ливий (XXI, 21, 12), и Полибий (III, 33), причем последний дает объяснение их поразительной точности. Оказывается, Ганнибал приказал выгравировать эти данные на бронзовой табличке, хранившейся на мысе Лациний, в Южной Италии, где Полибий и имел возможность лично с ними ознакомиться. Подкрепление предназначалось для обороны Карфагена и других пунийских городов, в частности города «метагонитов», как называет его Полибий (III, 33, 12-13). Речь идет о поселениях нумидийского племени масесилов, на месте которых ныне стоит алжирский город Константина (J. Desanges, 1980, p. 188). Здесь же Ганнибал приказал набрать четыре тысячи юношей из лучших местных семейств — помимо помощи гарнизону они одновременно выполняли и роль заложников. Напротив, из Африки он вызвал в Испанию значительные контингенты разных родов войск.

Заботиться об охране своих испанских владений его заставляла уверенность в том, что по возвращении из Карфагена римские посланцы направятся объезжать

северные области Иберийского полуострова, рассчитывая склонить на свою сторону местное население (Тит Ливий, XXI, 19, 6–8). В Каталонии тогда обитали баргусии и близкие к ним вольциане; не исключено, что последние являются теми самыми вольками, которые удерживали Русильон. И хотя римляне получили от вольциан совсем не тот ответ, на который рассчитывали, — руины Сагунта, разумно возразил им вождь этого племени, не лучшая приманка к союзу с Римом! — необходимости превратить большую часть Испании в надежный «оплот» Карфагена это не отменяло. Своему брату Гасдрубалу, на которого он собирался оставить Испанию, Ганнибал передал под командование пешее войско, усиленное 11 855 африканцами, тремя сотнями лигурских и пятью сотнями балеарских пращников. Неплохим подспорьем должен был стать и 21 слон. Конное войско Гасдрубала также в основном состояло из африканцев: 450 «лиофиникийцев» — солдат смешанных кровей родом из тунисского Сахеля, но главным образом 1800 нумидийцев и мавров.

Это перемешивание имело свой смысл. Таким способом Ганнибал хотел связать своих солдат, служивших в Африке и в Испании, чувством общей солидарности, и мы должны признать, что действовал он в данном случае не столько как полководец, сколько как тонкий политик. Кстати сказать, поступать аналогичным образом ему приходилось и раньше, вероятнее всего, в 220 году. Мы помним, что его предшественник Гасдрубал Красивый женился вторым браком на испанке, и произошло это вскоре после кончины Гамилькара.

От Тита Ливия (XXIV, 41, 7) мы узнаем, что и Ганнибал, в свою очередь, взял в жены иберийскую девушку родом из Кастуллона, одного из крупнейших в то время городов верхней Андалусии, близ Линареса.

Этот город издавна привлекал внимание финикийцев Гадеса своими рудниками, а о его древнем богатстве без слов рассказывали прекрасные образцы произведений искусства, выполненные в восточном стиле. Чуть больше об этом браке сообщает нам Силий Италик. Избранницу Ганнибала звали Имилька, но только это вовсе не греческое, как думал латинский поэт, а чистейшее пунийское имя («Пуника», III, 97-105). Как доказали современные исследователи, в нем легко угадывается семитский корень «mlk», что значит «вождь», «царь» (G. Picard, 1967, p. 119). Но следовать дальше за Силием Италиком в его романтических построениях представляется нам довольно-таки рискованным. Так, он утверждает, что от этого союза якобы родился сын, увидевший свет прямо под стенами осажденного Сагунта. Далее, перед отбытием в Италию Ганнибал якобы переправил мать с малышом в Гадес, а оттуда в Карфаген, чтобы избавить их от превратностей войны. Завершает картину образ Имильки, застывшей на берегу со взором, обращенным к испанским берегам, туда, где тают в морской дымке силуэты удаляющихся кораблей...

Теперь вернемся к действительности. Перед тем как покинуть Испанию, Ганнибал в самом деле ездил в Гадес, чтобы, как уверяет Тит Ливий (XXI, 21, 9), вознести дары по обету Геркулесу и «взять на себя новый обет». Вольнодумец Полибий не счел нужным упоминать об этом эпизоде, Впрочем, не исключено, что он о нем просто не знал. Так или иначе, Геркулес — это, конечно, Мелькарт, по-финикийски «Царь города», покровитель Тира, но одновременно и божество финикийских завоеваний. Посвященный ему огромный храм, стоявший на берегу «внешнего моря», то есть океана, словно приглашал к дальним путешествиям. Позже мы покажем, что он занимал особое место в семейном пантеоне Баркидов, а заодно припомним Титу

Ливию его безапелляционную характеристику, данную молодому Ганнибалу, особенно то место, где говорится про сына Гамилькара «nulla religio» [\[49\]](#). Может быть, стоит согласиться с одним из самых проницательных экспертов по нашей теме, который предположил, что римский историк, довольно часто приводящий примеры искренней религиозности карфагенского полководца, в данном случае просто повторил упрек, зародившийся в пунической среде, конкретно, в кругах, враждебных Ганнибалу, но не сумел его критически оценить просто потому, что недостаточно хорошо разобрался в тонкостях теологических споров, характерных для финико-пунийцев (G. Picard, 1967, p. 114). Это очень любопытная гипотеза, однако нам представляется более вероятным, что Тит Ливий просто хранил верность своему главному источнику, римской анналистике, и воспроизвел в готовом виде привычную для римлян хулу по адресу безбожия Ганнибала (W. Huss, 1986, pp. 223–238), и даже не столько безбожия, сколько святотатства, а это обвинение в античные времена значило немало, особенно среди римлян. Мы же еще раз повторим для себя сделанный раньше вывод о необходимости в дальнейшем вносить некоторые коррективы в трактовку событий, представленную падуанским историком.

Глава III. От Нового Карфагена до долины По

Отбытие Ганнибала из Нового Карфагена принято датировать концом апреля либо, что вероятнее, началом мая 218 года. Это означает, что полководцу понадобилось немало времени, чтобы полностью завершить подготовительную часть своего плана. Действительно, на переброску африканских соединений в Испанию и иберийских отрядов в Карфаген и города «метагонитов» ушло по меньшей мере несколько месяцев. Мы думаем, что передвижение войск осуществлялось главным образом по суше, исключая переправу через Гибралтарский пролив. Роль основного порта на испанском побережье играл тогда не Гадес, а Новый Карфаген, но нам кажется маловероятным, чтобы для переброски войск использовался морской путь. Верно, в Африке Карфаген все еще владел достаточно мощным флотом, и позже, в 213–212 годах, когда начнется осада Сиракуз, сотни пунийских кораблей будут курсировать между Сицилией и Карфагеном. Однако в 218 году испанская морская база не могла похвастать крупными силами. По словам Тита Ливия (XXI, 22, 4), весь ее потенциал исчерпывался 50 квинкверемами, двумя квадриремами и пятью триремами, из которых на ходу были лишь триремы и 32 квинкверемы. Для сравнения укажем, что только на испанский театр военных действий, где средства морского боя не играли решающей роли, Корнелий Сципион привлек флот, состоявший из 60 квинкверем, а в распоряжении Семпрония Лонга, в Сицилии, имелось 160 квинкверем! Эти цифры позволяют ясно понять, что Ганнибал и думать не мог о том, чтобы достичь берегов

Италии морским путем. Для большей наглядности предлагаем читателю взглянуть на карту. Если исключить возможность каботажного плавания от испанского Востока северным курсом до провансальского и лигурийского побережья, где пунийскому флоту неизбежно пришлось бы сражаться с объединенными силами массилийцев и римлян, оставался один путь — через Балеары, единственное место надежной и безопасной стоянки. Однако к востоку от Балеарских островов моряки ходить особенно не любили, поскольку в здешних морях не редкость штормовые ветра, дующие со стороны Лионского залива, к тому же бывшие перевалочные базы на этом пути — острова Корсика и Сардиния — после 238 года из дружественных земель превратились во враждебные.

План Ганнибала и расстановка сил

Ганнибал, без сомнения, не располагал точными данными о морских силах римлян, поступивших в распоряжение обоих консулов. Однако всеми прочими данными, необходимыми для детальной разработки собственного плана военной кампании, он, бесспорно, владел. К осуществлению этого плана он и перешел в первые месяцы 218 года. Мы также допускаем, что он в целом неплохо представлял себе масштаб сухопутных сил участников будущей схватки. То, что он точно оценивал собственный военный потенциал, подразумевается само собою, но более чем вероятно также, что благодаря отлично поставленной службе разведки он знал о сильных и слабых сторонах римской армии не меньше, чем знаем сегодня мы, главным образом благодаря Полибию.

Греческий историк (II, 24), очевидно, опираясь на данные, приводимые Фабием Пиктором, составил сводную таблицу римских вооруженных сил, задействованных несколькими годами раньше, точнее, в 225 году, во время галльского вторжения. Ударную группу римской армии составляли четыре легиона, набираемые из римских граждан — по два легиона у каждого консула. В каждый легион входило 5200 пеших воинов и 300 всадников. В общей сложности это дает нам цифру в 22 тысячи человек — причем это были опытные бойцы с высоким воинским духом. Помимо них консулы набирали еще по два легиона, дислоцированные в Таренте и в Сицилии, каждый из которых насчитывал по 4200 пеших и по две сотни конных воинов. Вместе с римскими легионами сражались и войска союзников, то есть еще 30 тысяч пехотинцев и две тысячи всадников. В самом Риме в

качестве резерва содержались отряды, набранные из римских граждан, всего 20 тысяч пеших и 1500 конных солдат, а также подкрепление из числа союзников — соответственно 30 тысяч и две тысячи человек, готовых отправиться в бой, если того потребуют обстоятельства. У этой внушительной армии, составленной из отборных сил, существовал и второй резерв, исчисляемый двумя сотнями тысяч римских и кампанских граждан, не считая воинов союзных Риму италийских народностей. В северных областях это были венеты, ценоманы, умбры, сарсинаты, этруски; в центральной Италии, смыкавшейся на востоке с собственно римскими землями, — вестины, марсы, марруцины, пелигны, самниты; наконец, на юге, — апулийские племена япигов и мессапов, а также луканы. Суммируя все эти силы, Полибий пришел к выводу, что римская армия насчитывала 700 тысяч пеших и 70 тысяч конных воинов. Однако не будем забывать, что примерно половину этого войска составляли италийские солдаты, чья военная доблесть была ниже, а верность Риму оставалась сомнительной. Что же касается римских граждан, то похоже, что греческий историк включил в общий список не только людей, как мы бы сказали, призывного возраста — *juniiores*, — то есть способных носить оружие (от 18 до 46 лет), но и *seniores* — «стариков», на самом деле представлявших собой резерв на самый крайний случай.

Но цифры цифрами, а военная организация военной организацией. Вся эта огромная масса народу, теоретически подлежащая мобилизации, на практике была разбросана по огромным пространствам, так что собрать их всех в нужное время и в нужном месте, не говоря уже о необходимости сформировать из них эффективные и надлежащим образом вооруженные воинские соединения, представляло серьезную проблему. Ганнибал это, конечно, знал, как знал он и то,

что на всей италийской территории Рим мог рассчитывать на постоянное пополнение своих рядов за счет резервов, а для него такой возможности не существовало, если только не надеяться на массовое дезертирство римских союзников и их переход на сторону карфагенян или на маловероятный подход подкреплений со стороны. Можно сказать, что с учетом этой фундаментальной посылки Ганнибал и выстраивал всю линию своей стратегии.

О пестроте состава римских сил, выражавшей сложность реальной политической обстановки, следует сказать особо. Ганнибал вполне мог сыграть на различиях в политическом статусе, характерных для разных италийских народов, и он на них сыграл.

В описываемую нами эпоху собственно римская территория занимала большую часть Центральной Италии, не слишком широкой полосой — от Пизавра (ныне Пезаро) на севере до Адрии на юге — у выхода к Адриатическому морю. С противоположной стороны полуострова, выходящей к Тирренскому морю, эта полоса была несколько шире: она протянулась от мыса Теламон до города Кумы. Таким образом, Рим владел всей центральной частью Апеннин, раскинувшейся на площади примерно в 30 тысяч квадратных километров, однако по целому ряду причин политической однородности на этой территории не существовало. Прежде всего на этих землях жили не только полноправные римские граждане (*optimo jure*), но и граждане, не имевшие избирательного права (*sine suffragio*), а следовательно, и права пользоваться полагающимися первым почестями. Вместе с тем они наравне с гражданами «первого сорта» несли все бремя военных и финансовых обязанностей. Области, населенные по преимуществу такими «неполноценными» гражданами, располагались в основном на северной, восточной и южной окраинах

римских владений. К ним относились такие города, как Цере, находившийся на крайней южной оконечности Этрурии, Сена Галльская, занимавшая бывшие галльские области в Адриатике, наконец, Капуя, расположенная на юге, в Кампании. В Капуе, к примеру, действовали собственные органы власти, существовали свой сенат, свои магистраты и свое народное собрание. В дальнейшем мы убедимся, что Ганнибал сумел весьма тонко сыграть на этой политической ситуации, воспользовавшись стремлением кампанской верхушки обрести в рамках конфедерации то высокое положение, к которому ее обязывало славное прошлое.

Но и это еще не все. Даже беглого взгляда на политическую карту Италии того времени довольно, чтобы понять, что римскую территорию повсеместно «дырявили» многочисленные анклавы, представлявшие собой колонии латинской юрисдикции. Это были независимые города, которые имели свои автономные институты управления, своих магистратов, чьи граждане подчинялись своим собственным законам и местному праву. Правда, они имели возможность селиться в Риме, вступать в брачные связи с римскими гражданами и добиваться римского гражданства. Со своей стороны латины участвовали в финансовых расходах Рима и исполняли римскую воинскую обязанность, поставляя строго определенные в количественном отношении воинские контингенты, формируемые согласно «*formula togatorum*» ^[50] (A. J. Toynbee, 1965, I, pp. 424-437). В уже упоминавшемся нами отчете Полибия (II, 24, 10) о численности римских войск, готовых к мобилизации в 225 году, фигурируют 80 тысяч пехотинцев и пять тысяч всадников, поставленных латинами. В сущности, латинские анклавы находились в весьма привилегированном положении (например, города Сполетий — ныне

Сполето — на севере или Беневент на юге), а потому неудивительно, что во время войны с Ганнибалом народы *nomen Latinum* [\[51\]](#) демонстрировали непоколебимую верность Риму. Оставались еще территории, занятые римскими союзниками, уже перечисленные нами выше, которые формировали обширную защитную зону владений Рима и латинов как с севера, так и с юга. Мы скоро увидим, что именно в областях, занятых южными соседями Рима, в Апулии, Лукании и Бруттии, пунийскому главнокомандующему удалось переманить у римлян наибольшее число союзников и перетянуть их на свою сторону.

Пунийская армия покидает Новый Карфаген

Ганнибал, конечно, сознавал, что на долгом пути от Нового Карфагена до долины По его армия понесет потери. Поэтому он постарался укомплектовать ее возможно полнее. Полибий (III, 35, 1) утверждает, что накануне выступления из города карфагенское войско насчитывало 90 тысяч пеших и 12 тысяч конных воинов. Нам эти цифры кажутся сильно преувеличенными. Известно, что накануне перехода через Пиренеи Ганнибал оставил своему помощнику — одному из многочисленных Ганнонов, которыми пестрит история Карфагена, — отряд из 10 тысяч пехотинцев и тысячи всадников; такое же количество солдат он отправил назад, по домам. Через Пиренеи он повел остатки своей армии, насчитывающей к этому времени, согласно Полибию (III, 35, 7), 50 тысяч пехотинцев и девять тысяч всадников. Из этого следует, что после переправы через Эбро он потерял в боях 21 тысячу солдат, что все-таки многовато. По данным того же Полибия (III, 60, 5), после переправы через Рону войско Ганнибала сократилось до 38 тысяч пехотинцев и восьми с небольшим тысяч всадников, что вместе дает примерно 46 тысяч солдат (III, 60, 5). Следовательно, с момента вступления в Галлию он потерял еще 13 тысяч воинов, хотя никакими серьезными сражениями эта часть кампании не отмечена. Наконец, в Италию он привел войско, состоящее из 20 тысяч пехотинцев и шести тысяч всадников, и этой цифре можно верить, поскольку она фигурирует в той самой табличке с мыса Лациний, о которой мы уже упоминали (Полибий, III, 56, 4). Таким образом, получается, что с момента переправы через Рону до вступления в долину По погибло 20 тысяч

солдат, что кажется совершенно невероятным даже с учетом чрезвычайно опасного и тяжелого перехода через Альпы. Одним словом, «усыхание» армии со 102 до 26 тысяч представляется чрезмерным, но поскольку вторая цифра достоверна, значит, пересмотру подлежит первая. Среди историков принято считать, что Новый Карфаген покинуло войско, насчитывавшее от 60 до 70 тысяч солдат, но никак не больше.

Даже с чисто количественной точки зрения это была могучая сила. Но дело не только в численности. Благодаря своей военной доблести армия Ганнибала могла претендовать на звание лучшей армии того времени. Конечно, ее составляли не граждане, и в этом крылось ее коренное отличие от римской армии, и хотя в последней немалая часть приходилась на долю вспомогательных частей и союзных сил, тем не менее ее костяк состоял из «призывников» [\[52\]](#). В Карфагене такой категории не существовало, и его граждане объединялись в отряды по территориальному признаку только для обороны города. Впрочем, со времен Гискона и Гамилькара — героев сицилийской кампании — принцип формирования войска изменился в лучшую сторону. Если раньше подавляющую его часть составляли наемники, то теперь их стало гораздо меньше, зато возросла доля солдат, также считавшихся «профессиональными воинами», однако более надежных: их набирали среди народов, покорившихся Карфагену. К ним в первую очередь следует отнести «ливийцев» — жителей Африки, являвшихся подданными Карфагена. Именно из них в подавляющем большинстве состояло войско, возвращенное с Сицилии после Первой Пунической войны, они же, если верить Полибию (III, 56, 4), преобладали в армии Ганнибала, успешно преодолевшей Альпы (двенадцать из двадцати тысяч солдат). О дисциплинированности и

выносливости ливийцев ходили легенды. В обычное вооружение ливийского воина, если он служил в легкой пехоте, входили несколько дротиков, кинжал и кетра — небольшой круглый щит. В битве при Каннах Ганнибал дополнительно раздал им оружие, захваченное у противника в битве при Тразименском озере (Полибий, III, 87, 3; Тит Ливий, XXII, 46, 4). Новшеством по сравнению с Первой Пунической войной стало то, что теперь бок о бок с ливийцами сражались иберийские пехотинцы, также набранные среди покоренных Карфагеном народов, только испанских. Из 20 тысяч солдат, живыми и невредимыми спустившихся с Альпийских гор, восемь тысяч составляли иберы. Кроме них в армии Ганнибала служили за плату испанцы из числа непокоренных народов, например кастильские кельтиберы. Эти бились коротким обоюдоострым мечом, позволявшим и колоть, и рубить, а также фалькатой — кривой саблей. Они также пользовались кетрой, но те из них, кому выпадало стоять в передовой линии пехоты, например в битве при Каннах в 216 году, предпочитали заимствованный у галлов длинный овальный щит (Полибий, III, 114, 2). Соединения пехоты усиливались отрядами, состоявшими из одних наемных воинов, например балеарцев, которые служили за плату, хотя их острова и считались протекторатом Карфагена. В их вооружение входили дротики, в частности, в битве при Требии (Тит Ливий, XXI, 55, 6, 9), но главным образом — праща, которой они владели как никто. Каждый пращник носил сразу три пращи с различной длины ремнем и использовал какую-либо из них в зависимости от требуемой дальности полета снаряда. Две пращи крепились к поясу, одна — к повязке на голове (Диодор, V, 18, 3). Праща считалась одним из самых опасных видов вооружения; именно выпущенный из пращи снаряд ранил консула Эмилия Павла в самом начале Каннской битвы. В качестве

наемников служили и лигуры, три сотни которых поступили в распоряжение Гасдрубала, оставленного братом защищать карфагенскую Испанию (Полибий, III, 33, 16). Нам почти ничего не известно о том, на каких условиях их нанимали на военную службу; использовались же лигуры в основном в легкой пехоте и в качестве разведчиков; впрочем, в битве при Заме и даже раньше, в битве на Метавре, они сражались в передовых отрядах.

О галлах мы будем подробно говорить чуть дальше. Безусловно, в армии Ганнибала они играли очень важную роль, составляя ту чрезвычайно ценную часть передовой пехоты, которой нередко жертвуют в бою, однако влились они в нее уже после вступления в долину По. Благодаря галлам Ганнибал постарался заткнуть зияющие бреши в рядах своих бойцов, появившиеся после перехода через Альпы. Из многочисленного кавалерийского соединения у него после этого сурового испытания еще оставалось шесть тысяч всадников. Большинство из них составляли нумидийцы, чей союз с пунийцами зиждился на старинных и тесных связях: мы помним, как выручил Гамилькара Барку Наравас во время войны с наемниками. По ходу дальнейшего повествования у нас еще будет случай рассказать об услугах, которые они оказали Ганнибалу от Требии до Канн, а также в Бруттии; однако уже в битве при Заме многие из них сражались на стороне римлян, поскольку Сципиону удалось заключить союз с Масиниссой. Не исключено, что именно это обстоятельство и сыграло решающую роль в поражении пунийцев. Как и африканские легковооруженные пехотинцы, они имели в своем арсенале маленький круглый щит, несколько дротиков и кинжал, причем последний в руках этих искусных наездников превращался в оружие страшной силы, особенно когда они преследовали отступающего

противника. Тит Ливий (XXII, 29, 5) выделял их за редкое мастерство верховой езды, сравнимое, как он писал, с искусством цирковых вольтижеров — *desultores*. Действительно, в бою они использовали сразу двух коней, перескакивая в случае надобности с одного на другого прямо на скаку. Можно сказать, что в карфагенской армии они играли примерно такую же роль, какую играли в русской армии XVIII–XIX веков казаки.

Одна из граней гения Ганнибала проявилась в том, что он сумел всю эту разношерстную публику — не забудем, что под его началом служили и италики: самниты, луканцы, жители Бруттия и Апулии, временно присоединившиеся к нему после Канн, — превратить в спаянный организм, демонстрировавший свое поразительное единство на протяжении 15 лет, с 218 по 203 год. Частично это единство можно объяснить тем, что все эти люди находились примерно в равных условиях, все в равной мере ощущали свою оторванность от родных мест, и это заставляло их испытывать друг к другу чувство солидарности. Вместе с тем, забегаая немного вперед, рискнем предположить, что Ганнибал создал армию истинно наднационального масштаба (G. Brizzi, 1984, p. 138). Возможно, в этом определении и есть некоторое преувеличение, поскольку оно подразумевает полное слияние людей разных национальностей в рамках больших и малых тактических соединений, а в армии Ганнибала этого не наблюдалось. Ход сражений при Каннах и при Заме ясно показывает, что отряды солдат формировались по национальному признаку. Однако уже армейские корпуса включали отряды разных национальностей, так что, несмотря на пестроту отдельных частей, целое подчинялось единой стратегической концепции. Низшие командиры, под чьим началом находились базовые армейские единицы, в кавалерии

соответствовавшие римской турме, а в пехоте — манипуле, как правило, принадлежали к той же нации, что и их солдаты, с которыми они ощущали самую тесную связь. Но соединением более высокого уровня, например нумидийской конницей, мог командовать как «свой», нумидиец, так и «пунизированный» африканец, а то и коренной карфагенянин. Так, в пунийской армии, сражавшейся в Сицилии в 212 и 210 годах, командование нумидийцами, вначале порученное Мутгинесу — «финикийскому ливийцу» из Бизерты (Тит Ливий, XXV, 40, 5; семитское имя этого человека звучало как Маттан), затем по приказу начальника экспедиционного корпуса Ганнона перешло к сыну последнего (Тит Ливий, XXVI, 40, 6). Что касается высшего командования на уровне армейских корпусов, то оно осуществлялось исключительно карфагенянами и предположительно аристократического происхождения, демонстрировавшими по отношению к своему главнокомандующему абсолютную преданность. Прежде всего роли военачальников принадлежали Баркидам. Средний брат Гасдрубал в 218 году остался с частью армии оборонять пунийские владения в Испании к югу от Эбро и в 207 году погиб в битве при Метавре, спеша на помощь Ганнибалу. Младший его брат Магон, один из организаторов победы при Требии, в битве при Каннах командовал центром рядом с братом, в конце италийской кампании воевал в Лигурии и умер на корабле в 203 году, по пути в Карфаген. Среди других высших командиров особенно отличились: Гасдрубал, командовавший левым флангом в битве при Каннах; Магарбал, начальник кавалерийских соединений; Магон-самнит, главный подручный Ганнибала в боях в Бруттии. Легко вообразить себе, что этих молодых, но многоопытных воинов, закаленных в тяжелых битвах, объединяло чувство настоящего полкового братства,

похожее на то, что много веков спустя спаяло будущих маршалов наполеоновской армии.

Слоны Ганнибала

Мы, кажется, рассказали об армии Ганнибала все, или почти все, — потому что еще не упомянули про самую примечательную ее особенность, которая заключалась в использовании слонов. Выпускать слонов на поля сражений придумали вовсе не пунийцы. Первым, кого осенила эта идея, был Александр, а случилось это в 331 году, вначале в битве при Арбелах, а затем в долине реки Инд. Однако на Западе слоны стали известны благодаря Пирру, царю Эпира, который включил их в свою армию в 280 году, когда сражался с римлянами при Гераклее. В Южной Италии и в Сицилии появление слонов вызвало настоящую сенсацию. Тогда использовалась азиатская разновидность этих животных, так называемые «индийские слоны», с укрепленной на спине башней — howdah, как называли ее индийцы, — внутри которой сидели обычно два воина-лучника. Именно эту картину запечатлел неизвестный мастер на керамическом блюде из Капены, изготовленном примерно в то время, когда Пирр совершал свои подвиги.

Карфагеняне очень скоро взяли на вооружение это военное новшество, эффективность которого они испытали на собственной шкуре в боях против Пирра. Во время Первой Пунической войны слоны участвовали и в сицилийской кампании, и в сражениях против Регула на африканской территории. Читатель, возможно, помнит, как с помощью слонов Гамилькар жестоко расправился с мятежниками, попавшими в ловушку в ущелье Пилы. Неоценимую услугу оказали слоны и Ганнибалу, предрешив успех первой из выигранных им крупных битв на реке Таг в 220 году. Изображение слонов так часто появляется на аверсе карфагенских

монет испанской чеканки, что это дает нам повод думать, что для Баркидов они были чем-то вроде тотемного животного. Кстати сказать, благодаря этим «картинкам» мы можем сделать вывод, что в Карфагене использовалась не азиатская, с высотой в холке до трех метров, и не еще более рослая африканская полустепная разновидность этих животных, а так называемые «лесные слоны» — *Loxodonta africana cyclotis* (или *Loxodonta atlantica*). У них высота в холке достигала 2,4-2,5 метра, имелись и отличия в физическом строении тела: огромные уши с закругленной мочкой, ярко выраженная «впадина» посередине спины, высокая постановка головы, кольчатый, а не гладкий, как у азиатских собратьев, хобот, длинные бивни.

В своих «ливийских рассказах» Геродот (IV, 191) пишет, что еще в V веке до н. э. слоны водились на южных окраинах современного Туниса, а вот из «Перипла Ганнона» мы узнаем, что они обитали на побережье Марокко. Аристотель в конце IV века, а после него Плиний Старший отводили им область предгорий Среднего Атласа и Рифа, неподалеку от Геркулесовых Столбов. В этих районах Магриба, в античности куда более лесистых, чем в наши дни, слоны продержались до первых столетий нашей эры, и исчезли не столько из-за изменения климатических условий, сколько в результате систематического истребления. В Риме времен Империи схватки с дикими животными, в том числе и со слонами, были одним из излюбленных зрелищ, устраиваемых в амфитеатрах, и на них велась безудержная охота.

Весной 218 года вместе с войском Ганнибала в поход выступили и 27 слонов, судя по всему, принадлежавших к мелкорослой африканской разновидности, за исключением, быть может, одного-единственного животного, которого Плиний Старший в

своей «Естественной истории» (VIII, 5, 11) вслед за Катоном называл Суром, то есть «сирийцем», и который считался самым храбрым в четвероногом войске пунийцев [\[53\]](#). Относительно невысокий рост этих слонов не позволял устанавливать на их спинах башню; вместо нее верхом садился только погонщик. Полибий (III, 46, 7) именовал таких погонщиков «индийцами» (Indoi), конечно, не потому, что все они происходили родом из Индии, — просто было принято называть их именно так. Как только погонщик начинал чувствовать, что теряет контроль над животным, получившим слишком много ранений или перепуганным шумом боя, он своими руками приканчивал его, вбивая свинцовой дубинкой в затылок слону долото. Об этом пишет Тит Ливий (XXVII, 49, 1), повествуя о битве при Метавре в 207 году, утверждая, что от руки погонщиков здесь пало больше слонов, чем было убито противником. Историк добавляет также, что этот способ изобрел брат Ганнибала Гасдрубал, сам героически погибший на Метавре. В битве при Заме Сципион придумал перерезать ряды своих войск как бы узкими коридорами, в которые и должны были ринуться слоны. Это давало солдатам возможность при известной сноровке уклониться от чудовищных ударов слоновьих бивней. И уже ни страшный рев, ни развевающиеся парусом огромные уши, из-за которых эта живая гора казалась еще массивней, не наводили на римских воинов такого ужаса. Даже жуткий «proboscis», эта «змеевидная рука», как Лукреций (III, 537) именовал слоновий хобот, воинственно торчащий между острыми бивнями, больше не производил такого грозного впечатления.

По ту сторону Эбро

Незадолго до своего выступления из Нового Карфагена Ганнибал принимал здесь галльских эмиссаров, явившихся к нему с хорошими вестями. По обе стороны Альп, сообщили они, его ждут с радостным нетерпением, особенно в долине По (Полибий, III, 34). Он, в свою очередь, тоже направил гонцов, которым предстояло разведать обстановку, разузнать пути прохода через Альпы и постараться расположить к себе вождей кельтских племен, одарив их подарками (Тит Ливий, XXI, 23, 1). В июне 218 года войско покинуло город. Первый этап пути, до берегов Эбро, не предвещал никаких трудностей, как и переправа через реку. Мало того, уже дойдя до Онуссы, расположенной на противоположном берегу, то есть совершив *de facto* шаг, который делал объявление войны неизбежным, Ганнибал получил во сне божественное подтверждение правоты своего предприятия. В этом сне ему якобы явился божественного вида юноша, посланный Юпитером, дабы провести его в италийские земли. Юноша велел Ганнибалу следовать за собой не оборачиваясь, и тот поначалу так и сделал, но вскоре, охваченный вполне понятным любопытством, все-таки не выдержал и оглянулся. Его глазам предстала такая картина: гигантских размеров змей с ужасающим грохотом передвигался по обломкам разрушенных зданий и вырванных с корнем деревьев. Когда он спросил у своего провожатого, что означает это невероятное видение, тот отвечал ему, что это «опустошение Италии». Ганнибалу же, добавил он, следует идти своей дорогой и не пытаться проникнуть в тайну судеб. Такова версия, изложенная Титом Ливием (XXI, 22, 6-9). Что касается Полибия, который

впоследствии откровенно издевался над историками, не способными рассказать о переходе через Альпы, не приплетая к делу всякого рода «богов и божественных юношей» (III, 47, 8), то он ни про какие сны не упоминает, хотя в его источниках этот эпизод фигурировал. Его, в частности, воспроизвел в своем трактате «О предвидении» Цицерон (I, 49), правда, с некоторыми вариациями: так, змей или дракон превращается у него в многоголовую гидру. В дальнейшей традиции никто, от Валерия Максима до Зонары, не обошел вниманием сон про змея, включая, разумеется, Силия Италика. При всем многообразии вариантов изложения в них неизменно присутствует общая черта: запрет божеством человеку оглядываться назад. Как известно, Орфей в аналогичной ситуации нарушил запрет и навсегда потерял Эвридику; жена Лота тоже не сумела удержаться, чтоб не бросить прощальный взгляд на гибнущий Содом, и обратилась в соляной столб. Оба предстают в легенде как жертвы собственного любопытства — чувства слишком человеческого, чтобы быть прощенным богами. Но Ганнибал, как мы видим, никакого наказания за свою непокорность не понес. Здесь мы присутствуем при зарождении легенды, к созданию которой руку наверняка приложил Силен — греческий историограф, сопровождавший Ганнибала во всех его походах, поскольку именно у него черпали сведения Тит Ливий и Целий Антипатр, в свою очередь послуживший источником Цицерону. Пропагандистский смысл легенды сводился к следующему: Ганнибал получил от богов миссию прийти с войной в Италию, и даже то обстоятельство, что он нарушил их волю и подглядел, к чему должны привести его действия — к опустошению Италии, — не повлекло за собой никаких нежелательных для ослушавшегося последствий.

Между тем сразу за Эбро начались первые трудности. На земле нынешней Каталонии Ганнибалу пришлось столкнуться с сопротивлением непокоренных народов полуострова: илергетов, обитавших в Лериде, бергусиев в долине Сегры, авсетанов, живших между Виком и Герионом, а также народа страны «Лацетании», которую Тит Ливий помещал в предгорья Пиренеев, возможно, имея в виду местность близ Риполя. Полибий добавляет эреносийцев из долины Аран и андосинов из Андорры (III, 35, 2), отмечая, что в схватках с этими племенами пунийцы понесли существенные потери в личном составе. Кроме того, Ганнибал оставил во внутренней Каталонии одного из своих помощников с войском в 10 тысяч пеших и тысячу конных воинов: следить за проходами в горах и не спускать глаз с бергусиев, слишком явно симпатизировавших Риму. Из осторожности карфагенский военачальник избавился также еще от десятка тысяч солдат. Если верить Титу Ливию (XXI, 23, 4-6), как только армия вплотную приблизилась к горным склонам, три тысячи пехотинцев из карпетан — народа, покоренного совсем недавно, решительно развернулись в сторону родного дома. Ганнибал не стал их удерживать, мало того, отправил за ними вслед еще семь тысяч бойцов, в надежности которых имел основания сомневаться. С сильно похудевшим войском он перевалил через Пиренеи, скорее всего, не через перевал Пертус, который привел бы его прямо к массалийским колониям каталонского побережья — Эмпориям и Розасу, — а через Сердань, и дальше, через перевал Перш и долину Теты (P. Bosch-Gimpera, 1965, pp. 135-141). Таким образом, он несколько отклонился к востоку и первый свой лагерь устроил в Иллиберии, в тех местах, где теперь стоит маленький городок Эльн, немного южнее Пиренеев.

Народы, обитавшие на территории нынешнего Русильона, находились тогда под протекторатом некоей федерации, образованной кельтским племенем арекомийских вольков, появившихся в краях с традиционно иберийской культурой относительно недавно, в конце III века. Согласно Титу Ливию (XXI, 24, 2), некоторые из этих народов, наслышанные о пунийском владычестве, утвердившемся по ту сторону Пиренеев, и не желавшие становиться его очередной жертвой, схватились за оружие. Вожди собрали объединенное войско в Русциноне (ныне Кабель-Русильон), расположенном возле Пиренеев. Стояли уже последние дни июля. Планы Ганнибала не допускали ни малейшей задержки в пути, и карфагенский полководец решил предпочесть дипломатию силовым методам. Как пишет Тит Ливий, он щедро одарил вождей и получил у них позволение беспрепятственно проследовать мимо Русцинона.

Полибий (III, 39) подсчитал, что войско Ганнибала от Эмпорий, которые на самом деле остались справа, до места переправы через Рону, которая, по его мнению, происходила выше слияния с рекой Дюране, проделало путь длиной в 1600 стадиев, то есть около 280 километров. О точном месте переправы мы можем только строить более или менее вероятные предположения, и читатель вскоре узнает, почему. Так или иначе, маршрут от Иллиберия был выбран наиболее короткий. Ряд исследователей допускает, что Ганнибал, во всяком случае, до Нима добирался тем же путем, которым веком позже прошел Домиций Агенобарб, прокладывая дорогу, позже названную в его честь «Домициевой». Теперь здесь проходит, почти точно совпадая с древней, скоростная магистраль «Лангедок». Таким образом, армия двигалась вдоль речного берега, стараясь держаться к нему как можно ближе, чтобы от моря ее отделяла только болотистая

местность, характерная для здешней равнины, иссеченной лагунами. Она миновала ряд укреплений — oppida, устроенных на вершинах холмов, подобно караульным вышкам, с которых открывался вид по всей длине маршрута (Пек-Мао близ Сижана, Пек-Редон близ Нарбонна, Ансерюн близ Безье, Телеграфную скалу в Оме, Амбрусс к северу от Люнеля, Наж близ Нима). Существует гипотеза, что Ганнибал в каждом из этих укреплений, в частности в Ансерюне, оставлял по гарнизону (G. Picard, 1967, pp. 163-165). Родилась эта гипотеза из искреннего стремления историков найти правдоподобное объяснение «загадочного исчезновения» 13 тысяч воинов, которых, по словам Полибия, якобы потерял Ганнибал по пути от предгорий Пиренеев до переправы через Рону. Если же допустить, что воины остались в упомянутых «oppida», то все сходится. Беда в том, что до сих не обнаружено никаких следов постоянного — хотя бы на протяжении десятка лет — присутствия пунийцев в этих крепостях. Разумеется, здесь найдены предметы явно карфагенского производства, например амфоры, однако эти находки свидетельствуют скорее в пользу торговой активности пунийских guggas — купцов — на территории нынешних Русильона и Лангедока (J.-P. Morel, 1986, p. 43). Отметим попутно, что военные охотно пользовались услугами этих купцов в качестве разведчиков, успешно совмещавших «бизнес» с агентурной деятельностью. И если уж принять версию, согласно которой Ганнибал выстраивал защитный «коридор» от Испании до Италии, придется допустить, что он оставлял гарнизоны по всему маршруту, пролегавшему по галльским землям. Но у него не было и быть не могло такого огромного количества людских ресурсов! Гораздо больше оснований думать, что никакой надобности в оборудовании крепостей у него не возникало, а проход через области Русильона и

Лангедока был быстрым и неопасным. И хотя установлено, что крепость Пек-Мао и некоторые другие сооружения Лангедока в конце III века подверглись разрушению, никаких доказательств того, что они пострадали от столкновений с пунийской армией (G. Barraol, 1976, p. 683), до сих пор не обнаружено.

К берегам Роны Ганнибал вышел скорее к концу августа, нежели сентября (как у D. Proctor, 1971, p. 58) 218 года. Примерно в это же самое время П. Корнелий Сципион, проведя свой флот вдоль побережий Этрурии и Лигурии, встал рейдом в виду Марсея (Массилии). Лагерь он разбил неподалеку от главного притока Роны. Мы помним, что в соответствии с первоначальным планом он намеревался двинуться с двумя легионами в Испанию. Однако события повернулись таким образом, что осуществление этого плана вначале серьезно задержалось, а потом и вовсе сорвалось.

Главными виновниками задержки стали кельты долины По. Обеспокоенные образованием весной 218 года двух римских колоний Плаценции (ныне Пьяченца) и Кремоны, поднялись бои, населявшие теперешнюю Эмилию с центром в Болонье. Их воинственный дух в значительной мере разожгли засланные загодя эмиссары Ганнибала, утверждавшие, что помощи ждать осталось совсем недолго. С помощью медиоланских инсубров они вытеснили римских колонов со своих земель и загнали в город Мутину (ныне Модена), который обложили осадой (Полибий, III, 40; Тит Ливий, XXI, 25). Первое войско под командованием претора Л. Манлия Вульсона, посланное против них Римом, попало в засаду. Потребовалось срочное вмешательство городского претора Г. Атилия Серрана и одного из двух легионов, уже подготовленных Сципионом для отправки в Испанию. Вот почему Сципиону пришлось набирать себе новый легион, на что ушло время. Когда с двух-трехмесячным опозданием по сравнению с

первоначальным планом он прибыл к Марселю, выяснилось, что Ганнибал, опрокинув тщательно разработанную римскую стратегию, был уже на полпути к Италии.

Переправа через Рону

Теоретически допустимо, что пунийская армия переправилась через Рону ниже ее слияния с Дюране, то есть где-то поблизости от местечка Бокер, где течение спокойно и не слишком полноводно. С учетом технического уровня античного речного судоходства это место можно считать вполне приемлемым для переправы. Действительно, чтобы кратчайшим путем попасть из Лангедока в Италию, лучшего способа было не найти. На противоположном берегу брали начало сразу две дороги — та, что в эпоху Римской империи получит название дороги Юлия Августа, и та, что шла вверх по долине Дюране, упираясь в перевал Мон-Женевр. Первый маршрут, вдоль побережья, исключался напрочь по целому ряду причин, из которых с избытком хватало одной-единственной: он пролегал по владениям марсельцев и шел мимо их факторий — Тавроэя (Ле Брюск), Ольбии (Иэр), Антиполя (Антиб), Nikeи (Ницца). Но даже если бы удалось миновать эти враждебные земли, заодно преодолев некоторое число естественных преград, например реку Вар, дальше, в узких извилистых протоках Ривьеры-дель-Фьоре пунийцам пришлось бы каждую минуту ждать внезапного нападения рыскавших здесь лигурских разбойников. Впоследствии, уже после победы Секстия над салиями, римлянам потребовалось целых сто лет, чтобы очистить этот прибрежный коридор от местных банд и сделать передвижение по нему безопасным (Страбон, IV, 6, 3). И наконец, проход через Бокер или любое другое местечко между Арлем и Авиньоном неизбежно вел к встрече с консульской армией, успевшей в это время сосредоточиться в долине Кро.

Иными словами, легионы Сципиона лишили Ганнибала возможности воспользоваться лучшей дорогой, пролегавшей по долине Дюране и в античности именовавшейся Геракловой — в честь Геракла-Геркулеса, якобы ее проложившей. То обстоятельство, что в середине августа 218 года легионы Сципиона стояли в долине Кро, а армия Ганнибала, двигаясь вдоль правого берега Роны, достигла территории где-то между Нимом и Вильнев-лез-Авиньоном, почему-то часто упускается из виду современными историками, хотя его стратегическое значение несомненно. В результате исследователи приходят к выводу, что переправа через Рону имела место ниже ее слияния с Дюране — в Фурке (G. De Beer, 1969, pp. 122-123) или в Бокере (J. F. Lazenby, 1978, p. 36). За основу эти специалисты принимают указание Полибия (III, 42, 1) на то, что Ганнибал форсировал Рону в пункте, «отстоящем от моря на четыре дневных перехода». Приняв за величину дневного марша расстояние в 12-15 километров и вооружившись линейкой, они просто отмеряют по карте нужное расстояние от местечка Сент-Мари-де-ля-Мер... При этом совершенно упускается из виду, что дельта Роны постоянно меняет свой облик из-за аллювиальных отложений, а вся область Камарга ежегодно на несколько десятков метров расширяется за счет отступления моря. И если сегодня Сент-Мари отстоит от Арля почти на 40 километров, то, например, в IV веке н. э., по словам Аммиана Марцеллина (XV, 11, 16-18), их разделяло пространство всего лишь в 18 миль, то есть в 26 километров. Во времена Ганнибала это расстояние было еще меньше, поэтому, считая, что каждый день его армия проходила по 15 километров, мы получим исходную от моря точку в районе выше слияния Роны с Дюране.

Точное установление этого пункта представляет немалую проблему. Ориентироваться мы можем только на письменные источники, а Полибий (III, 42) и Тит Ливий (XXI, 26–27) единодушно, правда, римлянин более подробно, сообщают, что в месте переправы пунийский главнокомандующий неожиданно столкнулся с противодействием части вольков. «Не надеясь оттеснить Ганнибала с западного берега реки, — пишет Тит Ливий, — и задумав превратить в преграду саму реку, они переправили свои вооруженные отряды на противоположный берег и заняли его». Карфагенский полководец вовсе не собирался усугублять чисто технические трудности переправы сражением с вольками, да еще в такой невыгодной позиции. Поэтому он приказал своему лучшему помощнику Ганнону — сыну своей старшей сестры и суффета Бомилькара — с крупным отрядом испанцев добраться до противоположного берега и напасть на диких кельтов с тыла. Ганнон поднялся вверх по течению реки примерно на 25 миль, потому что его проводники галлы сказали ему, что как раз в этом месте река разделяется на два рукава, образуя посередине островок, значительно облегчающий переправу. Здесь его отряд пересек течение реки, посвятил один день отдыху, затем проделал обратный путь, уже по левому берегу, и, заняв высоту в тылу у вольков, с помощью дымовых сигналов дал знать главнокомандующему, что готов к совместной операции.

Главные силы Ганнибала, остававшиеся на правом берегу, успели все подготовить для форсирования реки. И вот переправа началась. Люди устроились в лодках или на плотках, кони перебирались вплавь, поддерживаемые с лодок за уздцы, а некоторую их часть в полной боевой упряжи поместили тоже на плоты, чтобы всадники могли оседлать их тотчас же. Увидев, что переправа началась, вольки покинули свой

лагерь и беспорядочной толпой сгрудились на берегу. В это время и налетел на них Ганнон со своим отрядом. Вольки обратились в паническое бегство. Теперь оставалось лишь довести до конца переправу. Больше всего мороки оказалось со слонами. Оба наши историка, и Полибий и Тит Ливий, с видимым удовольствием излагают в деталях, очевидно, почерпнутых у своего общего источника Целия Антипатра, каким именно хитроумным способом удалось справиться с этими животными, «которые всегда слушаются погонщика, кроме тех случаев, когда видят перед собой воду» (Полибий, III, 46, 7). Для слонов соорудили особые огромные плоты, на которые толстым слоем насыпали земли, а чтобы слоны согласились на эти плоты шагнуть, перед ними вели двух слоних. Все-таки некоторые животные от страха прыгали в воду, и Полибий, как и вообще все древние авторы, убежденный, что слоны плавать не умеют, сочинил для читателя живописную картину, изображающую, как слоны, с головой погрузившись под воду, вышагивали по дну реки, вытянув вверх «дыхательные трубки» своих хоботов (S. O'Bryhim, 1991, pp. 121-125).

Сразу после переправы, насыщенной не столько драматизмом, сколько экзотикой, состоялось первое столкновение пунийцев с римлянами, не слишком значительное по сравнению со схватками, которым еще предстояло разыграться на италийской земле. Встав лагерем в долине Кро, Сципион отправил три сотни всадников вперед, на разведку, надеясь получить представление о ближайших намерениях Ганнибала. Очень скоро римские разведчики столкнулись с большим отрядом нумидийцев, получивших от своего командира аналогичное задание. Основные силы пунийцев в это время как раз заканчивали переправу. Стычка протекала весьма бурно, и нумидийцы понесли значительные потери. По мнению Полибия (III, 45, 4),

Сципион тотчас же снялся с места и двинул свои войска вперед, намереваясь дать Ганнибалу большое сражение. Со своей стороны, Тит Ливий (XXI, 29, 6) утверждает, что Ганнибал все еще колебался, не зная, что лучше — продолжить свой бросок в Италию или принять бой теперь же, когда за него все решили посланцы цизальпийских боев, прибывшие в его стан с предложением союза и готовностью послужить проводниками. Только вряд ли Ганнибал нуждался в ком-то, кто принимал бы решения за него. Так или иначе, он отдал приказ о немедленном выступлении, и колонны карфагенской армии двинулись вверх по левому берегу Роны. П. Корнелий Сципион преследовать противника не стал. Едва армия Ганнибала снялась с места, как он поспешил назад, в Италию, готовиться к обороне долины По. Но войско он с собой не повел, а, поставив над ним командующим своего брата Гнея, приказал ему двигаться в Испанию для нападения на Гасдрубала. В этом решении наглядно проявилось стратегическое чутье Сципиона, который, пренебрегнув сиюминутными задачами, сумел заглянуть вперед и тем оказал немалую услугу Риму, поскольку на протяжении следующих нескольких лет Гасдрубал лишился возможности помогать подкреплением брату в Италии.

Читатель, наверное, уже догадался, что поиск точного места, где проходила переправа через Рону, могла бы существенно облегчить упомянутая источником топографическая деталь, а именно наличие того самого «островка», расположенного на 25 миль выше места переправы, благодаря которому Ганнон так удачно осуществил порученную ему часть операции. К сожалению, за двадцать два столетия, миновавшие с того дня, русло реки так изменилось, что сегодня мы уже не можем с уверенностью сказать, о каком именно островке шла речь. На эту «роль» с равным успехом могут претендовать и «остров Пибуллетт»,

расположенный чуть выше городка Сен-Женьес-де-Комола, и «Старый остров», что находится чуть ниже Пон-Сент-Эспри. Но вот существовали ли оба эти острова в те давние времена? Поэтому историки допускают — и будут допускать до тех маловероятных пор, пока какая-нибудь решающая археологическая находка не внесет ясность в этот вопрос, — что Ганнибал пересек Рону в одном из мест, лежащих на участке от Вильнев-лез-Авиньон на юге, то есть чуть ниже слияния с Дюране, до Пон-Сент-Эспри на севере, самой крайней точкой, на которой мог остановить свой выбор Ганнибал, если он не хотел прежде времени пересекать реку Ардеш.

Переход через Альпы

Во всей античной истории нет такого события, на описание которого ученые извели столько чернил, сколько потребовал от них рассказ о переходе Ганнибала через Альпы. Не успел еще последний солдат спуститься с горного перевала, как заскрипели перья. Тит Ливий (XXI, 38, 6) уже перечисляет разнообразные версии этого перехода, обнаруженные им в разных источниках. Полвека спустя Сенека в «Вопросах естественной истории» (III, 6) также упоминал вскользь о существовании множества вариантов в изложении этого события. С начала XVI века н. э. каждый из этих вариантов удостоился отдельных ученых трудов, и литература, посвященная вопросу, стала расти как на дрожжах. В конце XIX века историк из Гренобля Ш. Шапюи насчитал триста публикаций в виде книг и отдельных статей по этой теме (С. Charpuis, 1897, p. 355). Накануне Первой мировой войны видный немецкий ученый У. Карштедт не без иронии приносил читателям свои извинения за то, что не может предоставить им исчерпывающей информации по данному предмету, поскольку живет на свете все еще меньше 100 лет и просто не успел ознакомиться со всем, что написали другие специалисты (U. Kahrstedt, 1913, p. 181). Ну а сегодня, чтобы прочитать все, появившееся в печати с тех пор, ученому немцу понадобилась бы вторая жизнь!

Мы не станем загружать читателя перечислением бесчисленных альпийских перевалов, по которым исследователи, вооруженные знанием текстов, личным опытом альпинизма и духом изобретательности, пытаются провести Ганнибаловых слонов (J. Seigert, 1988). Ссылки на отдельных авторов, которые мы

включили в ход нашего повествования, позволят каждому составить себе представление об обилии предлагаемых решений. Из этого множества мы оставим одно-два, те самые, что, по нашему мнению, наилучшим образом учитывают все имеющиеся данные, а потому могут претендовать на максимальное приближение к истине. Но прежде позволим себе краткое отступление, которое, возможно, прояснит подоплеку почти болезненного, чтобы не сказать маниакального, интереса исследователей к этой проблеме.

Разумеется, такого интереса достоин сам сюжет, с древних времен, как мы уже показали, вызывавший жгучее любопытство. Через Альпы люди перебирались и до Ганнибала — именно так, например, поступили около 400 года орды кельтов, хлынувшие отсюда к Риму и докатившиеся до склонов Капитолия. Как человек, сам ходивший этим маршрутом, Полибий (III, 48), вспоминая этот и подобные ему прецеденты, склонен преуменьшать его трудности. Однако Ганнибал ведь не просто преодолел Альпийские горы — он провел через них многотысячную армию вместе с лошадьми, обозами, наконец, слонами! До него на такое не рискнул никто! Это был поступок, достойный Александра, да что там, превосходящий Александра и сопоставимый разве что с подвигами мифического Геркулеса! Начиная с Возрождения, когда невероятную популярность получили сочинения Тита Ливия, в особенности же его знаменитая «третья декада», рассказ о переходе Ганнибала через Альпы стал на долгие века настольной книгой каждого «школяра» и просто культурного человека. И вполне заслуженно. В отличие от тяжеловесного, но малосодержательного текста Силия Италика (III, 465–556) повествование Тита Ливия об альпийской эпопее Ганнибала выстроено с тонким знанием всех законов драматургии, держащих читателя

в постоянном напряжении, заставляющих его сопереживать героям, вместе с ними испытывая то страх за свою жизнь, то тревогу за товарищей, то, наконец, безудержный восторг, когда весь мучительный и опасный путь через огромные горы остался позади. Примерно такими чувствами дышала и краткая речь Ганнибала, обращенная к сгрудившимся на высокой горной террасе солдатам, взорам которых за очередным перевалом вдруг открылась расстилавшаяся внизу долина реки По, тянувшаяся до самого горизонта (Тит Ливий, XXI, 35, 8-9). Литературных достоинств этого текста оказалось достаточно, чтобы то один, то другой его читатель, имеющий исследовательскую жилку, начинал чувствовать непреодолимое желание пойти и найти путь, каким прошла пунийская армия. Но не все так просто. Следы запутаны, и не кем-нибудь, а самим же Титом Ливием, который как будто ради шутки взял и смешал почерпнутые из двух разных источников описания, оставив без внимания тот факт, что источники-то толковали про два совершенно разных маршрута. И потому искать по его тексту конкретные места реальных событий — все равно что гоняться за призраком. Слишком много здесь глубоких обрывов, и крутых спусков, и скал, оголенных спустившимися лавинами, да и фирновые снега, лежащие в тени скал, здесь, на высоте двух тысяч метров, далеко не редкость. Отправляться на поиски Ганнибалова маршрута с томиком Тита Ливия в одной руке и томиком Полибия в другой — занятие столь же результативное, как, например, установление точного места битвы при Алезии, при условии, что исходными данными будут служить, с одной стороны, воспоминания Цезаря, а с другой — штабная карта.

Долиной Роны — к предгорьям Альп

Придется смириться с необходимостью и взять за основу прежде всего письменные источники, опровергая их только в том случае, если описанные в них местности и события никак не укладываются в рамки реальной географии. И начнем мы наше историко-филологическое исследование с той самой точки, где оставили Ганнибала после переправы через Рону — на левом берегу этой реки, где-то в районе Оранжа и Морнаса.

Полибий (III, 49, 5) и Тит Ливий (XXI, 31, 4) единодушно утверждают, что от места переправы Ганнибал в течение четырех дней двигался вверх по течению реки, а затем изменил маршрут. Время его торопило. Он стремился как можно дальше оторваться от армии Сципиона, первая неудачная стычка с одним из отрядов которого отбила у него всякое желание вступить с римлянами в сражение на галльской земле, впрочем, это и не входило в его планы. К тому же стоял уже конец августа, и всякое промедление грозило к естественным трудностям горного перехода прибавить еще и неприятности, связанные с плохой погодой. Представляется вполне допустимым, что четыре дневных марш-броска привели пунийское войско в район Валентин (ныне Баланс), поскольку переправа через Дрому в это время года никаких осложнений вызвать не могла. Но что по этому поводу говорят наши источники? И греческий, и латинский авторы в один голос заявляют, что Ганнибал добрался до «острова» — «Nesos» у Полибия и «Insula» у Тита Ливия — иными словами, до участка суши, образовавшегося при слиянии двух рек. Первой рекой была Рона, это ясно, но вот со второй начинаются проблемы. Отождествить ее с

Изером мы можем лишь ценой корректировки как текста Полибия, осуществленной выдающимся эрудитом второй половины XVI века Скалигером, так и текста Тита Ливия, предложенной не менее выдающимся нидерландским ученым начала XVII века Ф. Клювером, который догадался прочитать «ibi Isara» там, где у Тита Ливия (XXI, 31, 4) значится «ibi Sarar». Филологам хорошо знакома такая ситуация, когда издатель античных текстов, полностью уверенный в своей правоте, исправляет ошибки в географических названиях, в данном случае в названии реки. Так, Изер под именем Изара фигурирует у Страбона (IV, 1, 11), под именем Изеры — у Флора (I, 37, 6), а тот факт, что у Тита Ливия появилась форма «Sarar», свидетельствует о невнимательности переписчика, «потерявшего» второе «i» на границе двух слов.

Что касается историков, то их, особенно тех из них, кто сам филологией не занимается, нередко возмущает подобная вольность в обращении с текстами. Такого мнения придерживается Гэвин Де Бир (Gavin De Beer, 1969, pp. 132–135), который не согласен со Скалигером, исправившим у Полибия «Skaras» на «Isaras», и считает, что историк имел в виду мелкий приток Роны под названием Эйг, впадающий в нее близ Оранжа. И все-таки мы думаем, что он ошибается, и Ганнибал подошел именно к слиянию Роны с Изером. В пользу этого предположения говорит не только тот факт, что пройденное расстояние хорошо укладывается во временной отрезок — четыре дня пути, но и ссылка — прямая у Полибия и косвенная у Тита Ливия — на то, что командир пунийцев оказался на границах владений аллоброгов. Вместе с тем надписи на памятниках, во всяком случае, оставленные в классическую эпоху, свидетельствуют, что южная окраина границы аллоброгов проходила по течению Изера, от Руайна до слияния с Роной, хотя отдельные вкрапления их

поселений встречались и южнее Изера, доходя до горного массива Бельдон (в нынешней долине реки Грезиводан), а также на пространстве между Изером и рекой Бурн, в области Веркора (В. Рему, 1970, р. 207). Во времена Ганнибала эти вкрапления наверняка уже существовали, следовательно, чтобы вступить в контакт с аллоброгами, полководцу вовсе не требовалось пересекать Изер. Он не мог не понимать, что помимо мелких неудобств, связанных с лишней переправой, движение по противоположному берегу причинит ему и другие трудности, о которых мы еще скажем. В отношениях с аллоброгами Ганнибал проявил достаточно дипломатической гибкости, в частности, помог разрешить спор между двумя братьями-вождями, не поделившими между собой власть. Апеллируя к закону о праве старшего, он утвердил его превосходство над братом и в благодарность получил не только продукты, теплую одежду и обувь, но и хорошо вооруженный отряд для охраны своего тыла.

Начиная с этого момента наши авторы расходятся друг с другом. И Тит Ливий, как турист, у которого испортился компас, начинает выписывать странные зигзаги. Перечитаем фразу (XXI, 31, 9), в которой автор, не моргнув глазом, излагает предполагаемый маршрут Ганнибала: «Усмирив распрю между аллоброгами и взяв курс на Альпы, он не пошел к ним прямой дорогой, но свернул влево, в земли трикастинов; оттуда краем владений воконтинов он прошел в земли тригориев и до самой Друенции не встретил никаких препятствий». Текст совершенно ясен и исключает малейшую возможность двоякого толкования, однако он приводит читателя в полное замешательство. Во-первых, непонятно выражение «свернул влево» (*ad laevam*), которое может означать одно из двух: либо Ганнибал направился на запад, если за точку отсчета принять русло Роны, либо, что разумнее, на север, но уже по

отношению к течению Изера. Но предписанный Титом Ливием маршрут заставляет карфагенянина двигаться на юг, даже если он вступил лишь на окраину владений трикастинов, обитавших в районе города Сен-Поль-Труа-Шато, кстати сказать, до сих пор носящем то же название. Затем автор вынуждает своего героя снова значительно подняться к северу, пересечь южную часть земли воконтиев (в нижнем течении Диуа) и вдруг, резко свернув на восток, двинуться в район Гапансе и, наконец, выйти к Дюране со стороны Амбрена.

Тит Ливий ни словом не упоминает, и ничто в его рассказе не позволяет догадаться, к какому из перевалов вышла в итоге пунийская армия. Однако не приходится сомневаться, что, «выведя» своего героя столь причудливым маршрутом в долину верховий Дюране, автор хранил в душе глубокую уверенность, что солдаты Ганнибала дальше двигались вверх по этой долине, чтобы в конце пути достичь перевала Мон-Женевр. В самом деле, вполне вероятно, что «Гераклова дорога» — через долину Дюране и перевал Мон-Женевр — с самого начала представлялась карфагенскому полководцу наилучшим маршрутом, однако мы уже показали, что легионы Сципиона, подошедшие к Марселю как раз тогда, когда он форсировал Рону, заставили его отказаться от этого варианта и предпочесть запасной, который он наверняка держал в голове и который уводил его гораздо севернее. Очевидно, какие-то слухи об этом доходили и до Тита Ливия (XXI, 38, 6), потому что он упрекает Целия Антипатра, чьи сочинения были одним из его источников и чья версия первой части северного маршрута, до слияния Роны с Изером, не вызывала у него возражений, что он якобы «заставил» Ганнибала пройти через Пеннинские Альпы (то есть валийские Альпы), а именно через «Cremonis jugum», который на самом деле является не Гримонским перевалом (не

путать!), а современным перевалом Малый Сен-Бернар, расположенным в непосредственной близости от так называемой «вершины Краммона». Латинский историк отвергает эту версию по той причине, что переход через Пеннинские Альпы должен был привести Ганнибала в страну салассов, обитавших в долине Дурия (Балтейской Дуары), близ нынешнего города Аосты. Вместе с тем, утверждает Тит Ливий, известно, что он спустился с гор в стране тавринов, живших в долине Риперской Дуары, доходящей до современного Турина. Это верно, но в страну тавринов вели сразу два перевала, а Тит Ливий, как и любой его современник-римлянин, знал лишь о существовании перевала Мон-Женевр, обретшего известность благодаря Цезарю, совершившему в 58 году до н. э. обратный переход через Альпы на пути в Галлию через Бриансон, Амбрен, Гап, Ди, долину Роны и Лион (Цезарь, «Записки о галльской войне», I, 10, 3-5). Но он ничего не знал о существовании второго перевала, и скоро мы покажем, какого именно.

Кажется вполне обоснованным предположение (E. De Saint-Denis, 1974, p. 137), что именно поход Цезаря, прославивший свой маршрут через Альпы, внушил Титу Ливию мысль о том, что этой же дорогой шел и Ганнибал. Эта идея дожила до наших дней, и даже возникло предложение назвать современную дорогу, протянувшуюся от Креста до Амбрена и пересекающую речки Ди, Вейн и Гап, Ганнибаловой, тем более что одним своим концом она упирается в так называемую Наполеонову дорогу. Эта дорога и в самом деле представляет собой отменный туристский маршрут, пролегающий через живописные окружающие пейзажи долины Дромы и Высоких Альп, не только красивый, но и комфортный — благодаря усилиям современных дорожных инженеров. Но вот только Ганнибал не был туристом, и, спрашивается, с какой стати взбрело бы

ему в голову вместе с войском в сорок тысяч человек и двумя десятками слонов забавляться игрой в чехарду, прыгая по узким горным тропкам Диуа и Деволуи, где перевалы не опускаются ниже тысячеметровой отметки — как, например, перевал Кабр или расположенный чуть севернее Гримонский перевал, который, как мы уже говорили, не то же самое, что *Cremonis jugum*.

И ведь нашлись вполне серьезные историки, готовые последовать в этом вопросе за Титом Ливием. Отметим среди них сэра Гевина Де Бира, которого к этому, конечно, подтолкнул отказ признать справедливость исправления упомянутой Полибием реки *Skaras* на *Isaras*. Как мы помним, он считал, что *Skaras* соответствует речке Эйг, а «Остров» расположен в месте ее слияния с Роной. Поэтому он полагает, что дальнейший путь карфагенской армии шел через область Трикастен до начала слияния Роны с Дромой, потом по левому берегу последней тянулся до Деи (Ди); отсюда Ганнибал должен был свернуть к востоку и через Гримонский перевал и долину Гапа выйти к побережью Друенции (Дюране) и двигаться вдоль него до подножия хребта Гильестр. От этого пункта, основываясь на скорее формальном, нежели существенном споре о заметках по поводу альпийских перевалов, сделанных Страбоном, который цитирует Полибия (Страбон, IV, 6, 12; Полибий, XXXIV, 10, 18), и Варроном, британский ученый «развернул» Ганнибала в сторону Дюране, выходящей в верхнем своем течении к перевалу Монт-Женевр, откуда вниз вели два возможных пути: перевалом Мари, расположенным южнее, и, что предпочтительнее, перевалом Траверсет, проходящим недалеко от горы Визо и выводящим прямо в долину реки Гиль (G. De Veer, 1969, pp. 160-182). Превосходный знаток этой местности генерал Гийом, весьма внимательно изучивший соответствующие тексты, счел, что наилучшим решением проблемы

остается все-таки перевал Траверсет, во всяком случае, для тех из исследователей, кто продолжает целиком и полностью доверять Титу Ливию (General A. Guillaume, 1967, p. 93). В пользу этого перевала, расположенного на высоте почти трех тысяч метров — 2947 метров, если быть точными, — говорит то обстоятельство, что даже летом на итальянской стороне его склонов лежит плотный слой снега, возможно, фирнового, а нам известно, что Ганнибал, приступая к спуску с гор, ведущему в долину По, столкнулся как раз с этой трудностью. Но есть и соображения против. Прежде всего сама высота перевала, который и перевалом-то назвать трудно, потому что, как за себя говорит его французское название [\[54\]](#), это, скорее, узкая брешь, своего рода «окно» в толще скал, настолько непригодное для передвижения по нему, особенно в плохую погоду, что в конце царствования Людовика XI пьемонтский маркиз де Салюс даже приказал соорудить здесь крытый тоннель, теперь разрушенный. Поэтому мы вместе с Самивелем, еще одним исследователем этого вопроса, улыбнемся, представив себе, как армия Ганнибала стройной колонной по два, а скорее, вообще по одному, на протяжении нескольких дней «просачивается» в эту щель (Samivel et S. Norande, 1983, p. 77). Интересно только узнать, куда они девали при этом своих слонов...

Штурм больших Альп

Оказывается, не так просто порой сохранять логичность мышления. Тем не менее мы будем к этому стремиться, а потому вернемся вместе с Полибием к низовьям Изера, где оставили армию Ганнибала у альпийских предгорий.

Греческий историк указывает (III, 50, 1), что, перед тем как приступить к непосредственному подъему (anabole), Ганнибал в течение десяти дней двигался вдоль побережья, проделав путь в 800 стадиев, то есть 148 километров. Обычно Полибий довольно точен во всем, что касается указания расстояний, поэтому мы поверим ему и сейчас и, отмерив нужное количество километров от Пон-де-л'Изер, попадем в местечко Поншара, на северном конце речки Грезиводан. И поскольку дальше он добавляет (с ним согласен и Тит Ливий, XXI, 32, 6), что благодаря защите аллоброгов эту часть пути по все еще плоской равнине армия Ганнибала прошла без приключений, мы не станем вслед за рядом исследователей (J. F. Lazenby, 1978, p. 42) изобретать дополнительные трудности вроде столкновения с веркорами в ущелье Бурны. Хороши были бы его галльские проводники, если бы привели своего подопечного в это жуткое местечко! Собственно говоря, все наши сомнения связаны лишь с тем, каким — правым или левым — берегом Изера двигался Ганнибал. Оставшись на левом берегу, он получал то Преимущество, что не надо было форсировать реку, русло которой в месте слияния с Роной широко, а течение полноводно в любое время года, а для того чтобы встретиться с аллоброгами, как мы уже показали выше, никакой необходимости перебираться на правый берег также не существовало. Единственным

неудобством движения по левому берегу оставался переход через узкую горловину, называемую Эшайон, тянущуюся от последних кряжей Веркора до теснины Вореп, а также необходимость пересечь горную речку Драк, очевидно, в районе Комбуара. Между тем Драк, в недавнее время заключенный в искусственные берега, в античности к концу лета настолько пересыхал, распадаясь на множество рукавов, что не представлял особых трудностей для переправы. Этот же путь через так называемые первые ворота Больших Альп оказался бы для Ганнибала куда тяжелей, если бы он пошел правым берегом реки. Добравшись до поселения Куларон, на месте которого в дальнейшем возник Гренобль (первое упоминание о городе встретится в письме Мунация Планка Цицерону лишь в 43 году до н. э., то есть полтора столетия спустя; см. *Ad Fam.*, X, 23, 7), а пока не было почти ничего, во всяком случае, ни одного моста, ему пришлось бы в районе нынешних «Французских ворот» следовать совсем уж узким проходом, гораздо уже Эшайона, зажатым с одной стороны течением реки, а с другой — уступами массива Шартрез, чьи известняковые скалы, именуемые «Бастилией», еще не успели тогда привлечь внимание каменоломов.

Ганнибал понимал, что не сможет все время двигаться вдоль побережья Изера, которое рано или поздно привело бы его в тупик Тарантез, откуда ему было практически не выбраться. Об этом ему, очевидно, сообщили его проводники-галлы, и это соображение стало еще одной из причин, заставивших его держаться левого берега Изера. Остается предположить, что он пересек Грезиводан, двигаясь вдоль предгорий массива Бэльдон. Близ Поншарра сопровождавший его отряд аллоброгов удалился; здесь же ему пришлось выбирать один из двух возможных вариантов дальнейшего продвижения. Между Поншарром и Монмельяном

долина Изера расширяется, образуя просторную котловину в несколько километров с влажной, чтобы не сказать болотистой почвой, что объясняется близостью слияния рек Бреды и Желоны. Поэтому античные «альпинисты», как правило, предпочитали на высоте Поншарра Изера перебираться из долины в узкую долину Бреды, а миновав Ла Рошетту, перейти в долину Желоны, чтобы отсюда выйти к левому берегу реки Арк в районе Монжильбера (R. Dion, 1960, pp. 55-56). В начале нынешнего века у некоторых исследователей даже возникло предположение, что Ганнибал, стремясь сэкономить два дня пути, от Ла Рошеты двинулся через небольшой массив Юртиер и пересек перевал Гран-Кюшрон, выводящий в верхнюю долину Арка в районе Эгбель (P. Azan, 1902, p. 107). Строить подобные предположения можно только в одном случае: если напрочь забыть, что в горах прямой путь далеко не всегда самый короткий. Поэтому гораздо более вероятно, что Ганнибал продолжал следовать вдоль русла Изера до его слияния с Арком, избегая глубоких оврагов, изрывших дно долины, и держась для этого окаймляющих ее с обеих сторон низких горных террас (E. De Saint-Denis, 1974, p. 140). Где-то здесь, то ли в ущелье Этон (C. Jullian, 1920, p. 480), то ли в расщелине Эгбель (E. De Saint-Denis, 1974, p. 141), когда отряд аллоброгов уже покинул пунийское войско и вернулся назад, в родные места, произошла первая за время перехода через Большие Альпы вооруженная стычка, описанная Полибием (III, 50, 3), рассказ которого заимствует Тит Ливий (XXI, 32, 8). Теперь у Ганнибала не оставалось других проводников кроме галлов-бойев, которые, как мы помним, присоединились к нему во время переправы через Рону.

Поднимаясь вверх по долине Арка, после Мориена Ганнибал двигался по все более узким проходам. Растянувшаяся змеей армия делалась в этих условиях

весьма уязвимой для нападения. Не без злорадства Тит Ливий (XXI, 34, 1) отмечает, что пунийцы серьезно рисковали в это время пасть жертвой собственных излюбленных приемов — военной хитрости и засады. Примерно на половине пути по долине это и случилось. Если б не предосторожности, предпринятые главнокомандующим, который всю кавалерию пустил вперед, за ней направил обозы и слонов, а замыкать колонну предоставил тяжелой пехоте, его армии здесь же и настал бы конец. Но и так потери оказались значительными, и Полибий в качестве подробности сообщает даже (III, 53, 5), что Ганнибалу пришлось провести целую ночь с отрядами арьергарда отрезанным от кавалерии и обозов, найдя укрытие под огромным одиноким утесом. Пусть читатель сам вообразит, какие муки претерпели исследователи, понапрасну разыскивая в горах этот уникальный утес!

Наконец, на девятый день с начала подъема (Полибий, III, 53, 9; Тит Ливий, XXI, 35, 4) Ганнибал взошел на вершину перевала. Полибий сообщает, что стояли последние дни перед уходом Плеяд. Для людей античности, читавших ночное небо с такой же беглостью, как мы читаем свои календари, заход Плеяд в первые числа ноября означал приближение зимы, во всяком случае, если верить Гесиоду. Следовательно, к концу подходил октябрь, и на горные вершины уже лег первый снег. Ганнибал разбил лагерь и в течение двух дней поджидал, пока подтянутся отставшие в пути люди и животные. Когда все наконец собрались, он, стараясь морально поддержать своих измотанных воинов, с высоты своеобразного «балкона» указал им на расстилавшуюся внизу землю Италии.

Однако трудности еще далеко не кончились. Тит Ливий совершенно справедливо отмечает, что спуск по италийскому склону Альп хоть и короче, но зато и круче всех прочих. К начальному этапу этого спуска и

относится эпизод, описанный обоими нашими авторами с поразительным единообразием (Полибий, III, 54, 5-55; Тит Ливий, XXI, 36-37). За точностью деталей, за конкретикой поступков и отношений видна рука Силены — личного историографа Ганнибала, который сопровождал его и день за днем вел подробную запись всех приключившихся событий. Впрочем, в отличие от Полибия, рассказ которого отличается меньшей подробностью, но большей связностью, латинский историк видел описываемые им события через искаженную призму повествования Целия Антипатра, у которого, по-видимому, и заимствовал историю про уксус (G. De Sanctis, 1917, pp. 77-78). Итак, войско Ганнибала добралось до мест, где тропа делалась такой узкой, что по ней с трудом протискивались даже мулы, не говоря уже о слонах. У Полибия об этом сказано яснее, у Тита Ливия туманнее, однако речь, в сущности, идет об одном и том же: карфагеняне столкнулись с оползнем, превратившим и без того крутой спуск в настоящую пропасть, по склонам которой шли узкие ступенчатые уступы, не способные удержать даже лошадь. Они попытались спуститься по противоположному, теновому склону, но здесь их поджидала трудность другого рода, хоть и не менее серьезная. Тонкий слой вновь выпавшего снега совершенно засыпал зернистую поверхность фирна, по которому люди, не видя опасности, начинали внезапно скользить, а вьючные животные, пробивая копытами наст, оказывались в настоящей ловушке. Ганнибал решил вновь вернуться к солнечному склону и вручную разобрать завал, преградивший сносную дорогу. Тит Ливий уверяет, что для облегчения своей задачи солдаты обильно поливали каменные скалы уксусом. Эта подробность вызвала среди ученых немалые споры. Правда, Полибий Обходит ее полным молчанием, однако в дальнейшей римской традиции она дошла до

Аммиана Марцеллина. Проблема тут заключается не в уксусе, так как мы хорошо знаем, что в античности любая армия брала его в поход в больших количествах — и для питья, и для ухода за оружием, а в отсутствие дров — для костров, без которых операция была бы невозможной. Где это, любопытно знать, солдаты Ганнибала отыскивали на этих горных кряжах те «гигантские деревья», о которых пишет Тит Ливий (*arbores immanes* — XXI, 37, 2)? Как бы там ни было, испытания подходили к концу. Перед последним этапом пути войско остановилось для отдыха.

Нам же осталось лишь определить исторический перевал, которым Ганнибал спустился в долину. Именно в этом вопросе в наибольшей степени проявили свой дух изобретательства профессиональные историки, исследователи-любители и эрудированные краеведы; именно эта тема стала главным сюжетом обширной литературы, уходящей корнями в плодородную альпийскую «почву». Впрочем, мы уже отсекали наиболее спорные варианты и благополучно «довели» армию Ганнибала до верхней долины Мориены. Пройдя ее до конца, миновав Модану, миновав деревушку Брамане, он должен был выйти в район Мон-Сенис, откуда открываются три дороги, между которыми и разделились симпатии исследователей. В рядах их славной когорты мы обязаны особо выделить врача и альпиниста из Гренобля Марка де Лавис-Трафор, который посвятил решению этой загадки многие годы своей жизни и в середине нынешнего века, кажется, его нашел. Искомый перевал, рассуждал он, должен удовлетворять определенному числу характерных особенностей, описанных в сохранившихся источниках. Очевидно, проще всего было бы «обежать» все окрестные кряжи с книжкой в руке; однако понятно, что такой поиск наугад вряд ли принес бы ощутимые результаты. Гораздо разумнее было, опираясь на

достаточно точно установленные историко-филологические данные, заранее очертить некоторый вероятный сектор, удовлетворяющий заданным условиям.

Два перевала особенно привлекали внимание ученых: Малый Мон-Сенис и, особенно, перевал Клапье (E. Meyer, 1958, p. 241; R. Dion, 1962, p. 538; W. Huss, 1985, p. 305). Однако после тщательного осмотра обоих горных участков Лавис-Трафор отдал предпочтение соседней с Клапье котловине, похожей на первую, находящейся на той же высоте (2482 метра) и отстоящей от нее всего на несколько метров. Это был перевал Савин-Кош. Он и в самом деле отвечает всем описанным в источниках критериям, включая особенности, которых лишен перевал Клапье. Здесь, в самом начале спуска, ведущего к Италии, имеются и насыпи обвалов, и область фирновых снегов, доставившая столько затруднений Ганнибалу, и чуть дальше — залитый солнцем альпийский луг, на котором отдыхали утомленные люди и животные. Таким образом, теперь мы можем полностью восстановить предпоследнюю фазу этого наитруднейшего перехода. По-прежнему следуя указаниям своих проводников-бойев, Ганнибал покинул долину Арка близ Браманса и повернул направо, к ложбине Амбен, в том месте, где теперь стоит прекрасная романская часовня Сен-Пьер д'Экстраваш, словно веха, отмечающая славный путь карфагенского полководца. Затем он спустился в ложбину Савин и устроил здесь, на берегу озера, стоянку — последнюю перед спуском. Между двумя котловинами-близнецами, Клапье и Савин-Кош, тянется возвышенность, с итальянской стороны нависающая над руслом речки Кларе, впадающей в Риперскую Дуару чуть выше городка Сюза; отсюда, из низких речных долин, уже виднеется вдали Пьемонт.

Старания французского эрудита не прошли незамеченными и удостоились высокого признания. В 1961 году, уже после кончины энтузиаста, перевал Савин-Кош был официально переименован и в честь исследователя-любителя назван «проходом Лавис-Трафора». Но, наверное, еще большее удовлетворение ему принесло бы известие о том, что виднейший цюрихский специалист по этой проблеме признал его правоту и отказался от своей прежней версии маршрута Ганнибала через перевал Клапье в пользу перевала Савин-Кош (E. Meueg, 1964, pp. 99-101).

Глава IV. Молниеносная война: от Требии до Канн

На первом этапе этого предприятия Ганнибал употребил свой стратегический гений главным образом на запутывание следов и захват противника врасплох. Мы помним, что П. Корнелий Сципион после короткой стычки с одним из отрядов Ганнибала, убедившись, что карфагеняне двинулись вверх по течению Роны и направились в сторону Альп, не стал их преследовать. Оставив основные силы своей армии брату Гнею, который в соответствии с первоначальным планом получил приказ вести ее в Испанию, Корнелий Сципион срочно вернулся в Пизу, сделав по пути краткую остановку в Генуе (Полибий, III, 56, 5; Тит Ливий, XXI, 32, 5; 39, 3). Пока карфагенский полководец пробирался со своими солдатами узкими альпийскими долинами, Сципион успел пересечь Этрурию, принять командование малоопытным войском преторов Л. Манлия Вулсона и Г. Атилия Серрана, все еще не оправившимся после поражения, которое нанесли им бойи. С этими силами Сципион двинулся к долине По и разбил лагерь в Плаценции (ныне Пьяченца), на берегу реки.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться: сосредоточив здесь свое войско, Сципион пребывал в полной уверенности, что пунийцы спустятся с гор гораздо севернее, той дорогой, что ведет от Аоста долиной Балтейской Дуары. Единственным известным в то время перевалом, ведущим из страны кельтов в край тавринов, оставался перевал Мон-Женевр, и нет ничего удивительного в том, что римский военачальник ожидал появления Ганнибала со стороны Пеннинских

Альп, у перевала Малый Сен-Бернар. Со своей стороны, Ганнибал знал от бойев, что римлянам неизвестен второй проход через Альпы, в районе Мон-Сенис, и он использовал это обстоятельство себе на пользу. Военная история Больших Альп вообще богата подобными «играми в прятки». В начале XVI века н. э. аналогичный маневр, только в обратном направлении, совершил Франциск I, что и помогло ему одержать победу в битве при Мариньяне (Меленьяно). Получив донесение, что швейцарцы ждут его возле перевала Мон-Женевр, он прошел через перевал Ларш. Ганнибалу аналогичная уловка позволила получить временную передышку и дать своим людям отдохнуть и набраться сил. Полибий (III, 60, 6) и Тит Ливий (XXI, 39, 1-2) поведали нам, в каком состоянии находилось наполовину растаявшее карфагенское войско — вспомним цифры, выбитые на стеле мыса Лациний: 20 тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников. Спустившись с гор, эти люди, измученные лишениями и опасностями сурового перехода, больше походили на дикарей, чем на солдат. Некоторое время спустя пунийцы захватили столицу тавринов, вероятно, будущий город Августа Тавринская (ныне Турин), взяв его после трехдневной осады. Для пущего устрашения перерезали всех жителей, оказывавших сопротивление. Но в подобной жестокости имелся свой глубокий смысл, который ясно понимал Полибий. Он поясняет, что галлы, обитавшие в долине По, занимали выжидательную позицию. В принципе они склонялись на сторону пунийцев, однако близость римских легионов заставляла их проявлять осторожность. Это хорошо сознавал и Ганнибал, которому нельзя было медлить с привлечением союзников.

Известие о том, что Ганнибал уже в Италии, мало того, уже успел захватить Таврин, вызвало в Риме род столбняка. Из Сицилии срочно вызвали второго консула

Тиберия Семпрония Лонга, ранее отправленного в Лилибей для подготовки похода в Африку. За несколько месяцев, проведенных на острове, он развил бурную деятельность, заручился поддержкой сиракузского тирана Гиерона и с его помощью создал не только в Сицилии, но и на Эолийских островах целую систему укреплений против возможного вторжения пунийского флота. Затем он захватил остров Мальту, гарнизон которой сдался без боя. Однако теперь обстоятельства решительно изменились. Думать о войне в Карфагене уже не приходилось, потому что пожар начался в родном доме. В середине ноября, оставив Сицилию на попечение претора М. Эмилия, а охрану побережья Южной Италии с ее 25 военными судами его помощнику Сексту Помпонию, Семпроний вместе с войском прибыл на берега Адриатики, в город Аримин (ныне Римини).

Первое столкновение близ Тицина (ноябрь 218 года)

Семпроний еще не успел соединиться с войском Сципиона, когда произошло первое вооруженное столкновение обеих вражеских армий. Сципион перешел реку По и двинулся к западу, навстречу армии Ганнибала. Реку Тицин он преодолел по наскоро возведенному мосту, возле которого оставил для охраны небольшой отряд. Ганнибал в это время двигался по противоположному берегу По, так что, если верить Полибию (III, 65, 1), у римлян река оставалась слева, а у карфагенян справа. Накануне первого серьезного столкновения, имевшего огромное моральное значение, оба главнокомандующих старались максимально разжечь в своих солдатах боевой дух. Конечно, Ганнибал рисковал несравненно крупнее: ему приходилось идти ва-банк. В случае тяжелого поражения война для него закончилась бы, практически не начавшись. Напротив, победа гарантировала ему поддержку галлов, которые все еще наблюдали за развитием событий со стороны, а вместе с этой поддержкой у него появились бы и средства для продолжения военной кампании. Особое внимание, как свидетельствуют Полибий и Тит Ливий, он уделял психологической подготовке воинов, и последняя отнюдь не ограничивалась произнесением пламенных речей. Так, накануне Тицинской битвы Ганнибал «срежиссировал» для своих солдат целый спектакль. Перед солдатским строем собрали группу молодых галльских горцев, захваченных в плен во время перехода через Альпы, и заставили их тянуть жребий. Так было отобрано несколько пар, которым предоставили оседланных коней и знакомое каждому

оружие. Затем им приказали биться друг с другом в смертельном поединке, причем победивший автоматически вливался в ряды пунийской армии [\[55\]](#).

На пленников, наблюдавших за этими «дуэлями» в качестве зрителей, увиденное произвело самое тягостное впечатление. Победителям, пишет Полибий, сочувствовали больше, чем убитым, для которых все несчастья закончились раз и навсегда. Но самое главное — на это и рассчитывал Ганнибал, устраивая свой «сеанс шоковой психотерапии», — что похожий ропот поднялся и в рядах карфагенян, поначалу глазевших на схватки пленников с любопытством, но постепенно проникшихся жалостью к их судьбе. Как и пленные галлы, солдаты склонялись к единодушному мнению, что убитым повезло гораздо больше, чем живым, потому что их самое худшее еще ждало впереди.

Вот тогда Ганнибал и выступил перед армией с речью, содержание которой кратко изложено у Полибия и подробно у Тита Ливия, но по смыслу одинаково у обоих авторов, что позволяет надеяться на ее достоверность, хотя бы в общих чертах. По всей видимости, приблизительно в таком виде ее зафиксировали официальные историографы Ганнибала. Зрелище, которое предстало всем взорам, говорил, обращаясь к солдатам, главнокомандующий, есть наглядное воплощение их собственной судьбы. Обратного пути нет, ибо за спиной остались Альпы, преодоленные ценой невероятных усилий. Так что выбор невелик: победить, умереть или попасть живым в руки врагов. И поскольку последняя возможность не достойна даже того, чтобы о ней говорить, значит, нужно, презрев смерть, отыскать в себе столь великую волю к победе, какой бессмертные боги никогда еще не даровали простым смертным (Тит Ливий, XXI, 44, 9).

Ганнибал заранее просчитал, что особая роль достанется его кавалерии, и потому в последний момент призвал к себе Магарбала с пятью сотнями нумидийцев, по его приказу совершавших набеги на земли союзных Риму народов, стараясь при этом не задевать галлов. Для них он приготовил еще одну, особенную речь, в которой расписал, какая награда ждет их за военную доблесть. Каждому из них командир обещал земельный надел в любой стране по выбору — Италии, Испании или Африке, — свободный от уплаты налогов для них самих и их наследников; каждому гарантировал по желанию получение карфагенского гражданства; рабам, служившим в войске вместе с хозяином, сулил свободу, а хозяевам в качестве компенсации обязался предоставить двух рабов вместо одного. Затем, схватив в левую руку ягненка, а в правую камень, он, как пишет Тит Ливий (XXI, 45, 8), вознес молитву «Юпитеру и другим богам», возможно, тому же пантеону, который позже будет упомянут в его знаменитой клятве, и призвал их поступить с ним, если он нарушит свое слово, так же, как он поступает с ягненком, — и при этих словах он единым ударом размозил животному голову. Самое замечательное в этом эпизоде то, что сообщает о нем не Полибий, для которого все эти разглагольствования о богах и страшных карах не представляли никакого интереса, а Тит Ливий, сурово и непреклонно заклеивший ранее безбожие и нечестивость карфагенского полководца.

Битва, неправильно именуемая Тицинской, на самом деле разыгралась чуть севернее левого берега По, там, где река описывает довольно обширную петлю между своими притоками Сесией и Тичино, примерно на равном расстоянии от обоих. В сущности, это была даже не битва, а краткая кавалерийская стычка, происшедшая, как принято считать, в окрестностях

Ломелло. Обе армии разбили лагерь относительно недалеко друг от друга. Сципион с отрядом всадников и пращников двинулся на разведку сил противника и столкнулся с отрядом Ганнибала, выехавшим с той же целью. Римские пращники, не выдержав натиска карфагенян, отступили в «коридоры», специально оставляемые между кавалерийскими турмами. У Ганнибала тяжелая кавалерия занимала центр, а с обоих флангов располагались нумидийцы, в чью задачу входило окружение врага. Именно это и случилось. Прорвав римский строй, нумидийцы легко обошли его с флангов и ворвались во вражеский тыл, перебив пращников. Римская конница довольно долго сдерживала натиск африканцев, которые понесли значительные потери, однако, когда с тыла на нее налетели нумидийские эскадроны, дрогнула, а вскоре уже в панике бежала, разбившись на небольшие группы.

Те, кому удалось вырваться живым из этой передраги, собрались вокруг своего командира. Сципион в это время нуждался в помощи как никто. Консул получил в бою тяжелую рану и едва не попал в плен к нумидийцам. Спас его, как сообщает Тит Ливий, его родной сын, будущий Публий Африканский, тогда 18-летний юноша, впервые в жизни участвовавший в военном сражении. Правда, дальше Тит Ливий честно добавляет (XXI, 46, 10), что, по мнению Целия Антипатра, честь спасения римского консула на самом деле принадлежала некоему лигурскому рабу. По всей вероятности, так история спасения Сципиона выглядела в изложении карфагенского летописца Силена, и не исключено, что так оно и было на самом деле. Любопытно также, что Полибий, рассказывая о схватке, обходит эту подробность молчанием, чтобы вернуться к ней гораздо позже, когда перед отбытием Публия Африканского на завоевание пунической Испании в 210

году он представит своего героя читателю в самых восторженных выражениях (X, 3). По его словам, он слышал эту историю от Лелия Старшего — не путать с его сыном, носившим такое же имя, неразлучным другом Сципиона Эмилиана, часто упоминаемым в диалогах Цицерона, — вспоминая, как молодой человек один не побоялся броситься в гущу врагов и отбить своего отца. Нельзя не заметить в этом рассказе того духа безудержного восхваления, который очень рано начал окружать все деяния Сципиона Африканского и который создавался, как мы вскоре убедимся, не без участия самого заинтересованного лица [\[56\]](#).

Ганнибал постарался извлечь все возможные дивиденды из своего первого военного успеха, хотя стремительное отступление Сципиона лишило его более крупного выигрыша. Действительно, римский консул незамедлительно отступил подальше от Тицина, переправился на другой берег По и встал лагерем неподалеку от Плаценции, западнее Требии. Сципион отступал так проворно, что бросившийся вдогонку за ним Ганнибал не успел даже воспользоваться наведенным римлянами временным мостом через Тицин, уже разрушенным. Правда, ему удалось захватить в плен несколько сот римских солдат-строителей, остававшихся на западном берегу реки. После этого он в течение двух дней поднимался вверх по северному берегу По, пока не нашел подходящего места для наведения мостов. Поручив организацию переправы своему помощнику Гасдрубалу, сам он немедленно перебрался на южный берег, где встретился с посланцами галлов. Период выжиданий для них, похоже, закончился, и теперь они буквально летели «на помощь» победителю, предлагая запасы продовольствия и воинские подкрепления. Таким

образом, все пока шло, как было задумано. Мало того, когда съестные припасы у пунийцев стали подходить к концу и они уже собрались напасть на Кластидий (ныне Кастеджио), расположенный в десятке километров южнее По, где римляне устроили крупный хлебный склад, комендант крепости, некто Дасий, уроженец Брундизия, что в мессапских землях Калабрии, сдал им город добровольно. Возможно, в предательстве этого человека решающую роль сыграло как раз его южноиталийское происхождение. Не зря же карфагеняне в течение долгих лет вели в этих краях активную пропаганду, и не случайно именно здесь Ганнибалу в дальнейшем удастся добиться наиболее впечатляющих политических успехов (С. et G. Picard, 1970, p. 239; J.-P. Brisson, 1973, p. 172). Капитуляция Кластидия нанесла Риму тем больший удар, что всего четырьмя годами раньше, в 222 году, покорение этого города знаменовало собой одну из самых ярких побед Марцелла над цизальпинскими галлами. Карфагенский главнокомандующий принял перебежчиков с распростертыми объятиями и заполнил с их помощью бреши в своих рядах. Два дня спустя после переправы через По он уже разбил лагерь в нескольких километрах от лагеря Сципиона, также западнее Требии.

Битва при Требии (конец декабря 218 года)

Сципион медленно поправлялся после ранения, и неприятности валились на него одна за другой. Как-то ночью, перед самым рассветом, когда бдительность ослабеваает, галльские солдаты, занимавшие в его войске низшие должности, прокрались в палатки, где спали римские солдаты, и перерезали их во сне. Отрубив у мертвецов головы — эту леденящую душу подробность сообщает Полибий (III, 67, 3), и у нас, слышавших про «отрубленные головы Рокпертуза», нет причин ему не верить, — галлы, общим числом в две тысячи пехотинцев и две сотни всадников, перешли к Ганнибалу, который немедленно отправил их в родные города и селенья «агитировать» земляков за карфагенян. Вскоре после этого ужасного случая римлянам стало известно, что в лагерь к Ганнибалу явились ходоки боев из-под Болоньи, притащившие ему в качестве подарка трех уполномоченных, посланных Римом для раздела их земель. Полководец принял их весьма ласково, однако «подарок» оставил владельцам, посоветовав использовать знатных римлян для обмена на сородичей-заложников.

Как пишет Полибий (III, 67, 8), Сципион мучительно переживал это предательство. Больше всего он боялся, что эпидемия измены охватит всю Цизальпинскую Галлию. Находиться в непосредственной близости от карфагенской армии становилось все опаснее, и уже через день после бегства галлов он перевел свое войско через Требию и разбил новый лагерь на высоких холмах, окаймлявших восточный берег реки. Кроме того, закрепившись на этой более защищенной позиции, легче было осуществить соединение с войском второго

консула, Семпрония, который двигался ему на подмогу из Аримина. На основании одной старой, но весьма аргументированной работы (J. Kromayer, 1912, p. 48), местом стоянки второго лагеря Сципиона принято считать городок Пьево-Дульяра, расположенный неподалеку от Ривергаро, там, где современное шоссе Пьяченца-Генуя, проходящее через Боббио, пересекает долину Требии.

Тиберий Семпроний Лонг прибыл с войском в середине декабря. Он горел нетерпением и рвался в бой с карфагенянами. Объяснялось это просто: до окончания срока его консульских полномочий оставались считанные недели, если не дни [57], а ему во что бы то ни стало хотелось завершить свою карьеру блистательной победой. Несколько раз ему уже приходилось встречаться в небольших стычках с воинами Ганнибала. Дело в том, что карфагеняне обнаружили: некоторые галльские племена, обитавшие в области между По и Требией, с которыми они заключили дружественные соглашения, одновременно поддерживали и отношения с римлянами. Желая примерно наказать двурушников, Ганнибал дочиста разорил их селения, и тогда обиженные галлы пришли искать защиты у Семпрония. Тот поспешил воспользоваться счастливым случаем и выслал на противоположный берег Требии несколько турм всадников и значительный отряд *jaculatores* — метателей дротиков. В ходе нескольких стычек локального характера преимущество не досталось ни одной из сторон, однако римскому консулу они внушили уверенность, что он сильнее противника. И совершенно напрасно, потому что Ганнибал, занятый разработкой плана будущей операции, своих основных сил ему даже не показывал (Полибий, III, 69, 13).

Сципион придерживался того весьма разумного мнения, что не стоит торопить события. Надвигающаяся зима давала возможность тренировать новобранцев в его легионах и легионах его коллеги. Кроме того, он понимал, что время работает на римлян: галлы с их хорошо известной переменчивостью, видя бездействие карфагенян, не задумываясь, обратились бы против них. Но Семпроний этих доводов не слышал. Не намеренный делиться славой победителя с будущими консулами 217 года, он жаждал расправиться с Ганнибалом лично, а болезнь Сципиона окончательно развязала ему руки. Что касается Ганнибала, то он рассуждал в точности так же, как Сципион. Разумеется, время работало против него. Боевой пыл галлов мог угаснуть в любую минуту, к тому же грех было упускать преимущества, которые давали ему неопытность части римских легионеров и временная «нетрудоспособность» Сципиона. Порывистый и самоуверенный Семпроний по сравнению с ним казался менее опасным противником. Наконец, Ганнибал отлично сознавал, что вся сила его армии, воюющей на чужой территории и не имеющей прочного тыла, в наступлении. И он отработывал последние детали своей тщательно спланированной операции, от всей души надеясь, что Семпроний угодит в расставленную для него ловушку.

Изучая местность, разделявшую оба лагеря, — ровную и лишенную растительности, — Ганнибал обнаружил протекавший здесь ручей с берегами, густо поросшими кустарником и болотными травами. В этих зарослях мог свободно спрятаться не только человек в полный рост, но и всадник. Современные историки, отыскивая точное место карфагенской засады, называют два возможных варианта — речку Коломбо и речку Джероза, каждая из которых течет параллельно изрезанному и распадающемуся на множество рукавов руслу Требии. Итак, поздним вечером одного из

последних декабрьских дней (по мнению Тита Ливия, накануне дня зимнего солнцестояния; XXI, 54, 7) Ганнибал собрал военный совет, на который пригласил и своего младшего брата Магона. Изложив соратникам план предстоящей операции, он отозвал Магона в сторонку и приказал ему обойти войско вместе с двумя сотнями солдат, которых главнокомандующий лично отобрал днем. Каждый из этих двухсот — половину их составляли всадники, другую пехотинцы — должен был по собственному выбору взять с собой еще девятерых товарищей. Всего, таким образом, получалось по тысяче конных и пеших воинов, которым и предстояло под командованием Магона направиться в засаду. Ранним утром Ганнибал вызвал к себе нумидийцев и отдал им приказ: переправиться через Требию, приблизиться на максимально близкое расстояние к лагерю римлян и забросать часовых дротиками. Хорошенько раздражив римских солдат, начать отступление, увлекая врагов за собой, на другой берег реки.

Успех провокации превзошел все ожидания. После сигнала тревоги Семпроний немедленно поднял свою конницу и *jaculatores* (метателей дротиков) — шесть тысяч человек, — а следом за ними направил к переправе и остальную часть армии. В тот день с неба валил мокрый снег, пронимая до костей людей, которых выгнали из палаток и поставили в строй, даже не успев покормить. Преследуя нумидийцев, римские пехотинцы бросились в реку, вода которой доходила им до подмышек, и не удивительно, что, выбравшись на другой берег, они тряслись от холода и с трудом держали в онемевших руках оружие. Напротив, люди Ганнибала в это утро плотно поели, растерлись маслом и жиром, заранее полученным от командиров, а в ожидании боевого сигнала грелись у костров. Таким образом, при приблизительно равной численности обеих

армий все преимущества оказались на стороне карфагенян.

Семпроний выставил в этот день все четыре консульских легиона плюс союзные войска, общим числом около 40 тысяч человек. У Ганнибала после перехода через Альпы оставалось 26 тысяч человек, но теперь к ним добавились галльские отряды, что в целом составило также около 40 тысяч. Но это было обманчивое равенство. Как успел убедиться во время битвы при Тицине Сципион, Ганнибал пользовался значительным тактическим преимуществом: вместе с галльским подкреплением его конница насчитывала 10 тысяч человек против четырех тысяч римских всадников (Полибий, III, 72, 9).

Первыми карфагенский полководец пустил балеарских пращников и легкую пехоту, вооруженную пиками, всего около восьми тысяч воинов; следом за этим авангардом выступала остальная часть армии во главе с командиром. Отойдя от своего лагеря на полтора километра, он выстроил единым фронтом тяжелую пехоту, приблизительно 20 тысяч иберов, галлов и африканцев. Десять тысяч всадников разделились на два корпуса и заняли фланги, чуть выдвинувшись вперед. Здесь же разместились и слоны. Общая протяженность фронта составила около трех километров. Армия Семпрония, выстроенная строго напротив карфагенян, выглядела следующим образом: в центре — пехота, первую линию которой составили тяжеловооруженные воины, по флангам — конница, вернувшаяся в строй после безуспешной погони за нумидийцами. Сражение началось. По центру рукопашная схватка велась примерно на равных, но на флангах римская конница вскоре отступила под натиском более многочисленной карфагенской кавалерии, которой к тому же помогали слоны. В результате обнажились фланги римской пехоты, на

которые устремились карфагенские пращники и копейщики. И в этот момент из засады выскочил отряд Магона, нацеленный напрямиком на римские тылы. Напомним, что римляне бились спиной к реке, и воспоминание об утренней переправе через ледяной поток все еще преследовало римских солдат, которые ни за что на свете не согласились бы на повторное исполнение того же «упражнения». Значит, бежать они могли только в одном направлении — вперед. Римской пехоте удалось прорвать в нескольких местах карфагенский строй, нанося тяжелые потери африканцам и особенно галлам, занимавшим, как мы помним, центральные позиции. Они-то и сумели выбраться живыми из переделки. Построившись, они — примерно 10 тысяч человек — организованно отошли к Плаценции. Вскоре к ним присоединились жалкие остатки фланговой пехоты, принявшие на себя массированный удар карфагенской конницы и слонов, и большая часть всадников.

Это был настоящий разгром, и напрасно Семпроний оправдывался в Риме, куда выехал в конце декабря для руководства комициями по избранию новых консулов, пытаясь свалить ответственность на дурную погоду. Кстати сказать, именно дурная погода помешала Ганнибалу добить остатки отступавшей римской армии. Но и карфагеняне не обошлись без потерь: к числу погибших в сражении добавились жертвы болезней, вызванных непрекращающимся дождем и пронизывающим холодом. И еще больше, чем люди, страдали от непогоды кони и вьючные животные, не говоря уже о слонах. Правда, наши источники расходятся в точной оценке численности последних. Так, Полибий (III, 74, 11), а вслед за ним и Зонара (VIII, 24) убеждены, что после битвы на Требии у пунийцев остался всего один слон, тогда как Тит Ливий (XXI, 58, 11) считает, что последние семь слонов, пережившие

эту схватку, пали позже, в результате неудачной попытки Ганнибала перейти Апеннины. Но эта нелепая попытка в разгар зимы штурмовать Апеннины, да еще для такого расчетливого стратега, как Ганнибал, представляется нам выдумкой падуанского историка.

Зимовка в Цизальпинской Галлии (январь-апрель 217 года). Начало определения италийской политики

Рим торопился поскорее перевернуть позорную страницу своей истории и с надеждой ждал наступления нового, 217 года. В марте, как всегда, приступали к своим обязанностям вновь избранные консулы. В соответствии с законом один консул избирался из числа патрициев — им стал Гней Сервилий Гемин, выходец из древнейшей фамилии родом из Альбы Лонга, — а второй из плебеев; на сей раз выбор пал на столь выдающуюся личность, как Г. Фламиний Непот.

Фламиний не в первый раз достигал власти. Народный трибун 232 года, именно он добился раздела так называемых Пиценских и Галльских владений, то есть земель на побережье Адриатики, прежде принадлежавших сенонским галлам, в пользу римского плебса. Эта акция, ознаменовавшая начало его политической карьеры, тогда же превратила его в своего рода бельмо на глазу римского сената, состоявшего из аристократов и не привыкшего делиться с плебсом завоеванными землями. Полибий, неизменно служивший выразителем интересов знати, не жалел слов осуждения, сурово бичуя политику, которую он считал не только демагогической по форме, но и вредной по существу (II, 21, 8) [\[58\]](#). Несмотря ни на что, карьера Фламиния шла по восходящей. В 227 году он в качестве претора первым стал управлять новой провинцией — Сицилией, присоединенной к Риму в результате Первой Пунической войны. В 223 году его в первый раз избрали консулом, и это избрание

сопровождалось шумным скандалом. Знать пыталась отменить результаты выборов под тем предлогом, что Фламиний и его коллега П. Фурий Фил были выбраны при неблагоприятных предзнаменованиях. Несколько позже та же самая знать постаралась лишить обоих консулов заслуженного триумфа после победы, одержанной при Адце над инсубрами. На сей раз консулы провинились, проигнорировав отправленное сенаторами письмо, в котором им предписывалось воздержаться от битвы все из-за тех же дурных предзнаменований. Но консулы поступили по-своему: они сначала выиграли битву, а уж потом прочитали письмо! Воспоминание об этом случае надолго застряло в памяти консула 217 года... Незадолго до Тразименского сражения, когда римский лагерь готовился сняться с места, к Фламинию прибежал один из командиров и доложил, что никак не удастся выдернуть из земли слишком глубоко воткнутое знамя, что, безусловно, являлось зловещим предзнаменованием. Консула это сообщение привело в ярость. «Может, у тебя есть для меня и письмо от сенаторов с запретом вступать в бой?» — закричал он на подчиненного (Тит Ливий, XXII, 3, 13). Чтобы завоевать репутацию опасного вольнодумца, с избытком хватило бы и меньших грехов. Этот «новый человек» — так называли в Риме государственного деятеля, не имевшего знатных предков — получил должность цензора еще сравнительно молодым, в 220 году, и его деятельность в этом качестве оставила по себе заметный след. Моммсен считает, что именно он вместе со своим коллегой, патрицием Л. Эмилием Папом, провел реформу избирательных комиций, в результате которой несколько возросло политическое влияние римских граждан «второго класса» и соответственно снизилось влияние класса «богатых». В историю имя Фламиния вошло благодаря сразу двум

крупным «проектам», не равноценным по важности, но одинаково популярным. Во-первых, в южной части Марсова поля он построил знаменитый «цирк», служивший местом народных собраний, а во-вторых, проложил не менее знаменитую Фламиниеву дорогу, ведущую через Апеннины от Рима до Римини. Эта дорога, связавшая город с северной частью Адриатического побережья, имела огромное стратегическое значение. Таков в общих чертах далеко не однозначный образ выдающейся личности, которую судьба определила Ганнибалу в противники.

В античные времена зимой, как правило, не воевали, если, разумеется, к этому не вынуждали особые обстоятельства, например, те, что подтолкнули Ганнибала к активным действиям в конце декабря 218 года. Короткий световой день, плохая погода, трудности со снабжением людей продовольствием, а животных фуражом не очень-то способствовали проведению боевых операций. Однако, если верить Титу Ливию, то окажется, что Ганнибалу после победы при Требии прямо-таки не сиделось на месте. Согласно римскому историку, Ганнибал то бьется при Плаценции, где его ранили (XXI, 57, 8), то, буквально через несколько дней, нападает на селение Виктумулы, между прочим, отстоящее от Плаценции на 140 километров. Потом, чуть-чуть отдохнув, — правда, Тит Ливий умалчивает, где именно, — Ганнибал якобы собирается вести свое войско в Этрурию, однако страшная буря в горах, описанная историком в апокалиптических тонах (XXI, 58), заставляет его оставить попытку преодолеть Апеннины и вернуться к Плаценции. Здесь он якобы навязывает Семпронию, успевшему вернуться из Рима, еще один бой (XXI, 59, 1–9). После всего этого он наконец удаляется в земли лигуров (XXI, 59, 10). Обратим внимание, что эти передвижения, измеряемые в сотнях километров и

происходившие в разгар зимы, уместаются у римского историка в считанные недели, максимум в три месяца. Выглядит такая «беготня» совершенно неправдоподобно, и мы не можем принять ее на веру только на том основании, что и Корнелий Непот, и Зонара следовали той же ошибочной версии, что и Тит Ливий.

Последуем лучше за Полибием, даже если порой придется читать между строк. Можно считать точно установленным, что, одержав победу на Требии, Ганнибал переправился с армией на правый берег реки и занял там удобный и хорошо защищенный лагерь, воздвигнутый Сципионом для римских солдат (III, 75, 2). Чуть позже он двинулся по направлению к Болонье, где жили его союзники-бойи и где он мог чувствовать себя в безопасности. Безопасности относительной, насколько можно судить из анекдота, сдержанно передаваемого Титом Ливием (XXII, 1, 3) и чуть более сочувственно Полибием (III, 78, 1-4). Историки обычно отмахиваются от этого анекдота, считая его несовместимым с достоинством карфагенского полководца и выдуманным теми, кто всячески раздувал миф о пресловутом «пунийском вероломстве». О чем же идет речь? О том, что Ганнибал, опасаясь покушений, якобы прибегнул к «чисто финикийской уловке» (у Полибия — «*phoinikikon stratagema*»): приказал изготовить для себя целый набор париков, воспроизводящих разнообразные прически — от юношеских до старческих, и носил их по очереди, подбирая в каждом случае соответствующий возрасту «прически» костюм. Эти переодевания делали его неузнаваемым даже для близких людей, гласит анекдот. Вполне возможно, что перед нами одна из тех «историй, что передают друг другу в лавке брадобрёя» и которыми Полибий обычно пренебрегал, оставляя их другим рассказчикам [\[59\]](#). Но нельзя отрицать, что она

служит наглядной иллюстрацией того, что взаимоотношения карфагенского полководца с его свежееиспеченными галльскими союзниками успели эволюционировать от горячей симпатии к недоверчивой подозрительности.

Само собой разумеется, Полибий особо подчеркивает пресловутое галльское непостоянство — еще одно клише. На самом деле, галлы предъявляли Ганнибалу две серьезные претензии. Во-первых, в ходе битвы при Требии они убедились, что главнокомандующий, оберегая жизни африканцев и даже иберов, предпочитал жертвовать галльскими солдатами, заставляя их занимать наиболее уязвимые тактические позиции. Нет никаких сомнений, что самую большую цену за победу над римским войском пришлось уплатить именно галлам. Во-вторых, они злились, что военные операции по-прежнему велись на их территории, не принося им никакой выгоды, тогда как они жаждали скорее проникнуть на земли римских союзников — в Этрурию и Умбрию, а оттуда двинуться непосредственно в римские владения и попытаться повторить успех своих далеких предков, в начале IV века до н. э. разбивших римлян в битве на реке Аллии, а там, как знать, может быть, занять и сам Рим! Ганнибал понимал их нетерпение, как понимал и то, что оно требует ответных мер с его стороны. Однако пока его занимали другие заботы: он стремился в первую очередь быть услышанным народами, связавшими себя с Римом союзническими отношениями.

Солдат, захваченных в плен при Тицине и особенно при Требии, в карфагенском лагере разделили на две группы. С первой, которую составили римские граждане, обращались очень сурово и держали едва ли не впроголодь, зато вторая, в которую вошли представители союзных Риму народностей, пользовалась, как утверждает Полибий (III, 77, 4),

всякого рода послаблениями. Вскоре Ганнибал приказал собрать этих пленников вместе и выступил перед ними с речью, смысл которой сводился к следующему. Мы воюем не с вами, а с Римом, говорил им пунийский главнокомандующий, и мы пришли на италийскую землю с одной целью — освободить вас от римского господства и вернуть вам земли, захваченные Римом. Затем, подтверждая свои слова делом, он без всякого выкупа отпустил этих пленников на свободу. Ближайшим результатом этой акции стала, как мы уже видели, добровольная сдача Кластидия, которому отныне принадлежала роль гаранта политической линии, проводимой Ганнибалом в Италии.

Между Эмилией и Тосканой (весна 217 года)

Еще до того как консулы 217 года приступили к исполнению своих обязанностей, в Риме предприняли ряд мер, отражающих растущее чувство тревоги. Тит Ливий (XXI, 62, 1) рассказывает, что в ту зиму не только в Риме и во всем Лации, но и в Этрурии, и в Пицене наблюдались многочисленные чудеса, и хотя он сообщает о них с изрядной долей здорового скептицизма, само существование подобных слухов свидетельствует об атмосфере страха. Мобилизационные усилия, предпринятые для противостояния угрозе, можно смело назвать беспрецедентными. Было сформировано 11 легионов, объединивших в общей сложности больше ста тысяч человек. Разумеется, это не означало, что вся эта мощная сила немедленно двинется громить Ганнибала. Два легиона отправились в Сицилию, один — в Сардинию, еще два, именуемых «городскими», предназначались для возможной обороны Рима. Два легиона, как мы помним, находились в Испании. Остальные четыре легиона, успевшие под командованием консулов в декабре 218 года столкнуться с пунийской армией и понести огромные потери, нуждались в срочном пополнении рядов. Столь масштабная мобилизация стоила недешево, что подтверждается данными о стремительной девальвации денежной единицы, отмеченной в годы Второй Пунической войны. Асс, в 225 году весивший полфунта, в 217 году весил уже треть фунта. Снижая вес бронзовой монеты, которая служила платежным средством при расчетах с армией, государство стремилось уменьшить свои расходы. Как справедливо

отмечалось в литературе (G. Picard, 1967, p. 171), эта мера не вызвала недовольства мелких земельных собственников, в большинстве отягощенных крупными долгами, потому что формально размер их долгов снизился, хотя реально все тяготы военного бюджета легли все равно на их плечи.

Четыре легиона, призванные на войну с Ганнибалом в декабре 218 года, зимовали в долине По. Два из них, подчинявшиеся Тиберию Семпронию Лонгу, разместились в Плаценции, два других, которыми командовал Сципион, а после его отъезда в качестве проконсула в Испанию, где уже находился его брат Гней, перешедшие под начало претора Г. Атилия, были расквартированы в Кремоне. Это разделение, как сообщает Тит Ливий (XXI, 56, 9), потребовалось, чтобы не отягощать постоем сразу четырех легионов какую-то одну из лишь недавно присоединенных цизальпинских провинций. Эта область считалась надежным оплотом Рима: кельтские племена ценоманов, обитавшие в районе Брешии, не подавали никаких признаков возмущения, а верные Риму венеты, жившие в нижней долине По, обеспечивали оба города продовольствием, переправляя его по реке. Ганнибал, хорошо помнивший опыт Сагунта, на долгие месяцы лишивший его свободы маневра, не собирался тратить время на осаду городов. Впрочем, к концу зимы римские легионы сами снялись с насиженных мест. Г. Атилий повел два своих легиона из Кремоны, сначала вдоль течения реки, а затем по Адриатическому побережью в Римини, где они перешли под командование Сервилия. Что касается двух других легионов, стоявших в Плаценции, то, если верить Титу Ливию (XXI, 59, 10), Семпронию удалось довести их до Луки, что на тосканском побережье, а оттуда до Ареццо, где командование ими принял Фламиний. Это было весьма разумное решение: находясь в Римини, Сервилий контролировал северные подходы к

Апеннинам, а Фламиний у себя в Ареццо перекрывал проходы к Этрурии.

Двигаться в направлении современной Романьи Ганнибал не рискнул. Он понимал, что тем самым дал бы возможность Фламинию быстро соединиться с войском Сервилия через верхнюю долину Тибра. Мы не вполне уверены в точности избранного им маршрута. Полибий (III, 78, 6) утверждает, что на основе собранной информации он принял решение избегать «больших дорог», слишком протяженных и легко контролируемых римлянами. На самом деле никаких «больших дорог» в те времена в верхней Этрурии еще не существовало. Аврелиева дорога пока тянулась только до Вольтерры, а Кассиева дорога связывала Рим лишь с пограничными районами Умбрии; если бы Ганнибалу вздумалось пойти по одной из них, ему неминуемо пришлось бы миновать такой опасный участок, как тосканская часть Апеннин, а затем пересечь Этрурию, чтобы в конце концов оказаться во Фьезоле, потому что это единственная веха, которую наши источники упоминают на пути его продвижения к югу. По мнению древних авторов, карфагенская армия избрала самый короткий путь, пролежавший через болотистые равнины, превращенные весенним разливом Арна в настоящие топи (Тит Ливий, XXII, 2, 2). Современные историки считают, что из Болоньи Ганнибал двинулся к Апеннинам, пересек их через перевал Коллина, расположенный на небольшой (952 метра) высоте, и вышел к Пистое. Отсюда до самой Флоренции простирались те самые топи, которыми «славится» средняя долина Арна. Полибий и Тит Ливий приблизительно в одних выражениях, только один по-гречески, а второй на латыни, описали этот мучительный переход через болота. Вода стояла так высоко, что нечего было и думать устроить стоянку. Бесконечная колонна пунийской армии, замыкаемая конницей Магона, которого полководец на всякий

случай поставил сразу за галльскими отрядами, дабы не искушать тех попыткой дезертирства, пробиралась по этим гиблым местам четыре дня и три ночи. Когда сил шагать вперед уже совсем не оставалось, измученные люди укладывались передохнуть на трупы павших вьючных животных. Главнокомандующий ехал на последнем из оставшихся в живых слоне, но и ему приходилось несладко. Резкие перепады капризной весенней погоды, беспрестанный дождь, болотная сырость и долгие ночи без сна, кажется, сумели-таки подорвать выносливость человека, о котором Тит Ливий писал, что «усталость была не властна над его телом, как уныние над его душой» (XXI, 4, 5). У него началось воспаление глаза, а поскольку ни о каком лечении в этих болотистых местах не могло быть и речи, то Ганнибал в конце концов ослеп на один глаз. Вместе с глазом исчез и тот образ прекрасного юноши, разумного и решительного, который так грел сердце ветеранам, знавшим еще Гамилькара, с той самой поры, когда славный сын своего отца сменил во главе армии Гасдрубала, с честью прослужив под его началом четыре года. Отныне и на долгие века в памяти потомков запечатлелся совсем другой образ — «одноглазого полководца, восседающего на гетульском [60] слоне». Ганнибалу только что исполнилось 30 лет.

Тразименское озеро (21 июня 217 года)

Из болот Арна Ганнибал выбрался в районе Фьезоле, но весть об этом дошла до Фламиния, расположившегося вместе со своим войском близ Ареццо, слишком поздно. В результате римский консул упустил свой единственный шанс напасть на ослабленную переходом армию карфагенян, подкараулив ее либо при спуске с гор, либо на выходе из болот (В. Diana, 1987). Дав своим людям, измученным перенесенными испытаниями, отдых, Ганнибал, учитывая численное превосходство своего войска, в частности конницы, мог не опасаться внезапного нападения консульских легионов, во всяком случае, до того, как они объединят свои силы. Он не только отлично изучил сложившуюся обстановку, но и успел навести справки о характере Фламиния, человека гордого и слишком падкого до славы, и теперь рассчитывал извлечь из этого свою пользу. Для начала он совершил несколько набегов на богатые земли области Кьянти, расположенные к югу от Фьезоле, разграбив, опустошив и предав огню несколько тамошних селений. Все это проделывалось с таким расчетом, чтобы римский консул мог хорошенько видеть, как со стороны этрусских деревень в небо поднимается дым пожарищ, в которых горят амбары с запасами хлеба. Если кто и сумел бы сохранить при виде этой картины хладнокровие, то только не Фламиний, строивший всю свою карьеру на аграрной политике. Так и случилось. Фламиний снялся с места и пустился вдогонку армии Ганнибала, поджидая удобного момента для нападения. Когда карфагеняне вступили в долину Кьянти, делая вид, что направляются

в сторону Рима, Фламиний двинулся к Кортоне, однако пунийцы неожиданно свернули на восток, к Перузии, обойдя гористую Кортону слева. И вот однажды июньским вечером Фламиний своими глазами увидел, как вражеская армия устремилась к узкому ущелью, лежащему к востоку от Борджетто между северным берегом Тразименского озера и предгорьями Гуаландро.

Сразу за ущельем Борджетто взору открывается небольшая прибрежная равнина Туоро, лежащая на глубине двух-трех километров. На востоке, немного не доходя до Пассиньяно, ее перекрывают хребты Монтиджетто. В наши дни уровень воды в Тразименском озере сильно понизился, тогда как в древности между прибрежными холмами и озером оставался только узкий проход, примерно той же ширины, что и ущелье Борджетто, тянувшийся до селения Торичелла, откуда дорога сворачивала к юго-востоку и шла дальше, к Перузию. Здесь-то и соорудил Ганнибал свою «мышеловку», которую мы попытаемся реконструировать, руководствуясь согласованными, но, к сожалению, слишком краткими указаниями Полибия (III, 83) и Тита Ливия (XXII, 4).

Пройдя ущельем Борджетто, Ганнибал пересек равнину Туоро и разбил лагерь за массивом горы Монтиджетто. Здесь он надежно укрыл в засаде свои лучшие силы — африканцев и иберов. Легкая пехота — балеарские пращники и копейщики — рассыпалась по холмам, глядящим прямо на озеро, со стороны Вернаццано. Наконец, на пятачке Туоро разместились галлы, а возле самого выхода из ущелья Борджетто — конные отряды, и те и другие надежно спрятанные. Ловушка была готова, и оставалось только ждать, когда римский консул вместе со своей армией в нее пожалует. Описанная реконструкция принадлежит Г. Де Санктису (G. De Sanctis, III, 2, 1917, pp. 109-115), и мы считаем, что в ней наилучшим образом учтены все данные наших

письменных источников, поэтому мы отдаем ей предпочтение перед вариантом, предложенным Дж. Кромайером (J. Kromayer, 1912, pp. 150–193; см. также J. F. Lazenby, 1978, p. 63), который сдвигает всю диспозицию к востоку от Монтиджетто и всю гигантскую «ловушку» располагает в промежутке между этой горой и селеньем Торичелла. Не так давно возникла и еще одна гипотеза, в соответствии с которой все поле битвы уместилось в «раковине» Туоро, то есть в западной части той маленькой равнины, центр которой занимает селенье Туоро. Но если согласиться с этой гипотезой, то придется признать, что тысячи пеших солдат, не говоря уже о всадниках, сражались на крохотном пятачке — тогда им наверное пришлось буквально толкать друг друга локтями. Впрочем, в пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что именно в этом месте найдены остатки кострищ, на которых, по всей видимости, сжигали трупы погибших (G. Susini, 1960 et 1964).

Итак, в тот же вечер, когда Фламиний увидел, как армия Ганнибала скрывается в ущелье Борджетто, он двинулся следом и успел до наступления ночи разбить лагерь на берегу озера. Ранним утром следующего дня — 21 июня, если верить Овидию («Фасты», VI, 767–768), то есть в день летнего солнцестояния (мы склоняемся именно к этой дате, хотя высказывались предложения сдвинуть ее ближе к весне, исходя из потребностей пунийской армии в продовольствии летом 217 года; см. Ph. Desy, 1989), он, даже не подумав выслать вперед разведчиков, со всей своей армией устремился в ущелье Борджетто. Было, как мы уже говорили, раннее утро, и озерные берега окутывал густой туман. Когда большая часть римской армии уже вступила на прибрежную равнину, а ее авангард достиг места, где прятались в засаде африканцы и иберы, Ганнибал дал общий сигнал к атаке. Плохая видимость не позволяла римским

командирам — центурионам и трибунам — выстроить свои отряды в боевой порядок и, разумеется, усугубляла всеобщую растерянность. За три часа полегло 15 тысяч солдат Фламиния. Погиб и сам консул, сраженный галльским копьем. Тит Ливий (XXII, 6, 3-4) уточняет, что римского военачальника убил инсубр по имени Дукарий, отомстивший Фламинию за гибель своих сородичей, уничтоженных на берегах Адды в 223 году. Но еще более страшная участь ожидала арьергард римской армии, только-только вступивший в ущелье Боргетто и еще не успевший выйти на равнину Туоро. Карфагенская конница буквально сбросила этих людей в озеро, где одни под тяжестью доспехов мгновенно шли на дно, а других добивали пунийские всадники. Вырваться из страшной ловушки удалось только римскому авангарду, вернее, его части в количестве примерно шести тысяч человек, которые пробили живую стену, образованную африканцами и иберами, и, добежав до ближайших вершин, смогли своими глазами, поскольку туман к этому времени уже рассеялся, убедиться в масштабах катастрофы. Кое-как построившись, они двинулись в одну из соседних деревушек, раскинувшихся на берегу озера Плесция, где их и «накрыл» Магарбал, посланный чуть погодя во главе отряда иберов и копейщиков, так что и эти избежавшие смерти римские воины оказались в плену (N. Alfieri, 1986).

Кстати, эпизод с этими пленниками дал Титу Ливию (XXII, 6, 12) еще один повод возмутиться «пунийским вероломством», но мы обязаны вернуть автору его же обвинение. Вопреки тому, что пишет Тит Ливий, Магарбал вовсе не обещал римским солдатам свободу в обмен на сдачу оружия, он всего лишь гарантировал им жизнь. И когда их доставили в карфагенский лагерь, Ганнибал, смешав их с остальными пленными — в общей сложности таковых оказалось 15 тысяч

человек, — объявил им, чтобы рассеять последние сомнения, что никаких обещаний его помощник в принципе им давать не мог, поскольку это просто не в его власти [\[61\]](#). Затем, по-прежнему верный себе, он приказал разделить пленных на две группы. Римских граждан отправили под надзор отдельных карфагенских отрядов, а их союзников без выкупа отпустили на все четыре стороны. Ганнибал еще раз повторил перед ними речь, с которой уже обращался к пленным врагам после сражений на Тицине и Требии: он пришел не воевать с италиками, а вернуть им свободу, попорченную Римом [\[62\]](#).

Карфагенский полководец озаботился также и тем, чтобы воздать посмертные почести погибшим — не только своим (потери пунийцев были невелики; всего около полутора тысяч человек, главным образом галлов), но и командирам вражеской армии. На поиски тела Фламиния он отрядил специальную команду, но, как пишет Тит Ливий, все ее старания остались тщетны. Это выглядит тем более странно, что по приказу Ганнибала его воины всегда собирали на поле сражения все брошенное оружие. Как мы вскоре убедимся, его африканские соединения в дальнейшем воевали преимущественно римским оружием. Поэтому можно предположить, что поиски велись очень тщательно, притом на ограниченном и скорее небольшом пространстве. Неожиданное решение загадки исчезновения тела Фламиния предложил недавно один из современных исследователей. Известно, что консула убил галльский воин, но также известно, что у галлов существовал обычай хранить в качестве трофея голову убитого врага. А разве можно представить себе трофей более ценный, чем голова римского консула? Если же допустить, что, отрубив у мертвого Фламиния голову, галл снял с его тела и богатые доспехи, становится

вполне понятным, почему среди тысяч убитых тело консула осталось неопознанным (G. Brizzi, 1984, pp. 35-43).

Лето на Адриатике

Но несчастья римлян еще не кончились. Спустя несколько дней после битвы на озере Магарбал со своей конницей отправился по приказу главнокомандующего на перехват четырех тысяч римских всадников, посланных Сервилием из Римини на подмогу Фламинию, но опоздавших к сражению. Магарбал блестяще справился с задачей. Оставшиеся после короткой схватки в живых римские солдаты пополнили ряды пленников Ганнибала.

...Рим пребывал в оцепенении. Претору по делам иноземцев М. Помпонию Матону выпала печальная честь объявить с высоты роstr о поражении потрясенному народу, который толпился на форуме и осаждал курию [\[63\]](#). Растерянность горожан, успевших за долгие годы отвыкнуть от военных неудач своей армии, усугублялась неопределенностью политического положения: один из двух консулов погиб, а второй, хоть и сохранил — за вычетом конницы — свои легионы, однако оказался заперт в Римини и не имел никакой связи с Римом. Такой расклад требовал чрезвычайных мер, и очень скоро мы узнаем, каких именно.

Посещала ли Ганнибала в эти дни мысль двинуться на Рим? Тит Ливий обходит этот вопрос молчанием, а Полибий (III, 86, 8) утверждает, что карфагенский полководец считал наступивший момент неподходящим для подобного предприятия. По всей видимости, греческий историк в данном случае совершенно прав. Город окружала прочная крепостная стена — стена Сервия, — возведенная в середине VI века, но существенно расширенная и дополнительно укрепленная после 390 года, когда галлы нагнали на римлян страху, преодолев эту преграду и заняв нижний

город. Еще позже, в 378 году, по приказу цензоров стену снова перестроили, использовав для кладки глыбы туфа, вывезенного из этрусского местечка Гротто Оскура. В описываемое время стена, снабженная угловыми башнями, тянулась на 11 километров, охватывая территорию площадью в 400 гектаров и представляя собой единственное укрепление подобной протяженности и мощи на всем Италийском полуострове. В самых слабых местах стены, то есть на ее востоке, между Коллинскими (Квиринальскими) и Целиевыми воротами, с обеих сторон от нее были возведены дополнительные оборонительные сооружения: с внутренней стороны насыпан земляной вал, полого спускавшийся с вершины стены так, что по нему могли свободно передвигаться защитники города; с внешней стороны вырыт ров 10-метровой глубины. Одним словом, никто не рискнул бы сказать, что осада Рима была пустяковой задачей. Для ее решения прежде всего требовалось иметь соответствующую технику, которую следовало где-то достать или скорее сделать. Вздумай Ганнибал пуститься на это предприятие, ему пришлось бы на долгие месяцы, если не годы, бросить на его подготовку все свои силы, тем самым отказываясь от наступательной стратегии, в которой наиболее полно раскрывались его личный талант и изобретательность, в пользу позиционной войны, что наверняка позволило бы Риму в полной мере мобилизовать свой военный потенциал, пока что далеко не исчерпанный. Кроме того, Ганнибал рисковал лишиться поддержки «латинов», поскольку за это время их мятежный порыв успел бы перебродить и заглухнуть [\[64\]](#).

Вряд ли Ганнибал забыл сон, виденный им в Онуссе накануне отбытия из Испании, хотя с тех пор миновал год с лишним. Устрашающая змея пунийской армии уже

начала обвиваться кольцами вокруг италийских селений, неся гибель и разрушение их жителям, — зачем же было ей мешать? Пусть лучше Рим поспешит на помощь своим союзникам и даст карфагенянам возможность одержать еще немало блистательных побед, в противном случае ему придется признать свою неспособность защитить тех кого он взял под свое покровительство. Кроме того, армия Ганнибала нуждалась в отдыхе. Зимовка близ Болоньи мало способствовала восстановлению сил после перенесенных суровых испытаний. И люди, и животные страдали от недоедания, многих из них поразила болезнь, которую Полибий называет «голодной паршой» (Iimopsoros: III, 87, 2). После битвы при Тразименском озере карфагенский полководец двинулся через Умбрию, миновав Перузий и Фолиньо, и пересек Фламиниеву дорогу. Но отсюда, вопреки утверждению Тита Ливия (XXII, 9, 1-2), он направился вовсе не к Сполетию, от которого он якобы намеревался идти к Риму, а резко свернул на восток, спустился в долину Кьянти и вышел на плодородные равнины Пицена. Десятью днями позже он уже вступил на Адриатическое побережье, захватив по пути такое количество добычи, что ее с трудом удавалось тащить (Полибий, III, 86, 9-10).

С той поры как карфагенская армия покинула берега испанского Леванта, ее воины впервые вновь увидели море. Постоянно меняя места стоянок, Ганнибал оставался на побережье, в районе между Пиценом и Апулией. Особенную пользу пребывание в этом благодатном краю принесло лошадям, которых лечили от чесотки, купая в выдержанном вине (Полибий, III, 88, 1). Правда, Тит Ливий об этой подробности не упоминает, возможно, считая подобную «терапию» непростительным расточительством. Раненые поправлялись, здоровые набирались сил.

Ганнибал отправил в Карфаген нескольких гонцов с отчетом о последних событиях и занялся перевооружением «на римский манер» своих африканских воинов. В частности, он заставил их сменить маленькие круглые кетры на большие щиты в форме вогнутого прямоугольника, на латыни именуемые *scutum*, которые в бою защищали гораздо надежнее. Тит Ливий (XXII, 46, 4) утверждает, что из-за этих щитов в ходе сражения при Каннах африканскую тяжелую пехоту нелегко было отличить от римской. С хорошо отдохнувшим войском, с запасом фуража для животных Ганнибал возобновил свой марш вперед, опустошив по пути латинскую колонию Адрию, земли марруцинов и френтанов, и, не встретив сопротивления, дошел до Луцерины, еще одной латинской колонии, и апулийского города Арпы. Рим продолжал бездействовать...

Кв. Фабий Максим, «Медлитель»

В трудные моменты своей истории, когда городу грозила серьезная опасность, а консулы по той или иной причине не могли исполнять своих обязанностей, Рим несколько раз прибегал к чрезвычайной форме управления, ограниченной по сроку действия, но облеченной всей полнотой гражданской и особенно военной власти. Такой формой была диктатура. В данной конкретной ситуации главная трудность заключалась в том, что обычно диктатора назначал один из консулов, но Фламиний, как мы знаем, погиб в июне 217 года, а Сервилий не имел возможности связаться с Римом. Поэтому выбор диктатора пришлось предоставить центуриатным комициям, то есть — беспрецедентный случай! — народу. И народ выбрал Кв. Фабия Максима Веррукоза. Выходец из древней патрицианской фамилии, он дважды — в 233 и 228 годах — занимал должность консула, в 230 году — цензора, а прозвище Максим, ставшее именем, унаследовал, хоть это и не нравилось Полибию (III, 87, 6), от одного из своих предков, Фабия Руллиана, который заслужил его в годы войны против самнитов. Как помнит читатель, Фабий принадлежал к числу сенаторов, до самого объявления войны выступавших за переговоры с Карфагеном. Однако если с кем и намеревался договариваться этот осторожный и мудрый человек, то уж, конечно, не с Баркидами, а с их противниками в карфагенском сенате. Ганнибала же он всегда воспринимал как ярого врага, ни о каких «договоренностях» с которым не могло идти и речи. Согласно обычаю, диктатор сам выбирал своего заместителя, исполнявшего при нем обязанности «начальника штаба» или, как его называли в Риме,

«начальника конницы». Однако обычай и на сей раз оказался нарушен, потому что начальника конницы одновременно с диктатором избрал на своих комициях народ. Им стал консул 221 года М. Минуций Руф, отличившийся в Иллирии. В сенате Фабий и Минуций принадлежали к разным группировкам, которые можно, не греша против истины, назвать враждебными, поэтому, каким бы удачным компромиссом ни казалось одновременное назначение двух этих людей, оно несло в себе семена будущих раздоров.

Прежде всего диктатор решил заняться укреплением религиозного духа своих граждан. Открывая первое же заседание сената, Фабий не преминул напомнить присутствующим, что Фламиния погубила не столько неосторожность, сколько пренебрежительное равнодушие к предзнаменованиям. Действительно, покойный консул не раз и не два демонстрировал опасное вольнодумство. Почему накануне Тразименского сражения он отмахнулся от примет, которые с легкостью мог расшифровать любой порядочный римлянин, узрев в них перст судьбы? Когда ему доложили, что никак не удается вырвать из земли древко знамени, он приказал... выкопать его лопатой! А тот случай, когда под ним споткнулся конь, сбросив седока на землю? Он и на это не обратил внимания! Поэтому, делал вывод Фабий, пора срочно мириться с богами. Консультация с Сивиллиными книгами подсказала: надо возобновить обет богу Марсу и построить новый храм в честь Венеры Эрицинской. Так и поступили, причем храм диктатор освятил лично, подчеркнув высокое значение этого действия. Рим как бы призывал себе в покровительницы богиню города Эрика, чье святилище римская армия доблестно защищала во время Сицилийской войны. Наконец, верховный понтифик Л. Корнелий Лентул принес от имени народа обет, именуемый *Ver sacrum* — «весной

священной», полный текст которого сохранил для нас Тит Ливий (XXII, 10, 2–6). Смысл этого оригинального изобретения древнеримской религии заключался в следующем. Если просьба, обращенная к богам — в данном случае спасение Рима и победа над Карфагеном, — сбудется в определенный срок, то в благодарность в жертву богам надлежит принести всех первенцев, которые родятся ближайшей весной [65]. Очевидно, в древнейшие времена под категорию жертвенных попадали не только молодые домашние животные, но и человеческие младенцы. Любопытна, хоть и не бесспорна параллель, которая напрашивается в этой связи с жертвоприношениями молк, совершавшимися в Карфагене в тофетах и столь ужасавшими греков и римлян (S. Lancel, 1992, p. 275) [66]. Впрочем, к тому времени, о котором мы рассказываем, в Риме уже довольно давно привыкли ограничиваться тем, что по обету «весны священной» в жертву богам приносили ягнят и козлят, поросят и телят, родившихся в промежутке между мартовскими и майскими календами. Что же касается человеческих жертвоприношений, то их сущность весьма изобретательно эволюционировала в направлении, совпадавшем с интересами колониальной экспансии: так, одновременно с закланием жертвенных животных проходили проводы молодого поколения, отправлявшегося, порой под охраной тотемического животного, на заселение новых земель (J. Neurgon, 1957).

После этого Фабий сосредоточил внимание на решении вопросов военной стратегии. С согласия сената он набрал два новых легиона, разместив их в Тибуре (ныне Тиволи), неподалеку от Рима. Затем он отправился навстречу с войском Сервилия и в Нарнии принял командование еще двумя консульскими

легионами. Отсюда он двинулся к югу, по пути прихватил тибурских новобранцев, вышел через Пренесту (ныне Палестрина) на Латинскую дорогу и повел объединенное войско к Апулии. Еще одно нелегкое решение, принятое Фабием до того, как он начал проводить в жизнь свою знаменитую политику «затягивания», наряду с последней свидетельствует, что диктатор меньше всего опасался прослыть непопулярным в широких массах. Он приказал (Тит Ливий, XXII, 11, 4-5) всем жителям селений и незащищенных городов покинуть свои дома, собрал их в особые отряды, но главное — потребовал неукоснительного применения тактики «выжженной земли» повсюду, где ожидалось появление армии Ганнибала.

По прибытии в Апулию Фабий обосновался в Эклах (Троя), неподалеку от карфагенского лагеря, разбитого в Вибинии (ныне Бовино). От боя, который пытался навязать ему Ганнибал, диктатор уклонился. Вскоре пунийская армия снялась с места, а следом за ней выступили в поход и римляне, которые отныне старались не упускать вражеское войско из виду, однако соблюдали между ним и собой определенную дистанцию, для чего главнокомандующему требовалось немалое хладнокровие, ибо провокации со стороны карфагенян не прекращались. Сегодня нелегко с точностью восстановить, каким маршрутом двигались те и другие, изображая игру в «догонялки», известно лишь, что протекала эта игра в основном на землях самнитов, лишь иногда захватывая территорию Кампании (G. Alvisi, 1974, pp. 292-313). Ганнибал разорил Беневент, захватил Телезию, а затем через кампанский город Калы направился к северу, в долину реки Вультурн. Здесь, в сердце одного из богатейших сельскохозяйственных районов Италии, начиналось царство фалернского вина, уже тогда считавшегося

одним из лучших. И здесь диктатору пришлось проявить выдержку, достойную античного героя, ибо ему стоило невероятного труда не отказаться от ранее избранной тактики и не позволить своему начальнику конницы Муницию ее нарушить. Он по-прежнему продолжал следовать параллельным с Ганнибалом курсом, наблюдая за его войском издали и искусно уходя от столкновений, но охотно нападая на отдельные группы вражеских солдат, в поисках добычи рискнувших слишком далеко оторваться от своих. Мог ли он оставаться беспристрастным зрителем, когда с вершины Массика [67] видел дым от пожаров горящих повсюду деревень, когда осенью в сезон сбора винограда систематически вырубались под корень лозы, составлявшие все достояние римских поселенцев в Кампании? Этого Ганнибалу показалось мало, потому что он придумал, как еще больше задеть диктатора лично. Узнав от перебежчиков, что именно в этих краях находятся земли, принадлежащие Фабию, он приказал своим солдатам вытоптать и выжечь все окружающие поля, сохранив в неприкосновенности владения римского главнокомандующего. Одновременно он велел распустить слух, что такая странная разборчивость объяснялась тайным сговором Фабия с карфагенянами (Тит Ливий, XXII, 23, 4).

После этого случая Фабию пришлось совсем туго. Не все в Риме понимали, что он не хочет рисковать доверенным ему войском, а в тактике затягивания, которой он продолжал придерживаться, уже готовы были видеть отсутствие воли и чуть ли не трусость. Фабию припомнили даже его детское прозвище — *Ovicula* — Овечка (Плутарх, «Фабий», 1, 4-5)! Росло недовольство и в армии. Тит Ливий сообщает (XXII, 14), что однажды, когда римские солдаты вступили в разоренную карфагенянами Синуэссу, в их рядах едва

не вспыхнул бунт, подогреваемый зажигательными речами Муниция. Но наконец и Фабий решил, что пора воспользоваться плодами своего долготерпения. Стояла уже осень 217 года. От одного из шпионов диктатор узнал, что Ганнибал намеревается переправиться на зимовку в Пулы, прихватив всю богатую добычу, награбленную за лето. Фабий немедленно занял город Казилин, расположенный неподалеку от Капуи, перекрыв тем самым проход через долину Вультурна. Одновременно он отправил Муниция к северу от Синуэссы, поручив вести пристальное наблюдение за Аппиевой дорогой. Теперь Ганнибалу, чтобы выбраться из Кампании, оставалось лишь пробираться узкой долиной Калликулы, речки, что протекала севернее Кал. Сюда-то и привел Фабий свои войска. Четыре тысячи всадников засели в долине, а диктатор с основными силами занял подступающий к ней холм. Эту хитрость Ганнибал разгадал очень быстро и придумал, как выбраться из ловушки, используя уловку, к которой, возможно, уже прибегал при переходе через Альпы. По его поручению Гасдрубал приказал своим воинам собрать как можно больше хвороста, из которого карфагеняне наделали вязанок, а вязанки прикрепили к рогам двух тысяч быков, захваченных в окрестных деревнях в качестве трофея. Перед самым рассветом солдаты подожгли привязанный к коровьим рогам хворост и погнали стадо к окружавшим долину холмам. Римские солдаты, охранявшие долину, при виде светящихся в ночи огней немедленно снялись с места и устремились за ними вслед. Путь был свободен. Пуническая армия беспрепятственно миновала его самый опасный участок [\[68\]](#).

Двигаясь к Пулам, Ганнибал сделал крюк и свернул в область, населенную пелигнами, что на севере самнитских земель. Для зимовки он выбрал небольшой

городок Гереоний, расположенный в долине Фортора и покинутый своими обитателями. Этому городку суждено было стать театром последних военных действий 217 года, во всяком случае на италийской территории. Фабию пришлось уехать в Рим для участия в религиозных обрядах, и он оставил командование Муницию, наказав ему вести себя как можно осмотрительнее: хорошо уже то, повторял диктатор своему заместителю, что мы перестали терпеть поражения от противника, привыкшего побеждать (Тит Ливий, XXII, 18, 10). Увы, Муниция такой расклад не устраивал. Он жаждал побеждать сам. В схватке, которая разыгралась под стенами Гереония, он не то чтобы проиграл, но и не выиграл, поскольку потери понесли обе стороны и примерно в равной мере. Однако в Риме враждебный Фабию клан постарался раздуть этот более чем скромный успех до размеров блестящей победы [\[69\]](#).

Немедленно активизировалась группировка, добивавшаяся для Муниция равных с Фабием полномочий. Перед горожанами выступил с речью народный трибун Марк Метилий, потребовавший проведения плебисцита по предоставлению начальнику конницы таких же прав, какими пользовался диктатор. В сенате, действовавшем, судя по всему, в полном согласии с Фабием, рассудили, что пора заканчивать эти политические игры и возвращаться к нормальному консульскому управлению. Сервилий, хоть и находился вдали от Рима — как мы вскоре убедимся, он вместе со своим флотом курсировал в это время в заливе Малый Сирт, — но продолжал носить звание консула. Созванные Фабием комиции центурий избрали взамен погибшего Фламиния «консула-суффекта» М. Атилия Регула, одного из сыновей великого Регула, несчастного героя Первой Пунической войны. Однако народная

оппозиция не собиралась складывать оружие. Благодаря активному вмешательству Г. Теренция Варрона — человека, о котором у нас еще будет случай рассказать подробнее, — решение плебисцита обрело силу закона. Таким образом, Рим получил сразу двух диктаторов [\[70\]](#), а вместе с ними — проблему раздела власти. Вернувшись в Пулы, Фабий, признавая право Муниция на самостоятельное командование, согласился и на разделение армии, после чего Муниций отвел свою часть войск и разбил свой отдельный лагерь.

Сама судьба послала Ганнибалу шанс испытать безрассудство начальника конницы. Между вражескими лагерями, расположенными недалеко друг от друга, возвышался холм, на который и сделал ставку карфагенский полководец. Безводная и бедная растительностью долина Фортора на первый взгляд казалась плохо приспособленной для устройства засад, однако, внимательно изучив местность, Ганнибал обнаружил здесь несколько достаточно глубоких оврагов и даже пещер. Пять тысяч пехотинцев и пять сотен всадников он разбил на группы по 200–300 человек и приказал им спрятаться в этих оврагах. Ранним утром он повел свою легковооруженную пехоту на вершину холма. Муниций, оценив диспозицию, решил, что без труда одолеет малые силы противника. Первым делом он бросил на штурм холма велитов [\[71\]](#), затем послал им на подмогу конницу, но, поскольку к карфагенянам подходили все новые и новые подкрепления, он в конце концов повел в атаку оба своих легиона. Тут-то и настал час «засадного полка» Ганнибала. Оказавшись в тылу у римского войска, карфагенские воины принялись крушить их налево и направо. От полного разгрома легионы Муниция спас Фабий, успевший привести им на помощь свои отряды. Ганнибал остановил бой.

И Полибий (III, 105, 8-11), и в еще большей степени Тит Ливий (XXII, 30) заканчивают описание драматических событий лета и осени 217 года, поставивших под угрозу сплоченность Римской республики, на оптимистической ноте. Согласно Титу Ливию, Муниций повел себя после битвы настолько благородно, что добровольно отказался от звания, которого так рьяно добивался, и с почти сыновней почтительностью принес Фабию покаяние. Прекрасно понимая, что Тит Ливий относился к числу восторженных почитателей Фабия, что, кстати сказать, заставило его преуменьшить значение хоть и небольшого, но вполне реального успеха, достигнутого Муницием у стен Гереония (G. Vallet, 1962), мы, тем не менее, обязаны отметить, что урок терпения, преподанный Фабием, его соотечественники усваивали плохо. Народу, ожидавшему от своих полководцев триумфа, выжидательная тактика диктатора не могла не казаться слишком уж серой. Прозвище «Медлитель», в нашем восприятии неразрывно связанное с именем Фабия, никогда не применялось по отношению к Кв. Фабию Максиму при его жизни, оно не стало фамильным именем, прибавляемым к родовому за особые заслуги, да и не могло стать им, ведь для современников Фабия в самом понятии «медлитель» было больше дурного, чем хорошего (R. Rebuffat, 1983). Повествуя о смерти «Медлителя», скончавшегося в 203 году, незадолго до битвы у Замы, Тит Ливий (XXX, 26, 9) приводит слова Энния, в одном лаконичном стихе сумевшего точно определить то особое место, которое принадлежит Фабию в пантеоне римских героев: «Один человек спас нам Республику промедлением». Но «Анналы» Энния вышли в 168 или 167 годах, следовательно, чтобы воздать должное Кв. Максиму Фабию, понадобилась смена двух поколений [\[72\]](#).

За пределами Италии

Нередко возникает вопрос: мог ли Ганнибал выиграть войну в Италии? При всей его сложности мы, несколько забегая вперед, пожалуй, ответили бы на него так: Ганнибал не мог выиграть войну в Италии, потому что проиграл ее в Испании.

Читатель помнит, что в августе 218 года П. Корнелий Сципион, отказавшись преследовать Ганнибала, пересекшего Рону и двинувшегося к северу, передал оба своих легиона под командование своему брату Гнею с приказом вести их в Испанию. Гней добрался до Эмпорий, где и расположился вместе со своим войском. Организовав ряд рейдов по побережью современной Каталонии, а затем и в глубь полуострова, он, действуя где силой оружия, а где и дипломатией, довольно быстро сумел склонить на свою сторону народы, населявшие северо-восток Испании, от обитавших в предгорьях Пиренеев лацетан до племен, селившихся по северному берегу Эбро (Полибий, III, 76; Тит Ливий, XXI, 60, 1-4). Здесь, как мы помним, оставался Ганнон с войском, оставленным ему Ганнибалом накануне перехода через Пиренеи. Он вышел к местечку Кисса, возможно, в районе современной Лериды и дал римлянам сражение. Сципион его с легкостью выиграл и в числе прочих трофеев завладел добром, которое Ганнибал по пути в Галлию из-за его тяжести оставил здесь на хранение.

Гасдрубал, которому брат поручил охранять испанские владения к югу от Эбро, узнал о поражении Ганнона слишком поздно. Поспешив ему на помощь, он переправился через Эбро, когда битва уже завершилась, и вынужден был довольствоваться нападением на экипажи римских судов, утратившие

бдительность. Узнав, что Гн. Сципион отправился устраиваться на зимовку в Тарракон, он занялся укреплением городов, расположенных по южную сторону от Эбро.

В течение зимы 218/17 года Гасдрубал успел привести в боевое состояние 30 имевшихся у него судов и оснастил еще десять. Отправив своего командующего флотом Гимилькона курсировать вдоль побережья, он сушей повел свою армию к Эбро. Карфагенский флот держался вблизи речного устья, когда здесь появились корабли Сципиона, ведомые двумя марсельскими быстроходными судами, служившими им проводниками (Полибий, III, 95–96; Тит Ливий, XXII, 19). Морской бой в устье Эбро обернулся для карфагенян тяжелым поражением. Противник отбил у них 25 судов и мог отныне безраздельно хозяйничать вдоль всего побережья — от Каталонии до испанского Леванта. Одна римская эскадра добралась даже до Ивисы, где к Сципиону явились посланцы балеарцев с просьбой о мире.

В Карфагене быстро поняли, какой катастрофой может обернуться морское господство Рима в Средиземноморье, и снарядили 70 кораблей. Сделав остановку в Сардинии, эти суда летом 217 года подошли к италийскому побережью в виду Пиз (ныне Пиза), надеясь соединиться с армией Ганнибала. Проходя вдоль этрусского побережья, близ города Коса, они захватили караван римских торговых судов, спешивших с грузом в Испанию, для снабжения армии Сципиона (Тит Ливий, XXII, 11, 6). Вскоре вслед карфагенскому флоту вышли 120 римских квинкверем, командование которыми принял на себя оставшийся в живых консул 217 года Гней Сервилий, передавший свои легионы Кв. Фабию Максиму. Благодаря лучшей маневренности карфагенским судам удалось избежать столкновения, однако им пришлось повернуть назад и

ни с чем вернуться в Карфаген. Гней Сервилий между тем продолжал свой «морской парад». Причалив в Лилибее, в Сицилии, он отсюда двинулся к берегам Африки, дошел до Керкинских островов (ныне острова Керкенна), взял с их обитателей дань, а затем, снова повернув к Сицилии, захватил по пути островок Коссиру (ныне Пантеллерия). Карфагену пришлось признать, что времена решительно изменились: отныне на море полновластно распоряжался Рим.

Он не преминул использовать это преимущество. Публий Сципион, назначенный проконсулом и потому сохранивший за собой командование флотом, привел мощную армаду кораблей к Тарракону, где и высадился с восьмидесятысячным войском, соединившись таким образом с войском своего брата Гнея. Гасдрубал в течение всего лета 217 года занимался отражением кельтиберов, осаждавших западные границы пунийских владений в Испании. Братья Сципионы поспешили воспользоваться этим обстоятельством и переправились через Эбро — с римской стороны это было сделано впервые, — чтобы, двигаясь вдоль побережья, добраться до Сагунта [73]. Осаждать город они не стали, а вместо этого сумели договориться с одним из высокопоставленных горожан, чтобы он выдал им томившихся в плену заложников, свезенных сюда со всей Испании. Ловко сыграв на глупости коменданта крепости, пунийца по имени Бостар, римляне легко добились своего (Полибий, III, 98–99; Тит Ливий, XXII, 22). Приближалась зима, и братья вернулись на северный берег Эбро устраиваться на зимовку. Оба чувствовали, что отлично поработали, подготовив почву для будущего наступления на испанский юг.

Канны (2 августа 216 года)

В Риме начало нового 216 года, как обычно, совпало с ежегодной избирательной кампанией. В первом туре голосования стало известно имя одного из новых консулов — Г. Теренция Варрона, того самого человека, который сумел протолкнуть закон о назначении еще одного, помимо Кв. Фабия Максима, диктатора, как мы помним, в лице Минуция. Варрон принадлежал к слою «новых людей» и отличался достаточно скромным происхождением, которое ненавидевший его Тит Ливий уверенно назвал «не только низким, но и подлым» (XXII, 25, 19). По мнению историка, отец консула сам был мясником и поставил у мясной лавки своего сына! И хоть выглядит эта подробность не слишком правдоподобно, она отлично иллюстрирует, с каким презрением относилась римская правящая верхушка к мелким торговцам (см., например, Цицерон, «Об обязанностях», I, 150–151).

Стремясь хоть как-то уравновесить влияние консула-плебея, сенаторская аристократия выдвинула, отчасти против его собственной воли^[74], своего ставленника Л. Эмилия Павла, который с легкостью удостоился избрания. Он происходил из одной из древнейших римских фамилий. Консул 219 года, он успел отличиться в Иллирии и входил в посольство, направленное для объявления войны Карфагену. В помощь консулам были назначены два проконсула, наделенных империем^[75], — Гней Сервий и М. Атилий Регул, то есть консулы предшествующего 217 года. Это решение диктовалось необходимостью обеспечить высшими командными кадрами армию, разросшуюся до восьми легионов. Правда, приводя эту цифру, Тит Ливий (XXII, 36, 1–2) высказывает некоторые сомнения в ее

достоверности. Но изменился и состав легионов. Теперь вместо четырех тысяч пеших и двух сотен конных воинов каждый из них насчитывал пять тысяч и три сотни соответственно. Добавим сюда союзные войска с равным количеством пехоты и вдвое большим — конницы, и мы действительно получим итоговую цифру в 87 200 человек, которую дает Тит Ливий и подтверждает, правда, не с такой степенью точности, Полибий (III, 107, 9), ограничившийся указанием числа легионов — восемь. По тем временам это действительно была огромная армия, равной которой не знает история Древнего мира. Современные исследователи порой высказывают сомнения в достоверности приводимых источниками количественных данных о составе римских войск (см., например, G. De Sanctis, 1917, pp. 131-133), однако известно, что накануне кампании, обращаясь к солдатам с речью, Эмилий Павел обещал им, что они будут драться вдвоем против одного. Между тем армия Ганнибала насчитывала к этому времени как раз около 50 тысяч человек.

Теперь мы знаем, какие силы собрал Рим, чтобы бросить их против Ганнибала, и знаем, каким людям эти силы были доверены. На самой верхушке власти оказались два человека, которых почти ничто не объединяло, зато разделяло все. Выборы консулов протекали бурно, в атмосфере неприкрытой враждебности народной партии к аристократии, которую оппозиция обвиняла в сознательном затягивании войны с Ганнибалом и чуть ли не в заманивании его в Италию (Тит Ливий, XXII, 34, 4). Все эти претензии публично высказал вновь избранный консул Варрон в речи, произнесенной накануне отбытия в действующую армию (XXII, 38, 6). Отчаянная борьба за власть, которую даже победителю хочешь не хочешь приходилось делить с коллегой, еще больше усугубила разлад, и прежде осложнявший жизнь

предшественникам нынешних консулов, которые проиграли свои сражения во многом именно из-за отсутствия согласованности в действиях: П. Корнелию Сципиону и Тиберию Семпронию Лонгу в 218 году, Гнею Сервилию Гемину и Г. Фламинию Непоту до июня 217 года, Фабию и Минуцию совсем недавно. Чередование 12 пучков фасций — этого символа консульской власти, в мирное время осуществлявшееся с интервалом в месяц, во время боевых действий производилось ежедневно. В этих условиях такая вещь, как консульская коллегиальность, становилась пустым звуком, особенно если каждый из консулов имел собственную стратегию ведения кампании. В день Каннской битвы очередь командовать выпала Варрону, значит, и ответственность за поражение лежит на нем. С другой стороны, будь на его месте Эмилий Павел, разве что-нибудь изменилось бы? Второй консул самим фактом своего присутствия оказался вовлечен в эту, с позволения сказать, стратегию, разработанную не им [76].

В небольшой речи-поучении, которую Тит Ливий приводит в качестве иллюстрации духовного родства Кв. Фабия Максима и Эмилия Павла (XXII, 39), старый диктатор, обращаясь к консулу, излагает свой взгляд на то, как следовало бы организовать войну с Ганнибалом, выражая, по всей видимости, точку зрения если не всей, то хотя бы части сенаторской аристократии. Располагая такими мощными людскими ресурсами, нужно было просто опоясать армию Ганнибала плотным кольцом, заперев ее на крохотном апулийском пяточке, возле стен Гереония, и взять измором. Иными словами, он предлагал повторить примерно то же, что делали Атилий Регул и Сервилий Гемин зимой 217/16 года, действовавшие согласованно и потому сумевшие добиться пусть скромного, зато вполне реального

успеха (Тит Ливий, XXII, 32, 1-3; Полибий, III, 106, 8-11). Возможно, в его словах и имелась доля истины, однако не будем забывать, что выносить оценки после событий всегда легче.

К началу лета, когда съестные припасы в Гереонии стали подходить к концу, Ганнибал решил двинуться к югу, где урожай поспевает раньше. Его выбор пал на небольшой городок Канны, расположенный на берегах Ауфида (ныне Офанто). Здесь, как ему стало известно, римляне устроили склад зерна и прочей сельскохозяйственной продукции, производимой в окрестностях Канузия (ныне Каноза). Этот район считался богатейшим в Апулии, особенно же славилась местная шерсть, получаемая от особой породы овец. Устраивая свой лагерь, Ганнибал позаботился, чтобы вультурн — ветер, несущий с собой тучи пыли, который современные итальянцы называют либеччо, — дул ему в спину, а римлянам, соответственно, в лицо.

В конце июля римская армия вплотную приблизилась к противнику и разбила лагерь в 12 километрах северо-западнее первого карфагенского лагеря, неподалеку от Салапии (Полибий, III, 110, 1). Несколько дней спустя Варрон решил уменьшить эту дистанцию и повел свои войска вперед, однако по пути подвергся нападению карфагенской конницы. На следующий день Эмилий Павел довел армию до Ауфида и разбил сразу два лагеря — по обоим берегам реки. Ганнибал, в свою очередь, также переправился через Ауфид и остановился на левом берегу, вблизи от большего из двух римских лагерей. Два дня спустя он выстроил свои войска в боевой порядок, предлагая римлянам сразиться. Однако Эмилий Павел, распорядившись в тот день, боя не принял, — к величайшей досаде Варрона, которого выводили из себя беспрестанные наскоки нумидийцев, не дававших

римским солдатам даже спокойно набрать из реки воды (Полибий, III, 112; Тит Ливий, XXII, 45, 1-4).

На следующий день, 2 августа, согласно чередованию фасций, инициативой вновь завладел Варрон. Едва рассвело, он поднял своих солдат, переправился с ними на правый берег, где стоял второй, меньший римский лагерь, и выстроил всю армию единым фронтом лицом к югу. Вместе с ним в подготовке к сражению участвовал и Эмилий Павел, который, как пишет Тит Ливий, хоть и не одобрял действий второго консула, однако отказать ему в помощи не смел. Тем не менее он на всякий случай оставил десять тысяч человек — один легион и такое же по численности соединение союзников — охранять большой лагерь (Полибий, III, 117, 8). Эти люди в конечном итоге и спаслись, «отделавшись» пленом. Но вернемся к Варрону. Он выстроил войска в следующем порядке: на правом фланге помещалась римская конница под командованием Эмилия Павла, один пехотный легион и такой же отряд союзнической пехоты, также подчиненные Эмилию Павлу. На левом фланге командовал лично Варрон, поставивший здесь союзническую конницу, два легиона римских новобранцев и такое же число — десять тысяч человек — союзников-пехотинцев. Центр занимала тяжеловооруженная пехота под командованием Сервилия Гемина и Атилия Регула.

Полибий отмечает (III, 113, 3), что Варрон несколько видоизменил привычный боевой порядок построения пеших воинов, оставив очень узкие промежутки между отдельными тактическими единицами римской пехоты — манипулами. Кроме того, каждая манипула была у него вытянута в длину против обычного. Прекрасный знаток римского военного искусства Г. Брицци предполагает, что в битве при Каннах римские манипулы стояли тремя рядами по 50 человек в каждом

ряду (G. Brizzi, 1984, p. 43). Таким образом, римская пехота представляла собой чрезвычайно плотный массив, настоящий таран, который Ганнибал, как мы увидим, сумел направить в нужное ему русло и использовать всю его мощь к собственной выгоде. Добавим лишь, что вооруженные дротиками велиты, традиционно начинавшие бой, стояли шеренгой впереди римского строя.

Ганнибал дождался, пока Варрон закончит построение своих боевых порядков, и лишь затем переправил на другой берег балеаров и легковооруженную пехоту, которые рассыпались напротив римских велитов, образовав первую линию карфагенской обороны. В коннице Ганнибал имел значительное преимущество, располагая приблизительно 10 тысячами всадников, однако пеших воинов у него было гораздо меньше, всего около 40 тысяч человек. Понимая, что силы неравны, он вместе с тем не мог образовать фронт меньшей протяженности, не рискуя подставить своих людей под окружение. Поэтому ему пришлось вытянуть свой строй на равную с римским ширину, пожертвовав их плотностью и глубиной. Тактический гений помог ему обратить эту явную слабость в мощную силу.

Самой боеспособной тактической единицей он считал африканскую тяжеловооруженную пехоту и именно ее сделал своим главным наступательным элементом. Разделив африканцев — около 10 тысяч человек — на две части, он поставил их справа и слева от центра, оставив в середине широкий промежуток, который выступающей вперед дугой заполнили галльские и испанские пешие воины. В целом это построение напоминало полумесяц, выпуклой стороной обращенный к противнику. Его потенциальную гибкость и намеревался использовать Ганнибал, «подсунув» римлянам в качестве мишени выступ «полумесяца».

Галльские и иберийские отряды, составившие его, стояли вперемешку, являя глазу картину столь же контрастную, сколь и живописную. Голые по пояс галлы сжимали щиты и длинные мечи, которыми они рубили сплеча; иберы, одетые в белоснежные туники с пурпурной полосой, специально отмеченные Титом Ливием (XXII, 46, 6), предпочитали в бою фалькату — кривую саблю, которой они могли рубить и колоть. На флангах расположилась конница. Слева, вдоль речного берега и лицом к лицу с римской кавалерией стояли иберийские и кельтские всадники под командованием Гасдрубала; справа разместились африканцы, в том числе нумидийцы, располагавшие большей свободой маневра, поскольку им не мешала река. По утверждению Полибия (III, 114, 7), ими распоряжался Ганнон, и мы думаем, что прав он, а не Тит Ливий, по мнению которого роль командующего исполнял начальник конницы Магарбал. Младший брат Ганнибала Магон состоял адъютантом при главнокомандующем, который оставил за собой руководство пехотой, поскольку именно здесь, в центре, предстояло выполнить самую сложную часть задуманного им маневра.

Описанию этой знаменитой в истории битвы Полибий посвятил две страницы своего повествования (III, 115-116), написанные с суровой точностью и без дешевых драматических эффектов, зато с ясным пониманием того, насколько умно была спланирована Ганнибалом вся операция и насколько точным и согласованным оказалось ее исполнение, потребовавшее от его помощников, в частности от Гасдрубала, особой проницательности, поскольку исход сражения во многом зависел от их инициативы. Характерно, что во всей обширной «литературе», посвященной анализу Каннской битвы, наиболее серьезные работы рассматривают вопрос о влиянии,

которое оказали сведения древних источников на формирование военной тактики новейших времен, от Возрождения до XIX века включительно (P. Kussmaul, 1978, pp. 249-257). И если оставить в стороне различия в вооружении и признать, что в течение очень долгого времени основные принципы тактического маневрирования крупных боевых соединений на местности оставались неизменными, то уже не придется удивляться, что шедевр Ганнибала оказал столь заметное влияние на формирование военной науки вплоть до Клаузевица и даже дальше (J. Kertesz, 1980, pp. 29-43). Так, один из персонажей романа М. Пруста «В сторону Германтеса» Сен-Лу накануне Первой мировой войны рассуждает об уроках, которые немецкие стратеги извлекли из опыта Ганнибала.

Битва началась, когда иберийская и галльская конница с левого карфагенского фланга ударила по римским всадникам. Последние держались стойко, но в конце концов не выдержали натиска и бежали. К этому времени успели сойтись пешие войска, завязавшие рукопашный бой. Как и предвидел Ганнибал, его иберы и галлы прогнулись под мощным ударом римской пехоты, «стирая» выпуклость своего построения. Римляне же, влекомые силой собственного порыва, продвинулись так далеко вперед, что оказались как раз между отрядами африканской пехоты, стоявшими, как мы помним, по обе стороны от центра, но несколько глубже. Все, что требовалось от африканцев в этой ситуации, — совершить поворот на 90 градусов и обрушиться на оголившиеся римские фланги. Что они и проделали. Одновременно всадники Гасдрубала, смявшие правое крыло римской конницы, обошли вражеское войско с тыла и обрушились на ее левое крыло, до этого момента стойко сопротивлявшееся натиску нумидийцев, но, оказавшись в тисках, дрогнувшее. Расправившись с вражеской конницей,

карфагенские всадники обратили удар на тылы пехоты, и без того запертой в ловушку, образовавшуюся в результате продавливания центра, на чем, собственно, и строил всю тактику сражения Ганнибал, умело подставивший под римский удар самые слабые свои позиции и использовавший преимущество сильных. Победу, таким образом, оплатили своей кровью иберы, но главным образом галлы, потерявшие в этом сражении четыре тысячи человек. Всего же потери пунийской армии составили меньше шести тысяч воинов.

Для римлян битва обернулась сокрушительным поражением. Цифры римских потерь, сообщаемых Полибием (70 тысяч убитых и 10 тысяч пленных) и Титом Ливием (47 тысяч пехотинцев, 2700 всадников, 19 тысяч пленных), как видим, расходятся, но, вероятно, в данном случае ближе к истине римский историк. Его же перу принадлежит холодящее душу описание поля сражения, по которому на следующее утро бродили карфагенские воины, собирая трофеи (XXII, 51, 5-9). Война в те времена велась холодным оружием, если не считать баллист и дротиков, а потому раненые умирали долго и мучительно. Особенные страдания выпали на долю павших от руки нумидийцев, которые в пылу атаки предпочитали орудовать тесаком, подрубая врагам подколенные суставы и мгновенно выводя их из боя. Эти несчастные еще и наутро после битвы продолжали истекать кровью. Страшные потери понесло и высшее римское командование. В бою погибли Гней Сервилий Гемин, консул предыдущего года, и М. Минуций, начальник конницы, в свое время насильно навязанный Фабию Максиму. Остались лежать на поле сражения 29 трибунов, командовавших отдельными войсковыми соединениями, и 80 сенаторов и магистратов в ранге сенаторов, вступивших в армию добровольцами и сражавшихся в общем строю. Сложили

свои головы сотни римских всадников — их золотыми кольцами, снятыми с пальцев убитых, наполнили несколько корзин, которые Магон впоследствии увез в Карфаген. Погиб и Эмилий Павел, раненный в самом начале сражения. Рассказ Тита Ливия о его кончине (XXII, 49, 6-11) исполнен такого внутреннего напряжения и душевного накала, которые делают в наших глазах этого в общем-то посредственного историка настоящим большим писателем. Трибун Гней Лентул, пишет Тит Ливий, увидел истекающего кровью консула и поспешил к нему на помощь, намереваясь усадить его к себе на лошадь, однако Эмилий Павел запретил ему терять драгоценное время на спасение его жизни и приказал самому поскорее выбираться из этого побоища, скакать в Рим и передать сенату, чтобы немедленно приступал к укреплению обороны города. Не желая отстаивать свою невиновность и обвинять в поражении второго консула, он предпочел умереть рядом со своими солдатами. Что касается Варрона, то ему вместе с горсткой бойцов удалось спастись и укрыться в Канузии. От всей гигантской армии остались считанные тысячи растерянных и совершенно деморализованных людей.

Была ли реальной перспектива немедленно после победы идти на Рим? Судя по всему, к вечеру 2 августа 216 года начальник карфагенской конницы Магарбал нисколько в этом не сомневался. Своими соображениями он поделился с главнокомандующим, признавшись, что мечтает уже через четыре дня пировать на Капитолии. Ганнибал на это отвечал, что ему «надо подумать». Тогда-то и произнес Магарбал свою знаменитую фразу, в рублено-лаконичной форме выразившую всю его досаду и знакомую нам в изложении Тита Ливия: «Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой» (XXII, 51, 2). Далее Тит Ливий добавляет, что колебания,

охватившие Ганнибала, бесспорно, спасли город и империю. Он словно предвидел споры будущих историков и заранее соглашался с теми из них, кто считает (см., например, J.-P. Brisson, 1973, pp. 199-200), что судьба мира, наследниками которого мы являемся, висела в тот момент на волоске. Но, как ни прискорбно опровергать героя Эль-Аламейна [77] (см. Bernard Montgomery, 1968, p. 97), полностью солидарного с Магарбалом, приходится напомнить, что обстоятельства, не позволившие Ганнибалу идти на штурм Рима после Тразименской битвы, нисколько не изменились и после победы при Каннах. Да и цель войны, как ее видел карфагенский полководец, лежала для него в совсем иной плоскости. Ведь когда он обращался с речью к пленным римским союзникам, отпуская их на свободу, когда предлагал Риму выкупить из плена своих граждан, он говорил вполне искренне. Он заявлял, что не ведет войны на уничтожение, а сражается за утверждение высокого достоинства (*dignitas*) своей родины, за признание ее гегемонии (*imperium*) (Тит Ливий, XXII 58, 3). Очевидно, Ганнибал ждал, что Рим запросит мира, и тогда ему, победителю, удастся изменить в пользу Карфагена унизительные условия договоров 241 (утрата Сицилии и возмещение крупной контрибуции) и 237 (утрата Сардинии) годов (Cl. Nicolet, 1978, p. 620). Как вскоре убедится читатель, стремясь к достижению этой цели, Ганнибал после Канн развернул на юге Италии активную дипломатическую деятельность, воспользовавшись растерянностью, охватившей населявшие эти области народы после поражения, нанесенного им римлянам. И действительно, от Рима в результате его действий отвернулась часть апулийцев, большинство самнитов, луканцев и жителей Бруттия. Вместе с тем, если поход на Рим не являлся целью Ганнибала, ничто не мешало

ему оставаться его далекой мечтой. Если верить Титу Ливию, карфагенского полководца еще долго, и в 211 году, когда он подошел к самым стенам города, и в 203 году, когда он покидал Бруттий и возвращался в Африку, не покидали сожаления, что он так и не рискнул бросить вызов судьбе [\[78\]](#).

Глава V. Топтание на месте

Если смотреть на поход Ганнибала с точки зрения исторической перспективы — а именно с точки зрения перспективы, хоть и меньшего масштаба, смотрел на него уже Тит Ливий, — то создается впечатление, что энергия стремительного порыва, всего за два года позволившая ему проделать бросок от Нового Карфагена до Канн, трижды сметая на своем пути могущественнейшую армию, к концу лета 216 года иссякла. Может даже показаться, что его отказ идти на Рим нарушил динамику победного движения. Однако рассуждать так значило бы ошибочно оценивать личность Ганнибала, и без того слишком многими воспринимаемую искаженно, через призму его блестящих военных успехов. Между тем карфагенский полководец, как, впрочем, и многие из его соратников, принадлежал к тому разряду государственных деятелей, для которых война, как метко заметил другой государственный деятель, всегда была лишь продолжением политики другими средствами.

Мы помним, что еще в конце 218 года, едва добравшись до долины По, Ганнибал без всякого сопротивления захватил город Кластидий, который сдал ему комендант крепости, некий Дазий, уроженец Бриндизия. Именно здесь, в областях Южной Италии, Ганнибал сумел привлечь к себе наибольшее количество союзников, проводя политику, смысл которой заключался в том, чтобы представить Карфаген сторонником восстановления былой независимости древних греческих областей — Лукании, Бруттия и Кампании, фактически превращая их в карфагенские протектораты. Если б ему удалось оттеснить Рим к северу от Кампании, отрезав его от важнейших портов

на Тирренском море — Путеол и Неаполя, Регия в Мессинском проливе, Брундизия и Тарента на побережье Адриатики, — он существенно облегчил бы себе задачу отвоевания Сицилии. Шестьюдесятью годами раньше Тарент уже пытался бороться с Римом, призвав себе на помощь эпирского царя Пирра. По всей видимости, Ганнибал в подробностях знал историю этой войны, представлявшую для него отнюдь не только теоретический интерес. Известен анекдот о его беседе со Сципионом Африканским в Эфесе в 193 году, когда он был уже изгнанником, анекдот, который наши источники приводят, не скрывая, что он относится скорее к области легенд, чем к истории. Этот анекдот позволяет нам думать, что Ганнибал искренне восхищался Пирром, ставя выше него одного лишь Александра (Тит Ливий, XXXV, 14, 9; Плутарх, «Фламинин», 21, 4). Пирр, утверждал Ганнибал, в совершенстве владел техникой осады городов, в чем карфагенский полководец с ним не только не соперничал, но даже не претендовал на роль его ученика. Но главным его достоинством он считал умение замирать города и народы, в результате чего италийцы зачастую предпочитали покориться ему, чужеземному царю, чем терпеть владычество Рима, с давних пор утвердившего свое господство на этих землях. Повторить этот успех — вот о чем больше всего мечтал карфагенский военачальник. На самом деле, как мы знаем, этот успех оказался эфемерным, потому что, несмотря на несколько побед, одержанных в первые годы, Пирр так и не осуществил планов объединения под своим скипетром греческих городов и варваров, населявших Южную Италию. Однако Ганнибал, действовавший в отличие от этого гениального авантюриста не в личных интересах, мог надеяться достичь большего, чем Пирр — доблестный воин и благородный «кондотьер», но весьма посредственный

политик, как бы ни пытался с этим спорить лучший из его биографов (P. Leveque, 1957, pp. 660–664).

В 280 году, одержав под Гераклеей победу над легионами П. Валерия Левина, Пирр двинулся на Рим. Добравшись до Пренесты, он направил в город своего друга и поверенного Кинея, поручив ему предложить римскому сенату условия мира: в обмен на освобождение солдат, плененных при Гераклее, Рим заключает с Пирром союз, но главное — отказывается от всех территориальных завоеваний последних десятилетий, ущемлявших интересы самнитов, луканцев, рутулов и жителей Бруттия, которые объединяются в конфедерацию южно-италийских земель с центром в Таренте. Разумеется, Рим этих условий принять не мог. Традиция приписывает цензору 312 года, слепому и полупарализованному старику Аппию Клавдию, приказавшему принести себя в сенат на носилках, пламенную речь, которая развеяла последние колебания тех, кто поначалу склонялся принять условия мира.

Вспоминал ли Ганнибал после победы при Каннах об этом давнем посольстве Кинея? Как позже скажет Энний в одном из своих стихов, прекрасно подходящих и к тому, и к другому случаю: «*Qui vincit non est victor nisi victus fatetur* — одержавший победу не победитель, пока победы не признает побежденный» («Анналы», фр. XXXI, 493). Впрочем, ничто не мешало карфагенскому полководцу по примеру Пирра прозондировать в Риме почву. Он держал у себя многие тысячи римских военнопленных, пехотинцев и всадников. Отобрав, из них десять человек, Ганнибал отправил их в Рим с поручением передать сенату предлагаемые карфагенянами условия своего освобождения. Вместе с ними отбыл и полномочный представитель Ганнибала Карталон, получивший особое задание — в случае, если он поймет, что Рим готов идти на уступки, выдвинуть

условия мирного договора (Тит Ливий, XXII, 58, 7). Однако, если верить Титу Ливию, Карталона в сенат даже не пустили. Что же касается освобождения пленных, то по этому вопросу с гневной речью выступил Т. Манлий Торкват, заклеймивший позором тех, кто живым сдается врагу. Итак, Рим отказался выкупать своих военнопленных, оттолкнув руку, протянутую ему Ганнибалом. Вместо этого М. Юний Пера — последний диктатор, наделенный военными полномочиями, — при поддержке своего начальника конницы Тиберия Семпрония Гракха отдал приказ о мобилизации юношей начиная с 17-летнего возраста, а поскольку свободных граждан все равно не хватало, в армию набрали восемь тысяч рабов, выкупленных у владельцев и вооруженных за государственный счет. Было сформировано новое войско, включившее четыре легиона и тысячу всадников, не считая соединений, предоставленных союзниками и латинами. Война продолжалась.

Ганнибал впервые решился разбить свою армию на два корпуса. Один из них он под командованием своего брата Магона направил к югу, где его с нетерпением ждали крайне недовольные Римом оски, луканцы и жители Брутгя. Второй, более важной целью этого похода было покорение прибрежных греческих городов. Затем Магону предстояло отправиться в Карфаген, чтобы предстать с отчетом о проделанной кампании перед Советом старейшин и получить их одобрение на ее продолжение.

В карфагенском сенате

В сопровождении Карталона — того самого «посланника», которого не пожелал принимать после Каннского сражения римский сенат, — Магон прибыл в Карфаген, вероятно, в конце 216 года. В его лице Баркиды впервые возобновили личный контакт с родиной, покинутой многие годы назад. Во всяком случае, после отбытия из Нового Карфагена весной 218 года подобной возможностью они точно не располагали. Вполне возможно, что за два последних года Совет старейшин не раз обсуждал вопросы, связанные с ведением войны, но за все это время они в первый раз смогли выслушать отчет своего полководца, пусть даже представленный не лично, а через брата. Тит Ливий уделяет описанию этого важного события должное внимание и, пользуясь случаем, дает выразительный портрет главного противника клана Баркидов — Ганнона. Страницы, посвященные рассказу об этом заседании, можно смело причислить к лучшим достижениям римской историографии, настолько талантливо воссоздает автор его атмосферу: яркие речи участников, прерываемые язвительными репликами «с мест», их живые и страстные диалоги позволяют нам проникнуться сутью происходящего, пожалуй, лучше, чем любое «объективное» свидетельство.

Магон вначале подчеркнул размеры разгрома, понесенного римлянами, наглядным доказательством которому служили груды золотых колец, снятые с пальцев убитых всадников на поле Каннской битвы, а теперь кучей сваленные возле дверей карфагенской курии, а закончил просьбой о подкреплениях, продовольствии и деньгах для выплаты жалованья

солдатам. Обстановку всеобщего благодушия несколько нарушила провокационная реплика одного из сторонников Баркидов, Гимилькона, который, предчувствуя благоприятный исход заседания, решил немного пощекотать присутствующим нервы. «Послушаем, — выкрикнул он, указывая на Ганнона, — что скажет римский сенатор в сенате Карфагена!» (Тит Ливий, XXIII, 12, 7). Прожженный политик, он понимал, что лучше заранее выслушать все возможные упреки. Ганнон в довольно-таки издевательском тоне отозвался о победах, достигнутых слишком дорогой ценой, а затем задал Магону лобовой вопрос: какой из латинских народов в результате этих побед отвернулся от Рима? Много ли римских граждан, пусть даже не входящих в «городские трибы», присоединилось к Ганнибалу? Магон нехотя признал, что таковых не имеется. Однако эта перепалка ничего в сущности не меняла. Подавляющим большинством голосов сенаторы приняли решение направить в Италию подкрепление в составе четырех тысяч нумидийских всадников, а также 40 слонов, деньги и продовольствие. Отправка обоза, запланированная на лето 215 года, действительно состоялась. Как мы убедимся позже, примерно в это время наварх Бомилькар привел подкрепление и доставил грузы в город Локры, расположенный на побережье Бруттия, где его попытался перехватить, правда, безуспешно, тогдашний претор Сицилии Аппий Клавдий Пульхр (Тит Ливий, XXIII, 41, 10-12). Отметим здесь же, что при относительно низкой плотности населения в «африканской империи» Карфагена в период 216-215 годов эта мобилизация стоила ему немалых усилий. Немного позже, весной 215 года, Карфаген собрал еще одно подкрепление, состоявшее из 12 тысяч пехотинцев, полутора тысяч всадников, больше двух десятков слонов и 60 военных кораблей, которое Магон намеревался привести в Италию, но из-за

серьезного ухудшения положения в Испании вынужден был поспешить именно туда (XXIII, 32, 5-6). Примерно в это же время почти равные по мощи силы Карфаген перебросил и в Сардинию в надежде отвоевать остров у Рима (XXIII, 32, 12). Размах мобилизационных мероприятий свидетельствует о том, что в Карфагене тогда всерьез верили в возможность военной победы над Римом, следовательно, ни в коем случае не считали Ганнибала «кондотьером». Он продолжал оставаться тем, кем был всегда: официально назначенным полководцем, пользующимся законной поддержкой своего правительства.

Капуя

После Каннского сражения Ганнибал двинулся к Кампании, намереваясь захватить портовый город Неаполь. Однако при виде мощных городских укреплений он понял, что без осады городом не овладеть, отказался от этой идеи и направился севернее, к Капуе.

Капую он выбрал не случайно. Основанный этрусками в конце VI века чуть южнее Вультурна, на том месте, где теперь стоит Санта Мария Капуя Ветере, этот город веком позже покорился самнитам, превратившим его в столицу Кампанского государства, а с середины IV века, после бурных событий «Латинской войны», оказался вовлечен в орбиту римского влияния. Можно ли считать, что во второй половине IV века Капуя стала второй, южной «головой» двуглавого Римско-Кампанского государства? Ученые еще не пришли к общему мнению по этому вопросу, главным образом, в силу серьезных сомнений в истинности данного предположения (J. Neurgon, 1969, p. 325). Так, вплоть до мятежа 216–211 годов право чеканить монету принадлежало исключительно Риму. В то же время после 334 года жители Капуи пользовались римским гражданством и могли свободно селиться в Риме, вступать здесь в брак и сколачивать состояния. Государственным языком в Капуе продолжал считаться оскский, сохранялись здесь и такие осколки древней оскско-умбрийской культуры, как собственные органы исполнительной власти, возглавляемые лицом, именовавшимся «*meddix tuticus*», и коллегией его помощников — «*meddices*». Даже после утраты района Фалерно с его виноградниками, аннексированного Римом, Капуя оставалась богатейшим городом. Подобно

греческому Коринфу, она играла в Италии и во всем западном мире роль столицы изобилия и роскоши. Улица Сепласия, на которой продавались благовония, славилась далеко за пределами города, составляя, в сущности, лишь один, хоть и самый душистый, компонент того букета «капуанских наслаждений», о котором мы очень скоро будем иметь повод рассказать подробнее.

Все это Ганнибал прекрасно знал. Но знал он и другое: многие жители Капуи чувствовали острую ностальгию по былой независимости и гордились той особой ролью, которую жители Кампании сыграли в претворении в жизнь экспансионистской политики Рима в Средиземноморье. Народные волнения начались в Капуе сразу после того, как сюда дошла весть о поражении римлян в битве при Тразименском озере. Однако правящая верхушка все еще колебалась. Слишком многие ее представители успели завязать родственные связи с римскими гражданами, к тому же триста юношей из самых знатных капуанских семейств служили в римской армии, в Сицилии, являясь в некотором смысле заложниками (Тит Ливий, XXIII, 4, 8).

Выход из сложного положения нашёлся благодаря политическому чутью местного правителя Пакувия Калавия. Имя этого человека выдает его самнитское происхождение, а вся его личность может служить ярким примером тесной связи, существовавшей между кампанской аристократией и римской знатью. Дело в том, что Пакувий Калавий приходился зятем Ап. Клавдию Пульхру и тестем М. Лавинию Салинатору, консулу 219 года. По хронологическим данным, приводимым Титом Ливием, не доверять которому в данном случае у нас нет никаких оснований, должность главного магистрата Капуи — *meddix tuticus* — Пакувий занимал в год Тразименского сражения. Предчувствуя, что зреет народное возмущение, он исхитрился

протащить на выборах в сенат угодных себе людей, одновременно сумев убедить широкие массы городского населения (Тит Ливий, XXIII, 3), что никто лучше них не сможет защитить общие интересы. Гарантией общественного согласия стал, таким образом, его личный авторитет. После ему оставалось только наблюдать за дальнейшим ходом событий, то есть за постепенным распространением власти Ганнибала на области Южной Италии с тем, чтобы в нужный момент сделать правильный выбор. После битвы при Каннах антиримские настроения заметно усилились. Однако, прежде чем принять окончательное решение и под давлением влиятельных семейств, наиболее тесно связанных с Римом, решили отправить к последнему оставшемуся в живых консулу делегацию. Тит Ливий, откровенно не любивший Варрона, уверяет, что тот выступил перед посланцами Капуи с речью, проникнутой пораженческим духом, тем самым буквально толкая их в объятия Ганнибала (XXIII, 5, 4-14). Якобы консул без обиняков заявил капуанцам, что при том плачевном состоянии, в котором находится римская армия, им следует рассчитывать исключительно на собственные силы, дабы не попасться в руки свирепым нумидийским и мавританским варварам, руководимым безжалостным и беспощадным извергом. Разве не он отдал своим солдатам приказ мостить гать через реку трупами убитых? (Это же обвинение позднее всплывет в рассказе Флора; I, 22; II, 6.) Разве не он приучил их питаться человеческим мясом? (На самом деле о такой вероятности в случае крайней нужды вскользь заметил Ганнибалу один из его подчиненных командиров, Мономах, обсуждая проблему снабжения армии, перед тем как покинуть Испанию; Полибий, IX, 24, 7.) Как видим, Тит Ливий остался верен своему убеждению в бесчеловечной жестокости Ганнибала, которую считал одной из главных черт его морального облика. Тем не

менее примечательно, что «очернение» карфагенского полководца историк «доверил» персонажу, которого сам всей душой презирал [79].

Так или иначе, но из всей речи Варрона посланцы Капуи уяснили одно: Рим признался в своей беспомощности. Те же самые люди, которые слушали консула, от него направились прямо к Ганнибалу и заключили с ним соглашение, гласившее: Капуя будет продолжать жить по своим законам, ее граждане не будут нести никаких воинских повинностей, а кроме того, представители города лично отберут из числа римских военнопленных 300 человек, чтобы обменять их затем на сыновей капуанцев, служащих в Сицилии. В подтверждение серьезности своих намерений Ганнибал направил в Капую гарнизон для охраны города, а вскоре с остальным войском вступил в него и сам. Горожане за редким исключением встретили его появление благосклонно. Так, история сохранила для нас имя некоего Деция Магия, посмевшегося протестовать и изгнанного за пределы города, а также родного сына инициатора сделки Калавия. Этот юноша вознамерился убить Ганнибала под крышей родительского дома, однако отец сумел вырвать у него из рук оружие [80]. Между отцом и сыном разыгралась драматическая сцена, которую Тит Ливий не отказал себе в удовольствии описать (XXIII, 8-9), а Силий Италик выстроил на ее основе целый захватывающий спектакль (XI, 303-368). Ганнибал выступил перед капуанским сенатом, пообещав, что вскоре город станет «столицей всей Италии». И пусть в его словах крылось преувеличение, льстившее самолюбию горожан, цель карфагенян вполне очевидна: они надеялись вытеснить Рим за северные пределы Кампании, фактически установив над югом Италии (а вместе с ним и над Сицилией) свой протекторат.

Два года стремительной войны, в течение которых римлянам приходилось, едва переводя дух, по пятам следовать за Ганнибалом, подходили к концу. В положении обеих противоборствующих сторон наметилась тенденция к стабилизации. Изучение военных операций, проводившихся после осени 216 года, показывает, что римская линия обороны обозначилась к этому времени по течению Вультурна, отделяющего область Фалерна от собственно капуанской территории. «Затвором» служил город Казилин, раскинувшийся по обоим берегам реки, а в наши дни поглощенный разросшейся Капуей. Именно здесь разбил лагерь и разместил свой штаб претор М. Клавдий Марцелл, консул 222 года и победитель инсубров. Ему, исполнявшему тогда обязанности командующего флотом, стоявшим на рейде в Остии, сенат поручил собрать остатки разбитой армии Варрона и принять на себя командование. Одновременно из Рима в направлении Кампании вышел диктатор М. Юний Пера, возглавивший 25-тысячную армию, в которую для увеличения ее численности впервые в истории Рима включили уголовных преступников (Тит Ливий, XXIII, 14, 3).

Оставив в Капуе гарнизон, Ганнибал вновь выступил в поход, захватил город Нуцерию, расположенный на юге Кампании^[81], а затем встал лагерем близ Нолы. На помощь городу поспешил Марцелл, и Ганнибалу пришлось уйти. Тогда он направился к Казилину^[82], завладел по пути Ацеррами^[83], которые сжег и разорил. Карфагенский полководец стремился опередить двигавшуюся из Рима армию М. Юния Перы, о приближении которой он знал. Небольшой, но отважный гарнизон пренестинцев, оборонявший ту часть города, что занимала правый берег Вультурна, оказал Ганнибалу отчаянное сопротивление, однако в конце

концов сдался. К концу зимы пунийцы завладели городом и разместили в нем собственный гарнизон.

Между тем основная часть армии Ганнибала обосновалась на зимних квартирах в Капуе. Впервые за три года карфагенские солдаты спали не на голой земле, а в кроватях, и традиция утверждает, что им было с кем разделить ложе. Ставший знаменитым отрывок из Тита Ливия (XXIII, 18, 10-15) в немалой степени способствовал тому, что во многих умах утвердилась идея, согласно которой пунийская армия погубила в пресловутых капуанских «наслаждениях» не только душу, но и тело. По мнению падуанского историка, нескольких недель, занятых посещением бань, возлияниями и обществом женщин — именно этими тремя критериями определялась в античности классическая «сладкая жизнь», — оказалось достаточно, чтобы мощное орудие войны, выкованное Ганнибалом, пришло в полную негодность. Известна приводимая Титом Ливием знаменитая фраза Марцелла, которую вслед за ним повторили и другие (Тит Ливий, XXIII 45, 4; Флор, I, 22, 21): «Капуя стала для Ганнибала его Каннами». Но если согласиться с этим утверждением, то совершенно невозможно понять, как же с таким «негодным орудием» Ганнибал еще больше десяти лет удерживал в своих руках Южную Италию, противостоя превосходящим силам Рима? На самом деле приписываемое Марцеллу высказывание скорее всего преследовало цель «психологического воздействия». Надо было во что бы то ни стало внушить римским воинам, что карфагенские солдаты, вкусив в Капуе от всех удовольствий жизни и поддавшись столь понятным человеческим слабостям, утратили волю к победе.

Великие надежды 215 года

Арена столкновения, как известно, не ограничивалась рамками Италии. Не менее важной ставкой в начавшейся игре с самого ее начала стала и Испания, куда, как мы помним, отправились воевать против Гасдрубала Публий и Гней Сципионы. Их борьба шла с переменным успехом вплоть до 210 года, когда здесь появился будущий Публий Африканский, сумевший, как мы вскоре убедимся, резко переломить ход событий. Пока же наступление 215 года знаменовало собой разрастание конфликта вширь. Одна за другой в войну вступили Сардиния и Сицилия. Дополнительный штрих в развитие процесса противостояния внесло заключенное весной 215 года соглашение между Ганнибалом и царем Македонии Филиппом V. В целом этот год, прошедший для пунийской армии под знаком больших надежд, но не лишенный и неудач, открывал собой новую страницу в истории войны. Карфагеняне вступали в полосу неуверенности и сомнений, когда цели все еще казались достижимыми, но когда само время начало работать против них.

В конце 216 года в Риме состоялись выборы консулов на следующий год. На сей раз были выбраны Тиберий Семпроний Гракх и патриций Л. Постумий Альбин. Последний, однако, так и не успел приступить к исполнению своих обязанностей, потому что в конце зимы погиб во время сражения с бойями близ Модены. Как мы видим, галльские союзники Ганнибала успешно пользовались тем, что карфагеняне отвлекли основные силы римлян на юге Италии. В результате Риму пришлось уйти из недавно основанных колоний в Плаценции и Кремоне, а кроме того, назначить выборы

нового консула взамен погибшего Постумия Альбина. Все взоры обратились к Клавдию Марцеллу, прославившемуся за несколько месяцев до этого успехом, достигнутым в Ноле. Действительно, он был избран единогласно, однако вступить в должность так и не смог из-за неожиданного осложнения — в тот момент, когда он заступал на свой высокий пост, якобы раздался раскат грома. На самом деле его «провалили» сенаторы, не желавшие видеть консулами двух плебеев одновременно. И Марцеллу пришлось уступить место старику Кв. Фабию Максиму, ставшему консулом уже в третий раз, а самому удовольствоваться должностью проконсула. Фабий принял командование войском у диктатора М. Юния Перы, стоявшего в Теане, а Марцелл отправился в Свессулу, где квартировало войско, оборонявшее Нолу. Таким образом, Кампания оказалась надежно заперта и с севера, и с юга.

Ганнибал, расположившийся на горе Тифата (ныне Монте Верджине, к северу от Авеллино) и контролировавший отсюда Капую и прилегающие к ней районы, одного из своих помощников — Гимилькона — отправил в Бруттий (современная Калабрия) с заданием довести до конца покорение этой области. Для облегчения связей с Карфагеном через море и планируемого проникновения в Сицилию ему необходимо было чувствовать себя в Бруттии свободно. На овладение Петелией у Гимилькона ушло несколько месяцев ^[84], зато затем он достаточно быстро захватил Консенцию (ныне Козенца). Вслед за ней сдались греческий город Кротон, осажденный союзным пунийцам войском бруттиев, а также порт Локры. Как сообщает Тит Ливий (XXIII, 30, 9), до конца сохранил верность Риму только Регий (ныне Реджо-ди-Калабрия). Своевременность действий пунийской армии на

побережье Бруттия, обеспечивших ей выход к морю, очень скоро проявилась со всей очевидностью.

К концу III века Рим только начал утверждаться на восточных окраинах Италии. Походы против иллирийцев, сопровождавшиеся установлением своего рода протектората над всей прибрежной полосой Адриатического моря, островами Исса и Коркира, расположенными ближе к Далматии, эпирскими городами Эпидамн и Аполлония (ныне территория Албании), состоялись не раньше 229 года. В 219 году один из царей, чьи владения подпали под римское влияние, Деметрий Фаросский, задумал свергнуть римское владычество, и Риму пришлось послать на борьбу с ним обоих консулов — Эмилия Павла и М. Ливия Салинатора. Деметрий бежал в Македонию, где его принял молодой царь Филипп V. Весть о разгроме римской армии в битве при Тразименском озере застала их в Немее, что в Арголиде (Полибий, V, 101, 6-7). Спешно завершив войну, которую он вел с этолийцами, заключением Навпактского мира, Филипп попытался повторить затею Пирра, надеясь воспользоваться ослаблением Рима и по меньшей мере захватить Иллирию. После Канн он уже твердо решил вступить в союз с Ганнибалом. Весной или в начале лета 215 года на побережье Бруттия, близ мыса Лациний, высадилось македонское посольство, возглавляемое Ксенофаном. Не без приключений гонцы Филиппа добрались до Кампании, а на обратном пути и вовсе попали в плен, однако заключить соглашение с Ганнибалом все-таки успели.

Полибий (VII, 9), проявлявший гораздо больше интереса к текстам договоров и прочим документам дипломатического характера, чем Тит Ливий, воспроизвел один из них, очевидно, найденный в римских архивах. Скорее всего, добыл этот документ претор М. Валерий Флакк, командовавший римским

флотом, патрулировавшим побережье Калабрии. При внимательном изучении текста ученые обнаружили, что помимо непривычных для Полибия греческих оборотов в нем встречаются формулировки, гораздо более характерные для финикийских дипломатов, чем для классических греков. Следовательно, можно с большой долей вероятности допустить, что Полибий переписал пунийскую часть подлинного договора между Ганнибалом и Филиппом. Документ действительно чрезвычайно интересен, и неудивительно, что специалисты уделили ему повышенное внимание (E. J. Bickerman, 1944 et 1952; A. H. Chroust, 1974). Традиционную клятву, освящающую договор, приносит от лица главнокомандующего лично Ганнибал, однако в тексте фигурируют также имена карфагенских сенаторов («геронтов»), в том числе неких Магона, Миркана и Бармокара, предположительно, членов Совета Ста Четырех (A. H. Chroust, 1974, p. 284). Впрочем, не исключено, что эти люди представляли одну из «комиссий» или «советов узкого состава», наделенных правом исполнительной власти, которые существовали в Карфагене (M. Sznycer, 1978, pp. 579–580; M. H. Fantar, 1993, I, pp. 242–246). Как бы там ни было и какие бы функции ни исполняли эти правительственные чиновники при Ганнибале — входили ли они в состав его штаба постоянно или прибыли из Карфагена специально для ведения переговоров с Филиппом, — это не меняет существа дела и решительно опровергает миф о том, что Ганнибал вел войну с Римом на свой страх и риск. Тем более что, произнося клятву, скрепляющую договор, он перечислил божеств не своего фамильного, а официального карфагенского пантеона (S. Lancel, 1992, pp. 228–229). Вопреки тому, что утверждает Тит Ливий (XXIII, 33, 11) в своем не слишком убедительно написанном заключении, текст договора, дошедший до

нас благодаря Полибию, ясно свидетельствует о том, что цели, которые преследовал Ганнибал, воюя с Римом (даже с учетом того, что в договоре они сознательно затуманены в том, что касается выгод карфагенской стороны в случае победы), подразумевали его сохранение в качестве независимого государства, следовательно, исключали возможность его уничтожения. Единственная конкретная территориальная привязка, фигурирующая в документе, вообще не имела отношения к Италии. Речь идет о пункте, в котором Филипп получил гарантию того, что при окончательном урегулировании территориальных вопросов Рим откажется в его пользу от иллирийского побережья — предмета вожделений как самого Филиппа, так и Деметрия Фаросского (Полибий, VII, 9, 13-14). Этой же статьей предусматривалось, что Карфаген не «пустит» царя Македонии на италийские земли. Что касается конкретной военной помощи, то вопреки выводам, к которым приходит Тит Ливий (XXIII, 33, 10, 12), этот вопрос так и не получил сколько-нибудь четких определений. И действительно, разве Филипп помог Карфагену в 202 году, когда разыгралась решающая битва при Заме? Тит Ливий, правда, утверждает, что помог (XXX, 26, 3; 33, 5), однако Полибий не упоминает об этом ни словом, и историки больше доверяют его молчанию, чем уверениям Тита Ливия [\[85\]](#).

И в Сицилии судьба, казалось, благоволила Ганнибалу. Под сильнейшим впечатлением разгрома, пережитого римлянами при Каннах, Гелон, старший сын царя Гиерона, судя по всему, уже готов был отказаться от альянса с Римом, поддерживаемого его отцом на протяжении полувека, когда он вдруг внезапно и при невыясненных обстоятельствах скончался. Вскоре умер и старый царь, которому исполнилось 90 лет, завещав

престол внуку Гиерониму, тогда 15-летнему подростку. Под давлением своего окружения Гиероним отправил к Ганнибалу послов, которые удостоились самого радушного и почтительного приема. Обрато в Сицилию послы отправились уже в сопровождении одного из молодых командиров карфагенской армии, которого, как и главнокомандующего, звали Ганнибалом, а также двух карфагенян родом из Сиракуз — Гиппократа и Эпикида. Стороны составили проект договора, который Гиероним отослал с гонцами в Карфаген, чтобы официально ратифицировать. Первоначально он требовал для себя — в случае победы над Римом — восточную половину Сицилии до реки Гимеры (ныне Сальсо), берущей начало в «центральном массиве» острова, на высокогорье Генна, который Цицерон впоследствии назовет «пупом Сицилии». Но затем, наслушавшись льстивых речей царедворцев, без конца превозносивших древность его происхождения, — он с материнской стороны приходился внуком Пирру, — Гиероним решил, что ему следует получить во владение весь остров целиком (Тит Ливий, XXIV, 6, 7; Полибий, VII, 4, 1-2). Карфагеняне не стали с ним спорить, разумно рассудив, что главное — оторвать Сицилию от Рима. Но юному безумцу не сиделось на месте. Стремясь как можно скорее начать воевать с Римом, он отправился в Леонтины, где в результате заговора был убит. В наступившей сумятице Сиракузам, казалось, оставалось одно — поддерживать союз с пунийцами (P. Marchetti, 1972, pp. 6-11).

Но вот в Сардинии надеждам Ганнибала довольно скоро наступил конец. От правителя острова Гампсихора, человека пунийского происхождения, в Карфаген весной 215 года прибыло тайное посольство — результат трудов карфагенского сенатора Ганнона, жившего в Сардинии (Тит Ливий, XXIII 32, 10; 41, 1-2). Как сообщили послы, население острова, задавленное

налогами и натуральной данью, было готово подняться против римского владычества, которое оно терпело с 238 года. Отличным поводом для начала восстания казалось назначение в Сардинию нового претора, мало знакомого с местной обстановкой. Однако, строя эти планы, никто из договаривавшихся еще не знал, что вместо тяжело заболевшего Кв. Муция Сцевола назначение на остров получит Т. Манлий Торкват, опытный полководец, 20 лет назад лично принимавший участие в покорении Сардинии, к тому же человек жестких принципов: это именно он выступил в сенате против выкупа военнопленных после Каннской битвы. Карфаген отправил к берегам Сардинии экспедиционный корпус под командованием Гасдрубала Лысого, но возле Балеарских островов корабли попали в шторм и не смогли вовремя добраться до места назначения. Первое же сражение, в котором жители острова попытались одолеть римлян без помощи Карфагена, закончилось для них поражением. Когда Гасдрубал наконец добрался до Сардинии, он соединился с войском Гампсихора, стоявшим близ Карал (ныне Кальяри), неподалеку от лагеря Манлия. Разыгралась еще одна битва, но и она обернулась для карфагенян и сардинцев сокрушительной неудачей. Спасаясь от преследования, остатки разбитого войска укрылись на западном побережье острова, в местечке Корн (ныне Санта-Катерина-ди-Питтинури), но Манлий настиг их и здесь. Ему удалось также захватить в плен Гасдрубала и Ганнона. После этого Т. Манлий Торкват мог возвращаться в Рим и доложить сенату, что порядок в Сардинии, уже покоренной им в 235 году, он снова навел.

Между Капуей и Тарентом (осень 215 года-осень 214 года)

К концу лета 215 года Ганнибал предпринял еще одну попытку завладеть Нолой. Пополнением в виде воинов и слонов, незадолго до того доставленных Бомилькаром к побережью Бруттия, командовал Ганнон. Однако все старания карфагенского полководца склонить на свою сторону местную знать оказались тщетными, а Марцелл так яростно защищал город, что Ганнибалу пришлось отказаться от своего намерения (Тит Ливий, XXIII, 43–46). Ганнон со своим войском вернулся в Бруттий, а Ганнибал отправился устраиваться на зимние квартиры в Апулию, в местечко, расположенное чуть в стороне от Арп, близ Фоджии, на полуострове Гарган: ему явно нравились эти края, и мы увидим, что в дальнейшем он будет возвращаться сюда не раз.

В Риме, на Марсовом поле, прошли выборы консулов на 214 год, больше похожие на театральное представление. На правах старшего из двух слагающих свои полномочия консулов председательствовал на них Кв. Фабий Максим.

Согласно обычаю, который человеку наших дней, особенно тому, кто успел «подзабыть» цензовый характер римских властных учреждений, отражавших сущность всего римского общества, построенного на строгом разграничении отдельных классов, кажется довольно странным: первыми к избирательным урнам приглашались представители «первого класса», то есть центурия всадников и наиболее зажиточных из пеших воинов. Если им удавалось заранее сговориться между собой, можно было считать результат выборов predetermined еще до того, как к урнам придут

остальные центурии. Еще больше способна удивить нашего современника следующая особенность римских выборов: жеребьевкой избиралась одна из центурий, которая участвовала в «предварительном» голосовании, причем ее выбор считался предзнаменованием, а к предзнаменованиям в Древнем Риме относились с большой серьезностью. В тот декабрьский день 215 года волей жребия право на «предварительное» голосование получила центурия «юниоров», то есть подлежащих мобилизации граждан в возрасте до 46 лет, одной из сельских «триб» (в данном случае одного из округов), а именно расположенной к востоку от Рима сельской области Аниен (Тит Ливий, XXIV, 7, 12). «Юниоры» называли своих кандидатов на пост консула — Т. Отацилия Красса и М. Эмилия Регилла.

И тут неожиданно для многих взял слово Фабий, недовольный «предварительным» выбором голосовавших. Кандидатуру Эмилия Регула он отменил с легкостью, напомнив присутствующим, что тот носит сан фламينا ^[86] Квирина, а потому не сможет надолго отлучаться из Рима без ущерба для исполнения религиозной службы. Зато Титу Отацилию досталось от старого Фабия по полной программе, хоть тот и приходился ему племянником со стороны жены. Подобная ноша, заявил Фабий, слишком тяжела для человека, который, будучи претором в 217 году и возглавляя римский флот, не сумел обеспечить безопасность италийских побережий. Но главный смысл речи Фабия, судя по всему, весьма сочувственно воспринятой Титом Ливием, в том, что касалось организации руководства армией, сводился к открытой критике системы, благодаря которой римляне постоянно оказывались в крайне невыгодном по отношению к врагу положении. Действительно, Ганнибал мог строить свою стратегию на долгие годы

вперед, зная, что его никто не сместит, тогда как римские главнокомандующие едва успевали завершить подготовку той или иной кампании, как им приходилось уступать свое место следующему консулу. Все прекрасно поняли, что хотел сказать своей речью Кв. Фабий Максим. Фактически он в четвертый раз — не считая диктатуры 217 года — предлагал свою кандидатуру на службу Республике. И «юниоры» из Аниена, призванные на повторный тур голосования, сделали то, чего от них и ждали. Вторым консулом — в третий раз в своей карьере — был избран М. Клавдий Марцелл.

Начало политических и экономических преобразований в Риме

У нас не должно возникать никаких заблуждений относительно подоплеки этого голосования. За выборщиками из Аниена совершенно явно стоял сенат, точнее, преобладавшая тогда в сенате партия «аграриев-консерваторов», которую возглавляли Фабии. (Не случайно родной сын «Медлителя» стал одним из консулов в следующем, 213 году.) К этой партии примыкали также и многие выдающиеся представители сословия плебеев, например М. Клавдий Марцелл или Кв. Фульвий Флакк, городской претор 214 года, избранный затем консулом 212 года. Преимущественное возвышение одного клана за счет остальных, рассматриваемое как залог преемственности в руководстве армией в период с 215 по 208 год (дата гибели Марцелла в Апулии), не обошлось без применения довольно суровых мер, например, высылки в «провинцию» деятелей, принадлежавших к другим группировкам. Благодаря этой политике П. Корнелий Сципион смог оставаться на должности испанского проконсула в течение шести лет подряд, до самой своей кончины в 211 году, и все это время он с помощью брата Гнея выстраивал стратегию своих действий с последовательностью, обеспечившей решающие успехи его сына, будущего Публия Африканского, достигнутые в Новом Карфагене в 210 году. Таким образом, выборы 214 года знаменовали собой настоящий переворот, произошедший в традиционном понимании сущности исполнительной власти и военной стратегии.

214 год во многих отношениях стал поворотным в истории Второй Пунической войны. Именно с этим годом связано если и не полное завершение, то во всяком случае широкое начало денежной реформы, демонстрирующей на экономическом уровне те перемены, на которые вынужден был пойти Рим под давлением обстоятельств. Как известно, устойчивость денежной единицы является чрезвычайно чутким барометром, регистрирующим не только экономические трудности, но и политическую слабость государства. Так, осенью 217 года, после разгрома на Тразименском озере, обстановка в Центральной Италии дестабилизировалась, и тогда же была осуществлена беспрецедентная по масштабам эмиссия золотой монеты («золотого статера»), свидетельствующая не об устойчивости римской экономики, а напротив, об утрате доверия к ней со стороны латинов-союзников и о снижении ее покупательной способности на внутреннем рынке. В какой-то степени эмиссия представляла собой последнюю отчаянную попытку поправить пошатнувшиеся позиции древнеримской валюты. Другим, еще более ярким доказательством плачевного состояния римской казны, обусловленного многократно возросшими расходами, с одной стороны, и усложнением добычи драгоценных металлов — с другой, стали стремительная девальвация самой ходовой тогдашней монеты — бронзового асса и поспешно начатое реформирование всей денежной системы.

По всей вероятности, именно в 217 году бронзовый асс, изначально весивший ровно один фунт (в Древнем Риме фунт равнялся 300 с небольшим граммам), обесценился до половины, а вслед за тем и до трети фунта. В 214 году асс весил уже лишь одну шестую долю фунта; нынешним нумизматам эта монета известна под названием «асса-секстанта». Естественно,

столь резкое падение денежной единицы требовало серьезного изменения всей денежной системы. Первым шагом на этом пути стал выпуск в обращение новой серебряной монеты, заменившей прежнюю «квадригу», в свою очередь успевшую обесцениться. Около сорока лет назад при раскопках Моргантины (сьерра Орландо, центральная область Сицилии) американские специалисты обнаружили монетный клад, в который входили и динарии. Но святилище Деметры и Кору, в котором хранилась находка, подверглось разрушению солдатами Марцелла в промежутке между 214 и 211 годами, значит, монеты появились на свет не позже этого срока. Отныне серебряному динарию с изображением на аверсе украшенного шлемом профиля богини Ромы суждено было на долгих четыре века стать символом устойчивости и постоянства римской валюты, правда, дважды пережившей девальвацию. Первая, очевидно, имела место вскоре после выпуска динария в обращение, около 209 года, когда асс «похудел» еще ровно в половину и превратился в «унциальный асс», а за динарий, падавший медленнее, но все-таки падавший, давали не десять, а шестнадцать новых ассов. Поспешные преобразования системы денежного обращения, проводившиеся в эти решающие годы, красноречиво свидетельствуют о сложном положении, в котором оказалась римская казна, вынужденная изыскивать огромные средства на содержание армии. Отсюда и массовая монетная эмиссия. Добавим лишь, что и девальвацию, и денежные реформы следует рассматривать в контексте всего Средиземноморского региона. Современными исследователями доказано, что обесценение асса в шесть раз, послужившее толчком к созданию динария, не осталось чисто римским явлением. Аналогичные меры принимали в те же годы правители Египта, Этрурии и, возможно, Сиракуз (Cl. Nicolet, 1963, pp. 432-436). И нам приходится допустить,

что уже тогда фактически существовал некий международный курс стоимости ценных металлов, учитывавший и соотношение стоимости бронзы и серебра. Разумеется, римская денежная единица не могла не испытывать на себе влияния этого курса.

Помимо активной монетаристской политики Римское государство нашло выход из кризисного состояния экономики в применении и других крайних финансовых мер. Обычного налога, который платили граждане, свободные от мобилизации, на возросшие военные расходы явно не хватало, и в начале 215 года сенат вынес решение удвоить размер подати (Тит Ливий, XXIII, 31, 1). Но и этого оказалось мало. Годом раньше, то есть вскоре после Каннского сражения и незадолго до смерти царя Сиракуз старика Гиерона, Риму удалось договориться с ним о денежном и хлебном займе, который принял Тит Отацилий, тогда командовавший сицилийским флотом и носивший звание пропретора [87] (XXIII, 21, 5). Одновременно в Риме, как сообщает Тит Ливий (XXIII, 21, 6), для борьбы с дефицитом денежной массы — *penuria argenti* — создали нечто вроде государственного банка под управлением триумвирата, назначенного из наиболее знатных людей. В их число, в частности, вошел один представитель рода Эмилиев и один — Атилиев. Завершив летнюю кампанию 215 года в Испании, которая принесла немалый успех, но поглотила огромные средства, Публий и Гней Сципионы обратились к сенату с просьбой о новых субсидиях. При тогдашнем состоянии государственной казны решить эту проблему казалось невозможно, и тогда сенаторы призвали на помощь откупщиков. В обмен на обещание дополнительной «страховой премии» последние согласились предоставить государству долгосрочный кредит (Тит Ливий, XXIII, 48–49). В 214 году затруднения возникли и у Тита Отацилия, который, несмотря на

критику Фабия, продолжал оставаться командующим сицилийским флотом. Кораблям его эскадры катастрофически не хватало простых матросов. Сенат издал закон, дающий право консулам облагать наиболее богатых римских граждан особым прогрессивным налогом в пользу морского флота. Каждый сенатор обязался лично содержать в течение года до восьми матросов. Тит Ливий отметил в этой связи (XXIV, 11, 9), что римский флот, впервые оснащаемый за счет частных лиц, стал в чем-то напоминать афинскую морскую «литургию» [88]. Но как и душевая подать — *tributum*, эти принудительные поборы не могли решить всех проблем. В этом убеждает пример одного из консулов 210 года, М. Валерия Левина, четыре года спустя столкнувшегося с резким возмущением налогоплательщиков и вынужденного бросить клич о помощи гражданам из высших кругов. Первыми на него откликнулись сенаторы, но вскоре за ними последовали и всадники, и даже наиболее зажиточные плебеи, дружно сдавшие в «государственный банк», руководимый триумвирами, золото, драгоценности, серебряные и бронзовые деньги. В обмен им выдавали нечто вроде долгосрочных векселей (Тит Ливий, XXVI, 36). В новейшей истории почти всех народов хорошо известны аналогичные ситуации, когда в минуту национальной опасности граждане, движимые чувством патриотизма, сдавали в пользу государства личные накопления, получая взамен всякого рода «расписки» или «боны», зачастую под более чем сомнительные гарантии. Что касается добровольных вкладчиков 210 года, то третий транш причитавшейся им компенсации вернулся к ним лишь в 200 году — в виде земель, отчужденных в их пользу у государства (Тит Ливий, XXXI, 13, 9).

Но вернемся к 214 году. Упомянутые нами чрезвычайные меры и нештучные жертвы, на которые пошел Рим, неопровержимо свидетельствуют о том, что продолжение войны стоило ему огромных усилий. По решению сената под боевые знамена встали 18 легионов, то есть более ста тысяч человек, не считая союзных войск. Имелся и морской флот в составе ста пятидесяти боевых судов. Остается лишь добавить, что, приводя эти цифры, Тит Ливий (XXIV, 11, 2-5) не включил в них сухопутные и морские военные силы, переброшенные в Испанию! Так, в 211 ^[89] году, отправляясь в Испанию после смерти своего отца и дяди, Сципион Африканский увозил с собой, по свидетельству Полибия (X, 19, 1), кругленькую сумму в 400 талантов, что равнялось тогда 1 800 000 динариям или двухгодичной сумме жалованья для всего его войска. Современные ученые предполагают, что ежегодное содержание одного легиона обходилось в 250 тысяч динариев (P. Marchetti, 1971). Возможно, читателю будет легче представить себе всю тяжесть финансового бремени, лежавшего тогда на римлянах, если мы напомним ему, что в 214 году за динарий давали десять ассов и за эти деньги можно было на целый день нанять «бригаду» рабочих.

Ганнибал, зимовавший в Арпах, в Апулии, через капуанцев узнал о масштабах римской мобилизации и весной 214 года вернулся в свой старый лагерь на горе Тифата, расположенный чуть выше Капуи. Затем он спустился на территорию Кампании, разорив по пути город Кумы и попытавшись, правда, безуспешно, взять штурмом хорошо охраняемые города Путеолы (ныне Поццуоли) и Неаполь. На берегу Авернского озера, где он остановился, чтобы принести жертвы богам, к нему проводили делегацию молодых аристократов из Тарента. Эти юноши, питая к карфагенскому

полководцу искреннюю благодарность за то, что он освободил их из плена — одних после Тразименской битвы, других после Канн, — взяли на себя добровольную обязанность вести среди соотечественников «пропаганду» в пользу Карфагена. Ганнибала чрезвычайно привлекла перспектива завладеть Тарентом с помощью этой «пятой колонны», тем более что ни одной удачной операции в Кампании он до сих пор не провел. Он уже потерял надежду взять Нолу, которая под руководством Марцелла стояла насмерть, и даже Казилин, расположенный на реке Вультурн, ему под натиском обеих консульских армий пришлось оставить.

Карфагенское войско двинулось к Таренту, повинувшись приказу главнокомандующего и не бесчинствуя во встречавшихся по пути селениях. Однако, приблизившись к городу, Ганнибал убедился, что никто его здесь не ждет; мало того, М. Валерий Левин, командовавший флотом, сосредоточенным у побережья Бринд, успел подготовить город к обороне. Стояла уже осень, следовало думать, куда отправиться на зиму. Как и годом раньше, Ганнибал вернулся в Апулию — этот край явно пользовался его предпочтением.

На сей раз он остановил свой выбор на городке Салапия, расположенном неподалеку от побережья, примерно посередине между Арпами и Каннами, справедливо рассудив, что ужасные воспоминания о событиях 216 года вряд ли поманят римлян сунуться сюда еще раз. Впоследствии молва, дошедшая и до нас благодаря Плинию Старшему («Естественная история», III, 103), приписала Ганнибалу якобы завязавшуюся здесь связь с местной проституткой, память о которой и три века спустя наполняла обитателей маленького апулийского городка чувством законной гордости. Вероятно, они показывали туристам дом, где протекала

эта любовь, длившаяся всего одну зиму! Удивительно в этой истории, пожалуй, лишь то, что она — единственная в своем роде, однако у нас имеется свидетельство Юстина (XXXII, 4, 11), компетентно утверждающего, что Ганнибал никогда не интересовался женщинами и с уважением относился к пленницам, смело опровергая расхожие мифы об «африканских страстях». И хотя со своей законной супругой Имилькой он распрощался давным-давно, еще на гадитанских берегах, в дальнейших «деяниях» Ганнибала мы не найдем даже тени женского силуэта...

Осада Сиракуз: Архимед против Марцелла (214-212 годы)

После смерти Гиеронима положение в Сиракузах долгое время оставалось неясным, пока двум ставленникам Ганнибала — Гиппократу и Эпикиду — не удалось в результате довольно бурных выборов возглавить главную магистратуру (Тит Ливий, XXIV, 27, 3). Шла весна 214 года. В Лилибее, на западной оконечности Сицилии, римским войском и эскадрой из 100 крупных судов («пантер») командовал тогда претор Аппий Клавдий Пульхр, которому и выпало на долю разбираться с бывшим союзником. У Тита Ливия ясно прослеживается тенденция к занижению роли последнего и, наоборот, излишнему выпячиванию роли Марцелла. Так, он неверно указывает (XXIV, 21, 1), что Марцелл высадился на острове в первые месяцы 214 года, тогда как в другом месте сообщает, что в это же время он оборонял от Ганнибала Нолу, помогал Фабию осадить и взять Казилин, наконец, задержался в Номе из-за болезни. Следовательно, Марцелл никак не мог появиться в Сицилии раньше начала осени (P. Marchetti, 1972, p. 19). Очевидно, блеск личности этого человека совершенно затмил в глазах падуанского историка остальных действующих лиц, принимавших участие в событиях, и нам, если мы хотим воздать каждому по заслугам, придется ограничиться скудными сведениями, почерпнутыми у Полибия (VIII, 3-7).

Оба римских командующих решили распределить свои силы следующим образом. Аппию Клавдию предстояло повести наступление по суше, подобравшись к мощной крепостной стене, окружавшей «большие Сиракузы» вместе с широкими пространствами предместий, именуемых Эпиполы.

Марцелл намеревался одновременно напасть с моря на нижнюю часть города — Ахрадину, глядевшую прямо на остров Ортигию и имевшую собственные укрепления, омываемые морскими волнами. Незадолго до этого римляне почти без сопротивления завладели Леонтинами, а потому не сомневались, что и с Сиракузами расправятся с легкостью. Однако в своих расчетах они не учли двух важных обстоятельств: во-первых, город действительно обладал хорошими оборонительными сооружениями, а во-вторых, здесь жил великий Архимед. Величайший геометр всех времен и народов, близкий друг и, возможно, родственник царя Гиерона, Архимед не побрезговал заняться инженерным ремеслом и взял в свои руки всю техническую сторону обороны города. Он довел до совершенства боевые машины, которыми Сиракузы славились в античном мире, начиная с эпохи тирана Дионисия, то есть с начала IV века.

В «радушии» приема, который оказали ему обитатели Сиракуз, Марцелл убедился очень скоро. Воинов римского консула, пытавшихся проникнуть за крепостные стены с башен, сооруженных на палубе скрепленных попарно кораблей, в то время как со спины их прикрывали другие, обстреливая затаившихся в куртинах цитадели защитников города тучами дротиков, встретил весь заготовленный Архимедом оборонительный арсенал. Баллисты и катапульты разного калибра не давали кораблям противника приблизиться к стенам крепости. В числе прочих изобретений выделялась гигантская «рогатка», стрелявшая «камушками» весом по 350 килограммов. Несколько таких глыбин хватило, чтобы расколотить в щепки римскую «самбуку» — нечто вроде высокой прочной лестницы, которую Марцелл велел соорудить на палубе сразу восьми плотно пригнанных друг к другу кораблей, намереваясь с ее помощью взобраться на

стену цитадели (Плутарх, «Марцелл», 15). В самой стене защитники города по приказу Архимеда пробили отверстия на высоте человеческого роста, и из этих амбразур лучники вели прицельный обстрел римских солдат, находившихся на палубе своих кораблей. Полибий, как мы уже упоминали, прекрасно разбиравшийся в технике осады, проявил особый интерес ко всей этой механике и оставил нам подробное описание одной из самых хитрых «штук», придуманных гениальным сиракузцем. С внутренней стороны крепости, возле самых ее стен, Архимед построил несколько приспособлений, напоминающих подъемные краны: как только какой-нибудь из римских кораблей приближался к стене, сверху на него падал одним своим концом такой вот «кран», увенчанный «железной рукой», которая захватывала в тиски носовую часть судна. После этого к другому концу «крана» с помощью лебедки быстро поднимали тяжелый противовес. Теперь оставалось только отпустить лебедку, и корабль немедленно задирался носом кверху. Если он и не шел ко дну сразу, его экипажу это служило слабым утешением. Если верить Полибию, Марцелл проявил поразительную стойкость духа, сумев отнестись к постигшей его неудаче с юмором. Мы, со своей стороны, добавим последнюю подробность, заслуживающую, на наш взгляд, внимания читателя. Словно следуя известной поговорке — богатому дастся, у бедного отнимется, — позднейшая традиция приписала все тому же Архимеду еще одно оригинальное изобретение: установку на самых высоких точках города системы параболических зеркал, способных улавливать солнечные лучи и поджигать прямо в море римские корабли. Возможно, что это всего лишь легенда, однако признаемся, что в отношении к человеку, чей гений сумел изобрести такие вещи, как

сфероид, поворотный конус и цилиндр, в ней нет ничего невероятного.

Не намного удачнее действовал и Аппий Клавдий, пытавшийся взять Сиракузы с суши. Главные городские ворота располагались с северной стороны, в районе Гексапилона, защищенные мощной крепостью. Аппий Клавдий начал осаду Сиракуз, зная, что со стороны моря город прочно заблокирован римским флотом. Карфагенская эскадра под командованием Гимилькона, стоявшая возле мыса Пахин, на южной оконечности острова, из-за своей малочисленности ничем жителям Сиракуз помочь не могла. Вскоре Аппий Клавдий принял под свое командование также и флот, освободив Марцелла, который с частью войска двинулся на захват городов, примкнувших к карфагенянам: Гелора, Гербеза и Мегары Гиблейской. В этой роли он оставался до конца 213 года, когда покинул Сицилию и уехал в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру на должность консула. К своему великому разочарованию римляне воочию убедились, что население Сицилии, лишь недавно присоединенной к Риму, не испытывало по отношению к ним верноподданнических чувств. Между тем Ганнибал направил в карфагенский сенат письмо, убедив свое правительство, что настал момент для отвоевания острова. На южном побережье Сицилии, в Малой Гераклее, вскоре высадился посланный из Карфагена крупный экспедиционный корпус в составе 25 тысяч пеших воинов, трех тысяч всадников и 12 слонов. К ним присоединился Гиппократ, который вывел из осажденных Сиракуз несколько тысяч человек, оставив оборону города на Эпикида. Им удалось захватить находившийся поблизости Агригент, но вот расположенную в центре острова Генну — священное для каждого сицилийца место — с ее храмом Цереры, где, по преданию, Плутон похитил Прозерпину, римляне

продолжали удерживать, хотя им и пришлось для этого буквально залить кровью взбунтовавшийся город.

К концу лета 212 года Марцеллу, ставшему к этому времени проконсулом и в этом качестве командовавшему всем сицилийским фронтом, все-таки удалось добиться своего, хотя бы и ценой хитрости. Узнав от одного из перебежчиков, что в честь праздника Артемиды в городе, где уже начались трудности с продовольствием, вино-то уж точно польется рекой, он решил воспользоваться моментом и преодолеть крепостную стену, которая, как мы помним, опоясывала весь квартал Эпиполы, в самом невысоком ее месте — возле Трогильских ворот, близ так называемой Галеагровой башни. Стражники и в самом деле перепились, так что одному из римских «коммандос» не составило особого труда вскарабкаться на стену, пробраться к Гексапильским воротам, затем спуститься, найти и открыть потайную дверь, в которую и устремился Марцелл со всем остальным войском. Чуть позже римскому военачальнику удалось подбить к предательству одного из охранников форта Эвриал, занимавшего западный угол крепости, и завладеть им. Теперь он мог уже контролировать почти весь город. Неприступными оставались только квартал Ахрадины, защищенный собственной крепостной стеной, и соединенный с ним узким перешейком остров Ортигия (Насос). обороной Ахрадины руководили, как мы помним, два сиракузских сторонника Карфагена — Гиппократ и Эпикид. Первого из них в городе уже не было — он с частью войска выбрался из Сиракуз, чтобы сражаться с римлянами за пределами города. Когда же из осажденной крепости дезертировал Эпикид, морем бежавший в Агригент, печальная развязка приблизилась вплотную. Ее ускорила еще одна измена. Один из начальников гарнизона, некий испанец, служивший в карфагенской армии, открыл врагам

потайной ход в стене, окружавшей остров с моря, со стороны Большого порта. Этот ход находился неподалеку от источника Аретуса.

Итак, Марцелл завладел наконец одним из прекраснейших и богатейших городов античности, основанным коринфянами за пять столетий до того и в течение всего этого времени копившим сокровища и шедевры искусства. Добычу тщательно рассортировали и все самое ценное отложили для отправки в Рим. Остальное главнокомандующий отдал солдатам на разграбление. В эти осенние дни 212 года погиб и гениальный защитник Сиракуз, встретивший смерть с невозмутимостью истинного ученого. Не обращая внимания на крики ужаса и всеобщий гвалт, поднявшийся в разоряемом городе, Архимед продолжал спокойно сидеть, склонившись над своим абакон, когда к нему подскочил римский солдат, понятия не имевший, кто перед ним, и нанес великому математику смертельный удар (Тит Ливий, XXV, 31, 9). Тот же Тит Ливий уверяет, что Марцелл искренне скорбел о безвременной кончине ученого и даже приказал соорудить ему достойное надгробие. 137 лет спустя в Сиракузах в качестве «туриста» побывал Цицерон, служивший квестором в Лилибее. Он долго искал могилу Архимеда, зная, что она должна быть украшена небольшой колонной, увенчанной сферой и цилиндром. В конце концов он ее действительно нашел, полуразрушенную временем и опутанную колючими зарослями ежевики, о чем и поведал в своих «Тускуланских беседах» (V, 66). Подобное равнодушие к памяти великого земляка со стороны жителей Сиракуз, конечно, выглядит очень странным. Утешает одно: Архимед относится к тем людям, которым для бессмертия вовсе не нужны никакие памятники.

От взятия Тарента до сдачи Капуи (212-211 годы)

Между тем в Карфагене пока не считали, что Сицилия потеряна навсегда и безвозвратно. И в самом деле, окончательная утрата Сицилии Карфагеном случится позже, через два года, когда падет Агригент, ставший жертвой крупной ссоры стратега Ганнона, сменившего Гимилькона на посту командующего флотом, с его начальником кавалерии Муттином, доблестным воином ливийско-финикийского происхождения. Затаив на командира, не оказавшего ему должного почтения, глубокую обиду, Муттин выдал римлянам Агригент. Впрочем, и падение Сиракуз стало для Ганнибала тяжелым ударом.

Положение осложнялось еще и тем, что вражеское кольцо вокруг Капуи постепенно сжималось. Апулия давно перестала быть тем надежным приютом, где ему так нравилось коротать зимы, набираясь новых сил. Весной 213 года новый римский консул, сын «Медлителя», которого, как и отца, звали Кв. Фабий Максим, отбил Арпы. Значительную часть лета 213 года Ганнибал провел в области Саленто, примостившейся на «каблуке» «итальянского сапога», к югу от Лечче. Отсюда, если встать лицом на восток, в хорошую погоду на далеком горизонте можно различить туманные очертания албанских гор. Как знать, не засматривался ли на них и Ганнибал, понапрасну ожидая подкреплений от македонского царя? Впрочем, гораздо сильнее его взор привлекал Тарент. После первой неудачной попытки завладеть городом с помощью «пятой колонны», он не потерял надежды рано или поздно добиться своего, тем более что ему нужен был

порт — и для связи с Карфагеном, и для будущих совместных операций с Филиппом Македонским.

Несмотря на колебания Тита Ливия по поводу датировки захвата Тарента (XXV, 11, 20), мы с уверенностью относим это событие к началу зимы 213/12 года. Оставленный римским историком рассказ настолько близко перекликается с сохранившимся, к счастью, текстом Полибия (VIII, 24–34), что ряд исследователей даже высказали предположение, что первый просто перевел второго (G. De Sanctis, 1917, pp. 365–366; P. Willeumier, 1939, p. 150). Характерные для Полибия подробность изложения, точность в передаче даже второстепенных деталей, но главным образом сам подход к трактовке событий, выражающий, несомненно, точку зрения карфагенян, позволяют думать, что он использовал в своей работе записки Силена — историографа Ганнибала (F. W. Walbank, 1967, II, pp. 100–101). Что касается Тита Ливия, то скорее всего его рассказ также восходит к Силену, только не прямо, а через Целия Антипатра, что, во-первых, объясняет наличие некоторых разночтений и несовпадений у одного и другого, а во-вторых, напрочь исключает версию о простом «списывании» римлянина у грека.

В целом история взятия Тарента, изложенная Полибием, Титом Ливием и Аппианом («Ганнибал», 32–33), служит наглядным примером того, как Ганнибал умел использовать себе на пользу людей и обстоятельства, даже не прибегая к средствам большой стратегии. В данном случае ему помогла грубая ошибка, совершенная римлянами. После того как группа местных жителей, взятых в заложники, предприняла неудачную попытку бегства, римляне не придумали ничего лучшего, как сбросить провинившихся с Тарпейской скалы прямо в море. На население Тарента эта жестокость произвела гнетущее впечатление. Однажды вечером из городских ворот выбрались 13

юношей, двинувшихся напрямик к карфагенскому лагерю. Двоим из них, Никону и Филемону, удалось добраться до передовых пунийских постов, откуда их препроводили к Ганнибалу. Юноши обрисовали полководцу обстановку в Таренте и высказали горячее желание помочь карфагенянам проникнуть в город. Легко представить, с каким удовлетворением выслушал Ганнибал их рассказ. Он велел юношам прийти еще раз, назначил день и час встречи, а перед уходом распорядился выдать им несколько голов домашнего скота — чтобы было чем расплатиться со стражниками, стерегущими ворота. Когда молодые люди явились к Ганнибалу вторично, он обговорил с ними условия сдачи Тарента: карфагеняне согласились не облагать его жителей никакими поборами, оставить в неприкосновенности все местные свободы и привилегии, а собственные издержки покрывать исключительно за счет добычи, отнятой у римлян.

Филемен, считавшийся искусным охотником, стал в карфагенском лагере частым гостем. С комендантом гарнизона он быстро сумел договориться, оплачивая каждую свою отлучку очередной партией дичи. Тит Ливий воздержался от упоминания имени этого человека, проронив лишь, что он принадлежал к роду Ливиев. Не стал он также поименно называть и солдат, которые несли вахту в сторожевой башне, очевидно, не желая позорить их семьи. В конце концов дошло до того, что охрана восточных городских ворот, следующих за Теменидскими воротами, открывала «охотнику» двери на условный свист. Для решительной атаки Ганнибал выбрал день, когда правитель Тарента устраивал пирушку в Мусейоне, расположенном рядом с агорой, то есть на другом конце города. Никон оставался в городе, а Филемен присоединился к солдатам Ганнибала. Ранним утром отборное 10-тысячное войско, состоявшее из легковооруженных

пехотинцев и всадников, покинуло карфагенский лагерь, намереваясь за день совершить трехдневный переход, отделявший их от Тарента (Полибий, VIII, 26, 2–5). В нескольких километрах впереди скакал отряд из восьмидесяти нумидийцев, посланный с двойкой целью: служить передовой разведкой и создавать впечатление обычного грабительского рейда. Приблизившись к Таренту на расстояние в 20 километров, Ганнибал отдал приказ остановиться и накормить солдат, а командиров собрал на инструктаж. На следующий вечер, едва сгустились сумерки, войско выступило в путь и подошло к городским воротам, когда уже стояла глубокая ночь.

В Таренте в это же время Г. Ливий беспечно пировал, решив отложить все серьезные дела, в том числе отправку конного отряда навстречу нумидийцам, на завтра. Никон с друзьями, затесавшиеся в толпу пирующих, постарались подольше задержать римского начальника на празднике, а затем проводили его, уверенного, что в городе все спокойно, до дома. После этого они устремились в восточную часть города, отведенную под кладбище. Эту особенность Тарента, отличавшую его от прочих городов классической эпохи, в которых было принято выносить захоронения за крепостные стены, Полибий (VIII, 28, 6–7) объясняет пророчеством оракула. Собравшись вокруг могилы Пифионика, Никон и его друзья принялись ждать светового сигнала, который Ганнибал обещал подать им с высоты могильного кургана Аполлона Иакинфа. Вскоре в той стороне действительно вспыхнул огонь, и юноши поспешили к Теменидским воротам, перебили стражу и впустили большую часть карфагенского войска. Две тысячи конных воинов на всякий случай остались по ту сторону крепости. Одновременно еще один отряд, состоявший из тысячи африканцев, подоспел к другим воротам — тем самым, через которые проходил обычно Филемен, возвращаясь со

своей «охоты». Он и теперь оказался здесь, а вместе с ним еще трое парней, помогавших ему тащить огромную кабанью тушу. Услыхав знакомый свист, стражник приоткрыл маленькую дверцу и, не успев еще как следует восхититься «охотничьим трофеем», как его свалили с ног. Три десятка африканцев уже пробирались через открытую неосторожным стражником дверь, чтобы немедленно расправиться с остальной охраной и распахнуть главные ворота... Соединившись, обе карфагенские колонны двинулись в направлении агоры. Ганнибал разбил двухтысячный отряд галлов на три группы, каждой назначил в провожатые местного жителя и отправил их занимать город, приказав ни в коем случае не обижать мирное население. Затем Филемен с товарищами, заранее запасшиися римскими трубами, заиграли сигнал сбора. Солдаты гарнизона спешили на зов трубы и... становились легкой добычей карфагенян, притаившихся на темных улицах в окрестностях агоры. Наутро Ганнибал собрал жителей Тарента и во всеуслышание объявил, что ничего дурного против них не замышляет.

Итак, Тарент был взят, однако Ганнибал так и не достиг своей главной цели, и виной тому стала сама планировка города. Дело в том, что Г. Ливию вместе с несколькими тысячами римских солдат удалось укрыться в цитадели, расположенной на самом краешке перешейка, отделявшего собственно бухту Тарента (ныне Маре Гранде) от широкого естественного водоема (ныне Маре Пикколо), в котором стояли на рейде корабли тарентинцев, оказавшиеся в ловушке. Ганнибал сразу откинул мысль о том, чтобы взять цитадель силой: он не располагал для этого средствами; кроме того, собственный опыт уже убедил его, что самым надежным и «экономичным» способом овладения вражеской крепостью оставались предательство и хитрость. Единственное, что он

сделал, дабы помешать римлянам, засевшим в цитадели, защищенной высокой стеной и рвом, снова напасть на город, это приказал вырыть еще один ров и возвести два ряда палисада. Наконец, он вызволил из западни тарентинские суда, претворив в жизнь гениальную идею перетащить их по суше с помощью роликовых приспособлений (Полибий, VIII, 34, 9-11; Тит Ливий, XXV, 11, 16).

Этот успех, пусть и неполный, сыграл роль катализатора. Вскоре Ганнибалу покорились города Метапонт и Турии. Пришла в волнение соседняя Лукания. Вождь объединения луканских племен, до последнего времени хранивших верность Риму, вошел в сговор с Магоном Самнитом, командовавшим в Бруттии, и подстроил западню проконсулу Тиберию Семпронию Гракху. Согласно версии Тита Ливия, которая представляется нам наиболее достоверной (XXV, 16-17), это случилось в местечке под названием Кампы Ветерские. Крупные неприятности пережил и претор Гней Фульвий Флакк, рискнувший сразиться с Ганнибалом близ апулийского города Гердони. Потеряв в бою 16 тысяч воинов, он на собственной шкуре узнал, что такое карфагенская армия. Зимой 212/11 года Ганнибал провел в Бруттии, разрываясь между необходимостью продолжить покорение Тарента и стремлением отстоять Капую. Перевесило в конце концов последнее.

Действительно, положение Капуи — этого символа не просто стратегии, но и всей италийской политики Ганнибала, последовательно проводимой после Каннской битвы, — с каждым днем становилось все более угрожающим. Из двадцати трех римских легионов четыре, усиленные войсками союзников, осаждали стены этого кампанского города. Командовали осадой сразу оба консула 212 года — Кв. Фульвий Флакк и Ап. Клавдий Пульхр, которые остались на своих постах и на

следующий год, уже в качестве проконсулов. От сената они получили ясный и недвусмысленный приказ — не уходить от стен Капуи, пока город не окажется в их руках (Тит Ливий, XXVI, I, 2). Весной 211 года, оставив большую часть снаряжений и тяжеловооруженные войска в Бруттии, Ганнибал отбыл в Кампанию. Пытаясь прорвать кольцо осады, карфагенский полководец, лично принимавший участие в бою плечом к плечу со своими кампанскими союзниками, потерпел поражение и потерял несколько тысяч воинов. После этого он решился на диверсию, которая, вполне возможно, могла привести его к осуществлению затаенной мечты.

Под стенами Рима

Как совершенно правильно догадался старик Фабий Максим, Ганнибал двинулся к Риму не для того, чтобы взять город силой, а для того, чтобы снять осаду с Капуи (Тит Ливий, XXVI, 8, 5). И действительно, как только сенату стало известно, что карфагенская армия перешла Вультурн, перегородив его «мостом» из кораблей, он принял решение срочно оттянуть от Капуи часть сил. Ганнибал и проконсул Кв. Фульвий Флакк, возглавивший 15-тысячное войско, наперегонки поспешили из Кампании к Лацию. Зная, что карфагеняне устремились по внутренней, Латинской дороге, проконсул предпочел Аппиеву дорогу, тянущуюся вдоль побережья, и загодя выслал курьеров подготовить места стоянок. Флакк выступил в поход с опозданием на сутки, однако владел тем бесспорным преимуществом, что шел по своей земле. Приблизившись к Риму со стороны Капенских ворот, он пересек город с юга на север и разбил лагерь у его северо-восточных границ, между Эсквилинскими и Коллинскими воротами, примерно в том же самом месте, где много лет спустя, в первые годы принципата, Тиберий разместит римский гарнизон, составленный его предшественником Августом из когорт преторианцев. Ганнибал, задержавшийся в пути сначала из-за трудностей со снабжением, а потом из-за того, что римляне предусмотрительно разрушили мост через реку Лирус близ города Фрегеллы, возможно, двинулся через Фрузинон (ныне Фрозиноне) и Анагнию, а затем свернул вправо, к Тускулу, и остановился километрах в двенадцати к востоку от Рима. Что касается Полибия, то греческий историк, хоть и не приводит точного маршрута, но утверждает (IX, 5, 8), что Ганнибал шел

через страну самнитов, то есть значительно восточнее. В этом с ним солидарен и Тит Ливий, в данном случае повторяющий Целия Антипатра (XXVI, 11, 10-13) с той лишь разницей, что римский летописец полагал, что описывает обратный путь карфагенской армии! Добавим лишь, что новейшие исследователи больше склоняются к версии о проходе Ганнибала через гористые местности, даже несмотря на трудности этого пути и значительный крюк, который вывел карфагенян к Реате (ныне Риети), откуда, спустившись к юго-западу, они вышли к Риму по правому берегу Аниена, неподалеку от его слияния с Тибром.

Нетрудно догадаться, какая суматоха поднялась в городе. В форуме беспрерывно заседал сенат, матроны спешили в храмы вознести молитву богам, а вооруженные отряды под командованием претора по гражданским делам Г. Кальпурния Пизона занимали все стратегически важные точки, в частности Капитолий и цитадель. Когда Ганнибал придвинулся еще ближе, разбив лагерь на берегу Аниена в трех милях — меньше чем в пяти километрах — от городских стен, всем стало ясно, что пора действовать, тем более что карфагенский полководец, прихватив с собой пару тысяч всадников, появился у самых Коллинских ворот, не скрывая, что изучает местность и расположение укреплений. Флакк выпустил на них свою конницу, невольно посеяв панику среди населения: когда большой отряд нумидийцев-перебежчиков, получивший приказ отогнать карфагенян от городских стен, спускался с Авентинского холма, чтобы скакать к Эсквилинским воротам, многие жители Рима решили, что враг уже в городе (Тит Ливий, XXVI, 10, 5-6).

Несколько дней спустя произошло первое столкновение обеих армий непосредственно возле римских стен, в описании которого Полибий (IX, 6-9) и Тит Ливий (XXVI, 11) допускают существенное

расхождение. Так, греческий историк уверяет, что с римской стороны в бой вступили не те части, что были спешно отозваны из Капуи, а молодые новобранцы из вспомогательного легиона, набранного новыми консулами Гн. Фульвием Центималом и П. Сульпицием Гальбой, приступившими к исполнению своих обязанностей весной 211 года. По счастливой случайности, пишет далее Полибий, новобранцы приступили к военной службе именно в тот день, когда к Риму подошел Ганнибал! И якобы один вид этих неопытных юнцов, выстроенных в боевые порядки перед крепостными укреплениями, заставил его крепко задуматься... Скажем откровенно: верится в это с трудом. Но и рассказ Тита Ливия принесет ничуть не больше удовлетворения любителям всяческих «военных игр», а вместе с ними и историкам. По его мнению, Флакк и оба консула ни за что не уклонились бы от боя, если бы не частый град, внезапно посыпавшийся с небес. На следующий день боги снова наслали на соперников ту же самую напасть, так что ни о какой рукопашной схватке не могло быть и речи. И Ганнибал, которого, кстати сказать, тот же Тит Ливий обвинял в наплевательском отношении к воле богов, поняв этот знак как дурное предзнаменование, принял решение повернуть назад. Особенно оскорбительным, если верить римскому историку, стало для него известие, что в то время, как он стоял под стенами Рима, из города продолжали как ни в чем не бывало отправлять очередные воинские соединения в Испанию. И уж вовсе смертельный укол по самолюбию он получил, узнав от одного из пленных, что тот самый участок земли на берегу Аниена, на котором расположился его лагерь, в эти дни был выставлен в Риме на продажу! Это настолько взбесило Ганнибала, утверждает Тит Ливий, что он немедленно вызвал к себе глашатая и приказал ему прокричать, что на продажу выставятся лавки

менял, расположенные вокруг форума... Все эти живописные подробности несут гораздо больше информации о личности их автора, Тита Ливия, чем о мотивах поведения Ганнибала. Историк явно переоценивает роль страстей человеческих и совершенно игнорирует при этом истинные причины и побуждения причастных к событиям лиц (M. Ducos, 1987, pp. 132-137). Он снова отдается на волю своему писательскому воображению, что, к сожалению, не совсем устраивает современных историков. Поэтому мы, пожалуй, послушаем лучше Полибия (IX, 7, 1-4), который предполагает, что Ганнибал развернулся и ушел прочь от Рима, во-первых, потому что набрал довольно добычи в окрестных деревнях; а во-вторых, потому что рассчитал: после его выступления из Кампании прошло достаточно времени, чтобы консул Ап. Клавдий Пульхр, державший в кольце Капуя, решил, что пора осаду снимать и спешить на выручку Риму.

Но он ошибся в своих расчетах. Сенат Капуи, поверивший в то, что карфагеняне его бросили, и все еще надеявшийся на снисхождение римлян, большинством голосов постановил сдаться и распахнул ворота консульской армии. Репрессии, обрушившиеся на город, поражали своей жестокостью. Десятки знатных горожан подвергли публичному бичеванию и казнили; простых граждан, причем не только в Капуе, но и в Ателле, и в Калатии, продали в рабство. И хотя сама Капуя избежала полного разрушения — римлянам было жалко уничтожать такой богатый город, — но политически она умерла. Бывшую гордость Кампании победители превратили в большую деревню, лишенную какого бы то ни было самоуправления, а все земли и постройки, как частные, так и общественные, объявили собственностью римского народа. Отныне сюда

ежегодно прибывал римский префект — творить суд и расправу.

Понимал ли Ганнибал, сколь ужасное впечатление произвела эта трагическая развязка на население италийских и греческих городов, на людей, которых он только-только начал склонять к вере, что вся история этого края еще может потечь по другому руслу? Разумеется, понимал, однако менять в своих действиях ничего не собирался. После своей римской эскапады он двинулся прямо к Бруттию, на воссоединение с Магоном Самнитом. По всей Апулии дружественные ему города сдавались один за другим. В 210 году Рим овладел сначала Арпами, затем Салапией. В 209-м падет и Тарент, лишая Карфаген последней надежды добиться господства в территориальных водах этого региона. И Ганнибал, который еще недавно царствовал от имени Карфагена во всей Южной Италии, постепенно оказался пленником, запертым в Калабрии.

Глава VI. Поражение

В относительно узких границах Средиземноморья, существовавшего в конце III века до н. э. в условиях культурного симбиоза, Вторая Пуническая война — она же «война с Ганнибалом» — стала первой в истории человечества мировой войной. Прокатившись по Испании, югу Галлии, Северной Италии, она охватила Центральную Италию и перекинулась в Южную. Не остались в стороне и Сардиния с Сицилией. С вступлением в войну Филиппа Македонского конфликт вышел и за рамки западного бассейна Средиземноморья. В 215 году М. Валерий Левин привел флот в составе 50 кораблей к побережью Брундизия, помешав тем самым Филиппу выполнить данное Ганнибалу обещание и высадиться в Италии. Тем не менее Филипп открыл фронт в Иллирии, на северо-западном побережье континентальной Греции. Говоря точнее, Левин, заключивший осенью 212 года союз с этолийцами — злейшими врагами Филиппа, «запер» в Греции царя Македонии. Ход военных операций в Иллирии и Греции наиболее ярко показал, в чем заключалась основная слабость карфагенской стороны.

Если бы достаточно мощному карфагенскому флоту удалось отрезать Левина от своих, он без труда справился бы с римской эскадрой и тем самым создал бы условия для переброски македонских войск в Южную Италию. Но выше мы уже рассказали, что наварх Бомилькар, командовавший карфагенским флотом в сицилийских водах, уклонился от сражения перед Сиракузами. Несколько позже, в 211-210 годах, тот же флотоводец, посланный на осаду Тарента, ограничится пассивным «стоянием» и не предпримет никаких усилий для взятия города. С этого времени

становится очевидной та решающая роль, которую в конечном поражении Карфагена сыграла несостоятельность его флота (E. De Saint-Denis, 1976, pp. 80–84). Позволяя конфликту растечься вширь и в то же самое время мирясь с безусловным господством Рима на море, его соперник лишил себя главного козыря. В результате ему пришлось сражаться сразу на нескольких фронтах, распыляя свои силы.

Военные действия в Испании до гибели П. и Гн. Сципионов (216-211 годы)

Слаженные действия обоих Сципионов к югу от Эбро уже к концу 217 года дали ясно понять Гасдрубалу всю шаткость его позиций в завоеванной и оставленной на его попечение Испании. Весной 216 года к нему прибыли первые подкрепления — четыре тысячи пехотинцев и пять сотен всадников, с помощью которых он сумел подавить восстание тартессийцев, тем более неожиданное, что этот народ уже давно покорился Карфагену (Тит Ливий, XXIII, 26-27). Правда, новейшими историками выдвигалось предположение (Н. Н. Scullard, 1930, p. 47), что Тит Ливий, слабо разбиравшийся в испанских реалиях, спутал их с турдетанами. Как бы там ни было, быстро распространившаяся по полуострову весть о том, что Гасдрубал получил из Карфагена приказ двигаться со своим войском в Италию, вызвала новые волнения среди местного населения, заставив кое-кого склониться к союзу с Римом. Гасдрубал вовремя доложил об этой опасности карфагенскому сенату, однако последний решил не менять раз избранной стратегии: брату Ганнибала было приказано готовиться к походу в Италию, а на его место в Испании получил назначение военачальник по имени Гимилькон, которого снабдили собственным войском и флотом. П. и Гн. Сципионы, сравнив потенциальную угрозу, исходившую от обоих полководцев, сделали правильный выбор и бросили все силы на то, чтобы не пропустить Гасдрубала через Эбро. Решающая схватка разыгралась осенью 216 года. Если верить Титу Ливию (XXIII, 29, 6-13), карфагенянина серьезно подвели

испанские пехотинцы, которых он поставил в центре боевого строя. Эти люди по-своему мудро рассудили, что им гораздо выгоднее уступить в Испании, чем, победив, отправляться в какую-то неведомую Италию. Несмотря на решительные действия флангов — карфагенского и африканского, Гасдрубал, не поддержанный конницей, эту битву проиграл, понеся тяжелые потери и утратив надежду пробиться в Италию со своим изрядно поредевшим войском. Зато братья Сципионы могли в 216 году рапортовать в Рим, еще не успевший оплакать всех погибших при Каннах, что со стороны Испании никакая опасность пока не грозит. Мало того, войска и флот под командованием Магона, первоначально предназначавшиеся в помощь Ганнибалу, теперь по решению карфагенского сената подлежали срочной переброске в Испанию (Тит Ливий, XXIII, 32, 11).

Согласно Титу Ливию, который в этом вопросе остается нашим единственным источником, несмотря на подкрепления, дела на Иберийском полуострове в период с 215 по 212 год шли для карфагенян все хуже и хуже. Правда, хронологические границы, сообщаемые римским историком, вызывают у специалистов серьезные сомнения, а его топографические указания грешат неточностью. Так, Тит Ливий рассказывает о двух попытках карфагенян отбить город Илитургис, предположительно располагавшийся в Андалусии, в районе современного Хаэна, предпринятых в 215 и 214 годах; обе оказались тщетными и сопровождалась крупными потерями со стороны пунийцев (XXIII, 49, 5-11; XXIV 42, 8-10). Ученые подозревают, что за этим двукратным штурмом одного и того же города на самом деле кроется повествовательный повтор (G. De Sanctis, 1917, p. 247, прим. 76). Возможно, что в 214 году, как и пишет Тит Ливий, римлянам покорился Кастулон, находившийся в верхней Андалусии, близ нынешнего

Линареса. Должно быть, пунийцы горько переживали его утрату, ведь город с давних пор считался надежным карфагенским союзником. Если читатель помнит, отсюда родом была и испанская супруга Ганнибала Имилька. Падуанский историк относит к этому же 214 году захват Сагунта, с которого, собственно говоря, и началась в 219 году война. И вот римляне смогли наконец отплатить Карфагену за перенесенное унижение. Однако тут же Тит Ливий добавляет (XXIV, 42, 9), что город пробыл под властью врага семь с лишним лет. Но это означает, что римляне повторно завладели Сагунтом не в 214-м, а в 212 году.

П. Корнелий Сципион к этому времени уже шестой год находился в Испании в качестве проконсула и с помощью брата Гнея не спеша, но методично «отгрызал» у карфагенян все новые и новые иберийские территории. Теперь ему противостояли сразу три карфагенских полководца: два брата Ганнибала, Гасдрубал и Магон, и еще один Гасдрубал, сын Гискона. Последнему предстоит провести в Испании около десяти лет, а затем продолжить ратные подвиги в Африке. К концу 212 года он вместе со своим войском влился в войско Магона, младшего брата Ганнибала. Сципионы решились разделить свою армию, которая с учетом 20 тысяч недавно набранных кельтиберов представляла собой могучую силу. Две трети войска забрал Публий, намеревавшийся схватиться с объединенным войском Магона и Гасдрубала, сына Гискона; оставшуюся треть, включавшую кельтиберские отряды, Гней повел против Гасдрубала Барки (Тит Ливий, XXV, 32, 1-8).

Первым в поход выступил Публий Сципион, и случилось это в начале 211 года. По всей вероятности, он двинулся к югу и дошел до Кастуллона (Аппиан, «Ибер.», 16), когда на него налетел отряд нумидийской конницы под водительством молодого командира, в

первый раз принявшего непосредственное участие в римско-пунийском конфликте. Забегая вперед, скажем, что этого юношу ждали долгая жизнь и блестящее будущее. Правда, Тит Ливий ошибается, утверждая, что Масиниссе — а речь именно о нем — едва исполнилось тогда 17 лет. На самом деле ему было лет 25. По приказу своего отца Гайи, царствовавшего над нумидийским племенем массилиев, он уже успел повоевать и притом весьма успешно с еще одним нумидийским царьком, Сифаксом, который посмел направить свою армию, прошедшую обучение у римского инструктора, против карфагенян (Тит Ливий, XXIV, 48–49). Публий Сципион, видя, что его окружили всадники Масиниссы и зная, что к нумидийцу на подмогу движется во главе семи с половиной тысяч свесетан Индибилис, решил прорваться из окружения. В этой схватке проконсул и сложил свою голову, пронзенный копьем. У его брата Гнея дела в это время шли тоже не блестяще. Союзники-кельтиберы его бросили, и он решил отступить к северу. По пятам за ним гналась нумидийская конница, а следом за ней наступала объединенная армия всех трех карфагенских полководцев. В конце концов они загнали войско Гнея Сципиона на голый и каменистый холм, лишенный всяких естественных барьеров, и, пользуясь численным преимуществом, окружили его и разбили. Это случилось примерно месяц спустя после гибели Публия. Плиний Старший («Естественная история», III, 9) утверждает, что место, где погиб Гней Сципион, называлось Илорции. Возможно, он имел в виду современное селение Лорки, расположенное километрах в двадцати к северу от Мурсии (Н. Н. Scullard, 1930, pp. 50–51).

Как видим, судьба братьев Сципионов сложилась в Испании трагически. Семь лет они с успехом воевали на этой земле, чтобы погибнуть почти одновременно, да еще в тот момент, когда в самой Италии удача снова

начала улыбаться Риму. Римские солдаты очень пострадали после гибели обоих своих полководцев. Отброшенные за Эбро, они первым делом собрались на военные комиции и избрали себе нового полководца, которым против ожиданий стал не ближайший помощник Публия Сципиона Тиберий Фонтей, человек, к слову сказать, достойный во всех отношениях, а римский всадник Луций Марций Септим, обладавший совершенно исключительной харизмой [\[90\]](#). Он сумел так «завести» все войско, что римские солдаты в скором времени организовали дерзкое нападение на карфагенский лагерь и нанесли врагу жестокий урон (Тит Ливий, XXV, 39). Несколькими неделями позже Луций Марций рапортовал о своих успехах в Рим и, подписывая донесение, именовал себя «пропретором». Сенаторов эта бумага заставила скривиться от досады: они не привыкли, чтобы римские солдаты сами выбирали себе командиров [\[91\]](#), — это вам не Карфаген (Тит Ливий, XXVI, 2, 1-2)! Но в конце концов Луцию Марцию простили его дерзость. В карфагенском лагере он взял богатую добычу, в том числе огромный серебряный щит — у Плиния Старшего превратившийся в золотой («Естественная история», XXXV, 14), — украшенный портретом Гасдрубала Барки и весивший 37 фунтов. В память о победе трофеем назвали «щитом Марция» и поместили в храм Капитолия, где он благополучно довисел до 83 года до н. э., когда в храме вспыхнул пожар, уничтоживший реликвию.

Назначение молодого Сципиона на должность командующего испанской армией

Весной 211 года, как мы помним, Капуя сдалась, следовательно, держать вокруг города многочисленное войско сделалось бессмысленным. По приказу сената его командующий претор Г. Клавдий Нерон с несколькими тысячами пеших и тысячей конных воинов погрузился в Путеолах на корабли, высадился в Тарраконе и немедленно двинулся маршем к реке Эбро, чтобы соединиться с силами Тиберия Фонтея и Луция Марция и принять объединенное командование на себя. Вскоре ему повезло. В ущелье, которое местные жители — авсетаны — именовали ущельем Черных Камней, что заставляет предположить, что располагалось оно на южном берегу Эбро (J. F. Lazenby, 1978, p. 132), у него появилась возможность запереть Гасдрубала Барку. Трудно сказать, что заставило Гасдрубала совершить столь рискованную вылазку в пиренейские предгорья, расположенные на землях Каталонии (W. Huss, 1985, p. 375), но факт остается фактом — он попался. Сознывая всю безвыходность своего положения, Гасдрубал якобы пообещал Клавдию Нерону немедленно убраться вон из Испании, если римляне позволят ему без потерь вывести свое войско. Римский военачальник назначил ему точный день вывода войск, но когда этот день наступил, Гасдрубал начал тянуть, прикрываясь какими-то путаными религиозными запретами. В конце концов он дождался, когда выдался особенно туманный день, и попросту скрылся, оставив злополучного претора размышлять о пунийском вероломстве (*fraus punica*) (Тит Ливий, XXVI, 17).

После захвата Капуи и постепенного вытеснения Ганнибала на юг Италии Рим сосредоточил пристальное внимание на иберийском фронте. Испанской армии требовался полководец, который не только сумел бы оказаться на высоте поставленных перед ним стратегических задач, но и олицетворял бы память об обоих погибших великих военачальниках. Что бы ни утверждал Тит Ливий, слишком часто путающийся в хронологии, представляется более чем вероятным, что Нерону дали дослужить до конца 211 года; во всяком случае, сам он никаких прошений о досрочной отставке не подавал. Так же очевидно, что процедура назначения нового главнокомандующего испанской армией отличалась совершенной исключительностью. Действующие консулы Гн. Фульвий Центимал и П. Сульпиций Гальба создали комиции по центуриям, представлявшие собой основной электоральный инструмент, и вопреки обычному течению процедуры добились назначения на должность главнокомандующего человека, облеченного всей полнотой власти, соответствующей рангу проконсула. Не менее исключительной оказалась и кандидатура избранника, ибо им стал молодой П. Корнелий Сципион.

Читатель, конечно, помнит, при каких обстоятельствах будущий Сципион Африканский впервые появился на страницах нашего повествования. Тогда, в конце ноября 218 года, юный воин спас своего отца, получившего в битве при Тицине тяжелое ранение и едва не попавшего в плен. Два года спустя юноша, которому едва исполнилось 20 лет, уже занимал должность военного трибуна и, если верить Титу Ливию (XXII, 53), в этом качестве командовал одним из легионов. После разгрома при Каннах он возглавил небольшой отряд оставшихся в живых командиров, таких же молодых, как он сам, и на фоне царивших пораженческих настроений вместе с ними принес

клятву ни за что и никогда не изменять интересам Республики. Ни у кого более не оставалось сомнений, комментирует историк, что сама судьба назначила его на роль вождя в этой войне. Таким образом, мы видим совершенно отчетливую попытку создания «задним числом» легенды о «детстве вождя», якобы отмеченного особыми знаками избранничества [\[92\]](#).

Полибий также отдал дань этой «агеографии», хотя и не попался на удочку. Свидетельством этому может служить его рассказ, посвященный избранию его героя курульным эдилом в 213 году. Сципиону было тогда 22 или 23 года, и для достижения столь высокого поста ему *suo anno* [\[93\]](#), строго говоря, следовало подождать еще хотя бы десяток лет. С другой стороны, в эти суровые годы на полях сражений погибло немало представителей сенаторской знати, а потому на возраст кандидатов смотрели уже не так строго, как раньше. Полибий, которому, как мы помним, покровительствовал Сципион Эмилиан, имел благодаря своему патрону доступ к семейным архивам, из которых и извлек подробную историю избрания будущего Публия Африканского эдилом (X, 4-5). На самом деле, как гласит его рассказ, тот выставил свою кандидатуру исключительно с целью поддержать брата Луция, также претендовавшего на этот высокий пост. Он рассчитывал использовать свою личную популярность, которая, по его мысли, могла помочь и ему, и брату. Действия сыновей полностью одобрила их мать Помпония, велевшая приготовить для сына *toga Candida* [\[94\]](#). В отсутствие мужа, сражавшегося в Испании, эта достойная женщина исполняла роль главы семейства, а поддержать сына в его начинании решила после того, как он пересказал ей свой сон — ему будто бы приснилось, что он избран вместе с братом, возвращается домой и гордая и счастливая мать их

обнимает. Полибий добавляет, что лично он этому рассказу про сон не верит, хотя и не отрицает, что выдумка отлично сработала: благодаря ей удалось создать в общественном мнении убежденность в особо доверительных отношениях Сципиона с богами. И, спрашивается, отчего бы существу высшего порядка не использовать себе на пользу легкое невежество толпы?

Тит Ливий, со своей стороны, также не преминул отметить чрезвычайную озабоченность Сципиона созданием своего, как мы сказали бы сегодня, «имиджа». Он уделял особое внимание, утверждает римский историк (XXVI, 19, 3-9), впечатлению, которое производил на окружающих, и не предпринимал ни одного важного шага, не проведя нескольких часов в полном одиночестве в Капитолии, неважно, шла ли речь о поступках общественной или личной значимости. Многих римлян эта привычка Сципиона, возможно, напоминая царя-чудотворца Нуму, заставляла всерьез верить в его божественное происхождение. Поговаривали даже — кстати сказать, аналогичную историю рассказывали про Александра Великого, — что он появился на свет не без помощи чудовищного змея, которого якобы кто-то видел в постели его матери. Сципион не мешал распространению подобных слухов и всячески поддерживал ореол загадочности, окружавший его персону. Не по годам рассудительный, невероятно внутренне собранный, он предстает перед нами в первую очередь выдающимся манипулятором общественного мнения, умевшим использовать для своих целей все имеющиеся средства. В том, какое влияние этот человек мог оказать на солдат, мы убедимся, перейдя к рассказу о взятии Нового Карфагена.

Взятие нового Карфагена (210 год)

[\[95\]](#)

Итак, решением сената во главе испанской армии встал полководец, едва достигший 25-летнего возраста, не имевший за плечами опыта работы ни в качестве консула, ни даже в качестве претора. Фактически это означало, что высшее военное командование доверили рядовому, то есть человеку, чей жизненный путь не успел пока вместить ни одной более или менее значительной управленческой должности. Тит Ливий (XXVI, 18, 5–6) спешит объяснить это беспрецедентное назначение трусостью крупнейших деятелей Республики, которые испугались и не пожелали возложить на себя ответственность, диктуемую столь высоким постом. Но мы, пожалуй, предпочтем точку зрения Моммсена, который предположил, что сенат, особенно фракция, контролируемая Корнелиями, постарался повернуть дело таким образом, чтобы Сципион оказался единственным кандидатом на роль испанского полководца (см. также Н. Н. Scullard, 1951, p. 66) [\[96\]](#). Как бы там ни было, новый главнокомандующий с флотилией в составе 30 судов вышел из Остии и взял курс на Эмпорию. Здесь вместе с ним на берег высадились 10 тысяч солдат пехоты и тысяча всадников. Отсюда Сципион под прикрытием кораблей, двигавшихся вдоль побережья, направился к Тарракону. Во все время обхода союзнических войск и его собственных армейских соединений, обосновавшихся на зимних квартирах, он ни на минуту не отпускал от себя Луция Марция — того самого человека, который сумел отомстить карфагенянам за гибель его отца и дяди. Авторитет Сципиона был так велик, что присутствие

рядом с ним второго героя не только не вредило ему, но даже поднимало его престиж в глазах солдат.

В начале весны 210 года к главнокомандующему присоединился подчиненный ему пропретор — человек, гораздо старше его по возрасту, — сенатор по имени М. Юний Силан, принадлежавший к семье, дружественной Сципионам. Полководец оставил под его началом войско в несколько тысяч солдат и приказал охранять «свой» берег Эбро, а сам с основными силами, насчитывавшими 25 тысяч пехотинцев и 2500 конников, переправился через реку. От своих разведчиков он знал расположение всех трех карфагенских армий, в частности, знал, что Гасдрубал, сын Гискона, стоял со своим войском где-то между Гадесом и устьем Тага, на Атлантическом побережье; что Магон расположился в окрестностях Кастуллона, в Верхней Андалузии; наконец, что Гасдрубал Баркид находился не в Сагунте, как это утверждает Тит Ливий (XXVI, 20, 6), решительно не желающий вникать в тонкости иберийской географии, а в области Новой Кастилии, населенной карпетанами. Сципион рассчитал, что каждому из них понадобится не меньше десяти дней пути, чтобы достичь Нового Карфагена — столицы баркидского «царства», основанной лет 15 тому назад зятем Гамилькара и занимавшей важнейшие стратегические позиции. Знал Сципион и о том, что всю оборону города несет какая-нибудь тысяча вооруженных людей. Он решил сыграть ва-банк и двинулся напрямик на Новый Карфаген.

Своим планом он поделился с одним-единственным человеком — префектом и начальником флота Г. Лелием, принадлежавшим к слою «новых людей». Как мы вскоре убедимся, в дальнейшем Лелий с блеском проявил себя в Испании и в Африке в качестве подчиненного, однако, несмотря на свои военные подвиги, высокой политической карьеры так и не сделал, вечно оставаясь в тени своего великого

патрона. Именно от Лелия, пережившего своего покровителя, Полибий, познакомившийся с ним в 160 году [\[97\]](#), на закате его дней, и узнал всю ту массу подробностей, которая сопровождает рассказ историка о взятии Нового Карфагена.

Дело, очевидно, было так. Лелий во главе флота двигался вдоль побережья, а Сципион с войском шел сушей, но к городу они подошли одновременно — через семь дней. Эту цифру кроме Полибия приводит и Тит Ливий, однако она, скорее всего, ошибочна, потому что расстояние от устья Эбро до Нового Карфагена превышает 400 километров. Правда, ряд исследователей допускают, что марш мог продолжаться именно семь дней, только в этом случае отправным пунктом служил не Эбро, а Хукар (см. F. W. Walbank, 1967, pp. 204-205). Как бы там ни было, римский флот встал рейдом в виду города, в глубоком и узком заливе, открытом к югу. Сципион разбил лагерь с восточной стороны. С запада и с севера город окружала лагуна — сегодня о ней напоминает Альмахар, — соединенная с заливом каналом [\[98\]](#). Воды лагуны омывали стены крепостных сооружений, защищавших город. Таким образом, здесь проходила как бы двойная линия обороны, а потому логично было предположить, что во время штурма города защитников здесь будет меньше всего. Между тем от местных рыбаков Сципион выведал, что лагуна совсем не глубока, а по вечерам, очевидно, под действием ветра с суши уровень воды в ней опускается еще ниже. В часы отлива, хотя на Средиземном море он и не очень ощутим, здесь и вовсе становится мелко. Римский военачальник сейчас же понял, какие выгоды сулит ему это обстоятельство. Выступая перед солдатами, он не преминул сослаться на Нептуна, который, якобы явившись ему во сне, обещал в нужный момент свою помощь.

Штурм города проходил в два этапа. Вначале Сципион отбил карфагенский гарнизон, вышедший за пределы города, а затем сам атаковал город с востока, укрепившись на узкой полоске земли, перешейком соединявшей дно залива с лагуной. Первая попытка оказалась неудачной. Тогда Сципион дождался вечера, когда из лагуны начала уходить вода, и, не трогая основных сил, которые по-прежнему удерживали перешеек, выстроил по ее берегам 500 солдат, вооруженных высокими лестницами. И вот начался отлив. При виде потоков, устремившихся из лагуны в открытое море, многие из солдат всерьез уверовали в то, что боги действительно покровительствуют их вождю-чудотворцу. Наконец уровень воды в лагуне упал так низко, что ее смело можно стало переходить вброд, погрузившись если не по колено, то едва по пояс, что солдаты и сделали. Пока они карабкались по крепостным стенам, на которых не оказалось никакой стражи, остальная часть войска налегла на восточные ворота и скоро прорвалась внутрь. Оставалась еще цитадель, расположенная близ прибрежных стен, но она сдалась без боя [\[99\]](#).

Захваченная добыча не разочаровала ожиданий римлян. В их руки попало огромное количество военного снаряжения, в том числе орудия тогдашней артиллерии — катапульты, баллисты и скорпионы; 63 военных корабля, многие из них — с грузом. И, разумеется, груды золота и серебра — результат почти 30-летнего обирания Испании, — которые изо всех уголков страны свозились именно сюда, в Новый Карфаген, превращенный зятем Гамилькара и его последователями в своего рода город-сейф. По отношению к пленным Сципион повел себя весьма разумно, понимая необходимость склонить испанское население на сторону Рима. Он немедленно отпустил на

свободу всех карфагенских граждан, полагая их не столько союзниками Карфагена, сколько его заложниками. Собственно заложников — мужчин, женщин и детей, — томившихся в Новом Карфагене, он также освободил, отправив их по домам либо поручив заботам находившихся в городе земляков. Полибий (X, 18-19) и Тит Ливий (XXVI, 49) с полным единодушием отметили похвальное стремление римского военачальника не допустить издевательств над пленными со стороны солдатни. Кроме того, римский летописец не отказал себе в удовольствии поведать читателю захватывающую историю, служащую доказательством «целомудрия Сципиона», которую мы воспроизведем. Несколько солдат задумали сделать своему вождю подарок и привели к нему молодую девушку-испанку необычайной красоты. Но Сципион велел разыскать родителей красавицы, а также ее жениха, которым оказался юный кельтиберский принц. Римский полководец торжественно вернул пленницу жениху, попросив его взамен лишь об одном — оставаться другом римского народа. Исполненный благодарности принц возложил к ногам Сципиона золото, которое прихватил с собой, рассчитывая выкупить невесту, но тот отказался и от золота: пусть, дескать, это будет его свадебный подарок молодым влюбленным. Много веков спустя, когда в среде живописцев высшей доблестью считалось заслужить гордое звание «исторического художника», нашлись мастера, которых привлек сюжет, изложенный Титом Ливием (XXVI, 50), в том числе Пуссен (его полотно хранится в Пушкинском музее в Москве) и Франсуа Лемуан.

Предполагаемый портрет Ганнибала в годы изгнания. Бюст из Капуи.

***Гамилькар Барка (или Геркулес Мелькарт).
Бронзовая монета из Испании.***

***В садах Гамилькара. Иллюстрация к «Саламбо»
Флобера. Гравюра Г. Рошгросса.***

***Предположительно Газдрубал Красивый, зять
Гамилькара Барки.***

Ганнибал в юности. Возможно, изображение Юбы II. Бронзовый бюст.

Сагунт. Римский театр. На заднем плане современная крепость, построенная на месте древней иберийской цитадели.

Две оборотные стороны серебряной монеты чеканки Баркидов. Слоны с типичными признаками африканского вида.

Армия Ганнибала переходит Рону. Гравюра Ж.-Ш. Фолара.

Ганнибал обращается с речью к войскам. Долина реки По. Гравюра Б. Пинелли.

Ущелье Клапье (1); впадина Савин-Кош (2); Суз (3); Турин (4).

Стена Сервия Туллия в Риме, перестроенная в IV в. н. э. Арка относится к эпохе Средневековья.

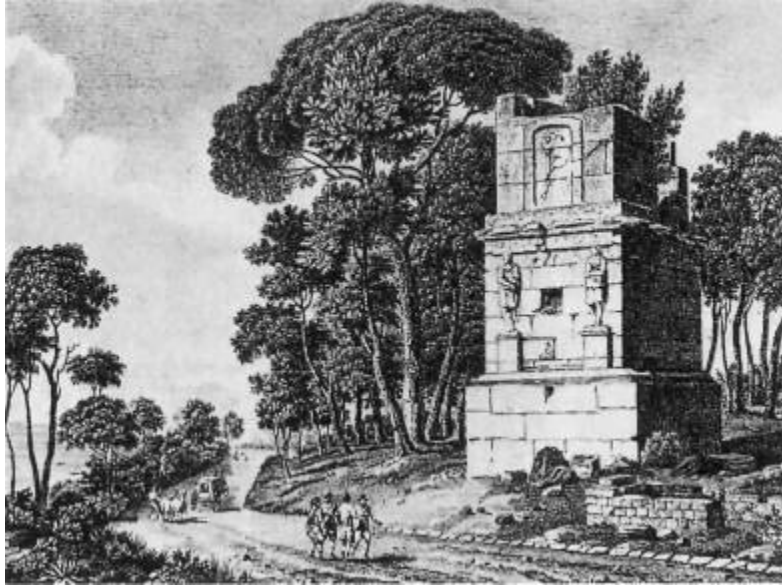
Осада Сиракуз: машины Архимеда в действии. Гравюра XVIII в.

Сиракузы. Развалины крепости.

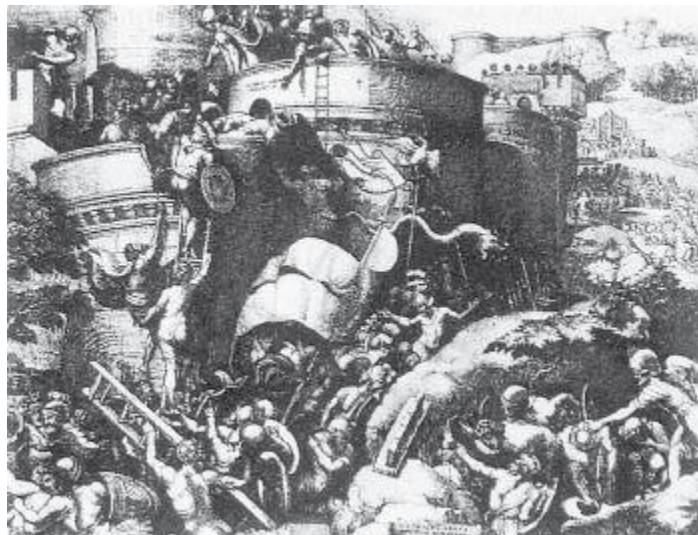
Смерть Архимеда. Римская мозаика III в. н. э.

«Башня Сципионов» возле Таррагоны. Ее считали гробницей братьев Сципионов, погибших в Испании.

***Предполагаемый портрет Сципиона Африканского.
Золотая печатка III-II вв. до н. э. с подписью
«Гераклид».***

Взятие Нового Карфагена. Гравюра Г. Пенца.

Пунийская крепость близ Карфагена.

Марцелл. Рим. Капитолийский музей.

Колонна из храма Юноны Лацинии. Мыс Капо Колонна.

Портрет Магона. Бронзовая монета из Гадеса.

***Предположительный портрет Газдрубала Баркида.
Бронзовая пунийская монета из Испании.***

***Бронзовая нумидийская монета. С одной стороны
— портрет царя Масиниссы, с другой —
галопирующий конь.***

Битва при Заме. Рисунок Г. Ф Пенни.

Вид с холма Бирса на Карфаген.

Раскопки южного склона холма Бирса. Возможное свидетельство активной градостроительной деятельности суффета Ганнибала.

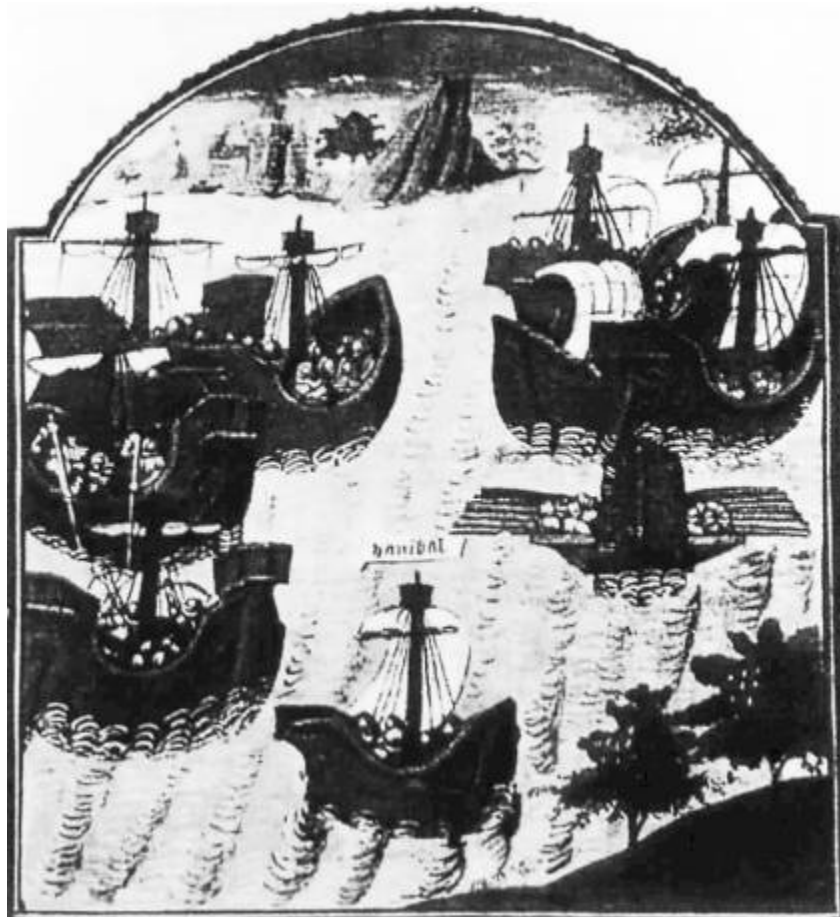
Птолемей IV Филопатор.

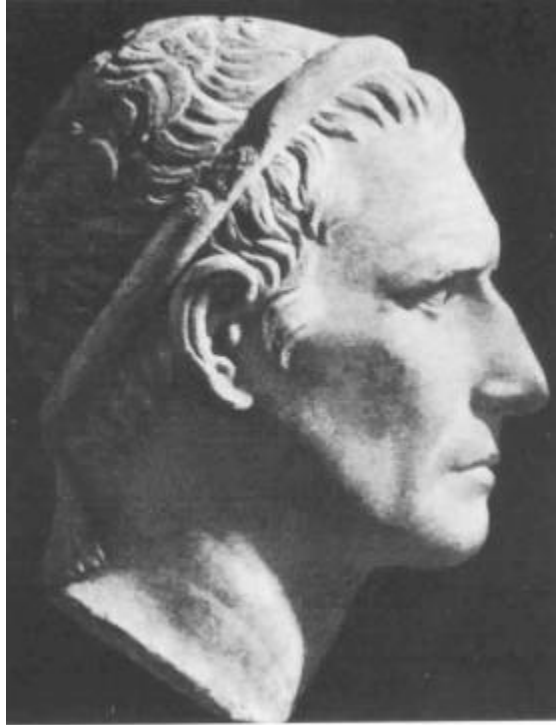
Филипп V Македонский.

Пергам. Театр эллинистического времени.

Корабль Ганнибала ускользает от вражеского флота. Битва у берегов Памфилии.

Антиох III Великий.

Прусия Вифинский.

Ганнибал — победитель. Статуя работы С. Шлоца.

От победы Сципиона при Бекуле до прибытия Гасдрубала Барки в Италию (209 год — начало 207 года)

Взятие Нового Карфагена стало блистательным завершением гениального по дерзости и скорости исполнения стратегического плана, вполне сопоставимого с тем стремительным наступлением, которое Ганнибал вел в Италии в 218-216 годах. Всего за несколько дней Сципион сумел захватить главную испанскую базу Карфагена и перерубить основной канал ее коммуникации с метрополией. Однако все три пунийские армии, целые и невредимые, продолжали удерживать территорию полуострова.

Приближалась зима, и Сципион, оставив в Новом Карфагене гарнизон, решил вернуться на зимние квартиры в Тарракон. Уже на обратном пути он явственно ощутил, что его победа, а главное — его обхождение с пленными и заложниками, начали приносить весомые плоды. Первым к нему примкнул Эдекон — очевидно, вождь племени эдетан, обитавших на восточном побережье между Хукарром и Эбро. Вскоре карфагенян постиг еще один суровый удар — на сторону Рима переметнулись Андобала [\[100\]](#) и Мандоний, вожди илергетов, занимавших области между Арагоном и Верхней Каталонией. За ними последовали еще несколько мелких иберийских царьков (Полибий, X, 35). На глазах у Гасдрубала Барки недавние союзники покидали его один за другим, и он с бессилием наблюдал, как тает его армия и вместе с этим крепнет римская. Тогда он решился как можно скорее дать врагу бой, рассчитав, что в случае поражения соберет

вокруг себя остатки своих войск и не успевших отколоться кельтиберов и будет прорываться в Италию, к брату.

Но и Сципиону не терпелось схватиться с противником в открытом сражении. В начале весны (Тит Ливий полагает, что речь идет о весне 209 года, так как взятие Нового Карфагена он относит к 210 году; XXVII, 7, 5–6) он покинул Тарракон, прихватив с собой все союзнические отряды, которые успел к этому времени набросать. Решающая встреча произошла близ Бекулы (ныне Байлен), в сорока километрах севернее Хаэна, на правом берегу Гвадалквивира, где закрепился Гасдрубал, надеявшийся преградить римлянам путь к Бетике (нынешней Андалусии). Прочность карфагенских позиций [\[101\]](#) поначалу заставила Сципиона усомниться в своих силах, однако он совершенно справедливо рассудил, что, продолжая тянуть время, дождется лишь того, что на помощь Гасдрубалу успеют подойти войска Магона и второго Гасдрубала, сына Гискона. И тогда он решился на бой. Эта решительность сослужила ему добрую службу. Гасдрубал еще не успел вывести из укреплений все свои отряды, как справа на него обрушился Лелий, а слева — сам Сципион. Брат Ганнибала предпочел свернуть сражение и, спасая военную добычу, отвести остатки армии и слонов к долине Тага, откуда намеревался двинуться в Кастилию и через Наварру пробраться к отрогам Пиренеев. Сципион, все еще опасавшийся подхода двух остальных карфагенских армий, отказался от преследования.

Победа при Бекуле открыла ему путь к нижней долине Гвадалквивира, которым он воспользуется двумя годами позже. Пока же под ее влиянием завершался процесс массового перехода кельтиберов на сторону римлян, начатый взятием Нового Карфагена. Испанские вожди, теперь толпившиеся вокруг римского

полководца словно вассалы вокруг своего сюзерена, спешили выразить ему всю полноту верноподданнических чувств, еще недавно с таким же усердием демонстрируемых Баркидам, и торжественно провозгласили Сципиона своим царем. Даже если бы они сознательно хотели ему навредить, ничего лучше они бы не выдумали, поскольку своим решением страшно осложнили отношения римского главнокомандующего с сенатом, ведь с конца VI века Римская республика строилась на принципе *odium regni* (ненависть к царской власти) (Р. М. Martin, 1994, p. 333). Однако Сципион ничем не выразил своего недовольства, когда Эдекон, а вслед за ним и Андобала стали обращаться к нему, величая царским титулом, но вовсе не потому, что не обратил на эту «мелочь» внимания, как утверждает Полибий (X, 40, 3), а потому, что успел понять особенности испанского менталитета, считавшего монархию высшей ценностью. Вместе с тем он, разумеется, не мог согласиться с публичной оглаской факта своего «венчания на царство». И Сципион попытался внушить союзникам, что «титул царя, высокопочитаемый во всем мире, в Риме не признается» (Тит Ливий, XXVII, 19, 4). Он как бы давал им понять, что не возражает против того, чтобы они считали его царем, лишь бы никто не произносил опасного слова вслух. Мы не уверены, что «варвары» по достоинству оценили истинное величие его поступка, как полагает историк, мы даже думаем, что они испытали жестокое разочарование. Впрочем, Сципион постарался их утешить, согласившись принять титул императора, которым, как он объяснил испанцам, его уже наградили собственные солдаты. Вспомним, кстати, что тем же самым титулом иберийские царьки когда-то почтили зятя Гамилькара, Гасдрубала Красивого.

Если принять версию, изложенную Титом Ливием, то дальнейшие события развивались так. Пока римский

полководец завершал решение проблемы покорения иберийских народов, что потребовало некоторого времени, а затем, вернувшись в Тарракон, организовывал отправку нескольких сторожевых отрядов к южным предгорьям Пиренеев, Магон и Гасдрубал, сын Гискона, успели воссоединиться с братом Ганнибала. Обсудив положение вещей, все трое пришли к единодушному мнению, что после недавних побед римской армии последним оплотом Карфагена в Испании оставались нижняя долина Гвадалквивира и океанское побережье с центром в Гадесе. Поэтому было решено, что Гасдрубал, сын Гискона, поведет свое войско и войско Магона в это надежное убежище, а сам Магон, прихватив казну, отправится на Балеарские острова вербовать наемников. Масиниссе, который пока еще служил на стороне карфагенян и располагал трехтысячным конным войском, следовало передать приказ устроить ряд грабительских набегов на города и селения, переметнувшиеся к Риму.

Что касается среднего брата Ганнибала, то он в полном соответствии с планом, разработанным в Карфагене Советом старейшин, — обо всех деталях этого плана в Риме превосходно знали благодаря префекту сицилийского флота М. Валерию Мессале, организовавшему дерзкую вылазку в Утику и захватившему там несколько «языков», — собрал вокруг себя всех кельтиберов, каких смог, и двинулся к Пиренеям, надеясь пересечь их с запада. Выбор маршрута диктовался в первую очередь тем, что с востока подступы к Пиренеям тщательно охранялись римлянами, и в результате Гасдрубал затратил на дорогу гораздо больше времени, чем понадобилось Ганнибалу в 218 году. Кроме того, по пути он активно вербовал в свои ряды галлов, прослышавших о том, что карфагенский военачальник везет с собой огромные запасы золота (Тит Ливий, XXVII, 36, 2). Таким образом,

лучшие месяцы 208 года Гасдрубал затратил на преодоление пути от Пиренеев до Альп, перевалить через которые он не рискнул до окончания зимы. В каком именно месте Гасдрубал совершил переход через Альпы, нам неизвестно. По словам Тита Ливия (XXVII, 39, 7) и Аппиана («Ганнибал», 52), он шел по следам своего брата. Думается все же, что историки в данном случае переоценили роль родственной привязанности, потому что Гасдрубала ничто не заставляло делать крюк, доставивший брату и его солдатам пять месяцев мучений. Более вероятно, и с этим согласны почти все новейшие исследователи (см., например, G. De Sanctis, 1917, p. 561), что он избрал маршрут, пролежавший через долину Друэнции (Дюране) и перевал Мон-Женевр, — ведь никаких препятствий на этом пути уже не существовало. В Риме, конечно, знали о приближении армии Гасдрубала, но помешать ему не могли. Сначала в римский сенат прибыли посланцы массилийцев, сообщившие, что пунийская армия добралась до Галлии. Сенаторы организовали наблюдение за передвижением карфагенян, вести которое им помогали все те же массилийцы. Таким образом, когда весной 207 года Гасдрубал с войском спустился в долину По, в Риме это восприняли как серьезную угрозу, но все-таки не как опасный сюрприз.

Смерть Марцелла (лето 208 года)

О том, что с другого конца Италии к нему на помощь спешит брат, знал, разумеется, и Ганнибал. После жесточайших утрат, список которых открыли Сиракузы, а продолжили Капуя в 211-м, Салапия в 210-м, Тарент в 209 годах, не говоря уже об Испании, в свое время послужившей базой и отправной точкой всего предприятия, появление в Италии Гасдрубала знаменовало собой возрождение надежды. Свою задачу Ганнибал видел в том, чтобы продержаться до подхода брата, не позволив запереть себя на калабрийском пятачке.

В начале лета 209 года, когда Тарент осадил Кв. Фабий Максим, консул в пятый раз, увенчанный титулом «принцепса сената», который ему отдали в ущерб другому «ветерану», Т. Манлию Торквату, Ганнибал сделал попытку отстоять город. Чтобы помешать ему в этом, главные римские военачальники решили разделить свои силы на три части: Фабий взял на себя штурм Тарента; второй консул Кв. Фульвий Флакк намеревался задержать, насколько возможно, Ганнибала в Бруттии; наконец, проконсулу Марцеллу, остававшемуся на этой должности и после истечения срока полномочий, отводилась наиболее активная роль — не пустить карфагенского полководца к осажденному городу, навязав ему сражение. Между тем Ганнибал вступил в Апулию и добрался до Канузия, где принялся склонять местное население на свою сторону. Марцелл двинулся ему навстречу. В течение некоторого времени пунийская армия уходила от открытого столкновения, но наконец римлянин добился своего. Поначалу военная удача улыбалась карфагенянам, однако вскоре Марцеллу удалось взять верх и

принудить Ганнибала к отступлению. Правда, преследовать противника он не стал, поскольку его собственная армия понесла слишком большие потери. Мало того, ему пришлось самому отступить к Венузии и провести здесь несколько месяцев, зализывая полученные раны. Что касается Ганнибала, то он, двигаясь форсированным маршем, поспешил к Таренту и вскоре достиг его. Увы, было уже слишком поздно: город сдался, пав жертвой не столько силы, сколько предательства и измены. В Таренте Фабий захватил добычу, почти не уступавшую богатством той, что тремя годами раньше досталась Риму после взятия Сиракуз. Для римской государственной казны, с трудом сводившей концы с концами, это был настоящий подарок. Карфагеняне отступили к Метапонту, откуда безуспешно пытались вызвать Фабия на бой. Консул испросил волю богов и получил неблагоприятный ответ (Тит Ливий, XXVII, 16, 12–16). На самом деле он чуял ловушку и не стал в нее соваться.

В отличие от римлян, постепенно распространявших свое господство над югом Италии и получивших возможность восстанавливать силы после каждой стычки, Ганнибал, независимо от того, выигрывал ли он очередной бой или расходился с противником «вничью», продолжал терять и территориальные завоевания, и людей. В начале 208 года в Риме решили, что пришла пора нанести карфагенянам последний, решающий удар и покончить с войной, которая тянулась уже одиннадцатый год. Все отчетливее начинала сказываться усталость от перенапряжения этих лет. Так, в предыдущем году 12 из 30 колоний, в том числе такие давние, как, например, Ардея, под предлогом полного разорения наотрез отказались платить подать и поставлять в армию солдат. Вот и теперь, едва начался 208 год, заволновалась Этрурия, готовая не сегодня-завтра взбунтоваться. Пришлось захватить

заложников в Арретии (ныне Ареццо) и оставить в городе гарнизон под командованием бывшего консула Варрона, счастливо избежавшего резни под Каннами, а теперь служившего в ранге пропретора.

Вопреки недовольству определенных кругов, вызванному долгим бездействием Марцелла в Венузии, именно его избрали консулом — в четвертый в его жизни раз. Его коллегой стал Тит Квинтий Криспин, тотчас же двинувшийся в Бруттий, сменить Фульвия Флакка. Первым делом он попытался захватить город Локры, однако приближение армии Ганнибала вынудило его снять с города осаду и отправиться на воссоединение с войском Марцелла, покинувшего Венузию. Оба консула намеревались дать Ганнибалу решающий бой. Карфагенский полководец, направлявшийся к Локрам, вернулся с полпути и пошел им навстречу. Обе враждебные армии встретились на границе Апулии и Лукании, где-то между Венузией и Бантией (ныне Банци). Теперь их разделяло очень небольшое пространство, в том числе поросший лесом холм, на котором Ганнибал поспешил на всякий случай расположить крупный отряд нумидийской конницы, опасаясь ночных вылазок врага. И тут обоих консулов посетила одна и та же неосторожная мысль — лично провести разведку местности. Покинув свой лагерь в сопровождении более чем скромного эскорта, они тотчас же попали в засаду. Тяжелораненому Криспину с великим трудом удалось бежать, а вот Марцелл остался лежать на поле схватки, пронзенный копьем. Ганнибал, относившийся к этому своему противнику с большим уважением, велел похоронить его на месте гибели со всеми воинскими почестями.

Таким образом, задумав отомстить Ганнибалу за Канны, оба консула на самом деле добились того, что 208 год стал для Рима еще более несчастливый, чем был 216-й. Вскоро Криспин скончался от ран,

следовательно, как подчеркивает Тит Ливий, Республика оказалась в беспрецедентном положении: оба ее консула погибли на поле боя. Марцеллу было тогда уже за шестьдесят, и мы хорошо понимаем недоумение Полибия (X, 32), когда он поражается, как столь опытный военачальник мог позволить себе такое легкомыслие. Ганнибал никогда не пустился бы на подобное безрассудство, добавляет греческий историк, совершенно забывая, что в свое время, осенью 219 года, наш герой также получил ранение под стенами Сагунта, рискнув слишком близко подойти к осажденному городу. Правда, Ганнибалу было тогда 27–28 лет. Злополучная гибель Марцелла ничуть не омрачила в памяти потомков образ этого человека. Для римлян он надолго остался выдающимся полководцем. Пусть он и не обладал особым гением стратега, зато отличался невероятным упорством и боевитостью, позволившими ему успешно оборонять Кампанию в самые опасные моменты войны, затем осуществить захват Сиракуз и, наконец, действуя совместно с Фабием и Флакком, превратить всю Южную Италию в своего рода шагреновую кожу, на поверхности которой Ганнибал от года к году имел все меньше возможностей для маневра. Согласно традиции, идущей, возможно, от Посидония Апамейского и подхваченной Плутархом («Фабий», 19, 4; «Марцелл», 9, 7), в памяти потомков сложился лаконичный и выразительный образ этого человека: если Фабий служил Риму щитом, то Марцелл был его мечом. Что ж, теперь римлянам приходилось срочно подыскивать себе новый меч.

Битва при Метавре (лето 207 года), или конец иллюзиям

Прежде чем предать прах Марцелла земле, Ганнибал снял с пальца покойного кольцо с печатью. У него созрел план, как с помощью этого кольца хитростью вернуть себе Салапию — утраченный двумя годами раньше город, в котором он так любил проводить зимы и с которым его связывали приятные воспоминания. Однако Криспин, знавший, что кольцо его коллеги попало в руки врагов, успел выслать гонцов с предупреждением в города, расположенные по соседству. И когда жители Салапии получили письмо с личной печатью Марцелла, в котором тот якобы сообщал о своем скором приходе, они решили ответить хитростью на хитрость... Темной ночью к городским воротам подошла армия Ганнибала. Первыми шли римские дезертиры, составлявшие ее авангард, — их-то и пропустили в город, подняв подъемную решетку на воротах. Но как только предатели оказались внутри крепости, решетка снова опустилась. С изменниками жестоко расправились, а раздосадованному Ганнибалу пришлось уйти ни с чем. Он двинулся в Бруттий, к Локрам, которые оборонял Магон Самнит, причем оборонял уже из последних сил. С подходом Ганнибала осаду с города быстро сняли, и карфагеняне стали устраиваться здесь на зимовку.

Поскольку оба консула погибли, в 207 году консульские выборы в Риме проходили под руководством специально избранного для этого диктатора Т. Манлия Торквата. Атмосферу, в которой протекали выборы, определило то обстоятельство, что к Северной Италии неотвратимо приближался Гасдрубал

с крупной армией. Ввиду реальной угрозы воссоединения обоих братьев, ввиду гибели Марцелла и преклонного возраста двух других представителей высшего командования — Фабия Максима и Фульвия Флакка, перед сенатом стояла нелегкая задача подыскать на роль нового главнокомандующего человека, удовлетворявшего целому ряду требований: обладавшему энергией и опытом и кроме того принадлежавшему к одному из господствующих кланов. О том, чтобы вызвать из Испании Сципиона, не могло быть и речи. Ему снова продлили срок проконсульских полномочий. Наконец, имя избранника прозвучало: им стал патриций Гай Клавдий Нерон, соратник Фульвия Флакка, отличившийся при Свессуле и Капуе, претор, а затем пропретор в 212 и 211 годах, тот самый человек, который командовал испанской армией и которому в один из последних месяцев 211 года удалось застать врасплох Гасдрубала в Верхней Каталонии. Вполне очевидно, что после того как брат Ганнибала с легкостью провел его, он пылал жаждой реванша. Чтобы немного умерить его горячность, коллегой ему избрали старика Марка Ливия Салинатора, известного в свою бытность консулом 219 года победой над иллирийцами. Обвиненный в злоупотреблении служебным положением, по его мнению, несправедливо, он позже отошел от дел и около десяти лет прожил в своего рода внутренней ссылке, так что теперь его пришлось упрашивать принять новое назначение (Тит Ливий, XXVII, 34).

Отныне римская армия насчитывала 23 легиона (вместе с четырьмя испанскими), повторив собственный «рекорд» 211 года. Кроме двух непосредственно подчиненных ему легионов, Клавдий Нерон, видевший свою задачу в том, чтобы удерживать Ганнибала в Лукании и Бруттии, мог рассчитывать на не менее мощные силы, сосредоточенные под командованием

преторов в Капуе, Таренте и Бруттии. В общей сложности он имел в своем распоряжении семь легионов, усиленных соединениями союзников. Миссия Салинатора заключалась в том, чтобы не пустить Гасдрубала дальше Галлии, то есть запереть его в Северной Италии [102]. Помимо двух консульских легионов он располагал еще двумя, подчиненными претору Л. Порцию Лицину, а также теми, которыми командовал пропретор Этрурии Г. Теренций Варрон, консул 216 года.

Гасдрубал добрался до долины По к концу апреля либо к началу мая. Его войско, в начале пути примерно равное по численности тому, что десятью годами раньше вел его брат, при переходе через Альпы пострадало гораздо меньше, поскольку двигалось более легким и коротким маршрутом. Опять-таки если Ганнибалу, едва спустившись с гор, пришлось принимать бой в суровых условиях зимы, то Гасдрубал оказался в Цизальпинской Галлии летом, а его солдаты успели хорошенько отдохнуть. Видимо, именно этим объясняется тот факт, что римляне не рискнули схватиться с Гасдрубалом непосредственно на берегах По, тем более что кроме Плаценции и Кремоны они не располагали в этой стране инсубров ни одним надежным плацдармом и не имели здесь отлаженных средств коммуникации. Судя по всему, в Риме приняли решение бросить все силы на оборону Центральной Италии, линия которой проходила по северной границе Этрурии, и областей, еще во времена Тита Ливия именуемых «страной галлов», то есть бывшей территории кельтского племени сенонов, обитавших на Адриатическом побережье между Анконой и Равенной.

Между тем население Рима, подогреваемое неблагоприятными знаменами, волновалось. Стремясь восстановить в городе спокойствие, жрецы задумали

провести девятидневный молитвенный ритуал (Тит Ливий, XXVII, 37, 1): хор из 27 девушек (трижды по девять) распевал на улицах гимн в честь Царицы Юноны — сочинение Ливия Андроника, одного из первых латинских поэтов, рожденного в Таренте рабом, а затем отпущенного на волю отцом консула Ливия Салинатора, от которого он и унаследовал свое родовое имя.

Гасдрубал, своим быстрым переходом через Альпы добившийся значительного выигрыша во времени, потерял его, задумав осадить Плаценцию. Если б ему удалось взять город, символическое значение этой акции трудно было бы переоценить. Плаценция, ставшая римской колонией в том же 218 году, которым ознаменовалось начало войны, представляла собой крайний форпост Рима в кельтских владениях. Даже Ганнибал, окрыленный победой при Требии, в свое время отказался от попытки взять город осадой, посчитав, что эта задача ему не по плечу. Захвати Гасдрубал Плаценцию, он не только получил бы надежно укрепленный тыл, но и сумел бы произвести впечатление на племена инусбров, обитавшие севернее, и бойев, живших южнее. При том, что ему так или иначе пришлось бы пробираться через их владения, он отлично понимал, что их содействие или, на худой конец, нейтралитет ему не помешают. Возможно также, что брат Ганнибала надеялся отвлечь к Плаценции оба легиона претора Порция Лицина и повторить военный успех, первоначально сопутствовавший брату, одержавшему убедительную победу при Требии. Однако упорное сопротивление города спутало эти планы. И Гасдрубал, решив, что на вербовал в свое войско достаточно союзников-галлов, дождался осени, когда легче обеспечить солдат продовольствием, а лошадей — фуражом, снял осаду и двинулся к югу. В отличие от Ганнибала, проделавшего тот же путь

весной 217 года, Гасдрубал не пошел через Апеннины, что вывело бы его в Этрурию, а предпочел оставить итальянский горный хребет справа от себя и спуститься к Адриатическому побережью через Романью. Одновременно он написал брату письмо, доставку которого поручил «эстафете», состоявшей из четырех галльских и двух нумидийских всадников. Вскоре читатель узнает, какая судьба ожидала и участников эстафеты, и само послание.

Что касается Ганнибала, то и без донесений брата он понимал, что должен идти на север навстречу Гасдрубалу, и чем большую часть пути ему удастся преодолеть, тем будет лучше. Соединение обеих армий и успешные боевые операции в Центральной Италии, в Умбрии или областях, населенных пелигнами, серьезно пошатнули бы устойчивость Рима. Вместе с тем он трезво оценивал риск задуманного предприятия. Оставив без прикрытия на несколько месяцев юг Италии, он мог потерять если и не весь Бруттий, то почти наверняка Локры и Кротон, то есть порты, через которые все еще не терял надежды получить подкрепление из Карфагена и которые обеспечивали ему связь с Македонией. В самом крайнем случае, если бы он окончательно убедился, что война бесповоротно проиграна, именно через эти два порта он с уцелевшими остатками армии мог бы вернуться к африканским берегам. По всем этим причинам Ганнибал не торопился сниматься с зимних квартир. Прежде он собрал вместе гарнизоны, рассеянные по разным местам Калабрии, а затем двинулся к Лукании, разбив лагерь неподалеку от Грумента — городка, неизменно хранившего ему верность. Сюда же консул Клавдий Нерон перебросил из Венузии свои легионы, к которым присоединились оба легиона проконсула Фульвия Флакка, отозванные из Бруттия. В общей сложности римское войско насчитывало 40 тысяч пехотинцев и две

с половиной тысячи всадников. Даже если согласиться, что Тит Ливий (XXVII, 40, 14) преувеличил эти цифры, нельзя не признать, что римляне располагали силами, значительно превосходящими пунийские. Разыгрался бой, в ходе которого Ганнибал потерял больше воинов, чем его противник, что, впрочем, не помешало ему добраться до Венузии, где состоялось еще одно сражение, снова с печальным для пунийцев исходом. Положение карфагенян становилось критическим. Темной ночью горными тропами, чтобы не столкнуться с врагом, Ганнибал увел своих солдат в Метапонт, гарнизоном которого командовал его племянник Ганнон. Влив наличный состав гарнизона в свое войско, Ганнибал отправил его в Бруттий с заданием привести подкрепление, а сам теми же обходными путями вернулся к Венузии, откуда перебрался в Апулию и стал лагерем в Канузии.

Гонцы Гасдрубала, везущие донесение его брату, за это время успели проскакать насквозь почти весь полуостров. Узнав, что из Венузии Ганнибал пошел на Метапонт, они решили направиться туда же, однако сбились с пути и оказались в Таренте, где их захватили в плен солдаты пропретора Кв. Клавдия Фламина. Послание, которое они везли, попало в руки консулу Клавдию Нерону, и тот узнал, что Гасдрубал предлагал брату встретиться в Умбрии. Нерон переправил письмо в сенат, попутно сообщая, что намерен немедленно перейти к активным действиям — достаточно смелое с его стороны решение, поскольку не в правилах консулов было (*proprio motu*) собственной волей выходить за пределы своей провинции, толкуемой в данном случае не как географическое понятие, а скорее как театр боевых действий. Он намеревался двинуться побережьем, по восточной границе владений самнитов и Пицена, и выслал впереди войска застрельщиков, которым поручил подготовить места будущих стоянок.

С отборным отрядом, состоявшим из тысячи конных и шести тысяч пеших воинов, он выступил в поход, якобы собираясь напасть на один из расположенных неподалеку от Лукании городков, защищаемых пунийским гарнизоном, но на самом деле резко сменил направление и ночью форсированным маршем взял курс на Пицен. Противостоять Ганнибалу он оставил своего помощника Квинта Катия. Понял ли Ганнибал, что за маневр задумал римский консул? Во всяком случае, никаких ответных мер с его стороны не последовало. Впрочем, даже если он и горел желанием организовать преследование консульского отряда, реальными возможностями для этого он не располагал. Вопреки тому, что порой приходится читать у современных историков (G. Picard, 1967, p. 197; J.-P. Brisson, 1973, p. 262), Клавдий Нерон оставил для сдерживания карфагенян вовсе не «маскировочную завесу», а большую часть своего войска — 30 тысяч солдат, с которыми, кроме легата Квинта Катия, вероятно, находился проконсул Фульвий Флакк — один из лучших римских полководцев, недавно прибывший в Канузий (G. de Sanctis, 1917, III, 2, p. 574). К тому же отряд Клавдия Нерона передвигался столь стремительно, используя не только светлое, но и темное время суток, что его преследование теряло всякий смысл. Всего за несколько дней легковооруженный и не отягощенный обозами отряд благополучно добрался до лагеря Ливия Салинатора, разбитого в окрестностях Сены Гальской (ныне Сенигалья). Сюда же успел подвести свое войско и претор Л. Порций Лицин.

Армия Гасдрубала стояла достаточно близко, и Нерон повел себя осторожно. Он не стал разбивать отдельного лагеря, а разместил своих людей в палатках солдат второго консула. Но эта хитрость не удалась. От бдительного взора карфагенских сторожевых постов не укрылось ни необычайное оживление во вражеском

лагере, ни вид загнанных коней, утомленных недавней стремительной скачкой. Их внимательный слух уловил, что сигналы боевых рожков теперь раздаются два раза, и это без слов говорило, что оба консула успели объединить свои силы^[103]. Встревоженный Гасдрубал решил ближайшей ночью сняться с места и увести своих людей на другой берег Метавра. Мы не знаем и никогда не узнаем, на что рассчитывал брат Ганнибала, затеявая это рискованное предприятие, поскольку ни у Тита Ливия, ни у Полибия в сохранившемся фрагменте, повествующем об этом эпизоде (XI, 1-3), не говорится ни слова. Возможно, он надеялся левым берегом реки удалиться на достаточное расстояние, а затем свернуть на Фламиниеву дорогу, дойти до верхней долины Тибра, а оттуда двинуться напрямик на Рим? Однако Клавдий Нерон заранее предвидел подобное развитие событий, поскольку в своем письме сенаторам потребовал переправить два городских легиона в Нарнию — город, занимавший стратегическое положение между областью сабинов и Умбрией (Тит Ливий, XXVII, 43, 8-9). Как бы там ни было, затея Гасдрубала провалилась. Лишившись проводников, которые от него попросту сбежали, карфагенское войско безуспешно блуждало в излучинах Метавра, тщетно разыскивая брод и практически не продвигаясь вперед. Тем временем римляне шли за ними по пятам. Гасдрубалу пришлось принять бой в самых невыгодных условиях, стоя спиной к реке. Главный удар, лично возглавив солдат-испанцев, он обрушил на левый римский фланг, которым командовал Ливий Салинатор. Центр карфагенских боевых порядков заняли воины-лигуры, набранные во время недавнего перехода через Альпы, впереди которых пустили слонов. Правому римскому флангу под командованием Клавдия Нерона пришлось сдерживать натиск галльских отрядов,

прикрытых слева холмом, который мешал римлянам маневрировать. Тогда консул отвел своих солдат назад, обошел с ними центральную часть римских построений и вышел к своему левому флангу, откуда бросился на противника. Этот маневр и решил исход битвы. Поняв, что проиграл, Гасдрубал направил своего коня в самую гущу римских когорт и пал с оружием в руках.

Несколько дней спустя, когда в Риме после трехдневных всеобщих молений жизнь понемногу возвращалась в нормальное русло и даже деловая активность, как уверяет Тит Ливий (XXVII, 51, 10), вновь начала обретать привычные черты мирного времени, подзабытые за 12 лет непрерывной войны, консул Клавдий Нерон вернулся в свой лагерь близ Канузия. Он привез с собой отрубленную голову Гасдрубала, которую приказал швырнуть в расположение карфагенской армии. Со своих позиций Ганнибал прекрасно видел закованных в цепи пленных солдат-африканцев, двоим из которых римляне намеренно позволили перебраться к своим — в качестве вестников несчастья. Правда ли, что именно в тот день Ганнибал во всеуслышание признал, что фортуна отвернулась от Карфагена (Тит Ливий, XXVII, 51, 12)? Как заметил еще Монтескье, трудно представить себе иные слова, которые могли бы с тем же успехом «ввергнуть в отчаяние доверившиеся ему народы и разочаровать армию, ожидавшую великих наград по окончании войны». Как бы там ни было, Ганнибал не стал спорить с судьбой. Собрав воедино все карфагенские силы, включая гарнизон Метапонта, он направился в самый отдаленный край Бруттия.

Окончание испанской войны

После отбытия Гасдрубала Барки с Иберийского полуострова карфагенское присутствие здесь существенно ослабло. Стремясь заполнить образовавшуюся пустоту, в метрополии приняли решение направить в Испанию несколько дополнительных контингентов, назначив командующим полководца по имени Ганнон. Он соединился с Магоном — последним, младшим братом Ганнибала, по пути на вербовав в свою армию новых солдат-кельтиберов. Силан, продолжавший исполнять обязанности заместителя главнокомандующего, так как ему, как и его начальнику, продлили срок полномочий, двинул против них войско из десяти тысяч пехотинцев и пятисот всадников. Римлянам удалось захватить в плен Ганнона, после чего кельтиберы-новобранцы разбежались, однако Магон, сохранив всю свою конницу и две тысячи пеших воинов, сумел организованно отступить и отвел свое войско к Гасдрубалу, сыну Гискона, в район Гадеса (Кадиса).

Близился к завершению 207 год, и Сципиону не терпелось покончить с испанским фронтом. Он лично повел свою армию к Бетике, намереваясь дать Гасдрубалу бой. Впрочем, вскоре он отказался от этой затеи, поскольку обнаружил, что Гасдрубал, разбив свое войско на множество отрядов, укрыл их по отдельности за прочными стенами крепостей, расположенных в нижней долине Гвадалквивира. Вместе со Сципионом участие в военных действиях принимал его брат Луций — тот самый, в компании с которым он когда-то добился назначения на должность эдила. Луций свою личную карьеру строил в тени брата; позже, в 193 году его изберут претором, в 190-м —

консулом, однако нам неизвестно, в каком именно качестве он служил в армии, руководимой Публием, в испанскую кампанию. Луцию же принадлежит заслуга взятия крепости, которую Тит Ливий называет Оронгис (XXVIII, 3, 2) и которую современные исследователи предположительно располагают на северо-востоке Гренады (J. F. Lazenby, 1978, p. 144); возможно, уточняют они, речь идет о местечке под названием База, том самом, где среди других находок обнаружен один из лучших образцов испанских «дамских голов». На самом деле захват этой крепости в Верхней Андалусии не имел решающего значения; скорее всего, Сципион просто стремился доказать Гасдрубалу, что его тактика «распыления» раскрыта.

Весной 206 года пунийский полководец вывел своих воинов из городов, в которых они провели зиму. Благодаря вербовке, осуществленной Магоном, их ряды значительно усилились: объединенная армия обоих карфагенских полководцев насчитывала теперь 50 тысяч пеших — Полибий даже приводит цифру в 70 тысяч (XI, 20, 2) — и четыре с половиной тысячи конных воинов. Слухи о массовой мобилизации противника дошли до Тарракона, где находился тогда Сципион, имея в своем распоряжении всего четыре легиона. Перед ним встала задача как можно скорее пополнить свои ряды. Силану удалось договориться с иберийским царьком Кульхасом, который предоставил необходимое подкрепление. Вместе с отрядами самого Силана, дислоцированными между Тарраконом и Кастулоном, римская армия насчитывала 45 тысяч пехотинцев и около трех тысяч всадников. Впрочем, Сципион не забыл, что именно измена кельтиберов, в последний момент переметнувшихся к неприятелю, послужила причиной гибели его отца и дяди, а потому он не слишком рассчитывал на иберов, полагая использовать

их скорее для устрашения противника. Победу могли ему обеспечить только собственные легионы.

Решающее для исхода испанской кампании сражение разыгралось под Илипой (у Тита Ливия это место именуется Сильпией; XXVIII, 12, 14). Очевидно, оно располагалось в полутора десятках километров от Севильи, в районе Алькалья-дель-Рио, на правом берегу Гвадалквивира (J. F. Lazenby, 1978, p. 145). Сципион еще не закончил разбивку лагеря, когда на него обрушилась первая конная атака карфагенян, возглавляемая Магоном и Масиниссой, вождем нумидийцев. Однако римский военачальник предвидел подобную опасность и заранее принял меры предосторожности: за одним из окрестных холмов он укрыл крупный отряд всадников, которые и обратили нападавших в бегство. В течение следующих нескольких дней обе армии, построившись в боевые порядки, в основном наблюдали друг за другом, изредка отваживаясь на отдельные вылазки и мелкие стычки. Для тех и других было очевидно, что силы примерно равны. В конце концов преимущества добился Сципион, применив два весьма мудрых тактических приема. Проконсул обратил внимание, что в течение всех предшествующих дней Гасдрубал задерживался с построением своих войск и что африканский корпус — ядро армии — он размещал в центре, а слонами укреплял фланги. Сам Сципион все это время также не спешил с построением, располагая римских легионеров по центру, а иберийских воинов — по флангам. Но в тот день, когда он решился на схватку, он не только поднял своих людей на ранней заре, чем застал Гасдрубала врасплох, но и изменил привычный порядок построения своей пехоты, выставив по центру иберов, а по флангам — римлян. Подробное описание маневра, осуществленного Сципионом, мы находим у Тита Ливия (XXVIII, 14-15), но особенно интересное — у Полибия (XI, 22-24). Верный своей привычке, греческий историк

оставил технически точное описание этой военной операции. Ранним утром римский полководец направил конницу вместе с отрядами велитов и атаковал карфагенскую армию, еще не успевшую завершить боевое построение. Спустя несколько часов он приказал всадникам и легковооруженным пехотинцам вернуться назад и провел их через расступившийся строй иберов, занимавших центральную позицию, в арьергард, разделив на две части, одну направив к правому флангу, другую к левому, причем велиты держались чуть впереди конницы. Лишь после этого он отдал приказ о выступлении единым фронтом. Приблизившись на расстояние в несколько сот метров от неприятельской линии, он и приступил к осуществлению своего тактического маневра. Позволив иберам, занимавшим центр, по-прежнему двигаться вперед, он развернул свои фланги, на которых, как мы помним, выстроил римских легионеров, прикрытых с тыла велитами и конницей, на 90 градусов. Правое крыло, которым командовал он сам, повернуло налево, левое — под командованием М. Юния Силана и Л. Марция Септима — направо. Таким образом карфагенские фланги, состоявшие из иберов, оказались в тисках и приняли на себя чудовищной силы удар, тогда как главные силы Гасдрубала — африканцы и ветераны-карфагеняне, занимавшие центр, — оказались отрезанными от вражеской пехоты и вообще не имели возможности вступить в схватку. К концу дня, измученные больше усталостью и зноем, чем участием в битве, они стали отступать: сначала организованно, а затем в беспорядке. Только разыгравшаяся буря помешала этому бегству обратиться истинной катастрофой. Таким образом, Сципион показал себя достойным учеником Ганнибала, прекрасно усвоившим жестокий урок, который тот преподавал римлянам при Каннах: он не только повторил, творчески

усовершенствовав, фланговый маневр карфагенского полководца, но и успешно использовал разницу между сильными и слабыми частями войска.

Гасдрубал, сын Гискона, после битвы укрылся в Гадесе, откуда вскоре перебрался в Африку, где нам еще предстоит с ним встретиться. Некоторое время спустя в метрополии пришли к выводу, что дальнейшие попытки удержать Испанию стали нецелесообразны, о чем незамедлительно поставили в известность Магона. Предприятие, затеянное Баркидами, к концу 206 года вернулось в ту же точку, из которой в конце второго тысячелетия до нашей эры западные финикийцы начинали свои завоевательные походы. В последних конвульсиях пунической Испании, сопровождавшихся восстаниями Мандония и Индибилиса [\[104\]](#), рождалась другая Испания — римская. Новым завоевателям еще предстояло покорить Илитургис и Кастулон, подавить мятеж в Сукроне, но еще до 205 года, когда Сципион был уже в Риме, а на полуострове находились его последователи Л. Корнелий Лентул и Л. Манлий Ацидин, он успел совершить поступок, расцениваемый потомками как акт созидания в истории романизации Испании (P. Grimal, 1975, p. 140). В нескольких километрах от Илипы, ставшей свидетельницей крушения карфагенского могущества, в местечке, получившем название Италики (Сантипонсе, расположенный к северо-западу от Севильи), он основал *vicus* (поселение) для римских солдат-ветеранов; полтора столетия спустя Цезарь превратил его в муниципий, который еще позже дал рождение двум императорам, чьи имена в эпоху римского господства символизировали апогей римского могущества — Траяну и его наследнику Адриану.

Мыс Лациний

Истинный римлянин, Тит Ливий не любил Ганнибала, что, впрочем, ничуть не мешало ему восхищаться талантами последнего. В 206 году, утверждает историк, римляне не предприняли ни одной попытки добить Ганнибала. После жестокого поражения, которое его соотечественники понесли в битве при Метавре, карфагенский полководец воздерживался от новых военных инициатив, но и враги пока оставили его в покое. По мнению историка, даже в это тяжелое время, когда все вокруг него рушилось и гибло, Ганнибал по-прежнему наводил на римлян ужас и представлялся страшной силой. Как пример исключительности, граничащей с чудом, Тит Ливий приводит тот факт, что в течение тринадцати лет — на самом деле, пятнадцати, — пока он воевал вдали от родины, на чужой, часто враждебной, территории, с пестрой, чтобы не сказать разношерстной, армией, далеко не всегда обеспеченной провиантом и денежным довольствием, среди его солдат ни разу не вспыхнуло ни одного мятежа. И объяснялось это «чудо», во-первых, величайшим авторитетом полководца, в дни поражений проявлявшимся, пожалуй, даже заметнее, чем в дни побед; а во-вторых, крепчайшей связью, которой он сумел сплотить этих людей между собой и привязать их к себе. Но разве не большего удивления заслуживает то обстоятельство, что армия Ганнибала вопреки громадным потерям продолжала существовать, практически не уменьшаясь в размерах, хотя годами не получала из Карфагена ни малейшей поддержки? Чудо не в том, что ее не сотрясали бунты, чудо в том, что она просто не распалась и не разбежалась, даже оказавшись зажатой в тесной клетке Бруттия!

Действительно, в 205 году Сципион, принявший под свое командование сицилийский гарнизон, пересек Мессинский пролив и, опираясь на оставшийся верным Риму Регий, отвоевал город Локры. Если мы возьмем на себя смелость и попытаемся обозначить на карте размеры территории, на которой пунийской армии пришлось «топтаться» в течение долгих трех лет, то, очевидно, нам придется ограничиться районом между Катандзаро, Козенцей и Кротонем, с запада защищенным Калабрийскими Апеннинскими. К северу их присутствие, по всей видимости, не простиралось дальше глубокого изгиба, образуемого заливом Таранто. Таким образом, карфагенские солдаты нашли прибежище в благодатных окрестностях Кротона и на хранящем следы древней греческой культуры побережье, к которому вплотную примыкал лесной массив Сила, кишущий волчьими стаями — невольными соседями солдат Ганнибала и разбойников Бруттия.

Выше мы уже перечисляли целый ряд серьезных причин, вынуждавших Ганнибала любой ценой удерживать как можно более широкий плацдарм на крайней оконечности Южной Италии, руководствуясь которыми он, в частности, предпринял в 213 году попытку, окончившуюся, как известно, неудачей, завладеть лучшим портом побережья — Тарентом. Как мы сейчас убедимся, к 206 году одна из этих причин утратила свою актуальность.

Читатель, возможно, помнит о том, что в 215 году Ганнибал от имени Карфагена подписал соглашение с царем Македонии Филиппом V. И хотя, если верить подробному пересказу Тита Ливия (XXIII, 33, 11), договором специально не оговаривалось обязательство Филиппа высадиться с войском в Южной Италии для военной помощи Карфагену, однако такая возможность подразумевалась. Но на практике она так никогда и не осуществилась. Начиная с 215 года римский флот,

состоявший из пятидесяти судов и дислоцированный в Брундизии, держал под контролем все Адриатическое побережье и залив Таранто, особенно бдительно следя за македонскими берегами. В следующие четыре года — с 214 по 210 год — задачу надзора за греческим и далматским побережьем, в том числе городами Аполлония и Орик, захваченными в 214 году, взял на себя претор М. Валерий Левин, обеспечивший римское морское преобладание от севера Эпира (нынешней Албании) до Коринфского залива. В конце 212 года Левин подписал от имени Рима союзный договор с этолийцами — главным противником македонян, занимавшими территорию между Доридой на востоке и Акарнанией на западе. Согласно этому договору, Рим оставлял за собой право распоряжаться всей военной добычей, а этолийцам обещал не вмешиваться в дележ территориальных завоеваний (Тит Ливий, XXVI, 24). Считая, что Филипп слишком занят войной с соседями, чтобы отвлекаться на Италию и вспоминать об условиях соглашения с Ганнибалом, Левин спокойно удалился на остров Коркиру (ныне Корфу), попавший в сферу римского влияния еще в 228 году.

Пользуясь случаем, отметим, что Греции в этой связи впервые пришлось пережить политически весьма болезненную ситуацию, поскольку римское вторжение осуществлялось «с подачи» самих греков. Полибий, чрезвычайно трепетно относившийся ко всему, что касалось его родины, выразил свои мысли по поводу этого события в форме пророчества, которое воспроизвел, а может быть, сочинил от лица Ликиска, представителя Акарнании, державшего речь перед собранием лакедемонян. В своем стремлении взять верх над Филиппом и унижить македонян, говорил Ликиск, этолийцы не отдают себе отчета, что привлекли с запада тучу, которая в ближайшем будущем накроет не только Македонию, но и причинит неисчислимы

бедствия всем грекам (Полибий, IX, 37, 10). И в самом деле, не прошло и нескольких лет, как сбылось печальное предсказание Агелая из Навпакта, человека достаточно проницательного для того, чтобы еще в 217 году предречь, что, кто бы ни победил в войне — Рим или Карфаген, — платить ее издержки придется грекам.

В 210 году М. Валерия Левина избрали консулом и на македонском фронте его сменил проконсул П. Сулытиций Гальба, продолживший политику союза с этолийцами против Филиппа. Он же привлек к союзу Аттала Пергамского, возглавившего объединенную армию в качестве «стратега». Одержав над Сульпицием и этолийцами две победы, Филипп тем не менее оказался вынужден весной 208 года принять предложенный ему план мирного договора, поддержанный целым рядом нейтральных государств — Афинами, Хиосом, Родосом и даже лагидским Египтом. Посредником выступил мелкий эпирский царек, вставший на сторону этолийцев и римлян против Филиппа. Дипломатическое единодушие миротворцев, стремившихся положить конец войне, по мнению Тита Ливия (XXVII, 30, 10), объяснялось крепнувшим чувством всех заинтересованных сторон, что нельзя давать Риму и Пергаму предлога для вторжения в Грецию. Однако из-за требований, выдвинутых этолийцами, миротворческий проект рухнул, а конфликт не только не пошел на спад, но и выплеснулся на еще более широкую «международную арену»: летом 208 года Филипп получил подкрепление от карфагенского флота (со стороны пунийцев это был первый и последний вклад в борьбу македонян против Рима), а также от царя Вифинии Прусия (Тит Ливий, XXVII, 30, 16).

Но тучи над головой Филиппа продолжали сгущаться. О том, чтобы поспешить на помощь Ганнибалу, даже если раньше он мог об этом думать,

теперь не шло и речи. В 207 году начались волнения на севере Македонского царства, где обитали фракийцы и меды [\[105\]](#). Связанные с Атталом узами союзничества, римляне замахнулись уже и на Евбею, где захватили город Орей. В 206 году Филипп решил, что наиболее удобным для него будет сепаратный мир с этолийцами, и римляне, считавшие последних своими союзниками начиная с 211 года, немедленно сделали вид, что крайне этим возмущены. На самом деле Рим заботило одно: укрепление позиций в Иллирии, завоеванных около полутора десятков лет назад. Что касается Филиппа, то в конце концов он решил не отталкивать руку, протянутую ему царем Эпира — сторонником заключения всеобщего мира, — и, забыв про договор с Ганнибалом, в 205 году в Финикии подписал мир с Римом. И нельзя сказать, чтобы он остался внакладе: в его владения перешла область Атинтания, расположенная на севере Эпира. Рим, в свою очередь, закрепил за собой земли, принадлежавшие партинам (в северной и центральной областях нынешней Албании). Так понемногу начал вырисовываться контур будущей Римской Иллирии, которой предстояло стать форпостом Рима на Балканах. Одновременно Рим заложил прочную базу и создал надежный тыл для грядущих решающих схваток на территории Македонии.

Но вернемся к Ганнибалу. Какие причины могли держать его в Бруттии в 205 году? Ставить вопрос таким образом — значит полностью игнорировать то обстоятельство, что, воюя с Римом, он отнюдь не занимался «отсебятиной», но исполнял приказ карфагенского правительства, пусть и с огромной степенью свободы в выборе стратегии. Что же касается Карфагена, то в те самые дни, когда римский сенат обсуждал планы Сципиона о вторжении в Африку, здесь все еще полагали необходимым дальнейшее усиление

давления на Италию. Разгром армии Гасдрубала принес карфагенянам жестокое разочарование, но не заставил их пересмотреть свои взгляды. Осенью 206 года младший из Баркидов, Магон, находясь в Гадесе, получил из метрополии приказ вести в Северную Италию свой флот, постараться на месте наберечь в свои ряды как можно больше галлов и лигуров, а затем двинуться на соединение с Ганнибалом. Захватив всю государственную казну и заодно обобрать жителей города, Магон существенно «округлил» суммы, присланные из Карфагена, сделал попытку, правда, неудачную, отбить Новый Карфаген, а затем направился к Ивисе, на землях которой, как помнит читатель, карфагеняне издавна чувствовали себя как дома. Оттуда он переправился на Майорку, однако островитяне встретили его столь враждебно, что ему пришлось спешно уносить ноги. Зато на Минорике (ныне Менорка) он повел себя как полновластный хозяин и остался здесь на всю зиму.

К концу весны следующего 205 года Магон снарядил флот из тридцати военных и значительного количества грузовых судов, погрузил на них 12 тысяч пехотинцев и две тысячи всадников и единым переходом достиг лигурийских берегов, что по тем временам было, без преувеличения, настоящим подвигом мореплавания, даже в хорошую погоду. Здесь он без труда овладел Генуей, заключил соглашение с лигурским племенем ингавнов, давних, со времен Первой Пунической войны, союзников Карфагена, спрятал захваченную по пути военную добычу в крепости Савон и отослал корабли назад в Карфаген, оставив себе всего десяток для защиты порта. В течение лета 205 года Магон получил из метрополии новое подкрепление. Одновременно ряды его армии росли за счет лигуров, прежде не имевших дела с римлянами и потому примкнувших к нему достаточно

охотно, и галлов из долины По, которые вели себя несколько более осторожно. Римский сенат узнал о новой надвигавшейся опасности из доклада претора Спурия Лукреция, управлявшего Аримином (ныне Римини) и бдительно следившего за обстановкой в Северной Италии. Началась спешная перегруппировка войск. Проконсул Этрурии М. Ливий Салинатор получил приказ вести свои легионы на соединение с Лукрецием в район Аримина. Городской претор Гней Сервилий Цепион откомандировал в Этрурию два резервных легиона, стоявших в Риме. Под командованием бывшего проконсула Сицилии М. Валерия Левина они двинулись в Арреций (ныне Ареццо), где прежде стояли легионы Салинатора, переброшенные в Аримин. Таким образом, римские войска перекрыли с обеих сторон от Апеннин все возможные подходы к Центральной Италии. Магон в течение почти двух лет держал в своих руках страну инсубров, пока летом 203 года не решился принять бой против четырех римских легионов. Сражение разыгралось близ Медиолана (ныне Милан). Несмотря на использование слонов, пунийская армия не смогла добиться преимущества, когда же рухнул назем раненный в бедро Магон, бившийся в первых рядах, поражение стало неизбежным. Брат Ганнибала все-таки сумел отвести свое войско на лигурийское побережье, где стояли наготове корабли. Магон скончался уже в море, когда его флот проходил мимо Сардинии.

Ганнибал, несомненно, знал об успешной высадке брата в Лигурии, но вряд ли он питал иллюзии относительно возможного воссоединения своей армии с армией Магона в Центральной Италии. Сам он не мог бы проделать и половину пути навстречу брату со своими поредевшими войсками, которые к тому же были заперты в Бруттии и не получали никакой помощи из Карфагена: Тит Ливий сообщает о захвате летом 205 года на широте Сардинии восьмидесяти торговых

кораблей, которые, согласно Целию Антипатру, должны были привести Ганнибалу зерно и продовольствие (XXVIII, 46, 14). Впервые за 13 лет инициатива полностью ускользала из его рук. Слабым утешением в его вынужденном бездействии служил тот факт, что «местом заключения» стал для него древний город Кротон, на который четырехвековое присутствие изысканной греческой культуры наложило свой блестящий отпечаток. В VI веке здесь жил Пифагор, а от сибаритов, тогда еще не вытесненных соседями, кротонцы научились искусству радоваться жизни. Кротонские женщины отличались редкостной красотой, и, если верить Цицерону и Плинию Старшему, у художника IV века Зевксида, получившего от жителей города заказ на портрет Елены, который они намеревались выставить в храме Геры на мысе Лациний, от обилия красавиц, претендовавших на роль модели, разбегались глаза.

Именно на мысе Лациний, расположенном в десятке километров от Кротона, Ганнибал провел лето 205 года. Согласно описанию, оставленному Титом Ливием (XXIV, 3, 37), селение окружала священная роща с особыми пастбищами для жертвенных животных, главным образом бычков, за счет которых процветал местный храм. Сегодня от бывшего великолепия осталась единственная мраморная дорическая колонна, давшая название современному поселению — Капо Колонна. Местным морякам она скромно служит привычным береговым ориентиром, а нам помогает увидеть мысленным взором окруженный величественной колоннадой горделивый храм, когда-то возвышавшийся здесь. Возможно, своими очертаниями он напоминал другой известный храм, также посвященный Гере, — так называемую «базилику» Пестума. Во времена Ганнибала храм, который пощадил и не разрушил побывавший здесь несколькими десятилетиями раньше

завоеватель Пирр, хранил в своем внутреннем святилище, по-латински именуемом *cella*, множество сокровищ, в том числе отлитую из чистого золота колонну. Пунийскому полководцу захотелось проверить, действительно ли колонна цельнолитая, поскольку он подозревал, что она всего лишь обложена золотыми пластинами. Убедившись, что колонна и в самом деле целиком из золота, он, разумеется, испытал сильнейшее искушение забрать ее с собой. Однако ночью, когда он спал, во сне ему явилась Гера (она же Юнона) и пригрозила, что, если он отберет у нее колонну, она в отместку лишит его последнего глаза. Ганнибал проявил похвальную мудрость и не только не стал грабить храм, но даже приказал отлить из золота, отпиленного для проверки, фигурку телки, символизирующую священное стадо — основу финансового благополучия храма, и водрузить ее на вершину колонны. До нас этот анекдот дошел через Цицерона («О предвидении», I, 24, 48), который вычитал его у Целия Антипатра, в свою очередь почерпнувшего его у Силена из Кале Акте, официального историографа Ганнибала. Из-за множества «посредников», через руки которых она прошла, эта история, как и другие, подобные ей, нуждается в «дешифровке», разумеется, бережной и осторожной. Как недавно показал один из самых тонких комментаторов «деяний Ганнибала» (G. Brizzi, 1983, pp. 243–251), вполне вероятно, что свое наиболее полное толкование она обретает будучи рассмотренной в контексте евгемеризма [\[106\]](#), широко распространенного в те времена на берегах Ионического моря. Примерно в эти самые годы в Риме вышел «Евгемер» Энния, из которого широкая публика узнала о существовании занимательного утопического романа «Священная история», почти полностью утраченного. В этом романе Евгемер из Мессины

утверждал, что на некоем острове в Индийском океане, близ Аравии, обнаружил золотую колонну, на которой была записана вполне «земная» история происхождения величайших греческих богов — Урана, Крона и Зевса.

В отличие от этой фантастической надписи информация о Ганнибаловых деяниях совершенно реальна — ибо Полибий видел ее собственными глазами несколько десятилетий спустя. Надпись эта очень объемна (*ingens titulus*) (Тит Ливий, XXVIII, 46, 16), она оставлена самим Ганнибалом на жертвеннике храма. По словам Полибия (III, 33, 18), на бронзовой табличке, посвященной карфагенским полководцем Юноне Лацинии, на двух языках — греческом и пунийском — было выгравировано перечисление его деяний, или подвигов, как называет их Тит Ливий (*res gestae*). Само выражение «*res gestae*» неизменно вызывает в памяти список других «подвигов», совершенных двумя веками позже и упомянутых в политическом завещании Августа, дошедшем до нас в виде двуязычной греко-латинской копии — *monumentum Ancyranum*. К величайшему сожалению, из всего текста, оставленного Ганнибалом, Полибий записал только количественные данные о численности пунийского войска, которое полководец привел в Италию. Помимо чисто фактологической ценности этого документа нас, бесспорно, чрезвычайно заинтересовал бы и стиль изложения. Так, Август в своем завещании говорит от первого лица и хотя в начале документа ставит себе в заслугу восстановление Республики, каждому ясно, что речь ведет монарх. В каких выражениях повествовал о своих «подвигах» Ганнибал? Нет смысла гадать о содержании текста, утраченного для нас навсегда, однако сам факт его существования достаточно красноречив. Пожалуй, он заставляет предположить, что Ганнибал, составляя эту надпись, ощущал себя не

столько полководцем на службе Карфагенской республики, сколько эллинистическим гегемоном. Не случайно он велел изложить список своих «деяний» на двух языках. С пунийским диалектом финикийского языка все ясно, но для чего ему понадобился греческий? Очевидно, свою роль сыграл присущий ему филэллизм, но дело, конечно, не только в нем. Ведь греческий язык в те времена оставался средством международного общения, следовательно, мог обеспечить автору надписи широкое распространение его взглядов. Вот почему мы склоняемся к мысли, что табличку с мыса Лациний следует считать памятником самым честолюбивым замыслам Ганнибала.

Глава VII. Зама

В то время как в Карфагене продолжали считать необходимым присутствие Ганнибала в Бруттии и Магона в долине По, надеясь склонить-таки Италию, измотанную полутора десятками лет непрерывной войны, к заключению выгодного мира, в Риме созрело решение перенести боевые действия в Африку. Как мы вскоре убедимся, летом 204 года армада кораблей, ведомых Сципионом, действительно приблизилась к африканским берегам. Эта акция стала завершением долго вызревавшего в недрах римского сената политического процесса, но также и итогом серьезной дипломатической работы [107]. В Риме отлично сознавали, что успех военной операции на территории Карфагена во многом зависел от того, удастся ли обеспечить нейтралитет, а еще лучше — содействие сопредельных правителей.

Посмотрим на карту Северной Африки конца III века до н. э. Кроме расположенного на востоке Карфагена, чья территория почти полностью совпадала с современным Тунисом, эти земли делили между собой три независимых государства. Крайний запад (северная часть нынешнего Марокко) занимали мавры. Стратегически важная точка, ближе всего расположенная к испанскому побережью, по другую сторону пролива, лежала на их землях, но тем не менее они остались практически в стороне от разыгравшегося конфликта, хотя мавританский царь Бага косвенно принял в нем участие, дважды вступив в союз с Масиниссой. Восточнее течения реки Мулуя (у Страбона носящей имя Мулуха; XVII, 3, 9) начинались обширные владения нумидийцев, разделенные надвое. В годы, непосредственно предшествовавшие завершающему

этапу Второй Пунической войны, на большей половине располагалось западное царство, населенное масесилами — обширное пространство, включавшее не только восточные области Марокко, но и более двух третей современного Алжира. В нем имелось сразу два центра: одна из столиц царя Сифакса — город Сига (ныне Такембрит) — находилась в Орании; благодаря не так давно произведенным раскопкам (F. Rakob, 1978 pp. 149-157) мы знаем, что именно здесь, на высоком холме, был сооружен царский мавзолей; вторая столица — город Цирта (ныне Константина) — располагалась на восточной границе государства. Исследователи еще не пришли к общему мнению в вопросе о том, являлась ли Цирта исконной столицей масесилов (J. Desanges, 1978, p. 646) или стала таковой после 205 года, когда Сифакс аннексировал нумидийское царство массилиев (G. Camps, 1980, pp. 102-103). Последнее отличалось гораздо более скромными размерами и имело не столь широкий выход к морю, ограниченный алжирским полуостровом Колло и устьем Крумири, протекающей в северо-западной части нынешнего Туниса. Некоторые специалисты считают, что древний памятник Медрасен, расположенный к северо-востоку от Батны и представляющий собой любопытное сочетание местных архитектурных форм и греко-египетских декоративных элементов, когда-то был мавзолеем царской династии массилиев (G. Camps, 1973, p. 516). В то время, о котором мы повествуем, Масинисса после целого ряда злоключений сменил на престоле своего отца, царя массилиев Галу и правил больше полувека.

Под пристальным взором нумидийских царей

Как легко догадаться, в схватке Рима с Карфагеном африканские цари не собирались довольствоваться пассивной ролью равнодушных зрителей. Перед каждым из них стоял вопрос, к кому примкнуть, и каждый решал его по-своему. Царь массилиев Гада поддерживал Карфаген: с 212 по 206 год его воины под командованием Масиниссы сражались в Испании бок о бок с пунийцами. Особенно молодой вождь массилиев отличился в 211 году, когда, как помнит читатель, внес немалый вклад в разгром отрядов Публия и Гнея Сципионов. Но в последующие годы Масинисса убедился, что карфагенское могущество рушится на глазах. После жестокого поражения пунийской армии под Илипой он почувствовал, что ветер решительно переменился, и стал добиваться встречи с сыном и племянником своих бывших врагов. Его встреча с будущим Сципионом Африканским состоялась в 206 году в Гадесе (Тит Ливий, XXVIII, 35). Римскому военачальнику Масинисса предложил свою помощь при условии, что военные действия будут перенесены на территорию Африки. Сципион, успевший оценить высокие боевые качества массилийской конницы, с готовностью принял это предложение. К этому времени умер отец Масиниссы, царь Гала, и сыну пришлось срочно вернуться на родину. До самой границы его сопровождал «эскорт» из четырех тысяч мавританских всадников, подданных царя Баги. К 205 году наследнику удалось победить всех своих соперников, но его подстерегала новая опасность. Подстрекаемый Карфагеном Сифакс решил воспользоваться временным ослаблением соседнего государства и напал на царство

массилиев. Масинисса бежал в область Эмпории (Малый Сирт), где стал поджидать прибытия римского флота.

Сифакс, в свою очередь, уже несколько лет приглядывался к римлянам, лелея надежду с их помощью освободиться от карфагенской опеки. В 213 году первый шаг ему навстречу сделали сами римляне. Публий и Гней Сципионы из Испании направили к Сифаксу посольство, предлагая заключить договор о дружбе и взаимопомощи. В 210 году аналогичное посольство отправилось в Рим. Посланцы Сифакса получили задание убедить римский сенат, что у него нет и не может быть союзника более верного и надежного, чем царь массилиев. В Риме их приняли благосклонно, а когда они собрались в обратный путь, с ними отбыли три римских посла, взяв с собой богатые дары для царя: тогу и пурпурную тунику, курульное кресло из слоновой кости и золотой кубок весом в пять фунтов (Тит Ливий, XXVII, 4, 5-9). Однако Сифакс, будучи по натуре человеком крайне осторожным, занял выжидательную позицию, в результате чего к 206 году он все еще считался союзником Карфагена.

Летом того же года Сципион в сопровождении Лелия на двух квинкверемах прибыл из Нового Карфагена в Сигу для встречи с царем масесилов. Уже зайдя в устье Тафны, он с изумлением обнаружил стоящие здесь на рейде триремы Гасдрубала Гискона, который после поражения под Илипой погрузился в Гадесе на корабли, чтобы плыть в Карфаген, и теперь сделал остановку близ Сиги. О том, чтобы устраивать битву на нейтральной территории, не могло идти и речи: обоим пришлось мирно воспользоваться гостеприимством Сифакса [\[108\]](#). Любопытно, что на Гасдрубала эта неожиданная встреча со Сципионом произвела впечатление гораздо более сильное, чем на Сифакса. Имея дело с таким человеком, говорил он

впоследствии, «Карфагену надо думать не о том, что он потерял Испанию, а о том, как бы не потерять Африку» (Тит Ливий, XXVIII, 18, 9). Между тем Сципион, заключив желаемый договор, вернулся в Новый Карфаген в твердом убеждении, что заручился поддержкой нумидийского царя. Но он ошибался. При всей своей готовности услужить римлянам Сифакс ни в коем случае не намеревался ссориться с Карфагеном, чье могущество в Африке продолжало представлять для него угрозу. Кроме того, он, как мы помним, пока Масинисса боролся с претендентами на отцовский престол, присоединил к своим восточным границам царство массилив и превратился в непосредственного соседа Карфагена. Что касается Карфагена, то, понимая неотвратимость грядущей войны на африканской земле, здесь весьма дорожили расположением царя нумидийцев. Ради укрепления этой дружбы в конце 205 года за него выдали замуж дочь Гасдрубала Софонисбу (более корректную транскрипцию пунийского «Сафонбаал», что значит «храняемая Ваалом», дает Тит Ливий — Софониба) [\[109\]](#). Стареющий царь, отец взрослых детей, получил в жены юную красавицу, образованную и прекрасно разбиравшуюся в музыке девушку, столь же умную, сколь и привлекательную. Неудивительно, что Сифакс потерял голову. Результатом этого брака стал клятвенный договор о союзе с Карфагеном. Но Гасдрубалу этого показалось мало. Хорошо зная переменчивый характер царя, он вынудил его отправить к Сципиону, находившемуся тогда в Сицилии, особую делегацию, которой поручил сообщить римскому консулу, что в случае, если римляне высадутся на африканских берегах и посягнут на Карфаген, Сифакс выступит против них (Тит Ливий, XXIX, 23).

Консулат Сципиона (205 год)

Из Испании Сципион вернулся победителем в конце 206 года. Первым делом ему предстояло выступить с отчетом перед сенатом. Согласно правилам, встречая боевого военачальника после очередной кампании, сенат собирался на заседание вне городских стен, на Марсовом поле, точнее, в храме Беллоны, расположенном неподалеку от «портика Октавии», чьи развалины сохранились до наших дней. Сципион не жалел красок, расписывая свои успехи, и надеялся удостоиться триумфа. Увы, согласно традиции, на триумф не мог рассчитывать даже самый прославленный полководец, если в его «послужном списке» пока не фигурировала должность консула или хотя бы претора. Сципион не стал настаивать на своих правах и вошел в Рим пешком. Здесь он торжественно внес в государственную казну груды серебряных слитков весом 14 342 фунта — почти на миллион динариев! — и энное количество серебряных монет.

Триумф, в котором ему отказал сенат, дожидался его на городских улицах. Приближалось время выборов на 205 год, и в Рим устремились массы народу, спешившие не столько принять участие в работе комиций, сколько, как утверждает Тит Ливий (XXVIII, 38, 8), поглазеть на Сципиона. Горожане осаждали его дом, расположенный за *Tabernae Veteres* — Старыми лавками, на границе форума. Впоследствии на этом самом месте появится базилика Семпрониев, а еще позже, во времена Цезаря, базилика Юлиев. Стоило ему явиться в Капитолий, — мы помним, что он имел привычку уединяться для молитвы в этом храме, — как его немедленно окружала толпа зевак. Исполняя обет, данный еще в Испании, Сципион принес в жертву

Юпитеру сотню быков. Но вот начались выборы. Работой комиций руководил консул, срок полномочий которого подходил к концу, патриций Л. Вентурий Филон, друг семейства Корнелиев Сципионов. Новым консулом был избран Сципион, его коллегой стал П. Лициний Красс. Красс принадлежал к плебейскому сословию, но его семья владела таким огромным личным состоянием, что окружающие присвоили ему прозвище Богач (Dives), которое впоследствии носили и все его потомки, включая того Красса, что вместе с Цезарем и Помпеем на закате Республики вошел в первый «триумвират». Тот же Лициний Красс с 212 года занимал должность верховного понтифика, высшую в римской религиозной иерархии, в силу чего не имел права покидать италийскую землю. Поэтому весной 205 года, когда вновь избранные консулы решали вопрос о провинциях, обошлось без жеребьевки: Крассу достался Бруттий, где все еще хозяйничал Ганнибал, а Сципиону — Сицилия.

Почему именно Сицилия? Видимо, потому, что этот остров, уже подчинившийся Риму, рассматривался здесь как удобная «подножка», вспрыгнув на которую можно было добраться и до Африки. В сущности, повторялась ситуация 218 года, когда второй консул Тиберий Семпроний Лонг прибыл сюда для подготовки будущего вторжения в Африку, с той лишь разницей, что теперь, после утраты независимости Сиракузами, римляне чувствовали себя в Сицилии еще более уверенно. Сципион добивался консулата, чувствуя за собой поддержку плебса и вынашивая замысел переноса войны в Африку. Вскоре этот вопрос уже обсуждался в сенате. Сенаторскую оппозицию этому проекту, по свидетельству Тита Ливия (XXVIII, 40-42), выразил Фабий Максим. Как старейший член сената (до смерти ему оставалось два года), он занимал почетную должность «принцепса» и руководил заседанием. Он же

имел право выступать первым по любому вопросу. Высказываясь против африканской кампании, Фабий Максим настойчиво подчеркивал, что за 12 лет войны сельское хозяйство Италии пришло в упадок, что колонии и союзные Риму государства и так принесли на ее алтарь слишком много жертв. По его мнению, вместо всяких рискованных авантур следовало напрямч оставшиеся силы и поскорее изгнать Ганнибала с италийской земли, тем более что его уже удалось вытеснить к самому морю и вынудить защищаться. Речь Фабия выдавала не столько зависть к военной славе молодого Сципиона, сколько глубокое беспокойство того класса римских политиков, чьи интересы выражал старик-сенатор: он смутно ощущал, что за фигурой полководца-победителя поднимается совершенно новый тип политика, все более и более склонный к опоре на простой народ. И не только на народ, но и на армию — вполне возможно, что и до Рима докатились слухи об «имперских» почестях, которые он получил от своих солдат в Испании. В целом, Фабий и клан, который он представлял, не поддерживали идеи расширения границ государства, тогда как естественным следствием военной операции на юге Сицилии стала бы политика экспансии (P. Grimal, 1975, pp. 138-139).

Отстаивая свой план вторжения в Африку, Сципион в ответной речи обратил внимание сенаторов на то, что за минувшие 50 лет ситуация коренным образом изменилась и теперь у него в руках есть козыри, которых не было у Регула, — именно его неудачную попытку вспоминал Фабий, пугая собрание всевозможными опасностями предприятия. Карфаген, говорил Сципион, ослаблен; его нумидийские союзники ненадежны и в любую минуту готовы переметнуться в другой лагерь, как, например, Масинисса; наемники, из которых состоит его армия, склонны к бунтам, как это

показало недавнее прошлое. Несмотря на яркую аргументацию, речь Сципиона вызвала недоверие. Дело в том, что до сенаторов дошли слухи о готовности консула, если он не встретит поддержки, обратиться напрямую к плебисциту. Слово взял другой прославленный полководец, ветеран Кв. Фульвий Флакк, который в лоб задал Сципиону вопрос: согласен ли он с решением сената о выборе провинции или намерен перенести обсуждение дела в комиции? От прямого ответа Сципион ушел и заявил, что будет действовать в интересах государства. Сенаторы явственно ощутили угрозу «потери лица», которая неминуемо ждала их, если бы дело дошло до народного голосования. В конце концов они решили не рисковать, а Сципион согласился не посягать на их авторитет. На этих условиях он получил в качестве своей провинции Сицилию и оговорил себе право начать африканскую кампанию, если того потребуют стратегические интересы государства. Впервые в истории Рима в руках полководца оказались столь весомые полномочия.

Высадка в Африке

Если не считать операции по взятию города Локры, весь 205 год Сципион посвятил подготовке к будущей войне. Сколотить дееспособную армию оказалось совсем не просто. Сенат, так и не простивший ему слишком откровенного давления на свои решения, отказался финансировать новое предприятие за счет Республики. Зато в Сицилии его ждали два легиона, составленные из солдат-ветеранов, оставшихся в живых участников битвы при Каннах. В 216–215 годах они в течение нескольких месяцев несли службу в Кампании, а затем в наказание были переброшены в Сицилию (Тит Ливий, XXIII, 25, 7). С той поры большинство из них успело искупить свою вину, а заодно и приобрести бесценный опыт, участвуя под командованием Марцелла в осаде Сиракуз. На их воинственный дух и сделал ставку Сципион. Кроме того, он объявил набор добровольцев среди умбров, сабинян, марсов и пелигнов, в результате чего его войско пополнилось еще семью тысячами воинов: практически вся Центральная Италия ответила на призыв о мобилизации. К тридцати военным кораблям, стоящим на рейде в Лилибее, он добавил еще столько же — 20 квинкверем и 10 квадрирем. Всю зиму 205/04 года спешно сооруженные суда сошли в порту Панорма (ныне Палермо). Тит Ливий (XXVIII, 45, 14–20) с энтузиазмом перечисляет всех, кто откликнулся на зов Сципиона и внес лепту в оснащение его будущей армии и флота: жители этрусского города Популонии обеспечили тяжелое железное снаряжение; Перузия и Клузий поставили дерево; население Тарквиний и Вольтерры взяло на себя изготовление килей и парусов; наконец, обитатели Арретия проявили неслыханную щедрость и

снабдили полководца массой всевозможных и необходимых вещей, от ручных мельниц для зерна (солдаты получали ежедневный хлебный паек не мукой, а зерном) до дротиков, включая разнообразный инструмент, без которого не обойтись в походе — топоры, лопаты, серпы и даже корзины [\[110\]](#).

В начале 204 года к исполнению своих обязанностей приступили вновь избранные консулы — патриций М. Корнелий Цетег и П. Семпроний Тудитан, плебей и военный трибун, отличившийся храбростью в битве при Каннах (Тит Ливий, XXII, 50, 6-11). Сципион в качестве проконсула еще на год остался командующим армией, а наместником Сицилии стал претор М. Помпоний Матон, по материнской линии приходившийся ему двоюродным братом. Можно сказать, что с этим назначением Сципиону крупно повезло, поскольку весной 204 года, как раз тогда, когда он готовился к африканскому походу, Кв. Фабий Максим от лица сената выдвинул против него серьезное обвинение, возложив на него ответственность за кровавые столкновения между легатом Племинием и его подчиненными — это случилось в Локрах, взятых год тому назад. Фабий надеялся привлечь Сципиона к ответу за самовольную — без позволения сената — отлучку из вверенной ему провинции (Сицилии), а затем поставить перед комициями вопрос о лишении его звания командующего армией. По мнению многих сенаторов, он также заслуживал упрека за свой филэллизм, который он слишком афишировал, а это в ту пору считалось в Риме тяжким проступком. Выпутаться из этой неприятной ситуации проконсулу помог диктатор Кв. Цецилий Метелл, проводивший выборы в отсутствие Красса, из-за болезни задержавшегося в Бруттии. Отметим, что на протяжении следующих лет Цецилий Метелл неоднократно будет оказывать Сципиону помощь и

твердую поддержку. Пока же он предложил, чтобы комиссию по разбирательству беспорядков в Локрах возглавил наместник Сицилии М. Помпоний Матон. Надо думать, что Помпонию пришлось пустить в ход весь свой авторитет, чтобы снять со своего двоюродного брата обвинения. Вообще говоря, семейству Сципионов в те годы неслыханно везло. Чуть позже, в апреле 204 года, сенат избрал «лучшим гражданином» Рима еще одного из его двоюродных братьев — Сципиона Назику, сына Гнея, погибшего в Испании. В этом качестве ему выпала честь с великой pompой встречать в Остии так называемую «Идейскую Мать» — священный камень из фригийского города Пессинунта, переданный тогдашним союзником Рима Атгалом Пергамским. Незадолго до этого Сивиллины книги предсказали, что враг, проникший в Италию, будет побежден и изгнан, если Рим признает культ Кибелы — «матери богов». Назике к тому времени исполнилось всего 25 лет, и он даже не был еще квестуром, и выбор, сделанный сенаторами, привел в недоумение многих, в том числе и Тита Ливия (XXIX, 14, 9), который наверняка имел на этот счет свои соображения, но, к сожалению, не нашел нужным поделиться ими с читателем.

Лето 204 года Сципион провел в Лилибее, где совместно с Помпонием определил количество и состав войск для переброски в Африку. Источники, которыми пользовался Тит Ливий, сообщают достаточно разноречивые сведения об общей численности формировавшейся армии, но в конце концов историк отдал предпочтение наибольшей цифре: 35 тысяч пехотинцев и всадников [\[111\]](#). Учитывая масштаб предстоящей кампании, эти данные и нам представляются наиболее достоверными. Ядро армии составили ветераны Каннского сражения, объединенные в пятый и шестой легионы. Они

отличались особенно воинственным духом и сильнее, чем кто-либо, жаждали реванша. Должно быть, картина отплытия римского войска с берегов Сицилии выглядела впечатляюще: четыре сотни грузовых судов под охраной четырех десятков боевых кораблей; правофланговой эскадрой командовал сам Сципион, рядом с которым находился и его брат Луций; левофланговая эскадра шла под управлением префекта флота Лелия, которому помогал homo novus (новый человек), молодой квестор из плебеев М. Порций Катон, будущий прославленный Цензор.

Если верить Титу Ливию, накануне отплытия Сципион отдал лоцманам приказ держать курс на Эмпории, то есть на Малый Сирт, расположенный за заливом Габес, на южном побережье современного Туниса. Как сообщает латинский историк, на утро третьего дня флот приблизился к мысу Меркурия (ныне мыс Бон). В это время вокруг сгустился туман, скрыв своей пеленой показавшийся вдали берег, и, поскольку приближалась ночь, Сципион приказал бросить якоря и сделать остановку. На следующее утро, когда туман рассеялся и взорам мореходов вновь открылся африканский берег, выяснилось, что это уже не мыс Меркурия, а совсем другое место, в латинском тексте именуемое *Pulchri promunturium*, или мыс Аполлона, то есть «прекрасного бога» (ныне мыс Рас-Эльмекки), образующий северо-западную линию Карфагенского залива (J. Desanges, 1980, p. 210).

На первый взгляд, за прошедшую ночь ветер отнес римские суда не к югу, где прямо по курсу виднелся мыс Бон, а к западу. По версии Тита Ливия (XXIX, 27, 8-13), первоначальный замысел Сципиона заключался в том, чтобы повторить путь, которым в древности прошел Агафокл и совсем недавно Регул, и причалить на побережье Келибии или чуть дальше, в районе Хаммамета, однако волей Эола он оказался гораздо

западнее и, не решившись спорить с богом ветров, велел идти прямо к мысу Аполлона и начать высадку на побережье Утики. Откровенно говоря, нам слабо верится в то, что проконсул мог столь спокойно подчиниться капризу стихии. Гораздо более вероятно, как это предположил еще Гзель (S. Gsell, 1921, III, p. 213), что, даже если туман задержал его у мыса Бон, он продолжал двигаться в заранее выбранном направлении, то есть к побережью Утики. Что касается Эмпорий, названных Титом Ливием в качестве ориентира для римских лоцманов, то их упоминание в тексте можно объяснить двояко: либо историк просто ошибся, либо Сципион прибегнул к военной хитрости, опасаясь карфагенских шпионов, кишевших в окрестностях Лилибея. С другой стороны, мог ли он всерьез рассчитывать, что эта умело запущенная «деза» прибудет в Карфаген намного раньше его самого и сослужит ему добрую службу? В поисках ответа на этот вопрос мы сталкиваемся с проблемой средств оптической сигнализации, наверняка существовавших в те времена и использовавшихся для связи пунической метрополии с мысом Бон (S. Lancel, 1995, p. 402). В хорошую погоду подобная система вполне могла действовать, однако ее эффективность для передачи сообщений между мысом Бон и башнями, выстроенными на западном побережье Сицилии, представляется весьма сомнительной.

Битва на великих равнинах

Нечего и говорить, что высадка Сципиона на мысу Аполлона не прошла незамеченной в Карфагене. Городские ворота немедленно затворились, к крепостным стенам потянулись вооруженные люди — потенциальные защитники Карфагена. Набор ополчения поручили Гасдрубалу, сыну Гискона, который в это время находился в сорока километрах (200 стадиев: Аппиан, «Ливия», 9) от города, по всей видимости, в долине Меджерды. Но полководец не торопился бросать свою плохо подготовленную армию в бой, поджидая подкреплений от нумидийского царя Сифакса. Тем не менее на второй день после высадки Сципиона римлян атаковал отряд всадников, которым командовал некто Ганнон. Римская конница с легкостью отбила эту попытку, за которую командир карфагенян заплатил своей жизнью. Несколько дней спустя проконсул продвинулся со своим войском почти до самой Утики, где и разбил лагерь. Карфаген послал против римлян еще один отряд всадников под командованием еще одного Ганнона, сына Гамилькара, который первым делом постарался пополнить свои ряды за счет нанятых нумидийских всадников, а затем закрепился в местечке под названием Салека, в пятнадцати милях (22 километра) от лагеря Сципиона. Возможно, имеется в виду нынешнее селение Хеншир-эль-Бей, расположенное неподалеку от Матира. Аппиан («Лив.», 14) полагает, что сражение произошло в том месте, где находилась так называемая «Башня Агафокла», чьи развалины найдены в западных предгорьях вершины Мензель-Гхуль. В это же время к Сципиону подоспел со своей конницей Масинисса [\[112\]](#). Совместно разработанный план действий выглядел

следующим образом. Масинисса выманивает из укрытий карфагенских всадников, а римская конница, укрывшаяся на окрестных холмах, ударяет им в тыл. Так и произошло. Карфагенский отряд потерпел сокрушительное поражение, оставив на поле убитыми две тысячи своих воинов, в том числе командира отряда Ганнона и больше двухсот знатных карфагенских юношей.

К концу лета Сципион захватил Салеку и осадил Утику, блокировав город с моря своими кораблями. На круглом холме, возвышавшемся над крепостными стенами в западной части Утики, римляне установили осадные орудия, вывезенные с Сицилии. Тем не менее город не сдавался. Осада длилась уже 40 дней, когда на армию Сципиона с двух сторон начали надвигаться армия Гасдрубала, состоявшая из тридцати тысяч пеших и трех тысяч конных воинов, и войско Сифакса, насчитывавшее 10 тысяч всадников и несколько тысяч пехотинцев [\[113\]](#). Римский полководец счел за лучшее снять осаду и отступить. Стояли уже последние дни осени, и он решил, что пора устраиваться на зимовку. Чтоб не оказаться в кольце между Утикой и двумя подступающими вражескими армиями, Сципион двинулся к мысу, располагавшемуся к востоку от Утики и довольно далеко уходившему в море; сегодня, когда береговая линия сместилась, оконечность этого мыса оказалась на суше, едва выделяясь в дельте Меджерды. Теперь здесь находится деревня Галаат-эль-Андлес. Но в те далекие времена это было идеальное место для лагеря, что позже отмечал Цезарь («Записки о гражданских войнах», II, 24), как-никак разбиравшийся в подобных вещах. Сципион даже присвоил этому местечку свое имя, и действительно, до позднеантичной эпохи оно называлось Кастра Корнелия. Тем не менее итог первой части кампании,

завершившейся с приходом зимы, оставался более чем скромным. Взять Утику так и не удалось, и римская армия, зажатая на узком пространстве мыса, сама оказалась в осаде — Гасдрубал и Сифакс успели подтянуть свои войска и остановились от нее в десятке километров. Снабжение римского лагеря целиком осуществлялось морским путем, и каждый грузовой корабль подвергался риску быть захваченным вражеским флотом. К тому же весной 203 года истекал срок полномочий Сципиона.

Все-таки в марте сенат вновь утвердил его в звании главнокомандующего, правда, отнюдь не на неопределенный срок, вплоть до окончания войны, как ошибочно утверждает Тит Ливий (XXX, 1, 10). Но и Сципион в ту зиму не терял времени даром. Действительно ли он лелеял надежду разрушить союз Карфагена с Сифаксом, перетянув последнего на свою сторону? Именно это утверждает Полибий (XIV, 1, 3), и мы вынуждены принять его слова на веру, поскольку все позднейшие историки, включая Тита Ливия, принимают его версию. Опасаясь вступить в открытый бой с численно превосходившим его противником, который к тому же сражался на своей территории, Сципион предпочел иной путь и вступил в тайные переговоры с царем масесилов. Сифакс повел себя примерно в том же духе, каким были отмечены его переговоры с римским проконсулом в Сиге, взяв на себя роль посредника в мирном урегулировании конфликта между двумя державами. Он по-прежнему не желал портить отношений с Карфагеном, с которым его теперь особенно тесно связала женитьба на Софонисбе, и предлагал выход, приемлемый для обеих сторон: карфагеняне выводят свои войска с италийских земель, а римляне в ответ уходят из Африки. Вполне возможно, что это предложение могло рассчитывать на поддержку и понимание сенаторов той и другой страны, поскольку

и ту и другую успели изрядно измотать 15 лет войны. Положение, в котором находилась армия Ганнибала, вытесненная в Бруттий, не давала Карфагену особых надежд на завоевание Италии; что же касается Рима, то ему в качестве военной добычи оставалась вся Испания. Одним словом, заключение мира на таких условиях выглядело вполне перспективно. Перспективно для многих, но только не для Сципиона, который мечтал о победе.

Тем не менее переговоры он продолжал вести, про себя вынашивая совсем другие цели. От помощников, служивших послами между ним и Сифаксом, он подробно разузнал, как устроен вражеский лагерь. Оказалось, что карфагенские солдаты ночевали в хижинах, сложенных из бревен и веток, а нумидийцы — в привычных для себя тростниковых шалашах — знаменитых мапальях, многие из которых располагались за пределами укрепительных сооружений. Сципион решил внезапно напасть на оба лагеря и поджечь солдатские палатки. Отныне вместе с его послами под видом рабов отправлялись разведчики, собиравшие сведения о точном расположении и подходах к вражескому лагерю. К началу весны он уже располагал всей необходимой информацией и приступил к осуществлению своего плана. На холме, возвышавшемся над Утикой, хорошо знакомом ему со времени попытки взять город осадой, он расположил две тысячи пехотинцев, одновременно сняв с якорей весь свой флот [\[114\]](#). Этим маневром он рассчитывал ввести в заблуждение противника и обезопасить себя на тот случай, если бы гарнизон Утики во время операции стал угрожать его лагерю. Весь вечер накануне решающего дня он провел в приготовлениях. Оставив для обороны своих позиций достаточное число людей, он повел остальных к вражескому лагерю и в

полночь приблизился к нему вплотную. Затем он выслал вперед Лелия с половиной римских легионеров и Масиниссу с его массалиями, поручив им сначала поджечь лагерь Сифакса, а сам остался ждать, пока огонь не охватит со всех сторон палатки нумидийцев, чтобы со второй половиной легионов броситься на лагерь Гасдрубала. Успех операции превзошел самые радужные ожидания. Правда, обоим вражеским военачальникам удалось спастись, но большинство их солдат погибли. Полибий даже утверждает (XIV, 5, 15), что по своей дерзости это была лучшая акция из всех, проведенных Сципионом. В самом деле, осуществив ее практически без потерь со своей стороны, он сумел сравнять численность своей и вражеской армий и создать тем самым предпосылки для дальнейшего успешного наступления.

Римский полководец спешил как можно скорее использовать завоеванное преимущество, хотя и Гасдрубал с Сифаксом торопились хотя бы частично восстановить свои силы. К концу весны 203 года они уже опять располагали 30-тысячным войском, занявшим позиции на Великих равнинах, на расстоянии пятидневного перехода от Утики, то есть в среднем течении Меджерды, в районе современного города Сукэль-Хемис [\[115\]](#). Сципион также подтянул сюда свою армию и, потратив несколько дней на изучение обстановки и пробу сил в мелких стычках с противником, дал большое сражение. Римская конница заняла правый фланг, массалии во главе с Масиниссой — левый; первым противостояла конница Сифакса, вторым — карфагенские всадники. Оба легиона Сципиона выстроились в центре римских боевых порядков, напротив четырех тысяч кельтиберов, набранных Гасдрубалом в Испании. Только этим последним и удалось выдержать натиск римского

войска; благодаря их стойкости Гасдрубал и Сифакс смогли организовать отступление.

Сенат Карфагена незамедлительно сделал выводы из понесенного поражения: теперь опасности подвергалась не только Утика, но и сама пуническая метрополия. Следовало не мешкая вызывать из Италии Ганнибала.

Софонисба

Не собираясь ослаблять нажима на Карфаген и намереваясь захватить Тунет (Тит Ливий, XXX, 9, 10-12), Сципион поручил Лелию и Масиниссе преследование Сифакса, укrywшегося в Нумидии. Царь масесилов оказался в недосягаемости, однако большую часть своих былых владений он потерял: восток нынешней вилайи Константина и западный клин современного Туниса, ранее отвоеванные им у масилов, освободились от узурпатора. Между тем Сифакс не желал мириться с поражением и наскоро собрал многочисленное, но плохо обученное и незнакомое с воинской дисциплиной войско, с которым и выступил в поход. Сифакс встал лагерем неподалеку от римлян, вероятнее всего, в нескольких километрах от Цирты (ныне Константина). 23 июня, по свидетельству Овидия («Фасты», VI, 769), между соперниками разыгралось конное сражение. Масесильская конница, используя численное преимущество, начала теснить римскую, но тут в дело вмешалась римская пехота. Всадники Сифакса дрогнули, царь попытался собрать их и бросить в новую атаку, когда его собственный конь получил смертельную рану и вместе с седоком рухнул на землю. Римские солдаты захватили Сифакса в плен и препроводили его к Лелию. По настоятельному совету Масиниссы легат Сципиона согласился двинуться вместе с пленником к Цирте, куда бежали остатки недобитой армии масесильского царя. Когда нумидийцы увидят своего царя закованным в цепи, утверждал Масинисса, они сложат оружие.

Нужно своими глазами увидеть Константину — удивительный город, каменистой скалой круто взмывающий над узкой горловиной реки Рюмель, как

будто заброшенный сюда песчаной бурей, и так же круто, почти отвесно, обрывающийся с западной стороны, — чтобы представить себе, какие страсти бушевали тогда среди суровых обитателей этой естественной крепости. Даже Тит Ливий, повествуя об этом эпизоде, с трудом сдерживает рвущийся наружу пафос. Надо сказать, что еще в середине XIX века город внешне оставался почти таким же, каким был в античные времена: неприступный снизу четырехугольник площадью около пятнадцати гектаров, в северной части увенчанный вершиной Казбах, на которой во все времена властители города неизменно сооружали «орлиное гнездо» своего дворца. Как много позже, в 1837 году, поступила французская армия под командованием генерала Дамремона, Масинисса подобрался к городским стенам с юго-запада, через узкий перешеек, отделяющий цитадель от холма Гудиат Ати, — единственный путь, по которому можно приблизиться к Константине. Однако пробивать в стене дыры ему не пришлось. Как он и предполагал, узрев своего владыку униженно влачащим по земле тяжкие оковы, жители города сами распахнули перед захватчиком ворота.

Масинисса немедленно бросился во дворец. Если верить Диодору (XXVII, 7), еще до того, как Карфаген решил скрепить союз с Сифаксом, выдав за него Софонисбу, юную дочь Гасдрубала прочили в жены молодому наследнику трона масилов. Однако прежде Масинисса никогда не видел Софонисбу. Теперь же прекрасная царица распростерлась перед ним ниц и, обнимая его колени, как требовал обычай, умоляла его лучше прикончить ее на месте, но не отдавать в руки римлянам. Потрясенный до глубины души — *amore captivae victor captus* [\[116\]](#), как изящно выражается Тит Ливий (XXX, 12, 18), — Масинисса поклялся, что

исполнит ее волю. Впрочем, его тут же осенила более счастливая мысль: если прекрасная карфагенянка согласится стать его женой, ей не придется гибнуть. Свадьбу отпраздновали немедленно, не дожидаясь Лелия, который замешкался в городе. Когда же наконец римский легат явился, его поставили перед свершившимся фактом. Разгневанный Лелий потребовал, чтобы «молодожены» предстали перед главнокомандующим.

Развязка драмы перенеслась в лагерь Сципиона. К несчастью, проконсул уже успел переговорить с Сифаксом [\[117\]](#) (остаток своей жизни он провел в неволе, в городе Тибур, ныне Тиволи), который охотно признал всю глупость своего противостояния римлянам, объяснив, что пал жертвой вероломной карфагенской обольстительницы, втянувшей его в эту опасную авантюру. Легко представить себе, что испытал Сципион, когда ему доложили, что теперь и Масинисса потерял голову от любви к Софонисбе. Проконсул долго увещевал Масиниссу, говорил о его долге перед союзниками, утверждал, что жизнь карфагенянки принадлежит Риму, и требовал ее немедленной выдачи. Не желая отдавать только что обретенную супругу живой в руки врага, Масинисса послал ей кубок с ядом. Надо думать, этот шаг дался ему не легко. Что касается Софонисбы, то она приняла смерть с истинно царским величием, продемонстрировав огромное моральное превосходство над своим мужем-однодневкой, пожертвовавшим любовью в угоду политическим интересам. Трагическая фигура, прославленная картинами европейских художников века классицизма, героиня опер и трагедий, Софонисба, чей портрет нарисовал Тит Ливий, заняла достойное место в галерее образов удивительных женщин, которые служат как бы вехами в истории древней Северной Африки, от Дидоны

до Кахины [\[118\]](#) (G. Camps, 1992). На следующий день после гибели Софонисбы Сципион, выступая перед строем солдат, впервые провозгласил Масиниссу царем и вручил ему знаки царского достоинства, в том числе скипетр из слоновой кости, по-латински именуемый сципионом.

Возвращение Ганнибала в Африку

Поражение и плен Сифакса, на помощь которого так рассчитывали в пунической метрополии, произвели на Карфаген самое тягостное впечатление [\[119\]](#). О бурных дебатах, наверняка сотрясавших стены карфагенского сената в те дни, не упоминает ни один из имеющихся у нас источников, однако мы знаем, что в конце концов большинством голосов было решено направить депутацию Сципиону. Как несколько позже догадались в Риме, эта акция, задуманная не без влияния клана Баркидов, имевших в Совете старейшин солидный вес, преследовала вполне конкретную цель: выиграть время, необходимое для вызова из Италии Ганнибала с войском. Так или иначе, но летом 203 года группа из тридцати сенаторов — возможно, речь идет о том же самом Совете Тридцати, который, как мы помним, действовал и во время войны с наемниками, — направилась в Тунет, который после «воцарения» Масиниссы избрал местом своей резиденции Сципион. Следуя восточному обычаю «проскинезии», просители простерлись перед проконсулом ниц, — впоследствии римские императоры войдут во вкус и возьмут на вооружение этот милый ритуал, — однако современников Сципиона поведение послов поразило. Некоторое время спустя, когда Карфаген нарушил достигнутое соглашение о перемирии и проконсулу пришлось с тремя из своих послов отправить в метрополию протест, римские посланцы не преминули напомнить сенаторам об унижительном, с их точки зрения, пресмыкательстве пунийцев перед проконсулом (Полибий, XV, 1, 6–7).

Речь, с которой члены Совета Тридцати обратились к Сципиону, отдавала тем же духом самоуничужения:

карфагеняне признавали себя виновными в развязывании войны, однако ответственность за это целиком возлагали на Ганнибала и поддерживающий его клан. Так, во всяком случае, утверждает Тит Ливий (XXX, 16, 5). Завершал их речь призыв к благородству победителя. Сципион в ответ продиктовал свои условия: Карфаген возвращает Риму всех пленных, всех дезертиров и беглых рабов; выводит из Южной Италии и из долины По свои войска (отметим, кстати, что в это время разгромленный и тяжелораненый Магон и так готовился оставить италийскую землю); отказывается от всех притязаний на Испанию и острова, лежащие между Италией и африканскими берегами (это означало, в первую очередь, потерю Балеарских островов, в частности Ивисы, которой Карфаген владел с середины VII века); сдает весь свой военный флот кроме двадцати кораблей; выплачивает контрибуцию в размере пяти тысяч талантов и, наконец, берет на себя обеспечение римской армии гигантскими количествами зерна.

Фактически Сципион, что называется, выложил карты на стол. Он прекрасно понимал, что взять Карфаген силой ему вряд ли удастся. Глядя на освещенные лучами заходящего солнца мощные укрепительные сооружения, защищающие город, раскинувшийся на другом берегу Тунетского озера, он, разумеется, отдавал себе отчет, что карфагеняне будут яростно обороняться и у него нет никаких шансов сломить их сопротивление в разумные сроки. И мы знаем, что несколько десятилетий спустя, в 149–146 годах, осажденный Карфаген действительно продержался целых три года, хотя его пытались штурмовать лучшие римские полководцы [\[120\]](#) (S. Lancel, 1992, pp. 434–446). И конечно, Риму не терпелось покончить с изнурившей его войной. Если же

вспомнить, что совсем недавно Италия сама подвергалась смертельной опасности, то перспектива навсегда исключить Карфаген из числа потенциальных врагов, лишить его боевого флота и запереть в пределах африканских владений представлялась тем самым счастливым исходом, о котором прежде не приходилось и мечтать.

Сципион дал карфагенянам на размышления три дня, и сенат принял его условия. Что касается клана Баркидов, то они пошли на эту сделку не без задней мысли: всякая передышка играла им на руку, поскольку давала возможность вызвать из Италии Ганнибала, который — как знать? — может, и сумеет переломить ход событий. Осенью 203 года в сопровождении Кв. Фульвия Гиллона, одного из ближайших помощников Сципиона, делегация карфагенян направилась в Рим, сделав по пути остановку в ПUTEОЛАХ. Римляне приняли их не в городе, а на Марсовом поле, в храме Беллоны, и приняли скорее прохладно. Не помогли и настойчивые попытки пунийцев всю ответственность за случившееся взвалить на одного Ганнибала. Придерживаясь избранной линии, они с невинным видом заявили, что им поручено обговорить возврат к условиям мирного договора 241 года, с римской стороны подписанного Лутацием, чем лишь ожесточили сенаторов, среди которых нашлись люди достаточно преклонного возраста, лично участвовавшие в его подготовке и отлично помнившие все его условия. Сославшись на свою молодость, карфагенские делегаты сделали вид, что им впервые стали известны некоторые статьи того давнего договора, и услышали в ответ негодующий хор упреков в пунийском вероломстве (Тит Ливий, XXX, 22, б). В действительности же карфагеняне преследовали совсем другую цель, пытались извлечь выгоду из растущего недовольства Сципионом, о котором догадались по высказываниям некоторых сенаторов.

Особенно откровенно вели себя представители старинного рода Сервилиев, уроженцев Альба-Лонги, которым удалось в 203 году провести в консулы сразу двух «своих»: Гнея Сервилия Цепиона и Г. Сервилия Гемина. Правда, ни тот ни другой участия в заседании не принимали, поскольку Цепион находился в Бруттии, наблюдая за Ганнибалом, а Гемина держали в Этрурии дела. В качестве «первого сенатора» — *princeps senatus* — выступал тогда М. Ливий Салинатор, сменивший на этой почетной должности Кв. Фабия Максима, в ту пору либо уже умершего, либо доживавшего последние дни. Он-то и предложил отсрочить принятие окончательного решения до приезда Гемина, который все-таки находился ближе к Риму, чем его коллега, и потому сенаторы вознамерились вызвать именно его.

Нельзя, заявил Ливий Салинатор, обсуждать столь важный вопрос в отсутствие консула. На деле это означало стремление сената перехватить у Сципиона инициативу переговоров, начатых еще в Тунете. На выручку проконсулу поспешил его верный сторонник Кв. Цецилий Метелл, напомнивший собранию, что лишь благодаря победам Сципиона они получили возможность обсуждать условия капитуляции Карфагена и кому, как не Сципиону, лучше всех знать истинные намерения поверженного врага. Согласно Титу Ливию, последнее слово осталось за консулом 210 года М. Валерием Левином, который предложил отправить послов назад, обеспечив их надежной охраной, а Сципиону велел продолжать войну. Большого доверия, на наш взгляд, заслуживает версия, изложенная Дионом Кассием (фрагменты 56, 77), согласно которой сенат вообще отказался обсуждать что бы то ни было до тех пор, пока карфагенские войска не покинут италийскую землю. Лишь после того как Ганнибал и Магон увели свои армии из Италии, сенаторы после долгих споров закрепили условия

договора, предложенные проконсулом. Благодаря Полибию (XV, 1, 3), рассказом которого мы вновь располагаем, начиная с описания событий 202 года, мы совершенно точно знаем, что сенат и римский народ одобрили составленный Сципионом договор и случилось это, по всей видимости, зимой 203/02 года.

Пока в Риме кипели страсти по поводу мирного договора, Ганнибал готовился покинуть Бруттий. Тит Ливий (XXX, 20) полагает, что он испытывал при этом горечь и сожаление, и мы ему охотно верим. Грузовых судов, прибывших из Карфагена, оказалось недостаточно, и ему пришлось заняться постройкой и оснащением новых (Аппиан, «Ганн.», 58), зато отборные части его войска, очевидно, тысяч 15-20 солдат, сумели вместе с полководцем переправиться в Африку [\[121\]](#). Именно им предстояло в скором времени составить третью линию боевого построения, которое Ганнибал бросит в бой при Заме. Корабли пристали к берегу в районе тунисского Сахеля, близ города Малый Лептис (ныне Лемта), между Тапсом (ныне Рас-Димас) и Руспиной (ныне Монастир). Так, осенью 203 года карфагенский полководец вновь ступил на землю Африки, которую покинул ребенком и которая наверняка теперь казалась ему незнакомой страной.

Ганнибал расквартировал свое войско неподалеку от места высадки, в Гадрумете (ныне Сус). Существовал целый ряд причин, заставивших его не торопиться с визитом в пуническую метрополию. Во-первых, он не доверял карфагенскому сенату, тон в котором слишком часто задавала фракция, возглавляемая давним врагом его рода Ганноном. Клевета, которой осыпал Ганнибала за его спиной этот завистливый трус, и привела в конечном счете, как считал сам полководец, к тому, что сорвался его план завоевания Италии. Во-вторых, не исключено, что до него дошли слухи о том, как вели

себя карфагенские сенаторы сначала со Сципионом, а затем и в Риме, бессовестно переложив на его плечи всю ответственность за развязывание войны. На зимние квартиры он устроил своих солдат в Бизации, то есть в достаточном отдалении и от правительства Карфагена, и от армии Сципиона, справедливо рассудив, что в ближайшее время ему понадобится полная свобода маневра. Заняв такую позицию, он мог совершенно спокойно снабжать войско продовольствием, получать подкрепление и готовиться к будущей схватке с противником подальше от его зорких глаз. Наконец, именно на этом побережье Ганнибал чувствовал себя дома: здесь располагались его поместья, здесь он мог не тревожиться за собственную безопасность.

Битва при Заме

Перемирие, заключенное со Сципионом осенью 203 года, продлилось несколько месяцев, пока в начале весны 202 года Карфаген не нарушил его.

Для снабжения римской армии продовольствием к берегам Африки двигались два крупных каравана судов: первый из Сардинии, второй из Сицилии. Первый благополучно достиг пункта назначения, а вот второй, едва миновав мыс Бон, попал в шторм. Корабли сопровождения сумели добраться до мыса Аполлона (Рас-эль-Мекки), но двум сотням тяжелогруженных судов повезло меньше. Часть из них прибило к острову Эгимур (ныне Зембра), другие причалили к западному побережью мыса Бон, в местечке, которое Тит Ливий (XXX, 24, 9) называет Акве Калиде (дословно «горячие воды»). Вполне возможно, что речь идет о старинном курорте Акве Карпитане, действующем до сих пор и расположенном в Корбусе, напротив Карфагена, по другую сторону залива. Можно сказать, что кораблекрушение разыгралось прямо на глазах жителей Карфагена, ставших его невольными зрителями. Оголодавшему городскому населению заманчивой показалась идея воспользоваться содержимым разбитых кораблей, хотя все, конечно, понимали, что тем самым нарушили бы условия перемирия, заключенного с Римом. В конце концов жадность взяла верх над здравомыслием, и 50 военных кораблей под водительством наварха Гасдрубала двинулись к пострадавшим от бури римским судам, захватили их и привели в карфагенский порт.

Весть о нарушении противником перемирия достигла слуха Сципиона одновременно с подоспевшим из Рима сообщением, что сенат одобрил условия

подготовленного им договора. Но прежде чем признать случившееся свершившимся фактом, он сделал последнюю попытку урегулировать конфликт, отправив в Карфаген трех послов, которым поручил поставить пуническую метрополию в известность о том, что Рим одобрил составленный им мирный договор, и потребовать репарацию за пиратскую акцию карфагенян. В Карфагене посланцы Сципиона повели себя так надменно, откровенно насмехаясь над упованиями пунийцев на спасительное возвращение Ганнибала, что сумели настроить против себя почти всех сенаторов, из которых лишь несколько человек остались при мнении, что корабли вместе с грузом лучше вернуть. Согласно некоторым источникам (Диодор, XXVII, 12; Аппиан, «История Ливии», 34), римляне даже едва не пали жертвой разъяренной толпы, от которой их спасло лишь вмешательство лидеров антибаркидской группировки — старого Ганнона и некоего Гасдрубала по прозвищу Козленок (Гед). Однако, повторяем, большинство сенаторов жаждали обострения отношений и даже подготовили послам Сципиона западню. Выделенные для сопровождения римской квинкверемы в Кастра Корнелию (Галаат эль-Андлес) две карфагенские триремы получили приказ довести «подопечных» только до устья Меджерды, где их уже поджидали другие три триремы, спрятанные в засаде с целью внезапного нападения. Этот план осуществился наполовину: большинство римских солдат, охранявших квинкверему, погибли в схватке, однако все три посланца Сципиона выбрались из битвы живыми и невредимыми.

Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений, что новый виток войны неизбежен. Готовясь выступить в поход, Сципион поручил оборону своего лагеря одному из благополучно вырвавшихся из Карфагена послов Л.

Бебию Дивесу. Вскоре он уже встречал вернувшихся в Кастра Корнелию из Италии карфагенских «парламентеров», которых сопровождала римская охрана. Узнав о «приеме», который оказали посланцам Сципиона в Карфагене, пунийские дипломаты изрядно перетрусили, однако, как утверждает Полибий (XV, 4, 5-12), Сципион не собирался мстить этим людям за подлость соотечественников и велел препроводить их домой, не причинив им никакого вреда.

К сожалению, мы не располагаем точной хронологией действий Ганнибала в течение зимы 203/02 года, но логично предположить, что он полным ходом готовился к будущей схватке, так что известие о нарушении карфагенянами перемирия не застапо его врасплох. Он делал запасы хлеба, закупал лошадей, заключал союзы с вождями нумидийских племен. Так, ему удалось перетянуть на свою сторону ареакидов, о существовании которых мы и знаем только благодаря этому факту (Аппиан, «История Ливии», 33). Массильский вождь Мазетул, незадолго до этого поссорившийся с Масиниссой, увеличил войско Ганнибала еще на тысячу всадников. Напротив, упоминание Диодора (XXVII, 10) о помощи, с которой якобы явился к нему сын Сифакса Вермина, вызывает у нас серьезные сомнения. Как-то не верится, чтобы Ганнибал приказал казнить четыре тысячи всадников, прежде воевавших под началом Сифакса, а затем переметнувшихся к Масиниссе и, наконец, явившихся предложить свои услуги карфагенскому полководцу. Ганнибал слишком нуждался в союзниках, чтобы отталкивать от себя нумидийцев. Зато вполне достоверным выглядит сообщение Полибия (XV, 3, 5) о переговорах Ганнибала с родственником Сифакса, неким Тихеем, который предвидел, что в случае победы римлян Масинисса даст волю своим честолюбивым устремлениям, а потому охотно согласился вместе с

двумя тысячами своих конников вступить в карфагенское войско.

Как только Сципион убедился, что перемирие нарушено, он отправил к Масиниссе гонцов, велел собирать как можно более многочисленное войско и не мешкая вести его в долину Меджерды. Тем временем сам он предпринял опустошительный рейд по всей области, в ту пору богатой и густонаселенной, грабя города и обращая их жителей в рабов (S. Lancel, 1992, pp. 290–291). Вскоре в Гадрумет, где стояла армия Ганнибала, прибыла целая депутация от карфагенского сената, умолявшая полководца положить конец разорению и поскорее разбить врага. Ганнибал довольно надменно отвечал, что и без советчиков знает, что ему следует делать; тем не менее несколько дней спустя он оставил Гадрумет и повел свое войско в район Зама.

О Заме Полибий (XV, 5, 3; то же повторяет Тит Ливий, XXX, 29, 2) сообщает лишь то, что располагалась она в пяти днях ходьбы от Карфагена, если двигаться к западу. Современные специалисты, долго колебавшиеся, которому из двух одноименных мест под названием Зама-Регия отдать предпочтение, пришли наконец к согласию и решили, что историческая битва состоялась близ города, впоследствии многократно упоминаемого в древнеримских источниках и служившего резиденцией нумидийским царям, чем, собственно, и объясняется вторая часть имени — Регия (Царская). Правда, до сих пор точно не установлено, где именно находился этот город. Имеется две версии. Согласно первой, древняя Зама — это нынешний Себа Бьяр, отстоящий на 17 километров от Мактара; согласно второй, более правдоподобной, это местечко под названием Джама, расположенное 30 километрами севернее. Не говоря уже о топонимии, возможно, хранящей следы древнего названия, здесь также

обнаружено значительное количество старинных развалин (J. Desanges, 1980, pp. 322–323).

Но почему же все-таки местом битвы стала Зама? Почему решающее сражение разыгралось так далеко к юго-западу от нижней долины Меджерды, где хозяйничали солдаты Сципиона? Ни Полибий, ни Тит Ливий не позаботились о том, чтобы ввести нас в курс дела относительно передвижений Сципиона, но мы можем предположить, что он переместился несколько западнее, ближе к среднему течению Меджерды, очевидно, спеша навстречу Масиниссе. Не исключено, что Ганнибал, двигаясь напрямик в направлении массильского царства, надеялся разбить Масиниссу до того, как тот успеет соединиться с римлянами (см. W. Huss, 1985, p. 416) [\[122\]](#). Как бы там ни было, добравшись до Замы, пунийский военачальник перво-наперво решил выяснить расположение римской армии и выслал разведчиков. Но тем не повезло — они нарвались на вражеский сторожевой отряд и были препровождены к Сципиону. Что же сделал проконсул? Приставив к шпионам Ганнибала одного из своих помощников-трибунов, он позволил им осмотреть весь римский лагерь, а затем отпустил восвояси, порекомендовав честно доложить обо всем увиденном начальству. Похоже, Сципион решил воспроизвести широкий жест Ксеркса, о котором он вполне мог прочитать у Геродота («История», VII, 146): некогда царь персов точно так же обошелся с греческими лазутчиками, посланными в Сарды. Эта смелость и уверенность в себе Сципиона пробудили в душе Ганнибала острое любопытство, и он предложил римлянину встретиться прежде, чем оба вступят в открытый бой. Спустя короткое время он узнал, что в римский лагерь прибыл Масинисса с войском, состоявшим из шести тысяч пеших и четырех тысяч конных воинов. Прекрасно сознавая, что

предстоящая битва будет иметь для него решающее значение, поскольку Карфаген поставил на карту значительно больше, чем Рим, Ганнибал, возможно, надеялся достичь выгодных для себя договоренностей. Однако после подхода Масиниссы соотношение сил изменилось не в его пользу, и теперь тон на переговорах, даже если бы они состоялись, стал бы задавать Сципион...

Между тем римский полководец снялся с места и перенес свой лагерь в место, которое Полибий (XV, 5, 14) называет Маргарон, а Тит Ливий, почти дословно повторяющий в описании этого эпизода Полибия, именует Нараггара. Новейшие комментаторы долго бились над разрешением этого противоречия, пытаясь определить, кто из двух историков допустил ошибку, пока совсем недавно не родилось предположение, что, возможно, речь идет о двух слегка отличающихся написаниях одного и того же пунийского топонима, который, должно быть, звучал как «Нахаргара» или «Нахргара» (D. Nizza, 1980, pp. 85–88). Эту гипотезу косвенно подтверждает тот факт, что в рукописной традиции Тита Ливия встречается также вариант написания «Наркара». Остается лишь узнать, где именно располагался этот город. Одна Нараггара, существовавшая в римскую эпоху, нам хорошо знакома — это нынешний Сакхиет Сиди Юсеф, находящийся на тунисско-алжирской границе. Против его «кандидатуры» имеется только одно возражение, но существенное: город отстоит от Замы-Джамы почти на 100 километров к западу. Далековато. Впрочем, мы уже убедились (на примере той же Замы), что топонимические близнецы встречались в те времена довольно часто, поэтому ничто не мешает нам допустить, что поселение с таким же именем вполне могло существовать неподалеку от Замы, располагаясь несколько севернее, очевидно, где-то в районе между

вади [\[123\]](#) Тесса и вади Силиана. Отметим, что античные историки подобными вопросами не задавались. Вслед за современником Цицерона Корнелием Непотом они, недолго думая, поместили решающее сражение в район Замы (подле Замы — *apud Zama* — как более обтекаемо говорит Непот; «Ганнибал», VI, 3), и с той поры слово «Замы» звучит для потомков, как свист хлыста, как тревожный сигнал боевой трубы, неизменно вызывая в памяти знаменитую битву, в которой встретились два величайших полководца того времени, более того, и всей античной истории.

Что касается предварительной встречи Ганнибала со Сципионом, то никаких серьезных оснований сомневаться в историчности последней у нас нет. О ней упоминает Полибий, менее всего склонный драматизировать события в поисках дешевых эффектов, а ведь он находился в привилегированном положении, поскольку благодаря близости к семейству Сципионов имел доступ к самым надежным источникам. И если Тит Ливий постарался изложить это событие в собственной, гораздо более торжественной «аранжировке», по мотивам которой впоследствии была создана целая серия гобеленов (по картинам Джулио Романо), то греческий историк довольствуется скупой ссылкой на то, что подобная встреча имела место, причем протекала с глазу на глаз, если не считать присутствия нескольких конных телохранителей с той и другой стороны. Ганнибал играл по-крупному, понимая, что даже блестящая победа позволит ему всего лишь освободить африканскую территорию Карфагена, тогда как поражение будет означать полное подчинение власти Рима. Но все-таки Ганнибал оставался Ганнибалом, иными словами, живой легендой. И он, как утверждает Полибий, попытался надавить на своего соперника [\[124\]](#), который к тому же был на 12 лет

моложе его. Он предложил Сципиону не рисковать и принять его условия, в целом вполне устраивавшие Рим: Карфаген отказывается от Сицилии, Сардинии, Испании и всех островов, лежащих между Африкой и Италией. На самом деле Карфаген, согласись Сципион принять сделку, терял бы гораздо меньше, чем предусматривали статьи договора, разработанного проконсулом и одобренного, как помнит читатель, Советом старейшин, того самого договора, который Карфаген первым и нарушил. И Сципион отказался. Либо Карфаген признает власть Рима, заявил он, либо все решит оружие.

На следующий день, ранним летним (возможно, и осенним) утром началась битва. Шел, как мы помним, 202 год. Ганнибал выставил около пятидесяти тысяч воинов, включая балеарцев, галлов, лигуров и мавров, которых удалось на вербовать Магону несколькими годами раньше. Ядро его армии составляла пехота, имевшая в своих рядах немало испанских и африканских ветеранов, а также италиков, явившихся вместе с ним с Бруттия, и, наконец, карфагенских и ливийских солдат, мобилизованных чуть раньше Гасдрубалом, сыном Гискона. Согласно Аппиану («История Ливии», 41), Сципион имел в своем распоряжении 23 тысячи пехотинцев плюс шесть тысяч воинов Масиниссы. Главное его преимущество перед армией пунийцев заключалось в наличии более многочисленной и более опытной конницы. Зато карфагеняне смогли выставить 80 слонов, расположив их впереди своего боевого строя. Сразу за слонами Ганнибал выстроил отряды наемников, вторую линию образовывали ливийцы и карфагеняне из бывшей армии Гасдрубала. Тит Ливий, правда, утверждает (XXX, 26, 3 и 33, 5), что в битве участвовала и одна македонская фаланга, якобы присланная Филиппом; однако нам это представляется сомнительным, тем более что

остальные источники ни о каких македонянах не упоминают. Третья линия карфагенского построения, отодвинутая от первых двух на расстояние стадия (около 200 метров), состояла из ветеранов италийской кампании. По существу, это была старая гвардия Ганнибала, и неудивительно, что сам полководец занял место в ее рядах. На левом фланге выстроилась конница союзников-нумидийцев; на правом — карфагенская конница. На основе этих данных мы, по крайней мере, можем судить о том, какую тактику собирался применить Ганнибал. Малочисленность кавалерии не позволяла ему повторить окружающий маневр, с таким блеском использованный при Каннах. Все, на что он мог рассчитывать с помощью своей конницы, — это сдержать натиск мощной римской кавалерии и прикрыть от удара своих ветеранов; как мы вскоре убедимся, именно это он и попытался осуществить, впрочем, не вполне успешно. Главные свои надежды он связывал с пехотой, выстроенной с таким расчетом, чтобы бросать ее в бой постепенно, частями. По его замыслу, слоны должны были расчистить дорогу отрядам наемников, и лишь затем на вражескую армию обрушилась бы вторая линия его пехотинцев. Свои отборные войска он приберег напоследок, предполагая в случае успеха довершить их силами разгром противника, либо, если военная удача отвернется от него, организовать с их помощью отступление и свести к минимуму свои потери. Сципион также расположил свои войска в три линии, прибегнув к привычному для римской армии той поры построению. Впереди стояли самые молодые солдаты-копейщики — *hastati*, на самом деле вооруженные вовсе не копьями, а дротиками; за ними выстроились тяжеловооруженные принципы; наконец, третий ряд составили триарии — самые опытные бойцы, вооруженные пиками, которые одни были способны переломить ход сражения в свою

пользу. Кое в чем, однако, Сципион отступил от правил. Вместо принятого расположения в шахматном порядке, при котором принципы как бы закрывали собой промежутки в строю копейщиков, он выстроил одних за другими, оставив между их рядами длинные коридоры, тянувшиеся перпендикулярно к линии фронта — сюда, по мысли Сципиона, должны были ринуться вражеские слоны. Параллельно передней линии он также предусмотрел значительные промежутки, чтобы обеспечить свободой маневра легковооруженных велитов. Римскую конницу, занявшую левый фланг, возглавил Лелий; на правом фланге расположился Масинисса со своим войском, включая пеших и конных бойцов, причем часть его легковооруженных пехотинцев выстроилась позади римского войска в качестве резерва.

Если верить Полибию, сражение протекало в два отчетливо различимых этапа. После взаимных предварительных кавалерийских наскоков на противника двинулись слоны Ганнибала, однако ожидаемого успеха эта операция не принесла: часть животных сразу же повернула вправо, а остальные устремились в коридоры, оставленные Сципионом в своем войске, практически не причинив римским солдатам никакого вреда. Схватка пехотинцев также развивалась совсем не так, как на это рассчитывал карфагенский полководец, надеявшийся, что первой линии его бойцов удастся смять передовую римскую пехоту. На самом же деле под натиском копейщиков Сципиона дрогнули именно карфагенские ряды, так что вторая их линия вступила в схватку в обстановке начавшейся сумятицы. Они откатились на пустое пространство, оставленное Ганнибалом перед строем ветеранов, и тогда, стремясь избежать всеобщего смешения, полководец приказал своей гвардии разделиться надвое и сгруппироваться по флангам

бывшей линии фронта. После этого битва вступила в свою вторую фазу. Сципион собрал копейщиков в центре, а по бокам от них выставил принципов и триариев. Теперь обе армии стояли друг против друга, каждая вытянувшись в единую линию равной протяженности. У ветеранов Ганнибала в этих условиях сохранялись неплохие шансы на победу, однако в тот момент, когда битва была в самом разгаре, на помощь своим подоспели всадники Лелия и Масиниссы, бросившие преследовать карфагенскую конницу и вернувшиеся на поле сражения. Напав с тыла на лучшие части армии Ганнибала, они не оставили от них камня на камне. К концу дня выяснилось, что потери римлян составляют от силы две тысячи бойцов, тогда как у карфагенян полегло около двадцати тысяч солдат, да еще почти столько же оказалось захвачено в плен. Ганнибал с небольшим отрядом всадников покинул место битвы и укрылся в Гадрумете.

Мирный договор 201 года. Смех Ганнибала

Нет ничего удивительного в том, что, потерпев поражение, Ганнибал вернулся в Гадрумет. Он не мог не думать о печальной судьбе некоторых из своих предшественников, карфагенских военачальников, на которых после проигранных ими сражений Совет старейшин обрушивал свой гнев, доходивший до смертных приговоров через позорную казнь на кресте. Явиться в метрополию назавтра после разгрома, не позаботившись о надежной охране, означало угодить прямо в руки врагов. И хотя наши источники не упоминают об этом ни слова, легко догадаться, что Ганнибал сделал крюк в сторону Гадрумета с единственной целью — обеспечить собственную безопасность и подготовиться к визиту в Карфаген.

Впрочем, в Бизации он задержался ненадолго, поскольку нам известно, что некоторое время спустя он уже находился в Карфагене, городе, который покинул мальчиком ровно 36 лет назад, отплывая с отцом в Испанию. Выступая с отчетом перед Советом старейшин, Ганнибал не пытался приукрасить суровую действительность: он признал, что проиграл не просто сражение, но проиграл войну; что для Карфагена не остается иного спасения, кроме мирного договора с Римом, который нужно принять на любых условиях (Тит Ливий, XXX, 35, 11). Сципион, со своей стороны, тоже не терял после Замы времени даром. С огромной военной добычей, захваченной в брошенном лагере Ганнибала, он не мешкая добрался до Утики, а оттуда вместе со своим флотом двинулся к Карфагену. Его корабли успели уже миновать мыс Карфаген (Сиди-Бу-Саид), когда ему повстречалось карфагенское судно, все

увитое лентами и убранное оливковыми ветвями; на его носу красовался парламентерский жезл-кадуцей, а на борту находились десять послов, высших правительственных сановников, в том числе, если верить Аппиану («Лив.», 49), главные представители партии мира Ганнон и Гасдрубал Гед (Козленок). Они молили о милости у Сципиона: римлянин приказал им ехать в Тунет.

Здесь, в своем старом лагере, он и принял делегацию из тридцати карфагенских посланцев. Мы не знаем, вошли ли в ее состав те же лица, с которыми он уже разговаривал в предыдущем году и в этом же самом месте, зато нам доподлинно известно, что теперь за свое прежнее вероломство они заслужили презрение. Тяжкой оказалась и цена, которую потребовал римлянин за поражение под Замой. Да, теоретически Карфаген продолжал существовать как независимое государство, управляемое собственными законами и живущее по собственным обычаям, свободное от иноземной военной оккупации. Но новые, более жестокие условия, продиктованные Сципионом, сводили его к статусу полностью демилитаризованной державы и налагали на него суровые ограничения во внешнеполитической деятельности. Военный флот Карфагена сокращался до чисто символического количества десяти трирем; немедленной выдаче подлежали боевые слоны; Карфагену запрещалось вступать в войну с кем бы то ни было за пределами Африки, но даже в ее границах на любые военные действия требовалось получить разрешение Рима. Вырос и размер контрибуции, достигший 10 тысяч евбейских талантов (эта греческая денежная единица, эквивалентная 26 килограммам серебра, служила международной валютой). Для сравнения укажем, что в результате Первой Пунической войны и договора 241 года римляне потребовали от Карфагена контрибуции в

размере 2200 евбейских талантов. Эту гигантскую сумму стране предстояло постоянно выплачивать в течение пятидесяти лет. (Казалось бы, контрибуция должна была стать настоящим ядром на ногах карфагенской экономики, однако, как читатель вскоре убедится, парадоксальным образом этого не случилось.) Наконец, для пущей надежности и в знак искренности своих намерений по соблюдению договора карфагеняне позволили римлянам отобрать из числа своих сограждан 100 заложников и, разумеется, безоговорочно вернули корабли, захваченные годом раньше вместе с грузом.

Из всех условий, навязанных Сципионом, более всего ущемляли будущность Карфагена те статьи договора, в которых (помимо запрета на ведение военных действий даже внутри Африки без согласия Рима) говорилось об ограничении его территориальных завоеваний. И Полибий (XV, 18, 2), и Тит Ливий (XXX, 37, 2) передают содержание этих статей примерно в одних и тех же выражениях: за Карфагеном оставались города и области, входившие в число его владений до начала войны с Римом. Большую хронологическую и пространственную определенность мы находим у Аппиана («Лив.», 54), уточняющего, что под властью Карфагена по-прежнему остались земли, расположенные внутри так называемых «финикийских рвов», которые подчинялись ему до момента высадки Сципиона у африканских берегов. Действительно, известно, что существовала целая система рвов, сложившаяся, очевидно, во второй половине III века. Эти рвы обозначали границы государства пунийцев и одновременно играли роль оборонительных укреплений (S. Lancel, 1992, pp. 282–284). К сожалению, новейшим археологам так и не удалось до сих пор отыскать материальное подтверждение их существования; мало того, складывается впечатление, что и в понимании

современников эта граница зачастую носила условный и, следовательно, спорный характер. На западе и северо-западе дело обстояло более или менее ясно, поскольку здесь «финикийские рвы» тянулись от прибрежного города Табраки (ныне Табарка) до Мактара. Но что творилось дальше, к югу? Например, в пределах или за пределами «рвов» располагались Эмпории Малого Сирта? В принципе, за их пределами, однако, когда несколько десятков лет спустя Масинисса попытался захватить область Эмпорий, карфагеняне обратились к Риму с жалобой, утверждая, что эта область, согласно границам, очерченным Сципионом, лежит в их владениях (Тит Ливий, XXXIV, 62, 9-10). Значит, помимо учета «финикийских рвов», сыграло свою роль и собственное «демаркационное» вмешательство Сципиона, усугубленное отсутствием точных данных, характерных для древней «картографии». О том, что подобное самовольное перекраивание границ имело место, свидетельствует косвенное признание Полибия (XV, 18, 5), который, определяя территорию нумидийских массилиев, захваченную Карфагеном и подлежащую возврату Масиниссе, указывает, что «точные границы возвращаемых владений предполагалось обозначить позже». Таким образом, под будущее Карфагена уже тогда оказались заложены мины замедленного действия, которые, взрываясь одна за другой, привели в конце концов к тому, что 50 лет спустя, совершив последнюю отчаянную попытку отстоять свою независимость, он подписал себе смертный приговор (S. Lancel, 1992, pp. 430-431).

Об условиях, предложенных Сципионом, вернувшиеся в Карфаген послы доложили, по мнению Тита Ливия (XXX, 37, 7), народному собранию, по утверждению Полибия (XV, 19, 1), которое кажется нам более достоверным, Совету старейшин. Собственно

говоря, никакого выбора у карфагенян уже не оставалось, поэтому против подписания мирного договора с Римом поднялся всего один голос. Полибий имени этого человека не упоминает, а Тит Ливий уверяет, что его звали Гискон. Нелепое стремление «экстремиста» во что бы то ни стало продолжать борьбу привело Ганнибала в ярость и заставило схватить этого самого Гискона за грудки и вышвырнуть вон с трибуны. Сенаторов возмутила несдержанность полководца, и тому пришлось принести им свои извинения, объяснив, что ему, грубому солдату, выросшему на поле брани, незнакомы тонкие приемы парламентаризма. Затем он дал присутствующим совет как можно быстрее соглашаться на предложенные условия, поскольку, учитывая соотношение сил, они могли в любой момент измениться в сторону ужесточения.

202 год подходил к концу, когда карфагенские послы под надежной охраной прибыли в Рим. Они привезли на утверждение римскому сенату текст мирного договора. По всей видимости, они уже были в городе, когда здесь состоялись выборы консулов на 201 год, вознесшие на вершину власти Гнея Корнелия Лентула и П. Элия Пета. Первый из них приложил все старания к тому, чтобы добиться наместничества в Африке, что, в случае если бы мирные переговоры сорвались, позволило бы ему без малейших усилий добить Карфаген, уже практически разгромленный Сципионом, а в обратном случае связать этот крайне выгодный для Рима мир со своим именем [\[125\]](#). Однако сенат назначил его наместником Сицилии, поручив лишь командование морскими операциями, если войну все же придется продолжить. Что касается Африки, то здесь полновластным хозяином оставался Сципион в ранге проконсула, которому подчинялись все сухопутные силы. На самом деле война закончилась.

Некоторое время спустя римские сенаторы приняли карфагенскую делегацию, возглавляемую Гасдрубалом Гедом, явившуюся выразить полное согласие Карфагена с условиями договора, выдвинутыми Сципионом. Летом 201 года послы уже вернулись в Африку и первым делом посетили проконсула, который после необходимых консультаций с фециалами — жрецами, специализировавшимися на проведении обрядов, связанных с заключением войны и мира, и с этой целью приехавшими из Рима, утвердил договор.

Из карфагенских темниц вышли на свободу четыре тысячи пленников, в том числе сенатор Кв. Теренций Куллеон. Несколько месяцев спустя Сципион погрузился на корабль в гавани Утики и взял курс на Лилибей, откуда его путь лежал в Италию. Еще до официального триумфа этот поход через всю страну стал для римского полководца настоящей дорогой славы. Сифакс, содержащийся в заключении в Тибуре, к этому времени успел умереть, что освободило его от необходимости принять участие в торжественном шествии триумфатора. Зато за колесницей Сципиона шел Кв. Теренций Куллеон, который в знак вечной преданности человеку, вернувшему ему свободу, водрузил себе на голову колпак вольноотпущенника (*pileus*). Вполне возможно, правы исследователи (Сl. Nicolet, 1977, p. 450), считающие, что этот случай знаменовал собой первое мощное вмешательство личной клиентелы в политическую деятельность патрона. Вероятно также, что именно с того дня за Сципионом закрепилось прозвище Африканский. Неизвестно только, от кого исходила инициатива — от солдат, от народа или от семейства Сципионов? Тит Ливий также задается этим вопросом, но, к сожалению, не дает на него ответа, отмечая лишь, что Сципион стал первым крупным римским военачальником, оставшимся в истории под именем завоеванного им народа. Читая

посвященные этому событию страницы, невозможно отделаться от ощущения, что их автор вполне серьезно полагает, будто этим символом бессмертия его героя увенчали сами боги...

Карфаген переживал дни траура. Скорбь достигла предела в тот день, когда в заливе, на берегу которого стоял город, по приказу Сципиона сожгли весь карфагенский флот за исключением жалких десяти кораблей. Горожане толпой высыпали на побережье, к морскому бастиону, место расположения которого недавно удалось с достаточной степенью точности определить в ходе археологических раскопок (S. Lancel, 1992, pp. 171-173). Зрелище пылающих кораблей ввергло их в такое же отчаяние, как если бы горел сам город. Так утверждает Тит Ливий (XXX, 43, 12), который хорошо знал продолжение истории. Действительно, каких-нибудь полвека спустя в гигантском костре, зажженном уже другим Сципионом, запылает сам Карфаген [\[126\]](#). Но все это ждало их в будущем, а пока карфагенянам хватало для огорчений и несчастий своего настоящего. Конечно, страна оставалась могущественной сухопутной державой с прочным сельским хозяйством, успешно развивавшимся в течение последних двух столетий на плодородных землях, расположенных в окрестностях мыса Бон, в долине Меджерды и по берегам вади Милиана, конечно, столицу метрополии, за минувшие полвека и так утратившую положение хозяйки морей, по-прежнему окружали мощные крепостные стены, но каждый житель Карфагена понимал: без «деревянных крепостей», как называл корабли дельфийский оракул, когда-то предсказавший, что лишь они одни спасут Афины от персов в битве при Саламине, их ожидает совсем другая жизнь. Меньше других горевали представители олигархии и владельцы крупных

землевладений, то есть именно те, кто противостоял в Совете старейшин клану Баркидов. Но и они горестно вздохнули, когда настал срок уплаты первого годового взноса в счет контрибуции. Тит Ливий (XXX, 44, 4-11) передает сохранившуюся с тех времен легенду о том, что Ганнибал, которому надоело слушать стоны и причитания сенаторов, разразился горьким смехом. Это возмутило Гасдрубала Геда, но в ответ Ганнибал выразил презрение к нему и ему подобным лавочникам, которых утрата независимости родины не впечатлила, но которые теперь рыдали и жаловались на судьбу из-за сущих пустяков. Ближайшее будущее доказало, что он был совершенно прав.

Ганнибал на посту суффета

Мы согласны с одним из последних биографов Ганнибала (Gavin De Beer, 1969, p. 290), когда он утверждает, что главная заслуга в том, что Ганнибал после Замы и подписания мирного договора 201 года оставался на свободе, принадлежит Сципиону. Помимо глубокого личного уважения, которое римский проконсул испытывал к своему вчерашнему противнику, им, вполне вероятно, как полагает все тот же британский историк, двигали и более прагматические чувства. Сохранив за Карфагеном видимость независимости и принудив его выплачивать значительную денежную контрибуцию, римские власти вовсе не были заинтересованы в том, чтобы устранить из руководства побежденным государством едва ли не единственного человека, способного обеспечить должное исполнение своих обязательств перед победителями.

Нас также весьма интересует вопрос, чем конкретно занимался Ганнибал в годы, непосредственно следовавшие за подписанием мирного договора, то есть после 201 года. Единственным, кто сообщает об этом, является Корнелий Непот («Ганнибал», VII, 1-4), который утверждает, что он по-прежнему возглавлял армию. Можно было бы допустить, что, вопреки статье договора, запрещавшей Карфагену вести даже оборонительные войны на территории Африки без позволения Рима, пунийцы все еще содержали многочисленное войско, если бы не упоминание Непота о младшем брате Ганнибала, Магоне, якобы служившем под началом старшего брата, тогда как нам доподлинно известно, что Магон умер от смертельной раны еще в 203 году. Уже одна эта деталь заставляет усомниться в

истинности приводимых Непотом свидетельств. Еще большее недоумение вызывает сообщение древнего историка о том, что карфагенский полководец продолжал вести войну в Африке — любопытно, против кого? — вплоть до 200 года, когда консулами выбраны были П. Сульпиций Гальба и Г. Аврелий Котга. Очевидно, отголоском этого предания следует считать и дошедшую до нас в пересказе позднего латинского автора Аврелия Виктора («О цезарях», 37, 3) легенду, согласно которой Ганнибал, опасаясь, что праздность дурно скажется на моральном облике его солдат, заставил их трудиться на оливковых плантациях. Безусловно, он вполне мог посвятить этому занятию тот год, который он провел в Гадрумете (ныне Сус) между возвращением из Италии осенью 203 года и битвой со Сципионом, состоявшейся летом или осенью 202 года. Не менее вероятно, что и после битвы при Заме он в течение ряда лет продолжал начатое дело. Известно, что область античного Бизация — нынешний тунисский Сахель — являлась в те годы крупнейшим производителем оливкового масла (S. Lancel, 1992, pp. 297-298). Впрочем, признаемся честно, что эти несколько лет в жизни Ганнибала остаются для нас белым пятном. Историк античного мира вообще следует смириться с тем, что есть много вещей, о которых он не знает и, наверное, никогда не узнает — это лучше, чем пытаться строить законченное здание концепции на хрупком фундаменте гипотез и предположений.

На твердую почву исторических фактов мы снова вступаем начиная с 196 года. Римскими консулами в этом году стали М. Клавдий Марцелл, сын великого Марцелла, принадлежащий к клану Фабиев, и патриций Л. Фурий Пурпуреон, сторонник Сципиона. В том же самом году Ганнибал был избран суффетом Карфагена, как полагается, в компании с коллегой, имени которого

история до нас не донесла, очевидно, потому что могучая тень Ганнибала совершенно затмила личность этого человека. Правда, остается вероятность того, что клан Баркидов в эту пору вошел в такую силу, что добился избрания своего ставленника главой исполнительной власти в единственном числе. Отметим, что за всю историю республиканского Рима подобное случилось лишь однажды, в 52 году до н. э., когда единственным консулом стал Помпей. Что касается Карфагена, то здесь с некоторых пор полноту власти, принадлежащую Совету старейшин, успешно оспаривало народное собрание. Полибий (VI, 51) связывает этот крен в сторону «демократизации» именно с эпохой правления Баркидов; тогда же заметно возросли роль и влияние суффетов на городскую жизнь (S. Lancel, 1992, p. 135). Ганнибал не замедлил воспользоваться сложившейся конъюнктурой для сведения некоторых счетов.

Едва вступив в должность, он под каким-то мелким предлогом, скорее всего, финансового характера, вызвал к себе для отчета какого-то магистрата, которого Тит Ливий (XXXIII, 46, 3) по аналогии с Римом именует квестором. На самом деле новый суффет метил выше, а именно в судейское сословие — *ordo iudicum*. Квестор, принадлежавший к группировке, враждебной Баркидам, на приглашение не явился. Высокого начальства он нисколько не боялся, потому что знал: отслужив положенный срок, получит пожизненную должность судьи. Тогда Ганнибал приказал арестовать строптивца и созвал народное собрание. Обвинительная речь суффета, направленная в равной мере против оступившегося квестора и против всего судейского сословия вообще, встретила сочувственный отклик аудитории, которая дружно проголосовала за представленный Ганнибалом закон, гласивший, что отныне судьи будут избираться ежегодно, причем ни

один из них не сможет занимать должность в течение двух сроков подряд. Если сведения, сообщаемые Титом Ливием, точны, то это означает, что решение подобной важности принималось народным собранием в обход Совета старейшин, иными словами, власть последнего могла распространяться и на представителей высших государственных учреждений. Впрочем, в данном конкретном случае не следует недооценивать личных качеств Ганнибала и переоценивать значение принятой с его подачи реформы, которая хоть и была нацелена против олигархов, на самом деле никаким истинным демократизмом не отличалась (Т. Kotula, 1984). В том, что суфкет пытался лишиться реальной власти сенат, нет ничего удивительного: именно в сенате засели деятели, — скорее всего, те самые, кто на протяжении последних сорока лет без устали вставлял палки в колеса гнувшим свою политику Баркидам, — их-то Ганнибал и намеревался основательно «потрясти», дабы уменьшить финансовое бремя выплаты контрибуции, лежащее на плечах простых граждан, а то и вовсе освободить от него последних. Вплотную занявшись проверкой финансовой отчетности, он обнаружил огромное количество нарушений и махинаций (главным образом, в сфере земельного налога и морских пошлин), позволявших олигархам наживаться за счет казны. В своей речи перед народным собранием Ганнибал объявил, что один лишь возврат присвоенных сумм в государственный карман даст Карфагену возможность выполнить все свои финансовые обязательства перед Римом, не прибегая к дополнительному налогообложению частных лиц. Он пообещал народу добиться от олигархов возмещения убытков и слово свое, как утверждает Тит Ливий (XXXIII, 47, 2), сдержал. Должно быть, кое-кто из старейшин не раз вспоминал в эти дни, как смеялся над ними Ганнибал в 201 году. Стоит ли говорить, что судьба

полководца, посмевшего посягнуть на мощну толстосумов, была отныне предрешена?

Исторический парадокс. Почему в экономике Карфагена после поражения в войне наступил расцвет?

После травмы, нанесенной картинным уничтожением военного флота на глазах у всего города, жизнь в Карфагене возвращалась в привычное русло. Справедливости ради следует отметить, что, если не считать самого последнего этапа войны, разрушительным вихрем пронесшейся по окрестностям Утики и областям, лежащим в долине Меджерды, остальная территория Карфагена от этого бедствия, длившегося без малого 20 лет, практически не пострадала. Да и карфагенская армия состояла в основном из африканцев, испанцев, галлов и италиков, частью союзников, частью наемников, так что собственные потери пунийцев на полях сражений тоже не были особенно велики.

Разумеется, Карфаген утратил все свои заморские владения и лишился доходов от испанских рудников. Вероятно также, что он потерял контроль и над Оловянным путем. Да и в самой Африке выход к морю, прежде занимавший почти всю береговую линию нынешнего Магриба, значительно сузился в протяженности. Вместе с тем экономический потенциал Карфагена оставался по-прежнему высоким. Терпеливые труды пунийских агрономов, чья слава умелых земледельцев гремела еще в конце IV века, когда жил и работал ученый Магон (см. S. Lancel, 1992, pp. 294–300), приносили обильные плоды. Аппиан («Лив.», 67) утверждает, что первые годы II века прошли для Карфагена под знаком хозяйственного

подъема и демографического роста. Лишенный возможности воевать, Карфаген волей-неволей обратился к развитию мирного производства, в том числе сельскохозяйственного, что не замедлило принести свои результаты. Через 10 лет после битвы при Заме Карфаген уже предложил Риму выплатить всю сумму военной контрибуции, то есть полностью расплатиться за 40 лет вперед! Рим от этого предложения отказался (Тит Ливий, XXXVI, 4, 7). Война измотала обе стороны, и проигравшую, и победившую, но если Рим уже в 200 году опять воевал, сначала с Филиппом Македонским, затем с Антиохом Сирийским, то Карфаген все средства, прежде уходившие на оснащение боевого флота, на вербовку наемников и содержание армии, теперь мог тратить на собственное развитие. Так бывает всегда, и побежденная страна может считать такой поворот судьбы своим реваншем над победителем.

Существует множество доказательств того, что после войны в Карфагене наступила пора расцвета. Об этом свидетельствуют письменные источники, в частности, уже упомянутое нами сообщение Тита Ливия о готовности пунийцев уже в 191 году полностью расплатиться с Римом по условиям мирного договора 201 года. Историк сообщает также о значительных количествах хлебных поставок, которые Карфаген осуществлял по просьбе Рима на коммерческой основе и которые шли на прокорм воюющей римской армии, но, кроме того, в первые же послевоенные годы Карфаген, оказывается, располагал возможностью дополнительного — и немалого — экспорта зерна. Так, в 200 году в Рим было вывезено 200 тысяч буасо пшеницы — напомним, что один буасо (римский модий) равнялся 8,75 литра; столько же хлеба было продано в Македонию для снабжения римского экспедиционного корпуса (Тит Ливий, XXXI, 19, 2). Еще через десять лет, в

191 году, когда в Карфаген явились представители римского сената с намерением закупить еще более крупные партии продовольствия, в том числе 500 тысяч буасо ячменя для солдат римской армии, пунийцы не только легко удовлетворили эту просьбу, но даже не без нахальства предложили отдать зерно даром, от чего римляне, конечно, отказались (Тит Ливий, XXXVI, 4, 9). В 171 году уже карфагенская делегация отправилась в Рим с сообщением, что аналогичная партия ячменя и миллион буасо пшеницы собраны и готовы к отгрузке. По распоряжению Рима указанный груз отправился в Македонию (Тит Ливий, XLIII, 6).

Мы рассказали только о крупных продовольственных поставках, осуществлявшихся на государственном уровне, в рамках внешней торговли. Но и мелкие карфагенские купцы успешно вели в Риме частную торговлю. Свидетельством тому — сохранившийся литературный памятник начала II века. В одной из комедий Плавта, озаглавленной «Пуниец» и с успехом шедшей на римской сцене около 190 года до н. э., изображена ситуация, неоспоримо доказывающая, что римский обыватель той поры прекрасно представлял себе, кто такие карфагенские торговцы. В упомянутой пьесе действует персонаж под «проходным» именем Ганнона, и, что самое интересное, выведен он автором без подчеркнутой враждебности, разве что с легкой насмешкой, вполне понятной по отношению к иностранцу-торгашу. Ганнон у Плавта — типичный «гугга» (распространенное прозвище людей этой профессии, явно уничижительного характера), который носит в ушах кольца и, подобно рабам, не подпоясывает свою тунику. Как и всякий уважающий себя карфагенский торговец, он отлично говорит на всех языках, но притворяется, что не понимает ни одного (см. «Карфагенянин», ст. 112). Благодаря этой его особенности мы располагаем образчиком его

ломаной речи, воспроизведенной Плавтом в том виде, в каком, по всей видимости, римское ухо воспринимало язык пунийцев, и к тому же в латинской транскрипции. Не без труда освободив этот отрывок от искажений, всегда сопровождающих рукописные тексты, мы получаем текст, написанный на разговорном наречии тогдашнего Карфагена (M. Szynsger, 1967). Очевидно, что в Карфагене той поры свободно говорили на латыни, а в Риме понимали пунический язык — хотя бы благодаря общению с многочисленными карфагенскими рабами, захваченными в ходе войны. И, раз уж мы вспомнили Плавта, упомянем еще об одном комедиографе, принадлежавшем уже к следующему поколению и происходившем как раз из карфагенских рабов, — Теренции. Не менее интересен и другой вопрос: чем именно торговали в Италии Ганнон и его собратья по профессии? В первую очередь, разумеется, продуктами сельского хозяйства: вспомним о пресловутой фиге, которую накануне Третьей Пунической войны Катон принес в сенат в надежде произвести впечатление на коллег и уверял, что плод сорван в Карфагене не далее как три дня назад. Но предметом торговли служили и ремесленные изделия, в частности керамическая посуда, о которой письменные источники не упоминают, но образцы которой в изобилии находят нынешние археологи, ибо керамика — это такая вещь, которая лучше прочих сопротивляется разрушительному воздействию времени.

Судя по всему, по завершении III века промышленноторговое присутствие пунийцев в пространстве «общего рынка», которым для керамических изделий служил тогда западный бассейн Средиземноморья, оставалось по-прежнему заметным. Недавние раскопки на территории Карфагена и ценные археологические находки на побережье испанского Леванта, а также проводившаяся параллельно с ними

работа по более точной идентификации целых серий чернолаковой керамики, производимой по образцам бесфигурной аттической керамики IV века, позволили ученым прийти к выводу, что до сих пор они явно недооценивали значение и размах этого присутствия. Разумеется, не всегда удастся точно датировать каждую серию, однако можно предположить, не рискуя впасть в грубую ошибку, что значительная часть пунийской (или сделанной «под пунийскую») чернолаковой керамики, обнаруженной на территории Испании, в Сицилии и в Италии, вплоть до самого Рима, попала сюда именно после битвы при Заме в ящиках и коробках, принадлежавших карфагенским «гугга» (J.-P. Morel, 1980, 1982 et 1986; S. Lancel, 1992, pp. 425-428). Но этот процесс шел и в обратном направлении, и здесь археологи чувствуют себя в вопросах датировки гораздо увереннее. Начиная с первых же годов II века в Карфаген из Италии, а точнее, из района Неаполя, хлынул целый поток высококачественной посуды, известной как «кампанская керамика с клеймом А». Этим термином принято обозначать керамическую посуду, главным образом, кубки, блюда и чаши, выполненную из прекрасного очищенного материала цвета темной охры, отлично обожженную и покрытую прочным, чуть отдающим в синеву лаком с легким металлическим оттенком. Недавние раскопки французских археологов в районе холма Бирса позволяют утверждать, что пик массового экспорта кампанской керамики в эти края приходился на вторую четверть II века. Было бы неверным истолковывать обилие импортной посуды, вместе с которой в раскопках обнаружено также немалое количество изделий местного производства, как признак ухудшения экономического положения Карфагена той поры. Если между Северной Африкой и центральными и южными областями Италии имел место активный

торговый обмен, наивно думать, что италийские купцы везли в пуническую метрополию свои товары бесплатно. Ясно, что карфагеняне расплачивались за импорт изделиями собственного изготовления и излишками сельскохозяйственной продукции.

Но никакой активный торговый обмен между двумя приморскими государствами немыслим без наличия торгового флота. И если отбросить нелепую мысль, что все перевозки в Карфаген и обратно осуществлялись исключительно под римским флагом, то приходится допустить, что и после Замы у Карфагена оставался свой собственный торговый флот. Но если есть флот, значит, должны быть и порты, а в любом портовом городе обязательно развивается и общее городское хозяйство. О том, что Карфаген после Замы действительно переживал пору расцвета, свидетельствуют результаты последних археологических исследований. Парадоксально, но факт: согласно открытиям американских и британских ученых, крупнейший портовый квартал Карфагена, существование которого подтверждают сохранившиеся до наших дней лагуны, сложился в своем окончательном виде в годы после разгрома при Заме (S. Lancel, 1992, pp. 192-211)! О цветущем состоянии карфагенской экономики той поры говорит и сооружение в непосредственной близости от гавани искусственного острова кольцеобразной формы, на котором, как и в окрестностях порта, были возведены монументальные постройки делового и декоративного характера. Одну из них, являющую собой ярчайший пример эллинистической культуры, описал Аппиан («Лив.», 96). Историка, внимательно изучающего письменные источники, не может не поразить явное противоречие между статьей договора 201 года, согласно которой в распоряжении Карфагена осталось всего десять кораблей, и описанием Аппиана,

утверждающего, что новый порт строился в расчете на 220 военных судов [\[127\]](#). Как бы там ни было, нельзя не восхититься технической смекалкой дерзновенных древних строителей, оставившей свой след не только в портовых сооружениях, но и в жилых кварталах города, о чем свидетельствуют раскопки немецких и французских археологов. Приморский квартал, располагавшийся в центральной части города, претерпел существенные изменения. Во-первых, расширялось пространство, занятое жилыми домами — так, что от громоздкой конструкции «морских ворот» не осталось и следа, а прибрежный бастион сдвинулся в сторону, на песчаный берег; во-вторых, менялся внешний вид самих домов, которые обрели более величественные формы и украсились колоннадами. На южном склоне холма Бирза, выше древнего некрополя, там, где прежде располагались мастерские литейщиков, вырос совершенно новый квартал. Находки образцов кампанской керамики и амфор с родосским клеймом (последние, к слову, доказывают, что торговля шла и по оси восток-запад) позволяют установить, что в самом начале II века здесь велось строительство многоквартирных домов, подчиненное единому плану. Пересекавшиеся под прямым углом улицы, разделявшие строения, а также внутренняя планировка последних выдают в создателях этого жилого массива явное стремление к стандартизации (S. Lancel, 1992, pp. 171–192). Данные раскопок показывают, что сооружение квартала велось на протяжении примерно четверти века, но законченность и оригинальный характер его архитектурной концепции, бесспорно, проявившиеся с самого начала стройки, позволяют с достаточной долей уверенности предположить, что именно Ганнибал в свою бытность суфжетом стал ее вдохновителем и заложил в ее основание первый

камень. Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем, когда судьба забросила его в ссылку, в Армению и Вифинию, он посвятил последние годы своей жизни городскому переустройству.

Итак, к началу II века до н. э. Карфаген являл собой удивительный пример города, благополучно процветающего, но лишённого внешнеполитической независимости. Это означало, что, несмотря на все свои богатства, никаких перспектив на будущее в динамично развивавшемся эллинистическом мире у него не оставалось. Приблизительно веком раньше Александр запустил в действие могучий механизм политического завоевания мира, и теперь выяснилось, что истинным его наследником в этом деле предстояло сделаться римскому империализму. Ганнибалу хватало осведомленности и проницательности, чтобы это понять; сознавал он и то, что в исторически обозримое время именно его родине придется заплатить самую большую цену за развитие событий, которые он предчувствовал. Мог ли он в этих обстоятельствах удовлетворяться ролью правителя внешне благополучной, но побежденной державы? Неужели он не задумывался над возможностью вырвать Карфаген из этого болота «золотой посредственности»? Увы, даже если он и строил подобные планы, враги, окружавшие его дома и наблюдавшие за ним из Рима, не дали ему времени претворить их в жизнь. Они вынудили его вмешаться в схватку, разыгравшуюся на Востоке, где ему из ведущего актера пришлось превратиться в простого зрителя.

Глава VIII. Изгнание

Едва завершив войну с Ганнибалом, Рим обратил свои взоры к Востоку. 22 июня 217 года, то есть на следующий день после гибели Фламиния в битве при Тразименском озере, тогдашний правитель лагидского Египта Птолемей IV Филопатор в сражении при Рафии, что на юге Палестины, неподалеку от Газы, нанес поражение Антиоху III Сирийскому. Судя по всему, в Риме это событие прошло незамеченным. Между тем оно знаменовало собой начало весьма любопытного, хотя и краткого периода, отмеченного хрупким равновесием сил, которое установилось между тремя крупнейшими эллинистическими державами, появившимися на свет в результате распада империи Александра — Македонии, селевкидской Азии и лагидского Египта. Но вот прошло еще 15 лет, и теперь уже Рим больше не мог игнорировать существование Антиоха. Вытесненный к югу, Антиох начал постепенно усиливать свое влияние, применяя тактику, одним из современных исследователей удачно названную «расползанием» (Maurice Holleaux, 1957, p. 320). Следуя стопами Александра, он восстановил правление династии Селевкидов сначала в Армении, затем в Бактриане и в 205 году вернулся в Селевкию увенчанный ахеменидским титулом «Великого царя». Особенно яркое впечатление его успехи произвели в Греции, где его стали величать Антиохом Великим.

Между тем в Египте умер Птолемей Филопатор, а следом за ним скончалась, а скорее всего, была убита его жена и сестра Арсиноя. Лагидское царство досталось Птолемею V Эпифану, в то время 5-летнему ребенку. На самом деле власть захватил опекунский совет, возглавляемый стариком Сосибием и фаворитом

покойного царя Агафоклом, человеком, в Египте крайне непопулярным. В дельте Нила отчетливо запахло мятежом. Первой отложилась Фиваида. Ослабление египетской империи, раскинувшейся от Киренаики до Палестины и протянувшей свои щупальца вдоль всего побережья Эгейского моря, захватив земли во Фракии, у берегов Киликии, острова Кипр, Фера (Киклады) и Самос, но раздробленной и лишенной внутреннего единства, не могло не раздражить аппетитов Антиоха и Филиппа Македонского. Зимой 203/02 года они заключили соглашение с целью «оттяпать» в свою пользу по куску лагидского царства (Полибий, XV, 20). Антиох незамедлительно двинул свои войска в Палестину. Осада Газы задержала его на продолжительное время, однако самое позднее к 200-199 годам он уже полностью завладел Келесирией, занимавшей область Иорданской впадины, и Палестиной. Таким образом, город Тир — древняя финикийская метрополия и праматерь Карфагена — оказался в зоне его влияния. Не терял времени даром и Филипп. Он бросил свою армию на Фракию и дошел до города Калхедона, расположенного на реке Боспор, а на обратном пути занял остров Фасос. В следующем 201 году он захватил остров Самос и осадил остров Хиос. Вскоре ему пришлось вступить в схватку с объединенным флотом родосцев и Аттала Пергамского. Победу Филиппа, сумевшего захватить царский корабль, омрачило лишь то обстоятельство, что самому Атталу удалось бежать, и уже осенью того же 201 года он вместе с родосцами отправил в Рим посольство, доложившее об агрессии македонян в Эгейском море и проливах.

Рим вступает в войну против Филиппа

Римские сенаторы внимательно выслушали посланцев Родоса и Пергама. Однако с ответом они не торопились, отложив принятие решения до консульских выборов на 201 год, которые принесли победу Г. Аврелию Котте и П. Сульпицию Гальбе. В Риме прекрасно помнили, что именно Гальба, тогда проконсул, в 210 году сменил Левина на македонском фронте. Поэтому ни для кого не стало сюрпризом, что в результате «жеребьевки», как о том без тени улыбки сообщает Тит Ливий (XXXI, 6, 1) [\[128\]](#), вновь избранный консул оказался наместником провинции Македония. Судя по всему, сенат уже решил вступать в войну, оставалось лишь подыскать благовидный предлог. Весной 201 года к Филиппу отправилась делегация, состоявшая из трех легатов, в том числе таких достаточно известных персон, как победитель битвы при Метавре Г. Клавдий Нерон и автор финикийского договора от 205 года П. Семпроний Тудитан. Третьим был молодой М. Эмилий Лепид. Легатам предстояло объявить Филиппу ультиматум с требованием отказаться от каких бы то ни было военных действий, направленных против греков, и согласиться на посредничество римлян в установлении ущерба, причиненного Родосу и Пергаму (Полибий, XVI, 34, 3-4). В конце концов встретиться с Филиппом пришлось самому молодому из посланцев, и состоялась эта встреча в конце лета 200 года в Абидосе, неподалеку от Пергама. Между тем центуриатные комиции, собранные в Риме под председательством консула Сульпиция Гальбы, немного поартачившись, проголосовали за войну [\[129\]](#). Об этом и объявил Филиппу Эмилий Лепид.

Македонский царь возразил, что в конфликте с Родосом не был зачинщиком и ни в чем не нарушил ни одной из статей Финикийского договора 205 года. Но Рим объявил ему войну.

Не подлежит сомнению, что ни один шаг, предпринятый Римом, не имел для судеб мира той эпохи таких серьезных последствий, как его решение начать войну с Македонией. Новейшие историки немало поломали себе голову, подыскивая ему разумное объяснение. В самом деле, Филипп не только ни в чем не угрожал Риму, но и всячески избегал любых провокаций по его адресу. Но римляне, конечно, не забыли про его союз с Ганнибалом, заключенный в 215 году, и даже допуская, что он во многом остался на бумаге, продолжали видеть в Македонии заклятого врага. В этом отношении римского общественного мнения к Филиппу как к пугалу и кроется, очевидно, источник слухов, отголосок которых мы находим у Тита Ливия, говорившего об участии македонской фаланги в битве при Заме, разумеется, на стороне пунийской армии. Что же касается сирийско-македонского пакта, то хотя в Риме и понимали, что его ближайшей мишенью мог быть лишь лагидский Египет, но на всякий случай решили разделаться с потенциально опасной коалицией, наметив в качестве жертвы того из членов пакта, кто оказался «под рукой» (M. Holleaux, 1957, p. 341). И поставить Филиппа на место следовало не мешкая, пока он не почувствовал себя полновластным хозяином во всем Эгейском море. После падения Карфагена и триумфа Сципиона на Западе искателям славы делать было больше нечего, зато любителей лавровых венков ждал Восток. Думается, нет причин сомневаться, что в решении Рима вступить в войну существенную роль сыграли личные амбиции «восточного лобби» (E. Badian, 1958, p. 66). Так или иначе, но исторически датой рождения римской

политики империализма на Востоке тогдашнего мира стала именно «превентивная» война против Филиппа V Македонского (P. Veyne, 1975, pp. 838–839).

Фламинин и «Свобода Греции»

Сульпиций Гальба начал военную кампанию не позже конца 200 года. Пока его заместитель Л. Апустий опустошал со своими солдатами район у северной границы Македонии, в Пирей, для защиты афинян — последних во всей Греции, кто пока хранил теплые чувства к римлянам, — отправилась римская эскадра. Весной 199 года Гальба, все еще занимавший пост консула, одержал победу в сражении при Отголобосе, на реке Эригон, главным следствием которой стало оживление активности этолийцев, заключивших союз с Римом еще во время Первой Македонской войны, однако до поры до времени довольствовавшихся ролью наблюдателей. В конце 199 года Филипп, движимый необходимостью укрепить оборону своих западных границ и верно рассчитавший, что римляне в своем стремлении соединиться с союзниками-этолийцами попытаются проникнуть в Македонию со стороны Эпира, привел свои войска в устье Аоя, близ Антигонии (гористый район на юге современной Албании), перекрыв подходы и к Эпиру на юге, и к Фессалии на юго-востоке. Сменивший Гальбу П. Виллий Таппул большую часть времени, проведенного в армии в качестве главнокомандующего, вынужденно потратил на усмирение бунта, вспыхнувшего среди солдат. Когда он наконец привел свои легионы к Аою, срок его полномочий истек и его сменил консул 198 года Т. Квинктий Фламинин, которому по жребию досталась провинция Македония. В самом начале весны Т. Квинктий Фламинин со значительными подкреплениями высадился на острове Коркира (ныне Корфу).

Как когда-то Сципион, отбывавший на покорение Испании, Фламинин имел в голове четкий план

предстоящих действий. Вообще говоря, его многое роднило со Сципионом: молодой патриций, он добился консульской должности в возрасте тридцати лет, «проскочив» через промежуточные назначения (так, он никогда не служил претором). Как и Сципион, он был страстно влюблен в греческую культуру, и если в Риме подобные умонастроения считались подозрительными, то в самой Греции они, бесспорно, признавались высшей добродетелью. Фламинин немедленно переправился в Эпир и уже оттуда с боем взял Аой. Поведение обитателей Эпира и их реакция на римско-македонский конфликт побудили его выступить с манифестом, обращенным к Филиппу. Если царь Македонии желает мира, говорилось в этом манифесте, он должен отказаться от всех своих владений в Греции, в том числе тех, что достались ему по наследству, в частности, от Фессалии. Филипп с негодованием отверг это предложение, но уже короткое время спустя вынужден был спешно отступить в долину Темпе, преследуемый римскими легионами. В это время Фламинин захватил Фессалию и вышел к берегам Коринфского залива. Однако попытка взять штурмом укрепленный Коринф, который защищал македонский гарнизон, не увенчалась успехом.

К концу года в Никее, близ Фермопил (область Локрида) между Филиппом и римским консулом с его союзниками — Пергамом, Родосом, Этолией и Ахейским союзом, который в конце концов также отвернулся от Македонии, — состоялись переговоры. Но они зашли в тупик. Так же безрезультатно завершились переговоры, параллельно организованные Фламинином в римском сенате. На самом деле Фламинин просто тянул время, надеясь остаться во главе армии еще на один срок, теперь уже в ранге проконсула. Так и случилось. Несколько месяцев спустя, в июне 197 года, противники встретились в решающем бою на земле Фессалии.

Сражение разыгралось на южном склоне горного кряжа под названием Киноскефалы — по-гречески «собачьи головы»; здесь, на сильно пересеченной местности, римские легионы доказали свое преимущество перед македонской фалангой, со времен Александра считавшейся непобедимой. Филипп предпочел отказаться от дальнейшей борьбы.

На очередной встрече в Темпе он заявил, что готов принять условия мирного договора, прежде отвергнутые на переговорах в Никее. Со своей стороны, Рим, озабоченный беспорядками в Цизальпинской Галлии и широкомасштабным восстанием в Испании, не меньше самого Фламинина торопился покончить с македонской войной. И сенат утвердил документ, в соответствии с которым Филипп обязался «сдать» все города, где стояли его гарнизоны, до начала Истмийских игр (Полибий, XVIII, 44, 4).

Первые по значимости после Олимпийских, Истмийские игры состоялись летом 196 года в богатом и процветающем Коринфе. Фламинин знал, что среди греков бродят тревожные слухи, всячески подогреваемые возмущенными этолийцами, которых он лишил статуса союзников [\[130\]](#), о том, что, дескать, Греция просто сменила хозяина. Чтобы положить им конец, проконсул задумал эффектный трюк, для демонстрации которого, как отмечает в своей недавней работе современный историк (J. L. Ferrary, 1988, pp. 86–88), идеально подходил именно Коринф — город, с начала V века до н. э. считавшийся столицей эллинского мира. Перед открытием Истмийских игр, едва отзвучали ликующие трубы, глашатай торжественно зачитал составленный Фламинином манифест: «Римский сенат и Т. Квинкий, верховный главнокомандующий, победивший царя Филиппа, даруют свободу коринфянам, родосцам, локрянам, евбейцам, ахейцам

Фтиотиды, магнесийцам, фессалийцам и перребийцам, оставляя за ними право жить по своим законам, не требуя дани и убрав свои гарнизоны» (Полибий, XVIII, 46, 5; Тит Ливий, XXXIII, 32, 5). Читая это перечисление, легко заметить, что Фламинин гарантировал свободу грекам, которые ею и так располагали, и возвращал независимость бывшим подданным Филиппа. Тем не менее несколько римских гарнизонов были временно оставлены в крепостях, которые сам Филипп цинично называл «оковами Эллады» — Деметриаде в Фессалии, Халкиде в Евбее и Акрокоринфе. Рим принимал меры предосторожности против Антиоха, который успел уже перейти Геллеспонт и вступить на территорию Европы.

Политика Антиоха и отъезд Ганнибала в ссылку

Отомстив за унижение, пережитое при Рафии, и вернув себе Келесирию, Антиох выждал еще два года, чтобы воспользоваться итогами римско-македонской войны для расширения собственных владений в Малой Азии. Трудности, переживаемые Филиппом начиная с 198 года, развязали ему руки. В 197 году он с большими силами — сухопутными и морскими — выступил в поход. В Ликийи, на южном побережье современной Турции, он добился подчинения ряда городов, находившихся в зависимости от Птолемея, в частности Ксанфа, а затем, подстегиваемый полученной летом вестью о поражении Филиппа при Киноскефалах, продвинулся дальше, к северо-западу, и восстановил свою власть над греческими полисами, расположенными на побережье Эгейского моря. Достаточно тонкий политик, он не решился задевать родосцев, за которыми оставался контроль над такими исконно лагидскими владениями, как Галикарнас и Самос, и не стал покушаться на суверенитет наследника Аттала Евмена, правившего Пергамом, зато с легкостью завладел крупным городом Эфесом, принадлежавшим Птолемеям, не позже зимы 197 года взял Абидос и весной 196 года добрался до Херсонеса Фракийского.

Тем не менее, прежде чем пересечь пролив, Антиоху пришлось столкнуться с сопротивлением двух городов, издавна связанных союзом с Атталом Пергамским, — Смирной в Ионии и Лампсаком в Эолиде, ближе к северу. Оба города воззвали к заступничеству Рима, причем жители Лампсака, считавшие себя наследниками Трои, основывали свою просьбу о защите дальним родством, якобы связывавшим их с

легендарным основателем Рима Энеем. Рим, только что отстоявший от притязаний Филиппа собственно Грецию, теперь звали на помощь и малоазийские греки. И тут Антиох решил пустить в ход дипломатию. Из расположенной на Галлипольском полуострове Лисимахии, где он тогда стоял, он накануне Истмийских игр направил в Коринф посольство с явной целью подольститься к римлянам, но его посланцев ждал довольно прохладный прием. Однако уже осенью 196 года в Лисимахию с ответным визитом прибыло римское посольство, возглавляемое консулом 199 года Л. Корнелием Лентулом, на которого возложили задачу выступить посредником между Птолемеем и Антиохом. Вместе с бывшим консулом прибыли трое уполномоченных, которые впоследствии, весной 193 года, возобновят начатые переговоры. Царь встретил послов сурово, высказав им упрек за вмешательство Рима в азиатские дела. На вопрос о захвате Херсонеса Фракийского Антиох отвечал, что всего лишь вернул себе город, больше века принадлежавший Селевкидам. И в завершение буквально огорошил римлян неожиданной новостью. По его словам, лагидский Египет, истощенный войной, добровольно согласился признать утрату своих владений в Сирии и Малой Азии, а в знак примирения с Антиохом готов одобрить брак его дочери Клеопатры с молодым Птолемеем V. Но переговоры вскоре пришлось прервать, потому что до его участников докатился слух о смерти Птолемея, впоследствии оказавшийся ложным. Тем не менее царь отбыл в Антиохию, оставив вместо себя своего второго сына Селевка. Следующей весной (195 года) он вернулся во Фракию с подкреплением.

Он все еще находился во Фракии, когда летом 195 года произошло событие, на много лет вперед связавшее его судьбу с судьбой Ганнибала.

Читатель, должно быть, помнит, что за тот год, что Ганнибал провел в Карфагене в должности суффета, он успел обзавестись изрядным числом серьезных врагов. Тит Ливий (XXXIII, 45, 6), повторяющий здесь Полибия, чей рассказ о событиях 196-192 годов, к несчастью, утрачен, хронологически точен — в отличие от Непота («Ганнибал», 7) и Аппиана («История Сирии», 4), указывающих в качестве даты 196 год, — когда сообщает, что представители враждебной Ганнибалу фракции Совета старейшин слали в Рим письмо за письмом, обвиняя суффета в тайных контактах с Антиохом. Римский сенат посвятил обсуждению этого вопроса одно из своих заседаний, во время которого Сципион, занимавший в 199 году должность цензора, а в 198-м — *princeps senatus*, использовал весь свой авторитет, чтобы не дать хода этим слухам, считая их безосновательной клеветой. Тит Ливий (XXXIII, 47, 4), по-видимому, передает здесь подлинную речь Сципиона Африканского, изложенную Полибием в утерянной части его «Истории»; он излагает ее так: «Недостойно римского народа принимать на веру измышления ненавистников Ганнибала и унижать римское государство, вмешивая его во внутренние раздоры карфагенских партий». Благородные слова; жаль, что к ним никто не прислушался. Сенат принял решение направить в Карфаген посольство, уполномоченное призвать Ганнибала к ответу перед Советом старейшин по обвинению в сговоре с Антиохом, преследовавшим цель тайной подготовки к войне. В посольство вошли Гней Сервий Цепион, консул 203 года, и М. Клавдий Марцелл, чей срок консульства истек весной 195 года. И тот и другой принадлежали к родам, враждебным Сципионам. В качестве помощника с ними отправился «знаток карфагенских обычаев» Кв. Теренций Куллеон — тот самый сенатор, которого Сципион в 202 году освободил из карфагенского плена.

Дабы обмануть бдительность Ганнибала, его карфагенские недруги, устроившие этот визит, заранее распространили слух, что римляне приезжают для улаживания разногласий, возникших между Карфагеном и Масиниссой. Однако обвести Ганнибала вокруг пальца им не удалось. Он уже давно предвидел вероятность того, что ему придется спешно бежать из страны, и принял все необходимые меры. В течение дня, когда это случилось, его видели на людях, и вел он себя, как обычно. Но с наступлением темноты он отправился не домой, а поспешил, даже не сменив одежды, напрямик к городским воротам, где его ожидали двое ни о чем не догадывавшихся слуг с оседланными лошадьми. Ганнибал скакал всю ночь, время от времени меняя коней, заранее приготовленных для него в нескольких местах, пока не покрыл одним махом огромное расстояние — более 150 километров! — отделявшее Карфаген от его приморского имения, находившегося где-то в районе между Тапсом (Рас-Димас) и Ахоллой (Хеншир-Ботрия); возможно, более точное его месторасположение — мыс Рас-Кабудия, острым клином вдающийся в море на этом побережье тунисского Сахеля. Здесь уже стоял под парусами корабль, который в течение следующего дня доставил его на Керкину, очевидно, самый крупный из островов Керкенна, расположенный на широте города Сфакса. В гавани стояли на якоре несколько финикийских торговых судов, обычно курсировавших между Востоком и портовыми городами Бизация. На вопросы узнавших его моряков Ганнибал отвечал, что направляется с важной миссией в Тир. Затем, опасаясь, как бы весть о его пребывании на Керкине не достигла Тапса или Гадрумета, куда той же ночью мог отплыть один из кораблей, он задумал весьма ловкий ход, один из тех, на какие был неистощим его изобретательный ум. Совершив жертвоприношение, он велел накрыть

пиршественный стол, за который пригласил всех купцов и моряков. Но поскольку стояла жара и солнце пекло нещадно, он попросил капитанов одолжить ему на время паруса вместе с реями, чтобы сделать из них тенты для гостей. Разумеется, на его личном корабле паруса остались в неприкосновенности. Пир затянулся до глубокой ночи, и приглашенные успели изрядно нагрузиться, так что никто из них не заметил, как корабль Ганнибала тихонько снялся с якоря. Пока в Карфагене сообразили, что в городе его нет, пока начали розыски и узнали, что его видели на Керкине, Ганнибал уже добрался до Тира. Разве не символично, что величайший карфагенский герой пришел искать приюта в финикийский город, откуда шесть веков назад бежала Дидона — легендарная основательница его родного Карфагена?

Ганнибал при дворе Антиоха в годы «холодной войны» с Римом (195-192 годы)

Тир встретил Ганнибала радушно; здесь он завел ряд знакомств, впоследствии оказавшихся весьма полезными. Но задерживаться здесь он не стал и вскоре отправился в Антиохию, где намеревался встретиться с главой династии Селевкидов. Однако в столице он застал только старшего сына Антиоха Селевка, поскольку сам царь, как мы помним, еще весной выехал в Эфес и Фракию. К осени 195 года Ганнибал наконец встретился с Антиохом в Эфесе. Получилось, что его личные враги из числа карфагенских и римских сенаторов, мечтавшие его погубить и обвинявшие его в тайном сговоре с Антиохом, сами толкнули Ганнибала в объятия сирийского царя. Но какими будут эти объятия, никто не знал.

Антиох вел свою игру с величайшей осмотрительностью. В условиях «холодной войны» (это определение принадлежит Э. Бадриану; см. E. Badian, 1959) с Римом, которая протянулась до конца 192 года, пока не перешла в «горячую» фазу, присутствие Ганнибала могло оказаться крупным козырем — по боевому опыту, стратегическим талантам и блестящему знанию тактики он и в самом деле не имел себе равных. Но, как водится, у этой медали существовала и обратная сторона. Зная, какой ужас наводило на римлян одно имя Ганнибала, никто не решился бы предсказать, какой будет их реакция. С равной вероятностью они могли попытаться любой ценой избежать войны, в которой принял бы участие Ганнибал, и, напротив, постарались бы со всей силой

обрушиться на Селевкидов, чтобы раз и навсегда избавиться от опасного врага. К тому же присутствие «незваного гостя» могло оказаться обременительным. Попробуй-ка предложить роль военного советника, пусть и высшего ранга, величайшему полководцу своего времени, который за последние два десятка лет привык единолично командовать войсками, ни перед кем не отчитываясь в своих действиях! Все эти сомнения, наверняка мучившие Антиоха при встрече с Ганнибалом, нашли свое конкретное выражение в словах союзника Антиоха, этолийского стратега Фоанта, ясно сформулированных им к 192 году (Тит Ливий, XXXV, 42). Как мы вскоре убедимся, эти соображения в конце концов привели к тому, что в ходе военных операций, начатых против Рима, Ганнибал так и не получил в свои руки инициативы, о которой мечтал.

Весь 194 год он провел в томительном ожидании. Таким же «пустым» оказался этот год и для его великого соперника, Сципиона Африканского, который, правда, снова удостоился избрания консулом, но ничем выдающимся этот свой второй консульский срок не отметил. В Риме в тот год пышно отпраздновали сразу два триумфа, и оба раза на пьедестал почета поднимались политические противники Сципиона. Первым, весной, чествовали Катона, с победой вернувшегося из Испании. Он и в самом деле привез с собой богатую добычу, но главный предмет его гордости состоял в том, что основную ее часть он раздал своим солдатам прямо на месте, с удовольствием повторяя, что ему больше по душе видеть, как многие римляне возвращаются домой с серебром, чем немногие — с золотом. Образ неподкупного политика, каким ему очень хотелось казаться, начал складываться с того дня, когда он, выступая в сенате, произнес свою знаменитую фразу о том, что для себя лично он взял «лишь то, что съел и

выпил» (D. Kienast, 1973, p. 163, fr. 171). Еще более пышного триумфа удостоился Фламинин: участники его торжественной процессии несли за ним невероятное количество шедевров искусства, захваченных у Филиппа, а вовсе не награбленных в греческих городах, как заверяет Тит Ливий (XXXIV, 52, 4). Что касается Антиоха, то он сумел-таки воспользоваться передышкой, чтобы укрепить свои позиции во Фракии. Помимо Лисимахии, в которой он мечтал поселить своего второго сына Селевка, он прибрал к рукам Эну и Маронею, продвинувшись к западу. Не оставалась без его надзора и противоположная часть империи, граничившая с Египтом. Мир с Птолемеями действительно укрепился благодаря браку дочери Антиоха Клеопатры и Птолемея V Эпифана, заключенному осенью 194 года в Рафии, на территории Палестины, то есть на стыке владений обоих царей. Рассчитывал ли Антиох, что дочь поможет ему подчинить себе Египет? Этого мы не знаем, но можем отметить, что именно эта юная дама стала первой в длинном ряду египетских цариц по имени Клеопатра, хотя наибольшей исторической известности добилась как раз последняя из них.

Между тем Антиоха серьезно беспокоило упорное сопротивление Лампсака и Смирны, которые, как мы помним, обратились за помощью к Риму, а также сумели заручиться поддержкой Евмена Пергамского. Последний категорически отвергал все попытки главы династии Селевкидов к сближению, в частности отказался от брака с одной из его дочерей. Зимой 194/93 года Антиох отправил в Рим двух послов с поручением предложить сенату проект мирного договора, по условиям которого он сохранил бы за собой — в этом заключалось его главное требование — всю полноту власти в Малой Азии и Фракии. Сенат поручил вести переговоры Фламинину, вчерашнему

триумфатору и признанному стороннику борьбы за свободу греков. Он и теперь громко объявил о призвании римского народа защищать эллинизм везде — как в самой Греции, так и в Малой Азии, но тут же сделал послам Антиоха довольно циничное предложение. Если сирийский царь не желает, чтобы Рим вмешивался в судьбу греческих городов Азии, говорил Фламинин, пусть и сам держится подальше от Европы (Тит Ливий, XXXIV, 58, 2). Но Антиох чрезвычайно дорожил Фракией, которую считал наследством своего прадеда Селевка I. Помня об этом, послы воздержались от ответа и отбыли на родину для получения новых указаний от царя, попросив сенат не спешить с окончательным решением вопроса.

Прерванные переговоры возобновились весной следующего года в Малой Азии. Высокопоставленная римская делегация, возглавляемая П. Сульпицием Гальбой, дважды консулом (последний раз в 200 году), прибыла морем. В нее вошли также консул 199 года П. Виллий Таппул и консул 201 года и цензор 199-го П. Элий Пет. Все трое прекрасно разбирались в тонкостях обсуждаемой проблемы, поскольку именно они сопровождали Лентула на переговорах в Лисимахии в 196 году. Но прежде чем встретиться с Антиохом, они, по приказу сената, собирались переговорить с Евменом. Поэтому делегация высадилась в Элее, а затем направилась в Пергам. Евмен, для которого усиление Селевкидов в Малой Азии означало бы смертельную опасность, обещал римлянам не поддаваться ни на какие уговоры Антиоха. Римляне собирались продолжить путь, когда внезапно заболел Сульпиций Гальба, так что в Эфес отправились только Виллий Таппул и Пет (источники, правда, опустили имя последнего, но мы уже знаем, что он также входил в состав миссии). К сожалению, Антиоха они в Эфесе не застали: царь срочно отбыл в Писидию подавлять

местное восстание. Пришлось снова трогаться в путь. Наконец они добрались до Апамеи Писидийской, куда вскоре подоспел и Антиох. Переговоры возобновились, но снова, как и минувшей зимой в Риме, не принесли никакого результата. Впрочем, встреча и вовсе прервалась, когда стало известно о внезапной кончине старшего сына и соправителя сирийского царя, которого, как и отца, звали Антиохом. Пока Антиох Старший разбирался с мятежной Писидией, именно он правил в Сирии и следил за безопасностью южных рубежей царства. В знак уважения к трауру Селевкидов римская делегация на некоторое время удалилась в Пергам. Новый «раунд» переговоров состоялся осенью 193 года; наряду с обоими легатами в них принял участие и оправившийся после болезни Сульпиций Гальба. Но шансы договориться, и без того небольшие, окончательно рухнули, когда к переговорам подключились представители независимых греческих полисов, предварительно должным образом «обработанные» Евменом. Дипломатическая встреча переросла в бурную ссору (Тит Ливий, XXXV, 17, 2). Антиох счел, что с него довольно. Проводив римскую делегацию, он принялся обсуждать со своими советниками детали предстоящей войны.

Свою роль, хотя и невольную, сыграл в исходе эфесской встречи и Ганнибал. Мы помним, что до того как вместе с Петом отбыть вдогонку за сирийским царем в Апамею Писидийскую, Виллий в течение нескольких дней оставался в Эфесе, где тогда же находился Ганнибал. Как сообщает Тит Ливий (XXXV, 14, 2-3), бывший римский консул неоднократно встречался с изгнанником, пытаясь разузнать его ближайшие планы и одновременно стараясь внушить, что Рим не таит на него зла. На самом же деле — и Полибий (III, 11, 2), в отличие от Тита Ливия, признает это совершенно определено — Виллий намеренно «увивался» вокруг

Ганнибала, надеясь скомпрометировать карфагенянина в глазах Антиоха и порвать хрупкие нити доверия, едва успевшие связать того и другого. Будущее показало, что расчет римского легата в полной мере оправдал себя. Что касается Тита Ливия, то латинский историк, повествуя об этом периоде времени, не смог удержаться от искушения и пересказал со ссылкой на источник (Клавдия Квадригария) мифическую историю о якобы имевшей в Эфесе место конфиденциальной встрече Ганнибала со Сципионом. Вслед за Титом Ливием эту легенду впоследствии подхватили Аппиан («Сир.», 9-10) и Плутарх («Фламинин», 21), преподнесшие ее как исторический факт. Особенно постарался Аппиан, лишенный даже того чувства меры и способности критического осмысления действительности, какими владел падуанский историк, и набросавший смелую картину дружеской беседы обоих полководцев, состоявшейся в городском гимнасии. Аппиан уверяет читателя, что Ганнибал даже приглашал Сципиона отобедать у него дома вечером. О чем же беседовали бывшие враги? Публий Африканский якобы задал Ганнибалу вопрос, кого он считает величайшим полководцем всех времен и народов. Разумеется, Александра, услышал он, в общем-то, ожидаемый ответ. Но римлянин на этом не успокоился и продолжал допытываться, кто, по мнению собеседника, достоин чести именоваться вторым после Александра великим полководцем. Пирр, отвечал Ганнибал, ибо он превзошел всех не только в умении осаждать города, но и в трудном искусстве дипломатии. Хорошо, кивал Сципион, а кто же будет третьим в этом достойном списке? Третьим буду я, невозмутимо заявил Ганнибал. Услышав такое, Сципион якобы громко расхохотался, но, отсмеявшись, поинтересовался, какое же место оставил бы за собой карфагенянин, если б ему удалось победить его, Сципиона. В этом случае, не смутился

Ганнибал, он смело мог бы считать себя выше Александра, не говоря уже о Пирре и всех прочих. Последнее замечание ввергло римлянина в глубокую задумчивость, ибо он не мог не оценить тонкой лести, скрытой в словах собеседника. Действительно, выходило, что Ганнибал со всем своим пунийским лукавством дал понять Сципиону, что считает римского полководца вообще вне всякой конкуренции...

Между тем современный историк Морис Олло в своей давней работе (M. Holleaux, 1957, pp. 184-207), столь же изящной, сколь и научно обоснованной, доказал, что Сципион, действительно в конце 193 года совершивший поездку на Эгейское побережье и оставивший следы своего пребывания на острове Делос, летом того же года никак не мог находиться в Эфесе. Дело в том, что именно в это время он в сопровождении двух своих политических единомышленников — Г. Корнелия Цетегга, цензора предыдущего года, и М. Минуция Руфа — отбыл с важной миссией в Карфаген [131]. В том, что Сципиону понадобилось ехать в Карфаген, косвенным образом вновь оказался замешан Ганнибал, и для того чтобы разобраться, как это произошло, нам придется немного вернуться назад.

Если верить Титу Ливию (XXXIV, 61, 1), в один из дней 193 года, но, вероятнее всего, до начала переговоров в Эфесе, карфагенский полководец сумел так уговорить Антиоха принять свой широкомасштабный стратегический план, суть которого сводилась к тому, чтобы Ганнибал во главе эскадры из сотни боевых палубных кораблей, имеющих на борту десять тысяч пехотинцев и тысячу всадников, высадился в Африке и попытался подбить Карфаген на вооруженное восстание против римлян. Расчет строился на том, что при виде мощной силы, которую приведет с собой Ганнибал, его соотечественники охотно

вдохновятся на борьбу. Если же этого не произойдет, тогда полководец направится к побережью Италии и попытается поднять на мятеж местное население. Одновременно Антиох двинет свою армию в Грецию и нанесет римлянам удар с тыла. Вот такой грандиозный, но абсолютно неосуществимый замысел якобы созрел в голове Ганнибала, как нас пытаются убедить Тит Ливий (XXXIV, 60, 3-6), а вслед за ним Юстин (XXXI, 3, 7-10) и Аппиан («Сир.», 7). Но как бы ни горел карфагенянин жаждой деятельности, все-таки он оставался человеком достаточно здравомыслящим, чтобы хоть на минуту уверовать в успех подобной авантюры! К тому же маловероятно, чтобы глава династии Селевкидов, в чьи планы вовсе не входила война на уничтожение с Римом, согласился предоставить для ее осуществления практически весь военный флот, каким он располагал. Зато вопрос об отправке в Африку скромного экспедиционного корпуса, который после соответствующей политической подготовки подстегнул бы карфагенян к выступлению против Рима, оба вполне могли серьезно обсуждать. Не исключено, что Антиох, понимая, что чем дальше, тем восточные аппетиты римского сената будут становиться больше, благосклонно отнесся к идее этой операции, которая в случае успеха из простого восстания превратилась бы в залог восстановления равновесия сил в Средиземноморье, за последние десять лет заметно нарушенного в пользу Рима.

Для подготовки почвы в Карфагене Ганнибал задумал отправить в город своего агента, некоего тирийского торговца по имени Аристон — человека опытного и умелого, уже оказывавшего полководцу аналогичные услуги. По договоренности с Антиохом Аристон, снабженный тайными опознавательными знаками, отбыл в пуническую метрополию для встречи со сторонниками Баркидов. Мы не знаем, кто из них

проявил излишнюю болтливость или неосторожность, но вскоре о секретной миссии Аристона в городе не говорил только ленивый. Кончилось тем, что Аристону пришлось предстать перед Советом старейшин и давать объяснения по поводу своего приезда в Карфаген. К счастью, он вел себя достаточно осмотрительно и не успел передать никому ни одного письменного документа. Тем не менее ему задали очень неприятный вопрос: почему, явившись в город по торговым делам, он виделся исключительно с представителями баркидской группировки? Дело запахло тюрьмой, и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в сенате не возобладали трезвые голоса, справедливо рассудившие, что арест иноземного купца, к тому же финикийца, без достаточных на то оснований вряд ли будет благосклонно оценен торговыми партнерами Карфагена. И кто поручится, что в ответ на эту меру не последуют гонения на карфагенских купцов в запредельных странах? Сенаторы разошлись, так и не приняв окончательного решения, но сам Аристон мешкать не собирался. Той же ночью он покинул город, правда, перед отплытием успел сыграть с пунийцами шутку в самом что ни на есть пунийском духе (Тит Ливий, XXXIV, 61, 14). Поздним вечером он расклеил на здании городской управы афишки, в которых говорилось, что Аристон явился в Карфаген для тайного сговора... со всеми членами Совета старейшин без исключения. Тем самым хитроумный тириец вывел из-под удара сторонников Ганнибала. Утром, когда горожане ознакомились с содержанием афишек, сенаторы решили, что все-таки нужно поставить в известность о случившемся Рим. Заодно, как полагает Тит Ливий (XXXIV, 61, 16), они дали послам поручение пожаловаться на Масиниссу, самовольно захватившего часть карфагенских земель. Мы помним, что двумя годами раньше территориальные споры между

нумидийским царем и Карфагеном послужили отличным предлогом, позволившим римской депутации, которую на самом деле волновала активность Ганнибала, явиться в город якобы для их разрешения. На сей раз дело обстояло серьезнее. Предметом спора стали Эмпории, в частности город Малый Лептис, расположенный на границе обоих Сиртов, и, как показало будущее, с этого инцидента началась целая серия территориальных конфликтов с нумидийцами, испортившая Карфагену немало крови.

Узнав о том, что карфагеняне отправили в Рим посольство с жалобой на него, Масинисса последовал их примеру. По его мнению, Карфаген вообще стоял на земле, исконно принадлежавшей ливийцам, а потому мог законно претендовать разве что на клочок, занятый Бирсой — карфагенским акрополем. Противная сторона строила свою аргументацию на более солидных основаниях, ссылаясь на демаркацию границ, осуществленную в 201 году Сципионом, по которой спорные территории лежали внутри карфагенских владений. К моменту, о котором мы ведем речь, то есть спустя десять лет после определения Сципионом границ, Рим по-прежнему видел свою задачу в поддержании равновесия между нумидийцами и карфагенянами. Поэтому разбираться со спорящими на месте отправился сам Сципион Африканский вместе с двумя коллегами. Впрочем, никаких результатов посредничество римлян не принесло. Очевидно, в Риме все еще опасались возможного союза между Карфагеном и Антиохом (J. Desanges, 1995). Исход восточных кампаний далеко еще не был предрешен, а потому в Риме до поры до времени предпочитали не слишком давить на Карфаген. Само присутствие Ганнибала в стане Антиоха все еще заставляло римлян считаться с Карфагеном как с могущественной державой.

Горькое поражение Антиоха (192-189 годы)

После эфесской встречи положение Ганнибала при дворе Антиоха заметно ухудшилось. Не зря так старательно увивался вокруг него Виллий! Ловкий прием римлянина сработал. Когда переговоры окончательно зашли в тупик, Антиох исключил Ганнибала из членов своего военного совета. Советники царя, в том числе уроженец Акарнании Александр, незадолго до того служивший в штабе Филиппа Македонского, всячески подталкивали Антиоха к войне, предлагая использовать Ганнибала для отвлекающего маневра в Африке (Тит Ливий, XXXV, 18, 8). Именно тогда между Антиохом и Ганнибалом, разъяренным и оскорбленным до глубины души тем, что его осмелились заподозрить в проримских симпатиях, хотя вся его жизнь неопровержимо доказывала обратное, и состоялась знаменательная беседа, во время которой он рассказал царю про свою детскую «клятву», принесенную Гамилькару. Как помнит читатель, ребенком он поклялся отцу, что никогда и ни при каких обстоятельствах не станет другом римлян. Судя по всему, после этой встречи царь вернул ему свое доверие, хотя непохоже, чтобы в его отношении к полководцу произошел качественный перелом.

Нам, конечно, чрезвычайно трудно установить, какие мысли занимали Антиоха в преддверии надвигавшейся войны с Римом. Отдельные специалисты видят в личности Антиоха человека, «склонного к колебаниям, утратившего выдержку перед необходимостью принятия серьезного решения, удрученного смертью сына и находившегося под

сильным влиянием своих советников» (P. Pedech, 1964, p. 232).

Действительно, Антиох, этот продолжатель династии Селевкидов, более всего озабоченный тем, чтобы вновь не растерять с таким трудом отвоеванных завоеваний своих предков, являл собой полную противоположность типу авантюриста. Нельзя назвать его и игрушкой в руках обстоятельств. Он всегда преследовал вполне определенную цель: добиться, чтобы Рим не вмешивался в его дела и оставил за ним право распоряжаться в районе проливов. Для давления на римский сенат, в частности, на Фламинина, зимой 193/92 года совершившего вместе с тремя другими легатами большую поездку по Греции, он намеревался использовать этолийцев. Ранней весной 192 года состоялось собрание Этолийского союза, усилиями Фоанта принявшее документ (очевидно, заранее согласованный с сирийским царем), в котором содержался призыв к Селевкидам взять на себя роль освободителей Греции и выступить посредником в улаживании разногласий с Римом. Ясно, что Антиох задумал отплатить римлянам их же монетой: «Взяв на вооружение их же тактику, он по их примеру и им во вред стал проводить в жизнь проэллинскую политику. Стремясь надавить на Рим, он заявлял о своей готовности защищать малоазийских греков; стремясь надавить на малоазийских греков, он брал на себя заботу о греках европейских, в частности, об этолийцах» (M. Holleaux, 1957, p. 394). Но ему приходилось принимать в расчет и еще целый ряд обстоятельств. Летом 192 года Набис был уничтожен Филопеменом, который командовал войсками Ахейского союза, конфедерации пелопонесских греков, настроенных явно проримски [\[132\]](#). Кроме того, Филипп Македонский, далекий от того, чтобы оказывать ему

помощь, оставался верен союзу с Римом, заключенному после поражения при Киноскефалах. Антиох прекрасно понимал, что соотношение сил меняется очень быстро и отнюдь не в его пользу, а потому его собственная позиция по сравнению с позицией Рима может в ближайшее время серьезно ухудшиться (E. Will, 1967, p. 171). Наконец этолийцам удалось завладеть фессалийской крепостью Деметриадой, со 196 года удерживаемой римлянами. Возможно, это событие подтолкнуло Антиоха к активным действиям. Так или иначе, но осенью 192 года он двинул в область Фессалии средних размеров войско, состоявшее из десяти тысяч пехотинцев, пятисот всадников и нескольких слонов.

Так, без формального объявления, фактически началась война, в которой Ганнибал так и не участвовал. Военный совет, принявший решение о вторжении в Фессалию, в конце концов отказался предоставить карфагенскому полководцу даже ту небольшую эскадру, которую ему первоначально обещали для проведения отвлекающей операции в Африке. «Благодарить» за унижение Ганнибалу следовало Фоанта, который упорно повторял Антиоху именно то, что тому больше всего хотелось слышать. Стоит сирийскому царю появиться в Греции, твердил ему этолиец, как все греки пойдут за ним, как пошли этолийцы. Уверенные речи Фоанта свидетельствовали лишь о том, что он очень плохо знал греков, существовавших хоть и разобщенно, но после Истмийских игр 196 года в большинстве своем смирившихся с дружбой, навязанной римлянами, а также о том, что он явно недооценивал значения Ахейского союза. Наконец, он совсем не знал римлян, которых успел прекрасно изучить Ганнибал, наверное, единственный из них, кто понимал: Рим, решивший все свои проблемы в Испании и частично решивший их в

Цизальпинской Галлии, ни за что не оставит без ответа столь явный вызов себе, тем более что со стороны за развитием событий будет наблюдать нейтральный, но далеко не равнодушный зритель — Филипп Македонский.

Но Ганнибалу досталась роль если не простого зрителя, то, в лучшем случае, критика. Считая ошибочным весь стратегический план, он неодобрительно оценивал и главный тактический прием селевкидской армии — знаменитую македонскую фалангу, вступающую в бой, ощерившись, словно еж иглами, шестиметровыми копьями-сариссами. При всей своей «непробиваемости» подобное построение отличалось статичностью и малой маневренностью. Как военный инструмент, македонская фаланга принадлежала прошлому, тогда как в настоящем — и Ганнибал с его 15-летним опытом сражений на полях Италии, Испании и Африки знал об этом лучше кого бы то ни было — использовалась совсем другая тактика, основанная на подвижности боевых соединений, на умении вклиниться в ряды противника, окружить его и взять в кольцо. Римляне, оказавшиеся достойными учениками карфагенского полководца, быстро освоили все эти приемы, которые с тех пор успешно использовали против самого «учителя». Сохранился анекдот, пересказанный Авлом Гелием («Аттические ночи», V, 5), известным любителем старины, который, к сожалению, не счел нужным указать источник, проливающий свет как на умонастроения Ганнибала, так и на его положение при дворе Антиоха. Как-то раз царь любезно пригласил своего гостя полюбоваться на учебные маневры своей армии, проходившие в чистом поле. Взору Ганнибала открылась действительно впечатляющая картина: огромное количество коней с сияющими на солнце золотыми и серебряными

фалерами [\[133\]](#), богато отделанные колесницы, верблюды и азиатские слоны — гигантские животные, куда огромное тех, что использовались в пунийской армии, тащившие на спине башни, в которых прятались лучники... Селевкид, конечно, спросил у Ганнибала, как, по его мнению, достаточно ли всего этого для римлян, на что карфагенянин с дерзкой насмешкой отвечал, что, на его взгляд, как бы жадны ни были римляне, но такой военной добычи хватит даже им. Конечно, оценивая ответ Ганнибала, необходимо делать скидку на глубокую обиду человека, которого лишили привычной ему роли командира. Все же армию Антиоха никак нельзя было назвать опереточной (В. Вар-Кочва, 1976, pp. 94-103).

Но и первые победы, одержанные Антиохом, в частности взятие крепости Халкида осенью 192 года и захват острова Евбея, не поколебали скепсиса Ганнибала относительно военной стратегии царя. Зимой 192/91 года в Деметриаде собрался военный совет, и Ганнибал, которого до той поры явно оттирали в сторону, держал на нем речь. Содержание последней известно нам лишь в изложении Тита Ливия (XXXVI, 7), которым мы и вынуждены довольствоваться за неимением соответствующего текста Полибия. Итак, карфагенский полководец дал реальную оценку успехам сирийского царя, по его мнению, весьма скромным. В самом деле, кроме этолийцев в его лагерь перешли только евбейцы и беотийцы — народы, не имевшие собственной армии, да и те, как подозревал Ганнибал, с легкостью перевернутся к римлянам, стоит им пригрозить оружием. Он по-прежнему считал, что необходимо применить задуманный им план, слегка изменив его ввиду новых обстоятельств. Первостепенное значение он придавал достижению господствующего положения на море и призывал

Антиоха усилить боевую мощь экспедиционного корпуса, явно недостаточную даже для выполнения тех скромных задач, которые перед ним стояли. Затем следовало как можно скорее нарастить военный флот и часть его бросить к острову Коркира, дабы преградить римлянам путь на Адриатику. Еще одну эскадру пустить к южному побережью Италии, чтобы, обогнув Сицилию, она обрушилась на Рим с запада. Наконец, Антиох, собрав в кулак все свои сухопутные войска, сосредоточит их на правом берегу Аоя, в нижнем течении реки, и тем самым отрежет римлян от Греции, так как именно с северо-запада иллирийского побережья открывается лучшая дорога на Грецию (P. Cabanes, 1976, p. 281). Читатель, возможно, помнит, что именно в этом районе в конце 199 года Филипп Македонский также пытался перекрыть подходы к Греции вначале Виллию Таппулу, а затем Фламинину. Осуществление подобного плана требовало огромного напряжения сил, мобилизации всех ресурсов, в том числе подготовки флота, но главным образом — времени. Антиох на данном этапе не располагал ни тем ни другим. Вот почему у нас вызывает серьезные сомнения достоверность рассказа Тита Ливия. С какой стати Ганнибал стал бы читать Антиоху лекцию по ведению войны и излагать план столь же блестящий, сколь и неосуществимый, как, впрочем, и предшествующий ему план, якобы предложенный весной 193 года? Мы полагаем, что Тит Ливий, а вслед за ним и вся римская историография преследовали вполне определенную цель: любой ценой, даже греша против истины, доказать, что Ганнибал был и оставался для Рима врагом номер один.

Добавим также, что, если верить Титу Ливию, Ганнибал настойчиво уговаривал Антиоха заключить союз с Филиппом, действуя где дипломатией, а где и силой, например, пригрозив вторжением Селевка, сына

Антиоха, во владения македонян со стороны Фракии, то есть из восточных пределов. Что и говорить, союз с Филиппом Антиоху ни в коем случае не повредил бы, но ведь и царь, и Ганнибал не могли не знать, что тот давно уже отказался от роли нейтрального наблюдателя. В ноябре 192 года в Иллирию на всякий случай вошло войско претора М. Бебия Тамфила. Но римский военачальник быстро успокоился, когда Филипп первым сообщил ему о вступлении армии Антиоха в Фессалию и пообещал свою помощь. И сделал он это вовсе не потому, что, как уверяет нас Тит Ливий (XXXVI, 8), он не мог простить Антиоху, что Селевкид с почетом похоронил македонских воинов, четыремя годами раньше погибших в битве при Киноскефалах [134]. Просто от союза с Римом он ничего не терял, зато выигрывал многое.

Так что для формального объявления войны Риму не хватало сущего пустяка — официального предложения. Но за ним дело не стало. Неизвестно, что тому виной — опрометчивость или трезвый расчет, но только в конце осени 192 года один из ближайших помощников Антиоха, человек по имени Менипп, напал на римский гарнизон, стоявший в Делии, небольшом беотийском городке близ Танагры, и перебил три сотни римских солдат. Конечно, в принципе им там находиться не следовало, ибо еще в конце 196 года Фламинин пообещал убрать с этих земель все свои гарнизоны. Однако зло свершилось. Вопрос об объявлении войны Антиоху прошел срочное обсуждение в народных комициях, получил одобрение сената и немедленно перешел в стадию активных действий. Подготовкой к войне вплотную занялся один из консулов 191 года — Маний Ацилий Глабрион, назначенный наместником Греции, «новый человек» и друг Сципиона, пользовавшийся его покровительством с 201 года,

когда он, в ту пору народный трибун, при поддержке еще одного трибуна, Кв. Минуция Терма (Н. Н. Scullard, 1951, p. 81), помог герою Африки взять верх над происками Корнелия Лентула, мечтавшего присвоить плоды чужой победы при Заме. Как и его покровитель, как и Фламинин, Глабрион считался истым приверженцем греческой культуры, на что в тогдашнем сенате уже начинали смотреть косо. Поэтому для пущей надежности военными трибунами в армию Глабриона были назначены сразу два конзерватора — М. Порций Катон и Л. Валерий Флакк. Оба уже вместе избирались консулами в 195 году и так же дружно станут цензорами в 184-м (P. Grimal, 1975, p. 192).

Рим пустил в ход свою военную машину. В конце февраля 191 года Ацилий Глабрион с армией в 20 тысяч пеших и две тысячи конных воинов высадился в Аполлонии и сразу же взял курс на Фессалию, где с этолийскими союзниками Антиоха уже сражались Бебий Тамфил и Филипп Македонский. Всего за несколько недель они полностью заняли страну. Сирийский царь, находившийся в евбейском городе Халкиде, двинулся навстречу римлянам в направлении Ламии, намереваясь задержать их в Фермопильском ущелье, издавна служившем «воротами» в Центральную Грецию и ставшем знаменитым после гибели здесь в 480 году до н. э. Леонида Спартанского. Около середины апреля сюда же подтянулся со своим войском и Ацилий Глабрион. Лучники и пращники Антиоха, рассыпавшиеся по склонам ущелья, обрушили град своих стрел и дротиков на правый фланг римского войска, не давая противнику приблизиться к фаланге, основательно укрепившейся в его глубине. Тогда Катон, прихватив с собой двухтысячный отряд, ночью преодолел горный кряж и напал на армию Антиоха с тыла, обратив ее в беспорядочное бегство. К концу апреля Антиох вернулся в Халкиду, а некоторое время спустя вместе с

остатками своей армии переправился в Эфес. Он проиграл войну, потерпев поражение в одной единственной битве. Ганнибал в ней участия не принимал, но судьба уготовила ему шанс вскоре испытать себя в роли флотоводца.

Война в Эгейском море и в Азии. Ганнибал руководит морским сражением

Мы знаем, что Антиох очень рассчитывал на этолийцев, надеясь, что они помогут ему задержать римлян в Греции. Они и в самом деле доставили немало хлопот Ацилию Глабриону, который с легкостью покорил беотийцев, фокидян и халкидян, но застрял на все лето под стенами Навпакта. В это время Филипп Македонский не мешкая восстанавливал свое присутствие в Фессалии, в частности захватив Деметриаду. Подобное развитие событий совершенно не устраивало Фламинина, поскольку грозило перечеркнуть результаты его дипломатических побед лета 196 года, поэтому, когда он был послан сенатом в Пелопоннес к ахейцам, он вмешался в действия Ацилия, чтобы заключить с этолийцами почетный мир (Тит Ливий, XXXVI, 34–35).

Покончив с войной в Греции, Рим развязал себе руки для того, чтобы продолжить преследование Антиоха в Азии. Сирийский царь тем временем успел укрепить Херсонес Фракийский, в частности крепость Лисимахию, и приказал своему флотоводцу, родосскому эмигранту Поликсениду привести корабли в боевую готовность. В свою очередь, Ганнибал получил от своих осведомителей и тотчас же передал Антиоху информацию о том, что в конце весны из Остии отчалила мощная римская эскадра в сопровождении пятидесяти палубных кораблей (такие корабли из-за своей большой вместительности использовались для переброски морем сухопутных войск), к которой по пути присоединились шесть кораблей, поставленных

Карфагеном, и 25 — италийскими союзниками. В Пирее к ним добавились еще 25 квинкверем Атилия Серрана, срок преторских полномочий которого подходил к концу. Командовал всей этой мощной армадой Г. Ливий Салинатор, сын одного из победителей в битве при Метавре. Но и флот Поликсенида выглядел не менее грозно: 70 палубных кораблей, по меньшей мере столько же открытых. Флотоводец Антиоха поставил перед собой цель — перехватить римский флот и по возможности уничтожить его до того, как им навстречу подоспеют дружественные военно-морские силы Евмена Пергамского и родосцев. Однако римские корабли, поначалу стоявшие на якоре на Делосе, оказались столь быстроходными, что обошли вражеский флот и за короткое время добрались до Фокиды, куда вскоре подоспело и подкрепление в виде пятидесяти кораблей Евмена. Флот Поликсенида разом утратил свое численное преимущество, но он торопился дать противнику решающее сражение, пока к тому на подмогу не подошли еще и родосцы. Битва разыгралась близ мыса Корик, который мы, к сожалению, не можем точно идентифицировать, зная лишь, что он располагался где-то на нынешнем турецком побережье, в районе пролива, отделяющего материк от острова Хиос. Тит Ливий (XXXVI, 44-45) оставил нам подробное, но несколько сумбурное описание этой морской битвы (древнеримский историк гораздо увереннее чувствовал себя, повествуя о сражениях на суше), в которой римляне с успехом применили абордажный бой, используя явное численное превосходство над противником.

Между тем 191 год близился к концу, следовательно, наступало время избрания новых консулов. На сей раз выборы состоялись даже раньше, чем обычно. На повестке дня стояло завершение войны с Антиохом, и потому, как об этом без обиняков

заявляет Тит Ливий (XXXVI, 45, 9), свои исполненные надежды взоры сограждане обратили на Сципиона Африканского. Однако Сципион в 194 году был консулом уже второй раз, а на дворе стояли совсем не те времена, что в 215–207 годы, когда Риму грозила страшная опасность и никого не смущало, что Фабий Максим, Фульвий Флакк или Клавдий Марцелл занимали высшую государственную должность в течение четырех, а то и пяти сроков подряд. Тогда того требовали обстоятельства. Теперь требовалось действовать иначе, но в конце концов выход был найден. Комиции проголосовали за Г. Лелия, близкого друга Сципиона, многим ему обязанного, и за его же родного брата Луция. Оставалось решить, кто из них отправится наместником в «Грецию», то есть в Азию. Как пишет Тит Ливий (XXXVII, 1, 7-10), Лелий предложил, чтобы этот вопрос сенаторы решили самостоятельно, не полагаясь на волю жребия. Разгорелись споры, конец которым положил сам Публий, объявивший, что если в Грецию поедет Луций, то он сам будет его сопровождать в качестве легата. Несколько иначе представляет дело Цицерон («Филиппики», XI, 17), и его версия звучит гораздо обиднее для Луция. По жребию ехать в Грецию якобы выпало Луцию, но сенаторов такой вариант не устроил, и они пересмотрели результат жеребьевки в пользу Лелия. Именно тогда в спор вмешался Сципион Африканский, пообещавший отправиться в «провинцию» вместе с братом. На том и порешили. Нам кажется, что версия Тита Ливия выглядит правдоподобней, впрочем, как бы там ни было, совершенно ясно, что решающую роль сыграл личный авторитет покорителя Африки. С таким солидным «довеском» даже безликий Луций мог рассчитывать на доверие сограждан. Примечательно, что спустя четверть века после того как два других брата

Сципиона бились плечом к плечу в Испании (в 217-211 годах), эстафету приняли представители нового поколения этого известнейшего в Риме семейства. Не менее примечательно и то, что судьба словно посылала Ганнибалу еще один шанс встретиться со своим великим противником 202 года, теперь, как и он сам, выступавшим на втором плане.

Впрочем, если бы эта историческая встреча и произошла, то, конечно, не на другой же день. Кстати сказать, она так и не состоялась. В эти первые месяцы 190 года решался кардинальный вопрос: кто будет безраздельно владычествовать в Эгейском море? Антиох понимал, что бессмысленно укреплять Херсонес, если не удастся сохранить морское господство в проливах. И он бросил все силы на восстановление своего флота, серьезно пострадавшего в предыдущей схватке. По его просьбе Ганнибал отправился в Сирофиникию, вероятно, в Тир, где должен был собрать и оснастить новую эскадру. Некоторое время спустя флотоводец Антиоха Поликсенид в проливах близ острова Самос провел очень удачное сражение против родосского флота, уничтожив значительную его часть. В апреле на смену римскому флотоводцу Ливию Салинатору прибыл новый претор, М. Эмилий Регилл, обнаруживший, что состояние дел на азиатском побережье Эгейского моря далеко от радужного. К концу весны Регилл, сосредоточивший свои основные силы на Самосе, практически созрел для переговоров с Антиохом, которого, в свою очередь, немало тревожила весть о прибытии в Македонию Сципионов. Родосцы также отнеслись к идее переговоров благосклонно, однако самым решительным образом воспротивился Евмен Пергамский.

Между тем до Самоса докатилось известие о том, что к северу быстро движется Ганнибал с флотом, собранным в Финикии. Ему навстречу вышли родосские

моряки на тридцати шести судах. Обе эскадры встретились в море в самый разгар лета (Тит Ливий, XXXVII, 23, 2), по-видимому, в августе, на широте Памфилии, неподалеку от полуострова Сиды. Флот Ганнибала имел явное численное превосходство; карфагенянин командовал его левым флангом, развернутым в сторону открытого моря; на правом фланге распорядился знатный сородич Антиоха из династии Селевкидов. Благодаря перевесу в числе кораблей Ганнибалу поначалу удалось нанести противнику, которым руководил наварх Евдам, ощутимый урон, но затем родосцы, справедливо считавшиеся в то время лучшими моряками Средиземноморья, призвали на помощь весь свой боевой опыт, максимально использовали маневренность, прочность и скорость своих квинкверем и в конце концов сумели переломить исход сражения в свою пользу. К концу дня выяснилось, что потери Ганнибала больше, чем у противника, и тогда карфагенянин отвел свои суда к Коракесию (ныне Алания), расположенному чуть восточнее Сиды. Нетрудно представить, каким испытанием стал для почти 60-летнего человека этот продолжавшийся целый день под безжалостно палящим солнцем бой. Уйти из Коракесии он не мог, так как родосский флот почти в полном своем составе остался близ Ликии, курсируя вдоль побережья и не спуская с него глаз.

Итак, Ганнибала удалось вывести из игры, правда, дорогой ценой: почти весь родосский флот бездействовал, исполняя роль его стража. Евмен в это же время находился гораздо севернее; он оберегал границы своих владений и ждал Сципионов. Антиох счел, что настал подходящий момент для того, чтобы взять реванш за поражение при Корикосе. Флот Селевкидов встретился с римским флотом, усиленным небольшой родосской эскадрой, неподалеку от места

первой битвы, близ мыса Мионнес. При выходе из гавани Эфеса Поликсенид располагал чуть большим числом кораблей, чем Регилл, но и на сей раз маневренность родосских кораблей и редкостное мастерство их кормчих сыграли свою роль. Тит Ливий (XXXVII, 30, 3-4) особо выделяет применение «зажигалок» — глиняных горшков, заполненных смесью смолы и подожженной серы и привязанных на длинных шестах на носу корабля. Манипулируя системой тросов, пылающие горшки закидывали на вражеский корабль — со всеми вытекающими последствиями. Флот Селевкидов вернулся в родной порт, не досчитавшись сорока двух судов. Отныне ни о каких претензиях Антиоха на главенство в Эгейском море не могло идти и речи.

Крепость Лисимахию, которую без поддержки с моря оборонять стало слишком трудно, Антиох без долгих раздумий эвакуировал. Осенью 190 года сюда добрались братья Сципионы со своим войском, устроили стоянку и запаслись продовольствием, после чего переправились через Геллеспонт. Регилл в это же время отвоевывал Фокиду. Антиох после морского разгрома укрылся в лидийском городе Сарды, откуда направил к римскому консулу своего полномочного представителя, Гераклида из Византия. От имени царя он предложил Риму возместить половину военных расходов, навсегда отказаться от всех своих завоеваний в Европе и кроме того сдать три города, из-за которых, собственно, и началась война, — Лампсак, Смирну и Александрию Троадскую. Луций посоветовался с братом и дал свой ответ: Антиох должен полностью возместить Риму расходы на войну, которую сам же и развязал, и отдать все земли, лежащие по эту сторону от Таврских гор. Это означало вообще добровольно уйти из Малой Азии (Полибий, XXI, 14, 7-8; Тит Ливий, XXXVII, 35, 8-10). Царский посланец отлично понимал, что Антиох ни за

что не согласится на такие условия, но прежде чем отправиться в обратный путь, добился конфиденциальной встречи со Сципионом Африканским, к которому у него имелось секретное предложение. Антиох просил передать римлянину, что готов без всякого выкупа возвратить ему сына, при неясных обстоятельствах захваченного в плен в самом начале войны (Тит Ливий, XXXVII, 34, 5-6), разумеется, если Публий поможет ему добиться заключения мира на его, Антиоха, условиях. Кроме того, царь сулил Сципиону заплатить столько, сколько тот сам пожелает, и обещал долю в государственной казне (Полибий, XXI, 15, 3-4; Тит Ливий, XXXVII, 36, 2. Последний даже упоминает о возможном участии Сципиона в управлении империей Селевкидов). В этом предложении, разумеется, отвергнутом, самым примечательным является столкновение двух совершенно разных менталитетов, историческое развитие каждого из которых привело к их полной несовместимости. Сципион Африканский не стал изображать оскорбленную добродетель, лаконично ответив, что с благодарностью примет своего сына, а взамен даст Антиоху разумный совет: согласиться на условия Рима и отказаться от дальнейшей борьбы.

Спустя несколько недель, по всей вероятности, в январе 189 года, обе армии встретились для битвы неподалеку от Магнесии Сипилской, у слияния Фригия и Герма. Тит Ливий (XXXVII, 40; соответствующий текст Полибия утрачен) оставил нам впечатляющее описание мощной своей многочисленностью, но слишком пестрой по составу армии Антиоха, которой явно не хватало единства и согласованности в действиях. Публий в сражении не участвовал, вынужденный из-за болезни задержаться в Элиде, но командование римскими легионами взял на себя не Луций, не имевший достаточного военного опыта, а консул 192 года Гней

Домиций Агенобарб. На правом фланге под руководством Евмена Пергамского сражались его подданные — и пехотинцы, и всадники. Оба военачальника действовали умело, и оба в равной мере способствовали полному разгрому Антиоха, который потерял в этой схватке 50 тысяч солдат. Царь сделал верные выводы из своего поражения и спустя короткое время отправил в Сарды, где находились оба Сципиона, полномочных представителей, заключивших от его имени мир на ранее выдвинутых Римом условиях. В 188 году этот договор будет ратифицирован в Апамее. Антиох обязался выплатить гигантскую военную контрибуцию — 15 тысяч евбейских талантов. Вспомним, что двенадцатью годами раньше Карфаген согласился на контрибуцию в размере 10 тысяч талантов. Кроме того, царь дал слово выдать римлянам двух людей, считавшихся наиболее яркими из их врагов, — этолийца Троанта и, главным образом, Ганнибала. Подняв оружие против Рима, Ганнибал превратился в «мятежника» — в том смысле, какой вкладывали в это слово сами римляне, и отныне даже Публий не мог бы сделать для него ничего. Луция Корнелия Сципиона, вернувшегося в Италию осенью 189 года, в ноябре чествовали как триумфатора, и его триумф, как сообщает Тит Ливий (XXXVII, 59, 2), прошел даже пышнее, чем торжества, устроенные в честь его брата в 201 году. Однако почетное звание Сципиона Азиатского, каким он отныне именовался, конечно, никогда не могло сравниться блеском с прозвищем брата — Африканский.

Между историей и легендой. Последние годы жизни Ганнибала

Антиох Ганнибала не выдал. Впрочем, он не смог бы этого сделать, даже если б очень сильно захотел. Об участии изгнанника в битве при Магнесии Сипилской наши источники хранят дружное молчание, а его присутствие на поле боя вряд ли прошло бы незамеченным, если, конечно, не принять абсурдного допущения, что он, наподобие Фабрицио дель Донго в битве при Ватерлоо, пассивно наблюдал за сражением со стороны.

Ганнибал скрылся от нас в знойном мареве, висевшем над заливом Анталья, летом 190 года, сразу после морского боя при Сиде. Последовавшие за тем несколько лет оказались заполнены скитаниями, хронология и маршрут которых известны нам лишь предположительно. Мы знаем наверняка только то, что завершились они в Вифинии. Если довериться Корнелию Непоту («Ганнибал», 9) и Юстину (XXXII, 4, 3) — ни один из которых не относится к числу надежных проводников по дебрям исторических фактов, а другими мы, к несчастью, не располагаем, — то окажется, что, покинув побережье Памфилии, Ганнибал взял курс на остров Крит. Самым крупным из близлежащих островов был Кипр, но он оставался владением Лагидов, римских союзников, следовательно, путь отверженному был туда закрыт. Финикия теоретически могла, конечно, приютить пунийца, но ведь она подчинялась Селевкидам, а Антиох, как мы помним, официально обязался выдать беглеца. Что же касается Крита, то этот остров пока не успел принять участия в конфликте, а потому нет ничего удивительного, что Ганнибал попытался подыскать на нем хотя бы временное

пристанище, пока не подвернется что-нибудь получше (именно это утверждает Непот, «Ганнибал», 9, 1). Рассматривал ли он Крит как трамплин для броска в Африку и дальнейшего продолжения борьбы? И правда ли, что с Крита он направился напрямик в Кирену (G. Picard, 1967, p. 227)? Мы думаем, что подобные предположения основаны на слишком смелом толковании очевидной ошибки Непота («Ганнибал», 8, 1-2), который спутал якобы имевшее место вторжение Ганнибала с небольшим флотом в Киренаику с исторически зафиксированной тайной миссией Аристана. И даже скидка на неточную датировку не спасает версию Непота и не делает ее более правдоподобной. Вместе с тем маловероятно, чтобы Ганнибал надолго задержался в Гортине. Остров Крит являл собой в ту пору настоящее пиратское гнездо. Здесь томились в неволе многочисленные римские и италийские пленники. Летом 189 года претор Кв. Фабий Лабеон, сменивший Регилла во главе римского флота, бросил из Эфеса на Крит своеобразный «десант» с заданием освободить узников. В одной лишь Гортине, если верить Титу Ливию (XXXVII, 60, 6), свободу обрели четыре тысячи человек. Однако о присутствии на острове Ганнибала историк не сообщает ни слова... Но разве сумел бы он не попасться на глаза тем, кто осуществлял эту операцию, если бы находился в городе? Вообще говоря, о смутно предполагаемом пребывании Ганнибала на Крите нам неизвестно ровным счетом ничего, если не считать исходящей от все тех же Непота и Юстина истории о том, как хитроумный пуниец провел сребролюбивых критян, чья алчность успела войти в поговорку (Полибий, VI, 46-47). Изгнанник явился на остров с изрядным багажом золотых и серебряных монет, которые предусмотрительно спрятал внутри бронзовых статуй, беспечно расставленных в саду. Одновременно он

поручил нескольким критянам, прислуживавшим в храме Артемиды, оберегать переданные им на хранение глиняные горшки, заполненные свинцом, а сверху покрытые тонким слоем золотых или серебряных монет. Как нам следует относиться к этому анекдоту? Очевидно, так, как он того и заслуживает. Знакомясь с темными годами в жизни Ганнибала, когда он оказался на обочине истории, мы должны быть готовы к тому, что вместо летописцев нам приходится иметь дело с мифотворцами...

С уверенностью можно утверждать лишь одно: сокрушительное поражение Антиоха и его вытеснение из Малой Азии к вящей выгоде Евмена Пергамского, этого «восточного Масиниссы» (M. Holleaux, 1957, p. 425), заставили Ганнибала искать себе прибежище на периферии эллинистического Востока. Одним из мест, где он мог укрыться, стала Армения, раскинувшаяся между Черным и Каспийским морями, поскольку в число римских провинций этот край вошел уже позже, при императоре Траяне. В ряде источников (Страбон, XI, 14, 6; Плутарх, «Лукулл», 31, 4-5) имеются ссылки на пребывание Ганнибала при дворе «царя» Артаксия, следовательно, вполне допустимо, что вторым после Крита этапом скитаний изгнанника стала именно Армения. Далее источники утверждают, что, покоренный красотой ландшафта верхней долины Аракса, к которому вплотную подступает массив Арарата и который в наши дни служит границей между Турцией и Арменией, карфагенянин замыслил возвести здесь новую столицу. Артаксию понравился план, предложенный Ганнибалом, и он поручил гостю лично возглавить руководство строительными работами. Город назвали Артаксатой. Современные историки разделились во мнениях относительно достоверности этого эпизода. Высказывалась точка зрения (G. Brizzi, 1984, p. 84), что сатрап Армении, воспользовавшийся

ослаблением Селевкидов, чтобы избавиться от их опеки, тут же попал в зависимость к Риму. Это справедливо, однако не следует забывать, что Армения находилась слишком далеко от Рима, а потому римский контроль над Артаксием если и существовал, то носил скорее теоретический характер. Зато в пользу гипотезы о градостроительной деятельности Ганнибала в предгорьях Атропатены [\[135\]](#) свидетельствует тот вполне исторически подтвержденный факт, что именно этим он занимался при дворе царя Вифинии Прусия, к которому вскоре перебрался.

В 190 году, еще до решающей битвы с Антиохом при Магнезии Сипилской, Сципионам путем ловких маневров удалось разрушить союз Прусия с Селевкидами и убедить его войти в число «друзей римского народа», как это именовалось на языке тогдашней римской дипломатии (Полибий, XXI, 11). Таким образом, Прусий оказался в том же лагере, к которому принадлежал его могущественный южный сосед и соперник Евмен Пергамский. Однако события не стояли на месте. Между двумя царствами лежала область Мисии (Фригия «Эпиктета»), она и стала яблоком раздора. Когда-то Антиох уступил эти земли предшественнику Евмена Атталу, но около 196 года сюда вторгся Прусий. По условиям Апамейского мира, заключенного в 188 году, они снова переходили во владение Евмена (Полибий, XXI, 46, 10). Назревал конфликт, к 186 году перешедший в открытое военное столкновение, продолжавшееся до 183 года, когда в дело вмешался Рим.

Видимо, примерно в это время либо несколько раньше — мы уже отмечали расплывчатость хронологии на этом этапе жизни Ганнибала — изгнанник и нашел приют у Прусия. Как прежде Антиох, царь Вифинии заполучил себе в советники выдающегося военного и

государственного деятеля, готовый в случае чего бестрепетно выдать гостя его врагам. Но прежде чем это действительно произошло, Прусий изрядно попользовался талантами Ганнибала. Как мы уже говорили, он вел тогда войну с Евменом. Сражения кипели и на суше, и на море. Стараниями все того же тандема «Непот-Юстин» до нас дошли рассказы о военных подвигах Ганнибала-флотоводца, в том числе история про горшки с ядовитыми змеями, весьма отчетливо перекликающаяся с байкой про полые статуи в саду Гортины. Так, во время одного из морских сражений в Мраморном море пунийский военачальник якобы придумал хитрость как не только захватить личный корабль Евмена, но и одержать победу над численно превосходившим его вражеским флотом. Еще до начала схватки он направил к главнокомандующему противника гонца с кадуцеем, дав ему приказ вручить письмо лично в руки царю. Письмо не содержало ничего важного и было лишь предлогом подсмотреть, на какой из кораблей препроводят гонца, чтобы затем сделать его главной мишенью. В результате Евмен, утверждают источники, едва не попал в плен. Понемногу превосходящие силы противника взяли суда вифинцев в плотное кольцо и уже предвкушали победу, когда к ним на палубы полетели выпущенные из катапульт горшки, кишасшие ядовитыми змеями. Змеи расползлись по каждому кораблю, совершенно деморализовав оцепеневших от ужаса гребцов. Эта история кажется нам довольно типичным случаем искаженного в сторону приукрашивания рассказа о реально происходивших событиях, в частности о действительно применявшихся уловках и хитростях, например, отправки гонца с письмом якобы чрезвычайной важности (правда, флотоводцы обычно не прятались от противника, а наоборот, открыто демонстрировали свое присутствие). Из всех современных специалистов один Дж. Каркопино

(J. Carcopino, 1961, p. 173), да и тот с улыбкой, называет Непота великим историком. Что касается первого в мировой военной истории случая применения «биологического оружия», то в него готов поверить британский исследователь Гавин Де Беер (Gavin De Beer, p. 299). Что ж, как говорится, вольному воля.

Столица Пруссия, именовавшаяся Никомедией (ныне Измит), располагалась на берегу узкого залива, образуемого Мраморным морем, которое в этом месте острым клином вдается в сушу в направлении Востока, превращая полуостров вифинян в своеобразный мостик между Европой и Азией, «перечеркнутый» Босфором. Вынашивая планы расширения своего царства за счет земель Фригии, Прусий вознамерился основать еще одну столицу, расположенную южнее первой. Неизвестно, кому именно, ему или Ганнибалу, первому пришла в голову мысль воздвигнуть новый город в северо-западных предгорьях «вифинского Олимпа» — нынешней горы Улудаг. Город, названный Прусой, сегодня носит имя Бруссы. Один из самых живописных и оживленных центров современной Анатолии, он долгое время служил столицей Оттоманской империи, и уже для Плиния Старшего («Естественная история», V, 148) не оставалось никаких сомнений, что первый камень в его основание заложил Ганнибал. Закладка нового города — второго после Артаксаты — давала ему право занять достойное место в узком кругу эллинистических владык, даже если он не мог дать ему своего имени. Как знать, может быть, 60-летнему полководцу, с головой ушедшему в градостроительные заботы, вспоминались в ту пору далекие картины детства, когда на его глазах под руководством Гамилькара, его отца, поднимались стены Акра Левки, или юности, когда он помогал Гасдрубалу, мужу своей сестры, строить Новый Карфаген?

К тому же самому вифинскому периоду относятся и приписываемые Ганнибалу сочинения, одно из которых скорее всего является действительным плодом его трудов, зато другое — явный апокриф. О первом в ряду прочих писаний Ганнибала, созданных на греческом языке, упоминает, к несчастью, без малейших комментариев, Корнелий Непот («Ганнибал», 13, 2). Текст представлял собой речь, с которой карфагенский полководец обратился к родосцам в связи с политикой Гнея Манлия Вульсона в Малой Азии. Яркий образец антиримской пропаганды, эта речь не могла быть написана много позже кампании, которую римский консул проводил в течение 189 года. Получив весной 189 года из рук Л. Сципиона командование римским экспедиционным корпусом в Эфесе, Вульсон под тем предлогом, что в армии Антиоха сражался отряд галатов, поспешил организовать против последних карательный поход, причем, что кажется вполне достоверным, даже не потрудился заручиться формальным согласием сената. Через Карию и Фригию этот затянувшийся на много месяцев рейд докатился до самого сердца Анатолии, где вокруг Анкиры (ныне Анкара) проживали тектосаги, после великого галльского вторжения начала III века объединившиеся в галатскую конфедерацию. Консул, человек по природе грубый и алчный, в таком же духе держал и свою солдатню. В замечательном своим антимилицаристским духом отрывке Тита Ливия (XXXVIII, 24; то же у Полибия, XXI, 38) мы находим рассказ о зверствах и бесчинствах, чинимых одним из его центурионов. Галатская принцесса Хиомара, чью оскорбленную добродетель воспели затем Плутарх, Валерий Максим и Флор, отомстила обидчику, приказав своему слуге отрубить ему голову. Разумеется, греки, обитавшие в приморских провинциях Малой Азии, скорее радостно наблюдали за несчастьями, обрушившимися на галатов, которых они

боялись, однако больше всех от римской экспедиции выиграл Евмен Пергамский. Родосцы завидовали ему, и Ганнибал счел разумным обратить их внимание на жестокость римского консула и его подчиненных, надеясь вселить в них чувство тревоги перед угрожающим ликом римского империализма. Очень жаль, что до нас его аргументация не дошла.

Зато в издании, подготовленном Р. Меркельбахом (R. Merkelbach, 1954, pp. 51-73), мы можем ознакомиться с содержанием папирусов, хранящихся в Гамбурге («Гамбургские папирусы», 129). Среди писем, ложно приписываемых Александру Великому и его отцу Филиппу, фигурирует и не менее фальшивое письмо, якобы адресованное Ганнибалом жителям Афин. «Царь карфагенян» — именно в таком качестве предстает автор послания — сообщает афинянам о сокрушительном поражении, понесенном римлянами под Каннами, а затем отдается пафосу туманных пророчеств, намекая на то, что дружное восстание греков могло бы не только положить конец римскому господству на Востоке, но и довести сам Рим до окончательной гибели. Современные исследователи (E. Candiloro, 1965, pp. 171-176; G. Brizzi, 1984, pp. 87-102) уже пришли к единому мнению, что этот явно антиримский документ появился на свет между 190 и 185 годами. Его содержание обретает особенно важный смысл, если вслед за Арнальдо Момильяно (Arnaldo Momigliano, 1979, pp. 53-54) сопоставить его с другим весьма любопытным текстом, принадлежащим перу современника Полибия Антисфена Родосского. Значительный фрагмент написанной им истории событий 190-188 годов дошел до нас стараниями Флегонта из Тралл, отпущенника и секретаря императора Адриана. Из него мы узнаем, что около 189 года римский полководец Публий, находясь в общегреческом святилище этолийского города

Навпакта, впал в безумие и принялся по-гречески пророчествовать, предвещая скорый конец римского владычества. Из Азии явится царь, вещал он, который отомстит римлянам за все то зло, которое они причинили грекам. То, что за именем Публия скрывается Сципион Африканский, как раз в те годы состоявший вторым лицом при своем брате Луции в Малой Азии, не вызывает ни малейших сомнений. Но кого подразумевал автор текста, говоря о «царе, который явится из Азии»? В первую очередь в голову приходит мысль об Антиохе. Однако так же вероятно, что в виду имелся Ганнибал, вступивший в ту пору в союз с эллинистическим правителем. Нам представляется очевидным, что сразу после поражения Филиппа Македонского в 197 году и Антиоха — в 190–189 годах, многие в Греции, особенно, в Этолии, смотрели на Ганнибала как на возможного спасителя. Но так как в этом вопросе мы не располагаем точными историческими фактами и вынуждены довольствоваться догадками, то почему бы не принять очень изящную гипотезу Г. Брицци (G. Brizzi, 1984, p. 101), который предполагает, что «Письмо Ганнибала к афинянам», написанное в форме памфлета, появилось и получило распространение сразу после смерти изгнанника, последовавшей в 183 году? Действительно, его создатели вполне могли рассчитывать с помощью письма, якобы оставленного только что скончавшимся полководцем, воздействовать на чувства греков в нужном для себя направлении.

Don ec bithynio libeat vigilare tyranno [\[136\]](#)

(Ювенал, X, 162)

В одном и том же 183 году, с интервалом в несколько месяцев — и это хронологическое совпадение отмечают все античные историки, начиная с Полибия (XXIII, 12-14), — ушли из жизни три самых крупных полководца и государственных деятеля того времени: грек Филопемен, римлянин Сципион и карфагенянин Ганнибал. Филопемен, в восьмой раз за четверть века избранный стратегом Ахейского союза, сражаясь в Мессении, попал в засаду, был брошен врагами в темницу, где его вскоре вынудили принять яд. Полибий, которому он приходился родственником, написал его биографию, а Плутарх («Филопемен», I, 7) называл его «последним эллином»; он посмертно сделался объектом поклонения как герой.

Что касается Сципиона, то он не удостоился ни культа, ни памятников, если не считать тех, что соотечественники воздвигли в его честь в своих сердцах; зато прекраснее и прочнее таких монументов нет ничего на свете, как позже сказал Тацит по поводу Тиберия, откровенно говоря, вовсе никаких памятников не заслужившего. Через два года после возвращения братьев Сципионов из азиатского похода против Антиоха (относительно проблемы хронологии см. R. Adam, 1982, pp. LVII-LXXIII) Луций, консул 190 года, пал жертвой происков Катона. Его обвинили в утайке части денег, выплаченных ему Антиохом накануне подписания Апамейского мира 188 года в качестве аванса военной контрибуции. Сыр-бор разгорелся из-за 500 талантов, хотя все знали, что победа Сципионов

над Селевкидом принесла римской казне 15 тысяч. Публий в то время был первым в списке сенаторов и выступил в защиту брата. Протестуя против мелочного вмешательства сенаторов в дела высших военачальников, он демонстративно разорвал счетные книги, в которых содержались доказательства невинности Луция, а потом гордо заявил, что каждый желающий волен копаться в обрывках — может, что-нибудь и найдет (Полибий, XXIII, 14, 6-8)! Только исключительный авторитет Сципиона Африканского позволил спустить дело на тормозах. Но Катон не собирався отступить. Еще три года спустя, в 184 году, его вместе с его патроном Л. Валерием Флакком избрали цензором. Он подбил некоего народного трибуна, человека по имени М. Невий, снова привлечь Сципиона к ответственности, вытащив на свет божий подробности переговоров с Антиохом, который осенью 190 года без всякого выкупа вернул ему попавшего в плен сына, одновременно сделав ряд предложений, Сципионом безоговорочно отвергнутых. Но Катона и его окружение во всей этой истории интересовало одно: легкость, с какой Сципион согласился на равных вести переговоры с царем другого государства, к тому же — врагом римского народа. Сципион снова не пожелал снисходить до объяснений, а вместо этого выступил с рostrальной трибуны и предложил собравшейся толпе отправиться вместе с ним на Капитолий и вознести богам молитву, дабы в будущем они даровали Риму достойных полководцев (Тит Ливий, XXXVIII, 51, 8-14). Так, в сопровождении гигантской массы народа, он и обошел все городские храмы. Однако, отмечает далее историк, этот день всенародной славы, позволивший ему вновь ощутить себя триумфатором, стал для Сципиона последним днем торжества. Воспользовавшись тем, что слушание дела отложили, он покинул Рим, поручив Луцию защищать его

интересы, и удалился в свое имение в кампанском городе Литерне, расположенном на побережье, неподалеку от Кум [\[137\]](#). Здесь он, далеко еще не старый человек, и умер год спустя. Двумя с половиной веками позже, когда в Риме уже установилась империя, это место привлекало к себе многочисленных паломников и просто любопытных. Защитными укреплениями маленького замка восхищался Сенека («Письма к Луцилию», 86, 1-5), особенно отмечавший тронувшую его скромность старинных терм. Сенека не был уверен, что жертвенник, перед которым он вознес дары манам великого человека, на самом деле указывал на место его захоронения. Скорее всего прах Сципиона действительно покоился здесь. Не зря же эпитафия, приписываемая Эннию, а нам ставшая известной благодаря Валерию Максиму (5, 3, 2b), гласила: «Неблагодарная отчизна! Ты не получишь моих костей!» [\[138\]](#)

Пока Сципион доживал свои последние недели и месяцы в Литерне, в сенат явилась делегация от Евмена Пергамского, возглавляемая братом царя Афинеем. Как явствовало из их слов, Прусий, вынашивавший планы завоевания соседних стран, обратился за военной помощью к Филиппу Македонскому, с которым состоял в родстве по материнской линии. Сенат решил послать Фламинина разобраться с Прусием на месте. Действительно ли крупнейший римский специалист по связям с Грецией не ставил перед собой иных задач кроме урегулирования взаимоотношений между двумя соседскими государствами? Можно ли допустить, что в Риме понятия не имели о том, что при дворе Пруссия находится Ганнибал? Нам это кажется неправдоподобным, между тем сразу в нескольких источниках (Плутарх, «Фламинин», 20, 5; Аппиан, «История Сирии», 43; Тит Ливий, XXXIX, 51, 1-2)

упоминается о том, как поразился Фламинин, узнав, что Ганнибал в Вифинии, и как сурово отчитал он царя за недалёковидное гостеприимство. Корнелий Непот («Ганнибал», 12, 2) остаётся единственным, кто со всей определенностью заявляет: бывший консул узнал об этом ещё в Риме от вифинских послов и немедленно поделился ценными сведениями с членами сената, после чего и получил задание выяснить, насколько информация соответствует действительности. Вторая неясность в этом же вопросе связана с тем, что нам неизвестно, стоит ли верить древним историкам, в частности Непоту, когда они утверждают, что именно Фламинин потребовал у Прусия выдачи Ганнибала, или же царь Вифинии сам проявил инициативу, желая выслужиться перед Римом. Личность Прусия, конечно, мало у кого способна вызвать искреннюю симпатию (кстати сказать, Корнель в своем «Никомеде» довольно точно отобразил колебания этого слабохарактерного человека), и, возможно, в силу этого в традиционной историографии утвердилось мнение, что справедливо именно второе предположение, хотя, повторим, никаких оснований античные источники для подобного толкования не дают.

Как бы там ни было, заставить Ганнибала врасплох Фламинину не удалось. Изгнанник всегда помнил, что римляне охотятся за ним, и нисколько не заблуждался насчет Прусия, все слабости которого успел изучить. В Либиссе, на южном побережье полуострова, чуть западнее Никомедии, у него имелось тайное укрытие — если верить Плутарху («Фламинин», 20, 7), настоящая лисья нора со множеством ходов и выходов, в том числе семью подземными. Когда Ганнибалу сообщили, что солдаты Прусия уже у него в передней, он послал слуг проверить остальные пути отступления. Увы, и их успели заблокировать царские стражники. И тогда он принял яд, который на всякий случай носил при себе

постоянно. Повествуя об этом эпизоде, Тит Ливий (XXXIX, 51, 9-11) не удержался, чтобы не вложить в уста своего героя предсмертное слово. Разумеется, нет никаких шансов, что слова, приводимые историком, на самом деле принадлежали великому карфагенянину, однако для нас они интересны тем, что отражают бытовавшее в Риме и других странах тогдашнего мира отношение к довольно-таки подлому убийству уже старого человека (Ганнибалу исполнилось 63 года, и Плутарх назвал его «несчастной птицей, у которой годы вырвали все перья»; Плутарх, «Фламинин», 21, 1), человека, чья смерть уже ничего не могла изменить. Итак, призвав в свидетели богов, Ганнибал громко назвал Прусия предателем, а римлян обвинил в пороке, которым они сами сотни раз укоряли его — в пуническом вероломстве.

Глава IX. Наследие, легенда и образ

«Детища Александра» — под таким емким названием несколько лет назад вышла в свет очень интересная работа (J. Sirinelli, 1994), посвященная близким и дальним наследникам великого завоевателя. В ней читатель найдет рассказ о диадохах и эпигонах, о создании Александрийской библиотеки и о многом другом, что определило облик позднего эллинизма, о существовании Греции после Греции, похожем на пышное цветение осенней розы. После Ганнибала наследников не осталось — ни прямых, ни отдаленных. В толстенном томе, собравшем под одной обложкой всех «знаменитых людей», между листами которого славный Кризаль [\[139\]](#) любил хранить свои манишки, Ганнибал единственный из всех был гражданином государства, исчезнувшего с карты мира меньше чем полвека спустя после гибели героя. Личную трагедию его жизни усугубило крушение его отчизны. Очевидно, по этой причине Ганнибал и не удостоился чести занять свое место в сочинении Плутарха, где «параллелью» ему, бесспорно, служил бы Сципион, также обойденный вниманием историка. Потому и в нашей памяти Ганнибал стоит особняком. Упрощая, можно сказать, что он — тот самый герой, который из своего времени явился в наше, вернее, в классическое время, из которого уже потом вышли мы, чтобы написать свою страницу истории. Истории без продолжения...

Во всяком случае, без продолжения для Карфагена. Пытаться угадать, во что превратилось бы Западное Средиземноморье, если бы великому сыну рода Баркидов удалось осуществить все, что он задумал,

занятие столь же увлекательное, сколь и бессмысленное. Поэтому мы предлагаем сосредоточить свои усилия на решении задачи более конкретной и сулящей результаты более ощутимые, а именно: какой след оставил Ганнибал в истории своего времени и, как ни парадоксально это звучит, в истории города, его победившего. Дело в том, что мы убеждены: без энергичной встряски, устроенной нашим героем миру, в котором жил он, мир, доставшийся в наследство нам, имел бы иные черты.

«Наследие» Ганнибала

Именно так назвал свою крупную работу А. Тойнби (A. J. Toynbee, *Hannibal's Legacy*, 1965), уточнив в подзаголовке, что речь идет о влиянии войны с Ганнибалом на жизнь Древнего Рима. Этот пространственный и поразительно емкий двухтомный труд британского ученого представляет собой развернутый анализ проблемы, до него лишь пунктирно намеченный другими исследователями, в частности Гаэтано Де Санктисом (G. De Sanctis, 1923, pp. 260-261). Вместе с тем в заключительной части книги (t. II, pp. 486-517) достаточно заметна тенденция к неоправданному, на наш взгляд, завышению роли этого наследия, против которого мы хотели бы предостеречь читателя. Тойнби считает, что именно вторжение Ганнибала, вынудившее Рим к внутренним политическим преобразованиям, стало первопричиной того, что британский ученый называет «Столетней Римской революцией», начало которой ознаменовалось реформами Тиберия Гракха, проведенными в 133 году. От этого утверждения действительно остается всего лишь шаг до предложения видеть в «римской революции» (Рональд Сайм), с приходом к власти Октавиана Августа завершившейся установлением принципата, отсроченный реванш Ганнибала. Вслед за другим блестящим знатоком «эпохи Сципионов» (P. Grimal, 1975, p. 144) мы, пожалуй, удержимся от соблазна делать этот шаг.

Вместе с тем не вызывает никаких сомнений, что поход Ганнибала оказал на Рим и всю Италию давление такой огромной силы, настолько ускорил ход событий, что его можно смело считать причиной «мутаций» (J.-P. Brisson, 1969, pp. 33-59), поразительных не только

быстротой своего возникновения, но и широчайшим размахом. В первую очередь перемены, конечно, затронули армию [\[140\]](#). В промежутке между 218 и 202 годами никаких принципиальных изменений в природе римской военной машины, с которой пришлось столкнуться Ганнибалу, не произошло. Конечно, в 216 году, после Канн, Рим пошел на то, чтобы пополнить свои сильно поредевшие легионы рабами, выкупленными за счет казны, и даже приговоренными к смерти убийцами и уголовниками (Тит Ливий, XXIII, 14, 2). Но если не считать этих действительно чрезвычайных мер, в остальном римская армия продолжала оставаться армией граждан, то есть по-прежнему носила ощутимый отпечаток «элитарности» — ведь «пролетарии», то есть, в римском понимании этого слова, люди, не имевшие иной собственности кроме детей, служить в ней не могли. И вот в течение всего нескольких лет полностью сменилась военная концепция, включая подход к военному руководству.

Читатель, очевидно, помнит целую серию тягчайших военных неудач, следовавших одна за другой в 218, 217 и 216 годах, когда армией командовали консулы-плебеи: Семпроний Лонг, мечтавший завершить свой консулат яркой победой, был наголову разбит при Требии; Фламиний, от нетерпения утративший осторожность, попал в ловушку и погиб в битве при Тразименском озере; наконец, Варрон, вознамерившийся бросить вызов судьбе, стал главным виновником разгрома при Каннах. Если отвлечься от некоторых частных особенностей, то мы увидим, что все трое пали жертвой собственного, если можно так выразиться, не в меру рыцарского отношения к войне, не говоря уже о том, что все трое вынуждены были считаться с иррациональным влиянием религии, навязывавшей им свои ритуальные требования (так, с

марта по октябрь длился «благой сезон», начинавшийся и завершавшийся обрядами очищения), и, наконец, все трое не смогли побороть в себе искушения приурочить решающую битву, в которой надеялись покрыть себя славой, к окончанию годичного срока своих полномочий. Кроме перечисленных препятствий необходимо упомянуть еще и строгое правило коллегиального руководства армией с ежедневным чередованием фасций, которое, если вспомнить, и стало одной из главных причин каннской катастрофы. Впрочем, Рим очень быстро извлек урок из допущенных ошибок, во всяком случае, из наиболее грубых. Первым шагом стало обеспечение единства командования воюющими армиями и преемственности проводимой стратегии. Иногда для достижения этой цели высшие военачальники избирались консулами по несколько раз подряд, иногда оставались во главе армии в ранге проконсула и пропретора. И хотя «несменяемость» консулов применялась лишь как крайняя мера — пример Кв. Фабия Максима остается исключительным, поскольку пять его консулатов растянулись на четверть века, — больше всего личной выгоды извлекли из этого обстоятельства два выдающихся выходца из плебеев: Кв. Фульвий Флакк и М. Клавдий Марцелл, соответственно четыре и пять раз занимавшие высший государственный пост, причем каждым повторным избранием оба были обязаны своему военному таланту. Аналогичную, хотя и менее наглядно выраженную политическую роль играл механизм продления полномочий главнокомандующего через институт проконсульства. Сочетание обоих методов привело, в частности, к тому, что Марцелл, впервые обративший на себя внимание в 222 году, в ходе победоносной кампании в Цизальпинской Галлии, практически без перерыва возглавлял армию с 216 года и до самой своей смерти, последовавшей в 208 году. Случай Марцелла

можно, пожалуй, считать едва ли не самым ярким примером блестящей военной карьеры в римском обществе той поры. Еще легче удерживались на высших командных постах представители патрицианского сословия, особенно те, кому выпало служить в заморских владениях. Вспомним Публия и Гнея Сципионов, бесменно командовавших войсками во время войны в Испании, с 218 по 211 год. Да и сам Сципион Африканский, получивший полномочия проконсула Испании в 210 году, исполнял свои обязанности до 206 года, затем, в 205 году, был избран консулом, а когда истек годичный срок консульских полномочий, снова сделался проконсулом, сначала в Сицилии, а затем в Африке. Таким образом, на протяжении доброго десятка лет он единолично владел всей полнотой военной и гражданской власти. В свою очередь, патриций П. Сульпиций Гальба, консул 211 года, начавший свою карьеру в Македонии, продолжал руководить военными операциями против Филиппа V вплоть до 206 года. Патриций Т. Квинкий Фламинин также последовательно занимался проблемой Греции начиная с 198 года, когда добился консульства, до 183 года, когда для встречи с Прусием совершил поездку в Вифинию, столь заметно подмочившую его репутацию. Разумеется, исключительная полнота власти, которую получали в свои руки все эти деятели, вступала в противоречие с фундаментальным догматом непрерывной сменяемости верховных правителей, принципиально важным для строя Римской республики, и несла в себе зародыш «монархистских» поползновений, обретших плоть и кровь в эпоху Суллы (P. Grimal, 1975, pp. 171-172).

Выше мы уже показали, что война против Филиппа V, начатая в 200 году, знаменовала собой акт зарождения римского империализма. Действительно, царь Македонии ничем не угрожал Риму, да и в Греции

никто не помышлял об ущемлении римских интересов. С другой стороны, Рим вряд ли решился бы схлестнуться с Филиппом, если бы не успел к тому времени избавиться от угрозы, исходящей от Ганнибала, и, завладев Испанией, приступить к строительству своей средиземноморской империи. Тит Ливий (XXXII, 27, 6) отмечает «расширение империи»: впервые в истории Рима на выборах 197 года обсуждались кандидатуры сразу шести преторов. Накануне завершения Первой Пунической войны вполне хватало двух; несколько лет спустя понадобились еще двое: один для управления Сицилией, второй — Сардинией. Теперь же возникла необходимость в еще двух наместниках, отправившихся соответственно в «ближнюю» и «дальнюю» Испанию. Однако в Риме сменилось еще три поколения, прежде чем в 120 году до н. э. с образованием новой провинции — Нарбоннской Галлии (современным французским Провансом), этим «мостиком», связавшим Северную Италию с Иберийским полуостровом, — Римская империя окончательно превратилась в нечто большее, нежели простое наследство распавшейся Карфагенской империи. Но исходной точкой неостановимого отныне процесса завоевания Римом всего западного мира, сопровождавшегося установлением его политического господства, в результате чего Рим по отношению к Западу стал тем же, чем была Греция по отношению к эллинистическому Востоку, послужили именно события, последовавшие за окончанием Второй Пунической войны. В эти же годы свершился и поворот в римском национальном самосознании, протекавший одновременно с территориальным расширением государства. В прологе, написанном в 185 году неким театральным деятелем к пьесе Плавта «Казина», область Апулии названа «нашей землей» и противопоставлена двум другим культурнополитическим целостностям, выделяемым на

фоне остального, «варварского», мира — Карфагену и Греции. Это один из первых примеров проявления «италийского» национализма, выковавшегося за 15 лет суровой борьбы и жестоких битв, охвативших весь полуостров от долины По до Бруттия, особенно в районе Апулии, ставшей основным театром военных действий. Если же от сферы политики обратиться к вопросам культурного развития, то можно, не рискуя впасть в грех упрощения, утверждать, что победа над Ганнибалом и его италийскими союзниками, носителями эллинистической культуры (например, Сиракузами или Тарентом), спасла Италию, уже римскую, но еще целиком находившуюся под влиянием греческой культуры, когда и в дипломатии, и в торговле, и, само собою разумеется, в литературе безраздельно властвовал греческий язык, от превращения в очередную эллинистическую провинцию. Военно-политическое превосходство, утвердившееся в ходе борьбы с Карфагеном, способствовало вытеснению греческого языка в пользу латыни — на самом деле всего лишь одного из множества диалектов, даже не самого распространенного на италийских просторах. Особенно наглядным тому примером служит судьба Энния. Он родился в 239 году близ Тарента, в краю, населенном осками, говорившими по-гречески. Пора его зрелости совпала по времени с разгаром войны римлян против Ганнибала, и разве не показательно, что вскоре Энний стал первым «законодателем» латинской поэзии и официальным певцом римского величия? Ведь в литературе римская самобытность, наследниками которой мы являемся, начинается именно с «Анналов» Энния.

Нашествие Ганнибала, сопровождавшееся разорением оккупированных италийских земель, особенно в центральной и южной частях полуострова, и, как следствие, сокращением налоговых поступлений в

римскую казну, нанесло удар огромной силы по традиционному хозяйственному укладу и вынудило Рим искать новые формы его существования. Колоссальный материальный урон, нанесенный вражеской армией, усугубила политика «выжженной земли», начиная с 217 года применявшаяся по инициативе Фабия Максима в самнитских и кампанских областях. Наконец, вытеснив карфагенян с захваченных территорий, Рим провел широкомасштабную конфискацию среди жителей городов и сел, переметнувшихся на сторону Ганнибала. Эта мера коснулась не только Капуи, но и значительной части Самния, Лукании, Апулии и Бруттия. В результате в конце III — начале II века до н. э. мелкие собственники и свободные земледельцы, лишённые своих наделов, в массовом порядке стали покидать свои бывшие владения в Центральной и Южной Италии, чтобы пополнить ряды городского плебса, в том числе и римского. Их поля переходили в собственность крупных рабовладельцев, либо превращались в пастбища, либо и вовсе пустовали. Последствия кризиса, потрясшего основы сельского хозяйства, продолжали сказываться вплоть до конца II века и даже позже. Продуктивность его так и не восстановилась, и отныне Италия все больше кормилась за счёт новых провинций, особенно за счёт Сицилии, сделавшейся настоящей римской «житницей». В то же время упадок сельского хозяйства благоприятно сказался на стремительном развитии ремесленного производства и торговли промышленными изделиями. В своем трактате «О сельском хозяйстве» (135, 1-3), написанном на склоне лет (около 165-160 гг. до н. э.), но, очевидно, обобщившем опыт нескольких предшествующих десятилетий, Катон Цензор приводит список «техники», которой пользовались в те времена в Южной и Центральной Италии. Любопытно, что автор в числе прочих упоминает и некоторые из городов,

«отличившихся» в годы войны с Ганнибалом: Калы, Венафр, Помпею, Капую, Нолу. Что касается Кампании, то уже к началу II века эта область стала серьезной соперницей традиционно промышленно развитой Этрурии, и не только в изготовлении керамики, в которой она вообще не знала себе равных и буквально наводнила своей посудой весь западный бассейн Средиземноморья.

Процесс торгово-промышленного роста сопровождался укреплением позиций сословия всадников, чьи представители, дотоле вынужденные ограничивать свои карьерные устремления цензором либо службой в гражданских учреждениях, открыли для себя новое, баснословно выгодное поле деятельности, из-за официальных ограничений недоступное сословию сенаторов. В самом начале войны с Ганнибалом, или в 218, или, что вероятнее, в 219 году, народный трибун Кв. Клавдий сумел протолкнуть «плебисцит», запрещающий сенаторам и сыновьям сенаторов владеть грузовыми судами вместимостью более 300 амфор. Предполагалось, что этих 300 амфор вполне достаточно для отправки на рынок урожая, собранного в личном поместье, а более масштабные поставки означали бы участие в торговом предприятии, несовместимое с сенаторским достоинством (Тит Ливий, XXI, 63, 3-4). Нетрудно догадаться, какую бурю страстей вызвало обсуждение проекта этого закона в сенате. И хотя поддержал его один лишь народный трибун Фламиний, занявший пост консула в 217 году, а вскоре сложивший голову в битве при Тразименском озере, закон получил одобрение комиций и был принят. Разумеется, любому сенатору ничего не стоило его обойти, прибегнув к посредничеству подставных лиц, и даже добродетельный Катон не брезговал пользоваться тем, что тогда именовали «корабельным барышом» (Плутарх, «Катон Старший», 21, 6). Но все-таки этот

закон, ограничив предпринимательскую активность сенаторов, объективно играл на руку всадникам, пока, двумя столетиями позже, у них не перехватили инициативу отпущенники. Для всадников как сословия, получившего на откуп торговлю и военные поставки, началась эпоха обогащения. Сколотив состояние на купле-продаже тех или иных товаров, они, действуя по логике всякого доиндустриального общества, вкладывали средства в землю. Так возникли латифундии. В те же самые годы, сразу после разгрома римской армии под Каннами, всадники нашли для себя еще один способ экономического самоутверждения, организовав первые общества «откупщиков». Из-за резкого падения налоговых сборов римская казна в ту пору совершенно опустела. И в 215 году в ответ на призыв претора по делам римских граждан, должность которого занимал тогда Кв. Фульвий Флакк, вскоре во второй, а затем и в третий раз избранный консулом, три «общества», объединившие 19 членов, взяли подряд на снаряжение армии Сципионов, воюющей в Испании. Взамен они получили не только освобождение от военной службы, но и государственные гарантии на возмещение убытков, если предоставленные ими корабли погибнут в штормах или будут затоплены врагом (Тит Ливий, XXIII, 49, 1-2). Некоторое время спустя в Риме один за другим разразились два крупных скандала, наглядно продемонстрировавшие и деловую хватку всадников, и пороки сложившейся системы. В 213 году бывший откупщик Т. Помпоний Вейентан, известный мошенник, успевший нажиться как за счет государства, так и за счет своего собственного «общества», удалился в Бруттий и сколотил здесь боевой отряд, на самом деле — самую настоящую шайку грабителей. В одной из схваток с карфагенянами, которыми командовал помощник Ганнибала Ганнон, он и сложил свою буйную голову, причем, как

подчеркивает Тит Ливий (XXV, 1, 4), жалеть о нем не стал никто. Через год произошел еще более неприятный инцидент. Уроженец города Пирги М. Постумий попался на незаконном получении правительственной компенсации за свои якобы погибшие корабли с грузом продовольствия для испанской армии. Любопытно, что несколько судов — старых и почти непригодных для использования — он и в самом деле приказал затопить, предварительно освободив их от груза. Во время судебного заседания подручные откупщиков подняли шум, так что инициатору создания системы откупа Фульвию, который тогда в третий раз исполнял обязанности консула, пришлось передать дело в сенат. На имущество Постумия наложили арест, а его самого приговорили к высылке за пределы Рима. Такая же участь ждала и его сообщников (Тит Ливий, XXV, 4). Впрочем, сама система откупа не пострадала. Конечно, откупщики представляли собой очень небольшую часть сословия всадников (Cl. Nicolet, 1974, p. 318), однако начиная с конца III века они пользовались огромным влиянием и, несмотря на свою малочисленность, играли в жизни римского общества весьма заметную роль.

Как мы уже упоминали выше, в эти же героические годы, с 215-го по 211-й, отмеченные смертельной опасностью для дальнейшего существования Рима и потребовавшие высшего напряжения сил, была с успехом проведена денежная реформа. Но ведь поспешность ее разработки диктовалась в первую очередь необходимостью спасения государственной казны от разорения, вызванного войной с Ганнибалом. Читатель, вероятно, помнит, что в 210 году правительство обратилось к гражданам с призывом о помощи, на который откликнулись сначала сенаторы, а следом за ними и всадники, взявшие на себя финансовое бремя содержания армии, в частности,

оснащения боевого флота. К концу века, когда эти тревожные дни отошли в область тягостных воспоминаний, казна сполна возместила всем добровольным жертвователям их вклад. После 212 года появился и новый источник доходов — военная добыча, захваченная в Сиракузах, Капуе (211), Новом Карфагене (210), Таренте (209). Наконец, в 201 году начал выплачивать контрибуцию и побежденный Карфаген.

Вполне возможно, что в последние годы III века этих немалых средств едва хватало на покрытие гигантских военных расходов, исчислявшихся десятками миллионов динариев (P. Marchetti, 1978, pp. 241-274). Но уже в начале следующего, II века в Италию бурным потоком потекли богатства из Испании, Греции и Малой Азии. В 195 году, в пору консульства Л. Валерия Флакка и М. Порция Катона, произошло весьма знаменательное событие — публичное обсуждение закона Оппия. Этот закон, принятый двадцатью годами раньше — сразу после разгрома под Каннами — и названный по имени предложившего его народного трибуна, был направлен на строгое ограничение склонности женского пола к роскоши: римлянкам он запрещал носить золотые украшения весом более пол-унции и пышные наряды, а также разъезжать по городу в конных экипажах. И вот теперь в сенат поступило предложение отменить закон Оппия. Катон выступил с пламенной речью, в которой нам интересен не столько пронизывающий ее дух женоненавистничества, явления вполне реального, но для той эпохи слишком распространенного, чтобы заслужить наше особое внимание, сколько пророческие предостережения оратора против разъедающего яда роскоши (Тит Ливий, XXXIV, 2-4). Катону не удалось убедить современников, и закон все-таки отменили. Примечательно, что это произошло в тот самый год, когда для Ганнибала, вынужденного покинуть Карфаген, началась пора скитаний. Минуло немало лет,

карфагенского полководца давно не было в живых, но когда Римская республика снова оказалась в опасности, а ее национальное единство под угрозой, в памяти народной первым всплыл образ Ганнибала — как символ давней беды, взывающей к единству и сплоченности.

Легенда и образ

Плиний Старший («Естественная история», V, 148) писал, что в его время, то есть в середине I века н. э., поблизости от места, где Ганнибал покончил с собой, еще можно было видеть могильный холм, по преданию, скрывавший останки полководца. По свидетельству византийского эрудита, жившего в Константинополе в XII веке в эпоху Комнинов (Tzetzes, Chil., I, 803) в царствование африканского императора Септимия Севера, в жилах которого текла и пунийская кровь, этот холм обнесли беломраморной облицовкой. Этот рассказ выглядит вполне правдоподобно, поскольку известно, что в 193–195 годах Септимий Север находился неподалеку от этих мест, когда в борьбе со своим соперником Песцением Нигером осадил Византию. Ни для кого не секрет, что страстная мечта разыскать могилу кого-нибудь из великих полководцев прошлого лишает сна и покоя современных археологов. В начале XX века одному из них (Th. Wiegand, 1902), похоже, удалось установить возможное место захоронения Ганнибала. Не исключено, что усыпальница знаменитого карфагенянина действительно располагалась где-то неподалеку от устья небольшой речушки Либис (ныне Дил), впадающей в Мраморное море. Однако вопрос о том, чего стоит горстка пепла, в которую обратился Ганнибал и которую пытался «взвесить» Ювенал, остается открытым...

Случайно ли, что именно в творчестве древнеримского сатирика, жившего в начале II века н. э., образ Ганнибала очистился от устрашающих черт «пугала» и обрел более человеческий вид? У Ювенала пафос проклятия уступил место насмешливой иронии, а бессердечный злодей, наводивший ужас на всю Италию,

превратился его стараниями в дежурную тему для школяров, изучающих ораторское искусство. Писателю выпало жить в царствование Траяна, раздвинувшего границы империи до максимальных пределов. Рим в эту пору окончательно утвердился как центр мира — единственного, по мнению его обитателей, который существовал на земле и с которым стоило считаться. О том, что на другом конце материка в то же время процветала китайская империя династии Хань, в Риме, может быть, и не подозревали, как не знали и не интересовались тем, что за жизнь бурлила в степях Средней Азии, как не задумывались над тем, что творилось на огромных просторах по ту сторону Дуная, где уже пришли в движение могучие силы, провозвестники грядущих перемен. Разве могло хоть одному из тогдашних римлян прийти в голову, что через каких-нибудь 300 лет некий вождь по имени Аларих поведет своих вестготов на их город и легко добьется того, что не удалось карфагенскому полководцу? Что римский император в дни, когда враги войдут в Рим, будет трусливо прятаться за крепостными стенами Равенны? Но это случится еще не скоро, когда и самого Ювенала давно не будет в живых. Пока же всеми гражданами империи владело чувство такой защищенности, такой уверенности в завтрашнем дне, что и полустертый образ Ганнибала почти совсем утратил свой кровавый отблеск, обратившись в смутное воспоминание о какой-то давней опасности, когда-то, много лет назад, вроде бы угрожавшей Риму...

Вспомним для сравнения «программный портрет» смертельного врага, которым Тит Ливий открыл третью «декаду» своей истории. Уже при первом с ним знакомстве мы отметили наличие определенных стереотипов, которые и сочли необходимым скорректировать с помощью более взвешенных и не столь пристрастных суждений Полибия. Особенно

внимания заслуживает попытка греческого историка разобраться с обвинениями в алчности и жестокости, выдвигаемыми по адресу Ганнибала (IX, 23-25), и его стремление дать им справедливую оценку, рассматривая каждый поступок своего героя в контексте событий, его породивших. Об алчности Ганнибала, утверждает Полибий (IX, 25), он в основном слышал от его же соотечественников, с которыми беседовал на эту тему, а также от Масиниссы — с последним он действительно мог встречаться незадолго до смерти нумидийского царя, скончавшегося в 148 году. Они любили повторять, что сребролюбием Ганнибал мог сравниться разве что с Магоном Самнитом, одним из самых старых, еще со времен испанской юности, своих соратников, который впоследствии, в 212-208 годах, держал оборону Бруттия. Они настолько хорошо знали друг друга, передает услышанное Полибий, что, собираясь захватить тот или иной город, старались действовать поодиночке, дабы... не передрачиться из-за добычи. В то же время римская историография, творцам которой алчность Ганнибала совершенно явно представлялась наименьшим из грехов карфагенянина, никогда особенно не настаивала на этом его качестве. Конечно, римские анналисты пересказывали эпизод, связанный с цельюнолитой золотой колонной, обнаруженной Ганнибалом в храме Юноны в Кротоне и заставившей его пережить минуты тяжелых искушений, однако богатые храмы города Локры, отбитого у карфагенян в 205 году, разграбил вовсе не его комендант-пуниец Гамилькар, а римлянин Племиний, ближайший сподвижник Сципиона (Тит Ливий, XXIX, 8, 7-9). Что же касается жестокости, в которой так любили упрекать Ганнибала римляне, то Полибий считает, что нельзя судить о жестокости полководца, игнорируя конкретные обстоятельства ее применения. Следует

различать такие понятия, как суровость в отношении с людьми и политическая жесткость, а также не забывать об ответственности лиц из его ближайшего окружения. В этой связи греческий историк приводит в пример пресловутого Мономаха, убеждавшего Ганнибала, что его солдаты должны быть готовы в случае крайней необходимости питаться человеческим мясом. Полибий специально подчеркивает, что карфагенский полководец не мог решиться на это предложение, однако уже у Тита Ливия, в речи, с которой Варрон после поражения под Каннами обращается к посланцам Капуи, о каннибализме карфагенян говорится как о реальном факте.

Начиная с Тита Ливия, римская историография, а вслед за ней и дальнейшая историческая традиция отказались от критического подхода к осмыслению событий минувшего и послушно повторяли выдуманные до них лозунги, в результате чего образ Ганнибала обрел почти карикатурные черты типичного «военного преступника». Особую роль в его характеристике заняло знаменитое вероломство — более чем пунийское вероломство, как было принято тогда выражаться. Чтобы в должной мере оценить тяжесть обвинения, необходимо помнить, чем в юридическом и моральном плане являлось для римлян самое понятие Верности — *Fides*. Это слово всегда писали с заглавной буквы, поскольку согласно традиции, берущей начало от Нумы Помпилия — второго из легендарных римских царей, именно это имя носило одно из божеств (G. Freyburger, 1986, pp. 259-273). *Fides* означало, во-первых, клятвенное обещание, а в области *ius gentium* — международного права — еще и священный и ненарушимый кодекс взаимоотношений между участниками пакта или договора, из которого как следствие вытекала обязанность победителя уважать права и личность побежденного. Последний как бы

доверялся лояльности первого, то есть верил ему. Но слово «fides» имело и второе значение, подразумевавшее соблюдение воюющими сторонами некоего свода правил, в принципе не допускавшего использование «нечестных» приемов, хитрости и обмана. Ганнибал в глазах римлян проявил вероломство в обоих смыслах этого слова. Во-первых, будучи пунийцем, он изначально нес на себе отпечаток, если можно так выразиться, «первородного греха», поскольку принадлежал к народу, который, по мнению римлян, заключая с их государством договоры начиная с конца VI века до н. э., в дальнейшем только и делал, что сам же их и нарушал. Словно спеша подтвердить свою органическую склонность к вероломству, Ганнибал начал свою карьеру с того, что захватил Сагунт, а сразу после этого переправился с войском через Эбро. Отныне ярлык «нарушителя договоров» приклеился к нему намертво. Примечательно, что и в этой сфере у него нашлись последователи. Сменившие Сципиона римские военачальники уже не отличались благородством героя Африки. Так, в 172 году несколько самых старых сенаторов выступили с суровым осуждением методов, которые всюду применял в Македонии бывший консул Кв. Марций Филипп. Заключив с Персеем перемирие и внушив ему надежду на мирное решение конфликта, он принялся активно готовиться к войне. Хитроумие, прозванное стариками-сенаторами «новой мудростью», казалось им отвратительным (Тит Ливий, XLII, 47, 4). Но ведь еще Фламинин за четверть века до того с успехом испробовал на Греции методы «реальной политики», целиком направленной на достижение ближайших целей любой ценой (G. Brizzi, 1982, pp. 199–221). Точно так же шокировала представителей старшего поколения римлян манера Ганнибала вести войну, изобретая бесчисленное множество ловушек и хитростей. Устраивать засаду или внезапное нападение

на врага было, на их взгляд, чистой воды вероломством. Но разве у вероломного Ганнибала не нашлось талантливых учеников среди римлян, включая самого «рыцарственного» из них? Вспомним хотя бы, как Сципион, движимый необходимостью уравнивать свои силы с силами противника, весной 203 года вероломно напал на лагерь Гасдрубала и Сифакса и поджег его [\[141\]](#).

Эпитет «вероломный» так сросся с образом Ганнибала, что, например Овидию, жившему в эпоху Августа, даже не понадобилось называть его по имени, чтобы читатели догадались, о ком он говорит. Достаточно оказалось сказать: «вероломный пуниец» («Фасты», III, 148; VI, 242). Другой характерной чертой Ганнибала в римской традиции неизменно считалась его жестокость. Можно смело заявить, что на протяжении III века, когда Италию сотрясали войны, обвинение Ганнибала в исключительной жестокости было общим местом. Отголоски этой традиции дошли и до Цицерона, который, сравнивая Ганнибала с Пирром («Лелий», 28), противопоставлял мягкосердечие и человечность последнего крутому нраву первого. Неудивительно, что на эту тему возникло великое множество всевозможных историй и рассказов, достоверность которых никого уже не волновала. В их распространение внес свой вклад и Сенека, пересказавший одну из таких басен. Однажды вечером, когда утихла дневная битва, Ганнибал, обходя поле сражения, приблизился к рву, наполненному человеческой кровью, и при виде его якобы воскликнул: «О, прекрасное зрелище!» («О гневе», II, 5, 4). Эта грубая карикатура, представляющая карфагенского полководца каким-то садистом-солдафоном, позволяет понять, почему много десятилетий спустя, в I веке до н. э., когда Рим вступил в полосу гражданских войн,

люди вспоминали Ганнибала и сравнивали беды дня сегодняшнего со страданиями той давней войны. Так, Флор (VI, 11), кратко пересказывая Тита Ливия, отмечал, что ни Ганнибал, ни Пирр не принесли Италии такого количества горя и разрушений, какими обернулась для нее война Рима с италийскими союзниками, вспыхнувшая в области Пицена в 90 году. Еще позже, когда в начале 49 года Цезарь перешел Рубикон и двигался по дороге на Рим, Цицерон («Ad Att.», VII, 11, 1) без колебаний сравнил это шествие с наступлением Ганнибала. Более склонный к эпическому размаху Лукан («Фарсала», I, 303) увидел в переправе через Рубикон подвиг, сопоставимый с переходом Ганнибала через Альпы. В своих «Филиппиках» (V, 25–27; XIV, 9) Цицерон, повествуя об Антонии, называл его вторым Ганнибалом, навредившим Италии гораздо больше своего предшественника и дикостью своего поведения в Парме оставившим карфагенянина далеко позади. Даже кроткий Гораций, мучительно переживавший раздоры гражданской войны и уже утративший надежду дождаться ее окончания, писал («Эподы», XVI, 8), что «внушавший ужас нашим отцам Ганнибал» таил для Рима меньшую опасность, чем кровавые усобицы гражданской войны.

Сильно демонизированный образ Ганнибала, владевший массовым сознанием римлян в годы потрясений, завершившихся падением Республики, с наступлением принципата начал тускнеть и расплываться. Исполняя волю Цезаря, Октавиан, еще не ставший Августом, вернул Карфагену после более чем векового забвения звание столицы Африки, к этому времени ставшей римской (M. Le Glay, 1985, pp. 235–247). Прошло еще несколько лет, и на месте старых развалин возник новый город, в котором уже ничто не напоминало о прошлом двухсотлетней давности, когда

именно здесь, на этой земле, зародилась величайшая угроза существованию Рима. Теперь Италия процветала. Бояться ей больше было некого. Римский мир продолжал разрастаться вширь, словно вновь настал воспетый Вергилием золотой век. И память о Ганнибале перестала пугать обывателя. Конечно, самые живучие из стереотипов сохранились, как мы убедились в этом на примере Сенеки, всерьез поверившего в злобную байку про «реку крови». Конечно, самые занятные из слухов и легенд по-прежнему передавались из уст в уста. Одна из таких легенд, свидетельствующая не столько о «жестокости» Ганнибала, сколько о его умении смотреть вперед, добралась до Плиния Старшего («Естественная история», VIII, 18), который не поленился пересказать ее для нас. Передавали, что командир пунийцев заставлял своих пленников драться между собой, а тому, кто выигрывает поединок, предлагал сразиться со слоном, обещая в награду за смелость и боевое мастерство жизнь. Но когда одному из римских солдат удалось в одиночку одолеть слона, Ганнибал решил, что весть об этом повредит репутации его боевых животных, и приказал казнить воина. Что здесь правда, что — ложь, установить уже невозможно. Ясно одно, с годами образ Ганнибала все больше покрывался налетом мифа, а сам он из исторического лица постепенно превращался в героя фольклора. У Петрония в «Сатириконе» (I век н. э.) есть персонаж по имени Тримальхион, который любил развлекать своих гостей, рассказывая им всевозможные истории, в которых правда и вымысел смешивались самым причудливым образом. Одна из таких историй (50, 5) посвящена объяснению происхождения коринфской бронзы. Оказывается, когда Ганнибал взял Трою (!), он приказал свезти все захваченные в городе медные и серебряные статуи в одно место, свалить их в кучу и поджечь. Так был изобретен знаменитый сплав...

Любопытен отзыв, которого удостаивает Ганнибала выдуманный сатириком персонаж: он называет пунийца хитрецом (vafer), но главным образом «хамелеоном» (stelio), возможно, намекая на поразительные способности карфагенянина приспосабливаться к любой обстановке, изменяя в случае необходимости свою внешность. Пример таких перевоплощений с помощью переодевания приводит один из наших источников. Еще более сложным представляется нам отношение к Ганнибалу Ювенала, который жил много позже Петрония. Равнодушный к блеску воинской славы, Ювенал излагает всю историю походов Ганнибала в двадцати строчках, проникнутых хлесткой иронией и откровенной насмешкой, быть может, самых блестящих в его творческом наследии («Сатиры», X, 147-167). Автор притворно сокрушается, что его герой, вернее сказать, антигерой, ни для кого больше не страшный, продолжает наводить ужас на несчастных учителей, которым приходится вновь и вновь выслушивать до смерти надоевший отрывок про Ганнибала, наизусть цитируемый учениками (VII, 160-164). В то же самое время такой неисправимый критик современности, каким был Ювенал, не мог удержаться от сожалений по минувшим дням, потому что в ту давнюю пору, когда под крепостными стенами Рима гарцевали на конях всадники Ганнибала, римляне, а особенно римлянки, еще помнили, что такое долг (VI, 287-291). Этот текст вдохновил Виктора Гюго на прелестный парафраз, вошедший в стихотворение под названием «Страшный год», написанное в январе 1771 года:

Древнеримских матрон поражала краса
Не богатством убора, не чертами лица...
Молчаливо и споро дом, хозяйство ведет...
Целый день на ногах... Ганнибал у ворот...

И, над прялкой склонясь, мужа-воина ждет...

В царствование Траяна, как мы уже говорили, Римская империя достигла вершин своего могущества, но и 300 лет, прошедшие после окончания Второй Пунической войны, не смогли полностью стереть память о единственном серьезном противнике, которому не хватило самой малости, чтобы еще в зародыше погубить величайшую в истории нашей цивилизации державу, подчинившую своему политическому и территориальному господству весь современный ей мир. Светоний рассказывает о сенаторе, казненном в годы правления Домициана — одного из предшественников Траяна — по обвинению в подготовке заговора. Этот чудак, которого звали Меттий Помпусиан, носил в кармане карту мира и старательно выписанные из трудов Тита Ливия речи царей и знаменитых полководцев. Он, конечно, заслуживал серьезной кары, тем более что по личному гороскопу имел все шансы добиться высот власти (P. Arnaud, 1983, pp. 677–699). Но, добавляет Светоний, еще неизвестно, как бы повернулось дело, если бы не выяснилось, что двоих из своих рабов «заговорщик» назвал Магоном и Ганнибалом, чем окончательно выдал преступность своих намерений. Очевидно, эти имена, если и не внушали римлянам священного ужаса, все еще оставались достаточно символическими, чтобы отбить у всякого желающего охоту с ними шутить.

Ганнибал и современность

Со временем «табу» утратило свою силу, однако имя Ганнибала так и не стало в Италии «своим». В самом деле, сколько Цезаре, Фабио и Марио приходится здесь нынче на одного Аннибале! Это, впрочем, понятно. Какой родитель захочет давать ребенку имя, в котором нет ничего римского и ничего христианского? Но вот первого органиста собора Святого Марка, воздвигнутого в Венеции в середине XVI века, звали Аннибале Падовано! И самого талантливого из братьев Карраччи, живших несколькими десятилетиями позже, тоже звали Аннибале! Занятно, что его старший брат — как будто для симметрии — носил имя Агостино, напоминающее еще об одном великом африканце [\[142\]](#). Можно предположить, что в выборе имени Ганнибала, для своего отпрыска или для себя лично, если речь шла о псевдониме, главную роль играло подспудное желание бросить вызов окружающему, продемонстрировать собственную независимость. Чрезвычайно любопытный пример использования этого имени мы находим в среде итальянских художников XVIII века. Не слишком известный живописец, которого звали Жан-Робер Анго, близко знакомый со многими выдающимися мастерами того времени, около 1760 года входил в кружок бальи [\[143\]](#) города Бретея и работал у него копиистом. Завершив образование во Французской академии, расположенной в Риме, он затем вместе с Фрагонаром отправился в Неаполь в рамках «турне», организованного для итальянских художников аббатом монастыря Сен-Нон. Одним из результатов этой поездки станет возникновение группы «Гриффонов» (M. Roland-Michel, 1981). Анго дружил с Юбером Робером — копировал его картины, помогал править оттиски с

гравюр. Сохранилась целая серия таких работ, выполненных в технике сангины или угольного карандаша. На некоторых из них стоит дата, а на многих еще и подпись — Аннибале Роберти. Вот это последнее обстоятельство вызывает у специалистов наибольший интерес (J.-P. Cuzin, C. Boulot, 1990, pp. 253–254). Какой-то лукавый смысл в этом явно есть, но вот какой именно? Может быть, понимая, что он не в состоянии соперничать талантом с Робером — блестящим графиком, мастером стремительной и точной линии, художником, наделенным удивительным чувством света и тени, с равным успехом умевшим передать и фактуру изображаемого предмета, и создаваемое им настроение, — Анго старался хотя бы не отставать от друга? Не зря же он повсюду ездил с ним — от Рима до Кампании. И, постоянно сопровождая этого «римлянина», занимавшего официальную должность придворного художника во дворце Манчини, не без юмора отводил себе роль «Ганнибала»...

Давно замечено, что в эпоху классицизма — с XVI по XVIII век — поэты и драматурги не слишком спешили дарить Ганнибала своей благосклонностью (Cl. Aziza, 1993, p. 8). Возможно, причину подобной «холодности» следует искать в способе, каким грамотные люди той поры изучали историю: они просто читали в подлиннике сочинения Полибия, но главным образом — Тита Ливия и Силия Италика, принимая все прочитанное за чистую монету. Соответственно, практически во всей художественной портретистике, созданной до наступления эпохи Возрождения, доминировало эпическое начало. Исторические персонажи в частности герои Второй Пунической войны и в первую очередь Ганнибал, представляли перед читателем не столько живыми людьми, сколько действующими лицами великих битв минувших столетий. В годы Возрождения интерес к античности вспыхнул с новой силой, но и

тогда в центре внимания творцов и зрителей оказались прежде всего события, а не отдельные личности. Вспомним, к примеру, серию шпалер по картонам Джулио Романо, над которыми вначале, в первой половине XVI века, трудились брюссельские мастера, а затем, веком позже, их дело продолжили красильщики из мастерской Гобеленов. Серия посвящена подвигам Сципиона Африканского, но венчает ее полотно под названием «Битва при Заме», на котором особенно запоминаются слоны — первая и самая яркая ассоциация с именем карфагенского полководца.

Литературный образ Ганнибала оказался, если выразиться театральным языком, заперт в рамках единственного амплуа — амплуа эпического героя, трагически гибнущего в последнем акте. Смутной тенью он мелькает на страницах «Никомеда», принадлежащего перу Пьера Корнеля, зато в пьесе «Смерть Аннибала», написанной его братом Тома Корнелем и опубликованной в 1669 году, выведен в роли заглавного персонажа, но в том и другом случаях не меняет амплуа. Попытку вырваться из этого строго очерченного круга и показать внутренний трагизм судьбы Ганнибала предпринял полстолетия спустя Мариво, но, к сожалению, попытка не увенчалась успехом. Финальная сцена гибели героя при дворе Пруссия звучит слишком декларативно, чтобы быть убедительной. Увы, ни автор «Ложных признаний», ни другие писатели и драматурги не решились проникнуть в мир внутренних переживаний своего героя, например, выдумав хоть какую-нибудь любовную интригу. Единственная женщина, чей образ, правда, достойный всяческого восхищения, всплывает в памяти при упоминании имени Ганнибала, это дочь Карфагена Софонисба, за всю свою короткую, но яркую жизнь так ни разу и не встретившая знаменитого соотечественника. Но разве это дает нам право вслед за

Шатобрианом, назвавшем Ганнибала существом «холодным, жестоким и бессердечным» («Маршрут: Париж-Иерусалим», 1969, с. 1173), упрекать полководца в черствости и отсутствии человеческих слабостей? Что нам известно о его личной жизни? Все страсти и порывы, все замыслы и мечты Ганнибала сгнули вместе с рукописями Силена в Кале Акте.

Раз уж мы вспомнили Шатобриана, отметим, что именно автору «Маршрута» выпало на долю стать свидетелем резкого поворота в трактовке образа Ганнибала, произошедшего в европейском сознании на рубеже XVIII и XIX веков. Уже Монтескье в своих «Размышлениях о причинах величия и падения римлян», опубликованных в 1734 году, сопоставляя Рим и Карфаген, обнаружил некоторое сходство последнего с современной ему Англией — создательницей Британской империи. В «Опыте о революциях» (1791) Шатобриан развил это сравнение, проведя параллель между герцогом Мальборо и Ганнибалом. Эта точка зрения устояла даже на фоне революционных потрясений, обрушившихся на Францию, однако дни ее были сочтены. Кардинальный пересмотр роли и значения Ганнибала пришелся на наполеоновскую эпоху. Трудно сказать, служил ли образ великого пунийца вдохновляющим примером для Бонапарта, но эта идея нашла отражение в официальной портретистике того времени, в частности, в творчестве самого выдающегося из художников — Давида. Мы имеем в виду принадлежащий его кисти конный портрет Бонапарта, озаглавленный «Наполеон при переходе через Сен-Бернар», написанный в 1801 году. Для верности в левом углу композиции живописец под именем Бонапарта начертал имя Ганнибала (и Каролинга). Еще более поразительной выглядит суждение «папы» неоклассицизма Винченцо Монти, в своем «Прометее» (1797) назвавшего Наполеона

«вторым Ганнибалом и освободителем Италии». После этого уже не приходится удивляться, читая проникнутые восторженным энтузиазмом и искренней теплотой страницы, принадлежащие перу самого Бонапарта и написанные французским императором в изгнании, которое окончательно уравнило его судьбу с судьбой древнего карфагенянина: «Это был самый отважный человек и, возможно, самый непредсказуемый; человек изумительной дерзновенности и уверенности в себе; человек с поистине неохватным кругозором. В 26 лет он умел постичь вещи, другим казавшиеся непостижимыми; умел добиться того, что другим представлялось неосуществимым. Покинув родину, он ринулся в края, населенные чужими, враждебными народами, поставив перед собой цель покорить их всех; пересек Пиренеи и Альпы, считавшиеся непреодолимой преградой, и, потеряв половину армии, вышел в Италию, где его ждали только новые битвы; захватив в конце концов эту страну, он на протяжении 16 лет удерживал ее в своей власти, не раз подвергая смертельной опасности столь сильного врага, как Рим, и не выпустил своей добычи до тех самых пор, пока его противники не усвоили им же преподанных уроков и не перенесли место схватки на его родную землю» («Memorial de Sainte-Helene», Paris, Gallimard, Bibl. De la Pleiade, t. II, chap. XI, p. 338). В этих строках нашло выражение не только стремление пленника Хадсона Лоу подчеркнуть свое внутреннее родство с давно умершим невольным гостем царя Пруссия, но и его явное желание отдать великому предшественнику долг сыновней почтительности.

Лишь со второй половины XIX века Ганнибалом всерьез заинтересовались историки, эмоциям предпочитающие строгий научный подход. Значит ли это, что с тех самых пор образ древнего воина перестал будоражить воображение современников? Мальпарт в

своих «Проклятых тосканцах» («Ces sacres Toscans», 1957, pp. 117-122) рассказывает, что на заре XX века, когда он ребенком жил в Тоскане, в театре городка Прато шла на местном диалекте комедия, в которой одним из отрицательных персонажей выступал Ганнибал. Что ж, примем к сведению. Другой пример: в 30-е годы во Франции, когда с легкой руки Луи Рено и Андре Ситроена народ побогаче получил возможность обзаводиться все более усовершенствованными марками автомобилей, сплавляя за полцены устаревшие модели, попадавшие в руки донельзя довольных представителей среднего класса, известную популярность получила песенка, в которой был и такой куплет:

У папаши Ганнибала
Всякого старья немало.
За триста монет —
Любой кабриолет!

Сделаться банальной рифмой в немудреном стишке — неужели это и есть весь итог жизни героя?

Если б это было на самом деле так, ни этой книги, ни множества других читатель никогда бы не увидел. Взрыв интереса к древней истории, переживаемый современным нам обществом, для памяти Ганнибала играет исключительно благотворную роль, поскольку позволяет определить две-три черты его личности, свойственные только ему одному и выделяющие его среди прочих исторических лиц. Как война Карфагена против Рима стала первой в истории мировой войной, так и сам карфагенский полководец стал первой фигурой всемирного масштаба. Международное значение деятельности Ганнибала не сводимо к географической широте его предприятия, в последние

годы жизни захватившего в свою орбиту и Восток. Он не оставил ни «наследства», ни «наследников», но это не мешает нам утверждать, что исторически Ганнибал — фигура даже более значительная, чем Александр Македонский, поскольку именно ему удалось первому вырваться за рамки одного государства, одной национальной культуры. Больше, чем военные успехи, больше, чем стратегический гений полководца, вызывавший такое восхищение среди поколений и поколений потомков, нас поражает небывалая многогранность его личности, в которой нашли отражение едва ли не все особенности цивилизации античного Средиземноморья. Парадокс, но самый знаменитый сын Карфагена практически и не жил в Карфагене. Если не считать раннего детства, то приходится признать, что Ганнибал провел на родине всего несколько лет, из которых с полной уверенностью мы можем назвать лишь один год — тот самый, в течение которого он возглавлял карфагенское правительство в качестве суффета. В то же время он прекрасно знал нравы и обычаи иберов, близко общался с кельтами, наконец, испытал на себе сильнейшее влияние кампанского и самнитского жизненного уклада, равно как и культуры греческих городов Южной Италии и эллинистического Востока. Но весь богатейший опыт международного общения ни в малейшей степени не притупил в его душе чувства принадлежности к родной культуре, верности исконной религии и преданности интересам своей пунийской родины. Римской империи пришлось ждать еще много лет, прежде чем в ее истории появился Адриан, в личности которого гармонично соединились сыновняя любовь к отчизне и сознание собственной причастности к общечеловеческой цивилизации.

Основные даты жизни Ганнибала

247 год ^[144] — рождение Ганнибала. Гамилькар, его отец, отправляется в Сицилию, где в 244 году захватывает крепость Эрике (Эрик).

241 — первая война между Карфагеном и Римом завершается подписанием договора («мир Лутация»), Карфаген теряет Сицилию и вынужден уйти с Эолийских островов. Начинается война с наемниками, продлившаяся до 238–237 года, в результате которой Рим аннексирует Сардинию.

237 — отъезд Гамилькара в Испанию. Вместе с отцом едет и юный Ганнибал («клятва Ганнибала»). Гамилькар закладывает город Акра Левка (Аликанте?).

228 — зять Гамилькара Гасдрубал Красивый сменяет своего тестя во главе испанских владений и основывает новую столицу, по-латински именуемую Новым Карфагеном (Картахена). В 226 году он принимает римское посольство и заключает соглашение, по условиям которого карфагеняне обязуются не «пересекать с оружием в руках реку Ибер».

221 — после убийства Гасдрубала в Новом Карфагене его место главнокомандующего армией занимает Ганнибал.

219 — после восьмимесячной осады Ганнибал захватывает Сагунт. Осенью 219 года в Карфаген прибывает римское посольство с объявлением войны.

218 — весной Ганнибал покидает Новый Карфаген. В июне он переправляется через Эбро, в июле пересекает Пиренеи, в середине августа переправляется через Рону

в районе севернее Авиньона. Осенью через долину Мориенны переходит через Альпы.

В ноябре впервые встречается в бою близ Тицина с П. Корнелием Сципионом.

В конце декабря выигрывает битву при Требии.

217 — январь — апрель — Ганнибал зимует в Цизальпинской Галлии. К концу весны преодолевает Апеннины. При переходе через болота Арна слепнет на один глаз.

21 июня — битва при Тразименском озере. Гибель консула Г. Фламиния Непота.

Лето — осень — Ганнибал проводит летние месяцы в Пицене и доходит до Апулии. Назначенный диктатором Кв. Фабий Максим начинает проводить в жизнь тактику затягивания войны. Ганнибал зимует в Гереонии, в краю самнитов.

В Испании Публий и Гней Сципионы укрепляют свои позиции к северу от Эбро.

216 — в марте к исполнению консульских обязанностей приступают Л. Эмилий Павел и Г. Теренций Варрон. Летом Ганнибал вступает в Апулию.

2 августа — битва при Каннах. Потери римлян составляют от 50 до 70 тысяч воинов, в числе павших — консул Эмилий Павел. Ганнибал отказывается от мысли идти на Рим и занимает Южную Италию. В Бруттии он отправляет своего брата Магона, а сам вступает в Капую, где проводит зиму 216/15 года.

215 — Ганнибал заключает союзнический договор с Филиппом V Македонским. В Сиракузах, только что похоронивших старика-тирана Гиерона, намечается тенденция к союзу с Карфагеном, но антиримское восстание в Сидилии заканчивается провалом. Ганнибал располагается на зимние квартиры в Арпах (Апулия).

214 — консулами избираются Кв. Фабий Максим — в четвертый и М. Клавдий Марцелл — в третий раз. Проводится денежная реформа, завершившаяся

появлением динария. Рим ставит под ружье 18 легионов и осаждает Сиракузы.

Ганнибал зимует в Апулии, в городе Салапия.

213-212 — Марцелл захватывает Сиракузы, в обороне которых принимал участие Архимед. Ганнибал завладевает Тарентом, однако вынужденно оставляет в руках римлян цитадель.

211 — Ганнибал совершает рейд к стенам Рима, но Капуя все равно сдается римлянам. В Испании братья Сципионы, на протяжении 216-212 годов «отщипывавшие» у карфагенян все новые куски территории, ведут бои с тремя армиями — под руководством двух братьев Ганнибала и Гасдрубала, сына Гискона, — и гибнут на севере Андалусии.

210 — П. Корнелий Сципион после смерти отца и дяди назначен главнокомандующим испанской армией. Он захватывает Новый Карфаген.

209-208 — Сципион одерживает победу при Бекуле (Байлен). В Италии карфагеняне теряют Тарент. Летом в засаде гибнет Марцелл.

207 — из Испании движется с войском Гасдрубал, преодолевает Пиренеи и Альпы, но в битве при Метавре терпит поражение и гибнет.

206 — победой при Илипе, близ Севильи, Сципион окончательно ликвидирует карфагенское могущество в Испании.

205 — младший брат Ганнибала Магон во главе армии, набранной на Менорке (Балеарские острова), высаживается на лигурийском побережье, где остается на три года. В Бруттии, в прибрежном городе Кротоне, Ганнибал оставляет в храме Юноны Лацинии табличку с выгравированным на ней списком своих деяний.

204 — консул 205 года Сципион остается во главе армии, ведет ее в Африку, осаждает Утику и разбивает лагерь неподалеку от города, в Кастра Корнелии.

203 — в союзе с Масиниссой Сципион разбивает объединенную армию Гасдрубала, сына Гискона, и Сифакса — в битве на Великих равнинах в среднем течении Меджерды. Из Италии вызывают Ганнибала. Он высаживается близ Бизация и встает лагерем в Гадрумете (Сус).

202 — в конце лета или начале осени происходит решающая битва Сципиона с Ганнибалом при Заме (точнее, при Наррагаре).

201 — Карфаген заключает мир на кабальных условиях, отказываясь от боевого флота и всех территорий за пределами Африки, соглашаясь на римскую опеку и выплату огромной контрибуции с рассрочкой в 50 лет.

196 — Ганнибал правит Карфагеном в качестве суффета. Он начинает гонения на судейское сословие и призывает к ответу мошенников. Возможно, ему принадлежит инициатива возведения новых жилых кварталов, следы которых обнаружены в ходе современных археологических раскопок.

195 — опасаясь мести римлян, Ганнибал бежит из Карфагена. Сделав остановку в Тире, он пробирается в Эфес, к Антиоху III.

193 — Ганнибал отправляет в Карфаген гонца с тайным поручением, но эта затея не приносит успеха. Сципион отбывает в Рим, где участвует в разрешении споров между Карфагеном и Масиниссой.

192-191 — Ганнибал сопровождает Антиоха в греческом походе, но не принимает участия в битве при Фермопилах весной 191 года, завершившейся поражением последнего.

190 — Ганнибал руководит морским сражением с родосским флотом в Памфильском заливе, на широте Сиды, но не участвует в битве при Магнесии Сипилской, разыгравшейся зимой 190/89 года и положившей конец

военному могуществу Антиоха, а его вынудившей искать себе новое пристанище.

189-188/187 — следы Ганнибала отмечены на Крите, затем в Армении, где он руководит возведением города Артаксаты, построенного в верхнем течении Аракса.

187-183 — Ганнибал находит приют у царя Вифинии Прусия и командует его флотом в сражениях с Евменом Пергамским в Мраморном море, строит для царя новую столицу Пруссу (Брусса). В 183 году в результате предательства Прусия, задумавшего выдать своего гостя Фламинину, Ганнибал умирает, приняв яд.

Краткая библиография

Brizzi G. Annibale. Stategia e immagine. — Perouse, 1984.

Burian J. Hannibal. — Praha, 1967.

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. — М., 1998.

Бобровникова Т. А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. — М., 2001.

Кораблев М. И. Ганнибал. — 2-е. изд. — М., 1981.

Моммзен Т. История Рима. Т.1 — М., 1936.

Трухина Н. Н. Политика и политики «Золотого века» Римской республики. — М., 1981.

Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. — М.; Л., 1963.

Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. — М., 1976.

Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. — М., 1986.

notes

Примечания

1

Тураев Б. А. Карфаген // Энциклопедический словарь
Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIVа. СПб., 1895. С.
652.

Napoleon. Correspondence, P., 1869, vol. 31, p. 418.

Трухина Н. Н. Политика и политики «Золотого века» Римской республики. М., 1986.

Кораблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976.

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. М., 1998.

6

Характеристика Полибия появляется, да и то не полностью, в самом конце, где она теряется среди совершенно баснословных поздних рассказов о великом полководце.

Кораблев И. Ш. Ганнибал. С. 354.

8

Взвесь прах Ганнибала: сколько фунтов в величайшем полководце?

9

Все даты, кроме специально оговоренных, — до нашей эры.

О Первой Пунической войне см. предисловие.

11

Это говорит не сам Цицерон, а один из его собеседников, которого оратор рисует простодушным и религиозным человеком.

12

Согласно Полибию, деньги на постройку нового флота дали римские сенаторы, а отнюдь не кампанцы.

Битва при Эгатских островах была генеральным сражением, которое решило исход Сицилийской войны. События развертывались несколько иначе, чем передает автор. Ни Гамилькар, ни римляне не могли нанести поражение врагу на суше, а потому римляне решили перенести войну на море. Лутаций Катул овладел гаванью Дрепан и якорной стоянкой Лилибея и стал осаждать Дрепан. Узнав, что римляне вновь построили флот, пунийцы срочно снарядили корабли. Они везли припасы, надеясь тайно от римлян доставить все необходимое осажденному городу, а потом соединиться с войском Гамилькара. Но консул узнал их планы. Поэтому, несмотря на крайне неблагоприятный ветер, он решил срочно дать битву, пока карфагеняне еще не соединились со своими. Ганнон был разбит наголову, и Барка капитулировал (Polyb., I, 59–62).

14

Слишком быстрое разочарование в успехе.

Теофорные имена — буквально «богоносные», то есть такие, где присутствует имя какого-нибудь божества, например Аполлоний, Артемисия и т. д.

16

Cognomina и agnomina — у римлян прозвища, передававшиеся по наследству и до некоторой степени игравшие роль нашей фамилии. Например, Сципион, Посох (прозвище в роде Корнелиев), Пульхр, Прекрасный (прозвище в роду Клавдиев) и т. д.

Военачальников Александра называли диодохами, их потомков — эпигонами.

18

Прозвище, полученное за доблесть.

19

От финикийского «судья»; высшее должностное лицо в Карфагене.

Магон Великий — карфагенский полководец и автор сочинения о сельском хозяйстве (ок. 530 г. до н. э.).

21

Еще юноша.

На священнодействиях в честь богини плодородия знатные финикийские женщины отдавались иноземцам. Карфагенянки отправлялись, чтобы заниматься подобной священной проституцией, в храм Астарты (Венеры) Эрицинской. Плата за их позор шла в храмовую сокровищницу. В Карфагене устраивались культовые сцены, изображавшие смерть бога, которого греки называли Адонисом, его воскресение и соединение с богиней. Они, по свидетельству Августина, отличались такой откровенностью, что в его время римские матроны в смущении отводили глаза. Это очень древний обычай, и нет никакого основания сомневаться, что он существовал в описываемое время (Aug. С. D., II, 26, 2; Val. Max., II, 6, 15; *Циркин Ю. Б.* Карфаген и его культура. М., 1986. С. 156-157; *Масперо Г.* Древняя история народов Востока. М., 1911. С. 341-342).

«Пунийская верность» — ироническое выражение, бытовавшее в Древнем мире и означающее вопиющее вероломство. Ибо соседи пунийцев, греки и римляне, считали их клятвопреступниками.

Тюхе — то же, что римская Фортуна, богиня судьбы.

Полибий пишет: «В заключение войско в триумфальном шествии через город подвергло Матоса и его сообщников всевозможным истязаниям. Почти три года и четыре месяца вели войну наемники с карфагенянами, из всех известных нам в истории войн самую жестокую и исполненную злодеяний» (Polyb., 1, 88, 6–8). Флобер на основании этих слов создает ужасную картину последнего пути Матоса.

Молодежь (*греч.*).

Юноши (*лат.*).

В Карфагене ежегодно сжигали живым одного человека в жертву богу; убивали в его честь военнопленных. Кроме того, каждая семья должна была отдать богу первенца, младенца мужского пола. Их сжигали в полый медной статуе Баала, стоявшей на главной площади. В дни общественных бедствий сжигали разом сотню детей. Этот обычай уже был забыт в метрополии Карфагена Тире, но пунийцы за него твердо держались. Римлянам этот обряд казался преступлением и, когда территория Карфагена стала римской провинцией, он был запрещен. Тем не менее пунийцы до самого конца Империи продолжали тайно сжигать детей.

Один свидетель — не свидетель *(лат.)*.

30

Знаменитый стратег Ахейского союза.

Речь идет о Третьей Македонской войне (171-168 гг. до н. э.). Ее начал Персей, сын Филиппа, действующего в дальнейшем на страницах этой книги. В 168 г. Персей был разбит консулом Эмилием Павлом при Пидне. Македония по условию договора не теряла самостоятельность, но разделялась на четыре независимые республики, поставленные под внешнеполитический контроль Рима. Ахейский союз, который, по мнению римлян, вел себя двусмысленно, должен был отослать в Италию тысячу влиятельных граждан.

Историки освещают события избирательно, драматизируют их и стремятся произвести впечатление (англ.).

Полибий считал, что Римская республика является равномерным смешением трех элементов — аристократического, представленного сенатом, монархического, выраженного властью двух ежегодно переизбираемых консулов; и демократического, олицетворенного народным собранием. «Причем все распределено было между отдельными властями и при помощи них устроено столь равномерно и правильно, что никто даже из местных жителей не мог бы решить, назвать ли аристократией все управление в совокупности, или демократией, или монархией» (Polyb., VI, 11, 11).

Дух великого мужа угнетает утрата Сицилии и Сардинии (лат.).

Во времена Полибия коррупция в Карфагене не считалась чем-то предосудительным. «Для карфагенян нет постыдной прибыли... У карфагенян для получения должности люди открыто дают взятки, у римлян это самое наказуется смертью» (VI, 56, 2-3). О роли в этом Гасдрубала историк не упоминает.

По-видимому, ошибка автора. Полибий был в Испании два раза. Первый раз, когда он собирал материал для истории Второй Пунической войны. Это было, вероятно, в 151 г. до н. э., когда Сципион Эмилиан был военным трибуном в Испании. Второй раз он побывал в этой стране на закате своих дней в 133 г. до н. э. Плодом этой поездки была книга «Нумантинская война». Картахену историк осматривал именно в первый раз.

Взятие Нового Карфагена сейчас относят к 209 г. до н. э.

Patres Romani — отцы — официальное название римских сенаторов.

Гасдрубал, как передают все наши источники, был убит в собственном дворце. У Ливия: «Кто-то из варваров, озлобленный казнью своего господина, убил Гасдрубала на глазах у всех, а затем дал схватить себя окружающим с таким радостным лицом, как будто избежал опасности; даже, когда на пытке разрывали его тело, радость превозмогла в нем боль и он сохранял такое выражение лица, как будто он смеется» (XXI, 2).

Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение трех лет служил под началом Гасдрубала.

41

Бесчеловечная жестокость.

Более чем пунийское вероломство.

Характеристика Ганнибала, принадлежащая перу Полибия, великого ученого, лично беседовавшего с боевыми соратниками карфагенского полководца, действительно намного интереснее Ливиевой. К сожалению, автор ее не приводит. Читатель может ознакомиться с ней в предисловии.

44

Повод к войне (лат.).

45

То есть Сципиона, победителя Ганнибала.

У Полибия здесь речь идет не об истинных причинах событий, которые он считал необходимым выяснить для историка. Он говорит о том, что настоящий политик всегда должен постараться найти законный повод для войны, достаточно убедительный и для его народа, и для мировой дипломатии. Никакого отношения к подлинным мотивам его действий это не имеет. Мы и до сих пор можем наблюдать, что, как бы грубо и бесцеремонно ни вели себя те или иные сильные державы, они никогда не забывают выставить законный повод к войне. Ганнибал же в своем раздражении забыл эту заповедь.

Принцепс сената — первый в списке сенаторов. Звание это было почетно, ибо носивший его считался достойнейшим из сенаторов, но реальной власти не давало.

Полибий с полной убедительностью показал, что никакого обсуждения не было — в создавшейся ситуации оно было бессмысленным. Очевидно, все посольство и красивые речи вставлены Ливием, чтобы драматизировать рассказ.

49

Никакой веры (лат.).

50

Римской норме (лат.).

Латинского права.

В различии войск карфагенского и римского Полибий видит едва ли не главную причину конечной победы римлян. «Карфагеняне пользуются иноземными наемными войсками, а римляне собственными, состоящими из граждан... Государство карфагенян каждый раз возлагало надежды свои на сохранение свободы, на мужество наемников, а римское — на доблести собственных граждан и на помощь союзников... Отстаивая родину и детей, римляне никогда не могут охладеть к борьбе и ведут войну с неослабным рвением до конца, пока не одолевают врага» (VI, 52, 2-8).

Как говорит Катон, это был слон с одним бивнем. Поэтому его имя Surrus, видимо, имеет другой смысл — по-латыни это слово значит «кол».

Уменьшительное от французского «traversee» — переход.

Этот знаменитый поединок изложен в книге, несколько неясно. В нем участвовали пленники, захваченные во время перехода через Альпы. Из них были специально отобраны самые молодые и выносливые для этого своеобразного спектакля. «К этому моменту Ганнибал подготовил их жестоким обращением: пленников держали в тяжелых оковах, мучили голодом, тела их были измождены ударами». Ганнибал велел вывести на середину лошадей, вынести великолепное оружие и плащи. «После этого Ганнибал спросил у юношей, кто из них желает вступить в единоборство друг с другом с тем, что победитель получит в награду выставленные предметы, а побежденный найдет в смерти избавление от удручающих его зол. В ответ на это все громко заявили, что желают идти на единоборство. Тогда Ганнибал приказал бросить жребий... Юноши подняли руки и молились, ибо каждый из них жаждал вытянуть жребий. Когда решение стало известно, вытянувшие жребий ликовали, а прочие печалились. По окончании поединка оставшиеся в живых пленники одинаково благословляли как победителя, так и павшего в бою, потому что и этот последний избавился от тяжких страданий, какие им самим предстояло терпеть еще. Подобные чувства разделяло большинство карфагенян: они раньше видели страдания уцелевших пленников, которых теперь уводили с собрания, и жалели их, а умершего все по сравнению с ними почитали счастливец» (Полибий, III, 62).

О том, что юный Сципион спас своего отца, рассказывает сам Полибий, непререкаемый авторитет для нашего автора. Нет никаких сколько-нибудь разумных соображений, позволивших бы отвергнуть это свидетельство.

Новые консулы должны были вступить в должность 15 марта.

Полибий резко осуждает Фламиния по следующим причинам: во-первых, именно его политике Рим был обязан ненавистью галлов, которые в роковой момент и переметнулись к Ганнибалу. Во-вторых, благодаря своему тщеславию и легкомыслию он погубил римскую армию у Тразименского озера.

Обсуждая этот «анекдот», нельзя забывать, что Полибий лично беседовал с людьми из армии Ганнибала.

Гетулы — африканский народ. Гетульский, перен., африканский.

«Пунийское вероломство», по словам античных авторов, заключалось в данном случае в том, что Магарбал дал римлянам честное слово, что отпустит их, если они сдадут оружие. Но, когда они исполнили это требование, Ганнибал отказался ратифицировать обещание своего начальника конницы.

Однако пока успеха не было. Полибий пишет: «Невзирая на поражение римлян в двух битвах, до сих пор ни один из городов Италии не отложился от римлян и не перешел на сторону карфагенян; все они оставались верными данным обязательствам, хотя жестоко терпели от неприятеля» (Полибий, III, 90, 13 — осень 217 г.).

Форум — центральная площадь Рима, где проходили народные собрания. На форуме находились ростры — трибуна для оратора, украшенная носами неприятельских кораблей, и курия — здание, где обычно заседал сенат.

Латины не переходили к Ганнибалу. Речь идет о других италийских союзниках.

Обет этот 23 г. спустя выполнил Публий Сципион, победитель Ганнибала.

Речь идет о сожжении детей. Обряд этот назывался молк, отсюда Молох Библии. Место сожжения именовалось тофетом. Сейчас раскопано много тофетов.

Массик — холм в Кампании, славный своим виноградом.

Согласно Ливию и Плутарху, дело обстояло несколько иначе. Ганнибал едва не попал в ловушку, ибо проводник, не поняв его пунийского произношения, вывел его не к Касину, как он приказал, а к Казилину. За это Ганнибал распял его на кресте. Пунийцы оказались запертыми — единственный выход блокировали римляне. Но Ганнибал и тут не растерялся. Ночью он пустил на римлян стадо быков с хворостом на рогах. Животные, начав гореть заживо, обезумели и понеслись вперед. Думая, что на них несется огромное войско, сторожащие проходы римляне отступили (Ливий, XXII, 13-16; Плутарх, «Фабий», 6-7).

Более вероятно, что Ганнибал втянул Минуция в битву, а потом отступил, чтобы внушить ему, что он одержал победу.

Это был беспрецедентный в истории Рима случай — ни до, ни после такого не было.

Легковооруженный воин в Древнем Риме.

Энний был современником событий. Ему было 22 года, когда Фабий стал диктатором. Он служил в римской армии. Поэтому можно сказать, что прозвище Кунктатор дано Фабию современниками и, во всяком случае, в устах некоторых из них оно звучало почетно.

Очевидно, город не был разрушен полностью и теперь обращен в карфагенский форпост.

Он был под судом после своего первого консулата, считал себя навеки опозоренным ложным обвинением, избегал общественной жизни и, как говорят античные авторы, согласился стать консулом только по требованию сената, хотя и был уверен, что это навлечет на него новые беды.

Империй — власть для ведения военных действий, которую имел римский консул.

Консулы придерживались противоположных взглядов: Варрон был сторонником решительных действий, Эмилий — последователем Фабия. Его и выдвинули в консулы в противовес безрассудному коллеге. Согласно Плутарху, именно Варрон добился от народа решения, чтобы они командовали попеременно — каждый по дню («Фабий», 15).

Населенный пункт в Египте, западнее Александрии. В 1942 г. в районе Эль-Аламейна 8-я английская армия генерала Б. Монтгомери нанесла поражение итало-немецким войскам, переломив ход Северо-Африканской кампании.

После Канн Ганнибал ждал из Рима послов с просьбой о мире. Когда они не явились, он сам отправил гонцов с какими-то предложениями, но их даже не выслушали. По словам Полибия, это было тяжелейшим ударом для карфагенского полководца, считавшего, что после Канн война окончена (VI, 58, 7-13).

О том, что Ганнибал питался человеческим мясом, в Италии ходили упорные слухи. Даже Полибий не мог об этом умолчать. Он пишет, что пунийский вождь хотел приучиться на всякий случай есть человечину, ибо это могло ему пригодиться в трудном походе. Скорее всего, речь шла о каком-то религиозном обряде и торжественной клятве, скрепленной по карфагенскому или иберийскому обычаю вкушением человеческой крови и плоти. Полибий, по своему обыкновению, дает этому рационалистическое толкование.

Он был сыном римлянки, а потому ненавидел Ганнибала.

Этот маленький городок, согласно Ливию, взяли измором. В конце концов жители открыли ворота, но город все равно разграбили и сожгли. Аппиан же пишет: «Заключив договор... с Нуцерией и поклявшись отпустить жителей с двумя одеждами, они (карфагеняне. — Т. Б.) заперли сенаторов в баню и подожгли ее, а уходящий народ закололи копьями» (App. Lib., 63; Liv., XXIII, 15). То же у Диодора (Fr., 30).

Казилин — маленький городок с небольшим гарнизоном. Ганнибал осадил его. Предложение о мире они даже не стали слушать. Взять город Ганнибал оказался не в силах и ушел на зимние квартиры в Капую. Тем временем блокада города продолжалась. В Казилине свирепствовал голод, римляне пытались посылать им зерно по реке, но пунийцы его перехватывали. В конце концов жители открыли ворота и все покинули город (Liv., XXIII, 17).

Жители Ацерр, быть может, напуганные судьбой других итальянских городов, категорически отказались от переговоров, а ночью бежали.

Осада Петелии знаменита в античности. Город взяли измором, как и Нуцерию. «Съеден был весь хлеб, все животные... под конец питались травой, кореньями, корой, листьями, ели кожу» (Liv., XXIII, 30). Держалась она 11 месяцев (Polyb., VII, 1, 2). Рассказывали, что последнюю крысу продали за мешочек денег. Купивший ее выжил, продавший умер. В живых, согласно Аппиану, осталось 800 человек (Напп., 29). Осада Ацерр, Петелии, Нуцерии и Казилина подтверждает мысль автора о том, что Ганнибал не умел брать города.

Договор между Филиппом и Ганнибалом был прежде всего договором о взаимопомощи. Но македонский царь свои обязательства не выполнил, так как Рим поддержал враждебных ему этолян в Греции. Это и была Первая Македонская война, которая велась на территории Эллады (215-204 гг. до н. э.).

Фламин — жрец.

Бывший претор, назначенный по окончании своей претуры наместником в провинцию.

Повинность, налагаемая на богатых граждан Афин.
Чаще всего — снаряжение триер.

Отъезд Сципиона в Испанию датируют 210 г.

Существует рассказ о том, что голова его ночью излучала сияние (Liv., XXV, 39).

Их выбирало только народное собрание Рима.

Здесь у автора соединены два момента: первый — сведения, причем довольно скудные, имеющиеся в источниках и свидетельствующие о том, что еще до Испании Сципион совершил кое-что выдающееся. Они, безусловно, заслуживают доверия, так как иначе Публий не мог бы 24 лет отроду получить столь сложное и опасное назначение. Второй — так называемая «Сципионова легенда», то есть слухи о том, что Сципион имел божественные видения. Этому мнению придерживались все античные авторы до Полибия. Но Полибий, будучи скептиком и рационалистом, отверг эти слухи, которые в его глазах принижали образ Сципиона. По его мнению, видения были политическим трюком полководца. XIX век полностью принял точку зрения Полибия, в XX веке она была отвергнута большинством историков. См.: Sanctis G. *De. Storia dei Romani*, vol. 4, Torino, III (pars 2), 452; Hallward B. L. *Scipio and victory* (Cambridge Ancient History. VIII, 84); Scullard H. *Scipio Africanus: Soldier and Politician*. Bristol, 1970; Бобровникова Т. А. *Сципион Африканский*, М., 1998; *Религиозно-правовые аспекты «Сципионовой легенды»*, *Древнее право, Jus antiquum* (Древнее право). М., 1999, № 1(4).

Для занятия магистратур в Риме существовал определенный возрастной ценз. Про того, кто добился должности как только достиг положенного законом возраста, говорили, что он занял магистратуру suo anno, то есть в свой срок. Правда, первый известный нам закон такого рода был проведен в 180 г. до н. э., через 32 г. после описываемых событий.

Белая тога, которую надевал соискатель во время предвыборной борьбы.

После работ Скалларда принята другая хронология: 210 г. — отъезд Сципиона в Испанию, 209-й — взятие Нового Карфагена, 208-й — битва при Бекуле, 206-й — Илипа и отъезд в Рим.

Эта точка зрения вызывает сильные сомнения, так как совершенно непонятно, во-первых, как сенат мог заставить всю аристократию добровольно отказаться от поста главнокомандующего в Испании; во-вторых, сенат в дальнейшем резко враждебен к Сципиону. Аппиан объясняет это тем, что тот получил назначение вопреки воле отцов.

Полибий познакомился с Лелием после 168 г., но когда, точно неизвестно.

Это был искусственный канал, вырытый для удобства рыбаков. Он превращал озеро в лагуну.

Взятие Нового Карфагена, загадочная и блестящая операция, уже более двух тысяч лет волнующая историков, изложена несколько наивно. Этот город считался ключом от всей Иберии, так как не только был «крепостью-сейфом», где хранилось все золото и собраны были все испанские заложники, но и господствовал над местностью. Сам автор считает этот пункт настолько важным, что, по его словам, взятие Нового Карфагена предопределило исход всей Пунической войны. Между тем он охранялся маленьким гарнизоном, а ближайшее пунийское войско было от него в десяти днях пути. Причина этого странного явления заключалась в том, что город был практически неприступным. Его нельзя было взять ни со стороны моря, ни с суши — с севера же его защищала лагуна. Между тем Сципион взял эту крепость за один день. Каким образом? По словам автора, лагуна была мелка, проходима вброд, к тому же по вечерам она регулярно мелела. Но, если это явление повторялось ежедневно вечером, как могли осажденные оставить эту часть города без охраны — ведь римляне не нашли там защитников? Казалось бы, граждане должны были неусыпно стеречь эту часть стены, когда лагуна мелела. Видимо, карфагеняне считали воды лагуны естественным и самым надежным прикрытием. Далее. И горожане, и римляне, которые жили в городе до самой зимы, не сомневались, что были свидетелями чуда. Но это невозможно, если лагуна мелела каждый вечер. Наконец, непонятно, почему Сципион начал атаку с раннего утра, зная, что лагуна мелет вечером? Можно было отвлекать врага несколько часов, но не целый же

день, да еще так настойчиво и энергично (подробнее об этом см. в моей книге).

Андобала — это тот самый испанский царек, который немного ранее фигурировал как Индибилис (первая транскрипция греческая, вторая — латинская). Это был верный друг карфагенян, который помог им уничтожить Сципионов. Но после этого он был грубо оскорблен пунийцами, у него отобрали жену и детей, которых держали в качестве заложников в Новом Карфагене, и он вынужден был перейти к Сципиону.

101

Гасдрубал расположился лагерем на труднодоступной скале.

Цель римлян была помешать соединению обоих сыновей Барки. Поэтому Ливий должен был удерживать Гасдрубала на севере, а Нерон — Ганнибала на юге.

По словам Ливия, Гасдрубал, поняв, что к войску Салинатора присоединилась армия коллеги, решил, что брат его убит, а его войско уничтожено. Поэтому им овладел ужас.

Это тот же царь, который фигурировал ранее как Андобала.

Меды — близкий к фракийцам народ.

Рациональное толкование мифов. Получило название от Евгемера Безбожника, считавшего религию изобретением мудрых законодателей, а богов — обожествленными после смерти правителями.

Напротив, перенос войны в Африку был идеей Сципиона, которую сенат не поддержал. Это будет ясно из дальнейших событий.

Гасдрубал был в то время назначен главнокомандующим в Африке. Узнав о том, что Сципион хочет склонить на свою сторону Сифакса, он сам отправился к царю во главе флота. В море он встретил Сципиона, имевшего всего два корабля. Гасдрубал устремился против римского военачальника, но Сципион на своем легком корабле успел первым проскользнуть в гавань Сифакса. Напасть на его гостя Гасдрубал не посмел.

Античные авторы единодушно утверждают, что именно этот брак явился причиной расторжения Сифаксом союза с Римом.

Они дали ему также денег на оплату гребцам. Но, несмотря на эту «неслыханную» щедрость, которую, кстати, проявили только этрусские города, Сципион имел всего три тысячи щитов и шлемов на всю армию.

Источники сообщают цифры от 15 до 35 тысяч. Вероятно, у него было все же меньше 35 тысяч, ибо сенат всячески стремился помешать экспедиции.

Он в то время был изгнан из своего царства Сифаксом и не мог привести Сципиону значительного подкрепления.

Армии Сифакса и Гасдрубала в совокупности насчитывали 90 тысяч человек.

Накануне Сципион резко разорвал переговоры и объявил, что считает себя в состоянии войны с карфагенянами. По словам Полибия, Сифакс и Гасдрубал были очень огорчены этим, но так и не решились что-нибудь предпринять первыми, главным образом потому, что Гасдрубал боялся Сципиона, с которым неоднократно встречался в Испании.

Пунийцы отступили к царству Сифакса, видимо, чтобы заманить Сципиона в глубь страны.

116

Любовь к пленнице пленила победителя.

Сципион велел снять оковы с пленного царя и обращался с ним как с гостем.

Кахина — жрица и предводительница племенного союза берберов в VII в. н. э. Возглавляла борьбу против арабов.

Сципион к тому времени захватил город Тунет и держал теперь в блокаде Карфаген.

Объяснение мотивов поведения Сципиона в данном случае не выглядит убедительным. Очевидно, он руководствовался теми же соображениями, как и после Замы. Сципион, в отличие от Ганнибала, умел брать города. После падения Тунета и Цирты Карфаген был беспомощным. Неверно также и то, что в Третью Пуническую войну лучшие римские военачальники три года штурмовали Карфаген. Два первых года его не штурмовали, а с ним воевали совершенно бездарные полководцы (Цензорин, Манилий, Пизон). Штурм начался только, когда приехал Эмилиан, который взял город за 8–9 месяцев, то есть быстрее, чем Ганнибал взял Нуцерию. Кроме того, город был тогда в лучшем положении.

Солдаты-италийцы отказались покинуть родину. Ганнибал приглашал их к себе небольшими группами, будто бы для того, чтобы наградить, и их убивали (Liv., XXX, 20; App. Hannib., 59-69).

Сущность маневров Сципиона и Ганнибала разобрана Скаллардом. Римский военачальник отпустил Масиниссу со всей конницей после заключения мира и теперь, когда мир был нарушен, находился в очень опасном положении. Не получая вестей от нумидийца, он двинулся в степи на соединение с ним. Ганнибал пошел за ним, чтобы помешать этому соединению. До сих пор все понятно. Загадочным остается другое. По каким причинам пуниец отказался от своего первоначального плана и, нагнав Сципиона, попросил у него о личном свидании до его соединения с Масиниссой, несмотря на то что у него была армия, превышавшая римскую чуть ли не в полтора раза, а у Сципиона еще не было конницы.

123

Речная долина (араб.).

Согласно Полибию, Ганнибал вовсе не «давил» на Сципиона, напротив, взывал к его милосердию.

Сенат встретил мир Сципиона без всякого восторга. Очень многие настаивали на том, чтобы ненавистный город, теперь совершенно беззащитный, был стерт с лица земли. Но благодаря исключительному влиянию Сципиона на народное собрание мир был после долгих споров ратифицирован.

126

Карфаген был разрушен в 146 г. до н. э. Сципионом Эмилианом, приемным внуком победителя при Заме.

Очевидно, договор касался военных, а не торговых судов.

Консулы распределяли провинции жребием. В редких случаях они могли договориться друг с другом, как, например, в 205 г., когда Красс уступил Сципиону Африку без жребия. Заставить консула отказаться от провинции сенат не мог. Поэтому Ливий в данном случае совершенно прав.

Вначале народ отказался от войны. Тогда консул напомнил им недавние события: точно так же римляне не хотели воевать с Ганнибалом, пока он находился в Испании. Филипп, союзник Ганнибала, может последовать по его стопам, а между тем римляне оттолкнут своих естественных союзников — греков.

Статуса союзников они лишены официально не были. Это видно из того, что в 195 г. они участвовали в общеэллинском совещании о действиях против Набиса вместе с римлянами и ахейцами. Но после мира с Филиппом их отношения с Титом Фламинином резко обострились.

У нас нет никаких данных, позволяющих отвергнуть античную традицию. Рассказ о встрече Ганнибала со Сципионом восходит к Ацилию, сенатору и политику, уже тогда начинавшему свою карьеру. Античные авторы запомнили, что встреча эта действительно состоялась при дворе у Антиоха, но никак не могли понять, как это реально могло произойти — имя Сципиона не значилось в составе римского посольства. Как раз Олло на основании эпиграфических данных и одного места из Диона Кассия установил, что Сципион побывал в Малой Азии после своего консулата. Выводы его развил Скаллард. Это произошло после визита Сципиона в Африку.

Набис — тиран Спарты. В 195 г. он был разбит Титом Фламинином и заключил союз с Римом, но нарушил его. Обстоятельства его гибели переданы не совсем точно. Набиса убили, причем убили из-за денег его же союзники, этолийцы. Но этим воспользовались давние враги Спарты ахейцы, которые захватили Спарту и присоединили к своей конфедерации.

133

Металлические бляхи, украшавшие сбрую лошади.

Антиох сделал это, думая снискать расположение македонцев, но Филипп принял его поступок за утонченное издевательство и пришел в ярость.

135

Северная часть Мидии.

136

Пока тирану Вифинии угодно бдить.

Процесс Сципионов изложен автором неточно. Подробности см.: *Бобровникова Т. А.* Сципион Африканский. С. 303-311; 359-363.

Эннию принадлежит совсем другая эпитафия. Где похоронен Сципион, неизвестно. Скорее всего в Литерне на берегу моря, как сообщает Плиний.

Персонаж комедии Мольера «Ученые женщины», олицетворяющий житейскую мудрость и здравый смысл.

Реконструкция римского легиона принадлежит Сципиону, см. предисловие.

Этот поступок, с точки зрения античных авторов, никак не может служить примером вероломства: дело в том, что Сципион заранее предупредил вражеских вождей, что находится в состоянии войны с ними.

То есть об Августине Блаженном, который был родом из Африки.

143

В дореволюционной Франции королевский чиновник, выполнявший административные и судебные функции.

Все даты — до нашей эры.